

МЫ ИЗ КРОНШТАДТА

**МЫ
ИЗ КРОНШТАДТА**

**СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ
И ОЧЕРКОВ О КРОНШТАДТЕ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Петров

МЫ ИЗ КРОНШТАДТА

ЛЕНИЗДАТ · 1975

Роль Кронштадта в битве за Ленинград во время Великой Отечественной войны, в разгроме врага на подступах к городу Ленина исключительно велика.

С осени 1941 г. и до лета 1944 г. Кронштадт был главной базой Краснознаменного Балтийского флота. Его могучая артиллерия сокрушала оборону врага, уничтожала и подавляла орудия гитлеровцев, обстреливавшие Ленинград. Отсюда, из Кронштадта, уходили в походы боевые корабли, прорывались сквозь минные поля на просторы Балтики подводные лодки, отсюда шли в бой отважные катерники и уходили на фронт батальоны морских пехотинцев, поднимались и вели бой с врагом героические летчики Балтики.

Сборник «Мы из Кронштадта» — еще одна страница летописи незабываемого подвига советского народа в годы Великой Отечественной войны. В него включены воспоминания ветеранов-балтийцев и трудящихся Кронштадта, очерки писателей и журналистов, рассказывающие о героических делах кронштадтцев. Сборник иллюстрирован фотографиями Н. П. Янова.

Большую помощь составителям в сборе материалов для сборника оказали адмирал запаса Л. А. Владимирский, генерал-лейтенант авиации запаса И. Г. Романенко, подполковник в отставке С. М. Федоренко, старший хранитель Центрального Военно-морского музея М. М. Фарафонов, капитан 1-го ранга А. А. Хижий, секретарь Кронштадтского РК КПСС Н. М. Иванова, бывший секретарь парткома кронштадтского Судоремонтного завода Ю. О. Коваленко, работник редакции газеты «Советский моряк» Н. М. Нетребко и сотрудник филиала Центрального Военно-морского музея в Кронштадте Л. И. Токарева.

Составители: С. А. Зонин, М. Е. Белов, М. Е. Поляков

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди литературы, посвященной самоотверженному служению Родине, мужеству наших воинов и их героическим делам в годы Великой Отечественной войны, особое внимание читателей привлекают книги мемуарные, воспоминания самих участников незабываемых событий, рассказы тех, кто помнит войну.

Сборник «Мы из Кронштадта» написан бывалыми людьми. Его авторы — моряки-балтийцы, труженики города-крепости, защищавшие форпост Ленинграда — Кронштадт. В книге есть и воспоминания, очерки писателей и журналистов, чья жизнь и деятельность также были неразрывно связаны с Балтийским флотом и Кронштадтом.

Сборник назван «Мы из Кронштадта», как и историко-революционный фильм, поставленный сорок лет назад по сценарию Всеволода Вишневского. Этот замечательный фильм прошел в предвоенные годы триумфальным маршем чуть ли не по всем экранам мира. С тех пор название выдающегося произведения советского киноискусства превратилось в крылатую фразу. И балтийские моряки, прибывающие на сухопутные участки фронта под Ленинградом, с гордостью говорили:

— Мы из Кронштадта!

Слова эти в то время звучали как клятва, смысл которой таков: кронштадтцы, верные революционным традициям своих отцов, будут стоять насмерть, кронштадтцы не отступают!

Два с половиной года фашистская авиация и тяжелая артиллерия пытались заставить замолчать форты, уничтожить боевые корабли, стоявшие в гаванях Кронштадта. Но врагу это не удалось. Кронштадт наносил по гитлеровцам сокрушительные удары огнем и сталью, причиняя противнику огромный урон. От меткой стрель-

бы артиллерии крепости и кораблей взлетали на воздух железобетонные укрепления, блиндажи, танковые колонны, скопления живой силы гитлеровцев.

Все знают имя молодого поэта-балтийца Алексея Лебедева. Он ушел в ноябре 1941 г. в боевой поход на подводной лодке «Л-2» и не вернулся. Отправляясь в поход, Алексей писал: «Дорогая и милая моя мама! Когда ты получишь письмо, я буду далеко в море... Сейчас, в милую осеннюю пору, особенно чувствуешь, как хороша жизнь, как кратковременна она, как бессмысленно уничтожение на войне всего лучшего, что вырастило и сделало человечество, и вместе с тем выход только один: драться, драться и драться...»

Перелистывая страницы сборника «Мы из Кронштадта», вчитываясь в воспоминания балтийцев, читатель убедится в том, что защитники и Ленинграда, и Кронштадта в то время главную цель своей жизни, как и Алексей Лебедев, понимали только так: драться, драться и драться; только тремя вражескими жизнями за жизнь! Сотни фактов, приведенных и в этой книге, иллюстрируют горячий призыв поэта-балтийца. Во имя любви к жизни, с ненавистью к врагу уходили в бой моряки на просторы Балтики, под Гостилицы, к Пулковку...

900 дней битвы за Ленинград — это и 900 дней боевой страды Кронштадтской крепости. На ее долю выпало немало исключительно тяжелых дней. Содрогалась земля острова Котлин от взрывов вражеских снарядов и тысячекилограммовых бомб. Как и в Ленинграде, рушились дома, полыхали пожары. Во время одной из массированных бомбежек — 23 сентября 1941 г. — фашистской авиации удалось сильно повредить стоявший в гавани линейный корабль «Марат», взрывом бомбы ему оторвало носовую часть. Однако корабль остался в строю. Лишившись одной из башен главного калибра, линкор продолжал из остальных вести огонь по гитлеровским войскам.

Артиллерия кронштадтских кораблей и фортов стала «огневым щитом» Ленинграда. Здесь, в Кронштадте, формировались и бригады морской пехоты. Отсюда выходили в море наши корабли и подводные лодки.

Огромную роль сыграл Кронштадт в дни решающих боев под Ленинградом. В конце 1943 — начале 1944 г. моряки Кронштадта перебросили на Ораниенбаумский плацдарм войсковые соединения 2-й ударной армии, ко-

горая вскоре начала наступление на фашистские войска при поддержке флотской артиллерии. Огонь кораблей флота и фортов Кронштадтской крепости сокрушал вражескую долговременную оборону.

Население Кронштадта вместе с ленинградцами терпело голод, холод и огневые налеты. Но, несмотря на все трудности, кронштадтцы продолжали работать на заводах, в мастерских, в госпиталях, в порту. В очерке «Рабочие Кронштадта» Всеволод Вишневский так описывает работу Морского завода:

«Оборонительный пояс вокруг Ленинграда требовал все новых и новых сооружений. Завод изобрел новые конструкции...

Когда завод остался без тока, девушки руками крутили приводные ремни. Работа не останавливалась. Когда вновь давали ток, то все лампочки, включая директорскую, выключались. Ток — только станкам. Все фронту, все флоту!»

Гитлеровцы минировали кронштадтские рейды и фарватеры, связывающие Кронштадт с Ленинградом и западными островами — Сескар и Лавенсари.

Но наши тральщики вытралили и уничтожили за время войны тысячи вражеских мин. По разминированным фарватерам в конце мая — начале июня 1942 г. советские подводные лодки вышли в боевые походы. Они преодолели вражеские противолодочные рубежи в Финском заливе и прорвались в Балтийское море. Многие десятки фашистских судов, груженных боеприпасами, техникой, с войсками на борту, были уничтожены подводными лодками под командованием Е. Осипова, И. Травкина, С. Лисина, И. Вишневого, П. Грищенко и других отважных командиров.

Вся тяжесть ни на день не затихавшей борьбы за устойчивость наших морских сообщений в восточной части Финского залива легла в то суровое время на Охрану водного района (ОВР). Отважно дрались «малые охотники» с численно превосходящими силами противника, не допуская их к нашим фарватерам, несли круглосуточные дозоры, обеспечивая работу тральщиков, провожали и встречали подводные лодки, сопровождали боевые корабли и транспорты при переходе морем.

Велики заслуги Кронштадта — крепости и базы наших кораблей. Корабли и береговые части Балтфлота не только тесно взаимодействовали с войсковыми частями

ми и соединениями Ленинградского фронта, но, по существу, создали вместе с ними единый, неделимый боевой организм, каждый из элементов которого был связан между собой, дополнял, а если было нужно, то и заменял друг друга. Артиллерия кронштадтских фортов, кораблей, железнодорожных транспортеров и бронепоездов, флотская авиация, части морской пехоты — все эти силы флота выполняли задачи общего значения, стоявшие и перед Ленинградским фронтом, и перед оперативно ему подчиненным Балтийским флотом.

В январе 1943 г. вместе с войсками Ленинградского фронта Краснознаменный Балтийский флот участвовал в прорыве блокады Ленинграда. Через год наши войска во взаимодействии с флотом разгромили гитлеровцев под Ленинградом и погнали их на запад. И в общих рядах отважных бойцов вновь сражались моряки кораблей и артиллеристы крепости, летчики и морская пехота.

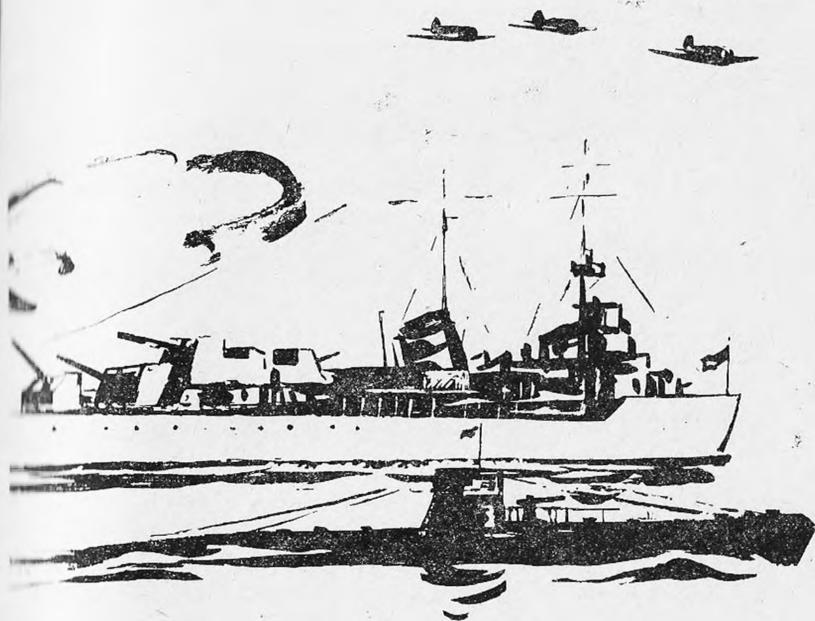
Из Смольного, ставшего в годы войны подлинным штабом и душой битвы за Ленинград, шли не только сугубо военные распоряжения и приказы. Смольный, где находился Военный совет фронта, партийное и советское руководство города и области, направлял в армии и во флоте партийно-политическую работу, поднимал как военных, так и гражданских тружеников на высокие патриотические дела.

Высокая боеспособность, массовый героизм кронштадтцев — это результат огромной воспитательной работы, которую непрерывно вели в частях и на кораблях партийные организации, командиры и политработники. Они воспитывали балтийцев в духе непоколебимой верности Родине, делу ленинской партии, в готовности отдать все силы разгрому врага.

Член Военного совета —
начальник Политического управления
Военно-Морского Флота адмирал *В. Гришанов*

Пройдет война,
Мы встретимся, быть может.
Как прежде, дым,
Синяя, будет плыть.
Поговорим о том, что всех дороже:
О Родине, о славе, о любви...

*Алексей Лебедев,
поэт-балтиец*

ФЛОТ

Планируя нападение на нашу Родину, гитлеровское военное командование рассчитывало, что войска группы армий «Север» в первый месяц войны захватят Ленинград и его морской форпост Кронштадт. Враг рассчитывал уничтожить наш флот на Балтике. Но планы гитлеровцев были сорваны героическим сопротивлением советских воинов на море, в небе и на земле.

В конце августа в Кронштадт из Таллина пришли основные силы Балтийского флота и стали на защиту Ленинграда.

Для огневого содействия Ленинградскому фронту корабли флота были разделены на три группы. Первая — отряд эсминцев, канонерских лодок и сторожевых кораблей — находилась на Неве между Ленинградом и Усть-Ижорой. Вторую группу составляли крейсера «Петропавловск» и «Максим Горький» и эсминцы, которые стояли в Ленинградском торговом порту и на западных подходах к нему. Линкоры «Марат», «Октябрьская революция», крейсер «Киров», эсминцы и канонерские лодки, входившие в состав третьей группы, были поставлены на огневые позиции в районе Ораниенбаума и Кронштадта. И вскоре на подступах к городу Ленина, на северном и южном берегах восточной части

Финского залива, враг испытал мощь ударов корабельной артиллерии — более 150 орудий калибром от 100 до 305 миллиметров били по фашистским захватчикам.

9 сентября 1941 г. гитлеровцы начали фронтальное наступление на Ленинград, пытаясь прорваться к городу через Гатчинский укрепленный район. Через четыре дня противник вышел к Урицку. 14 сентября советские войска при поддержке морской артиллерии нанесли гитлеровцам контрудар. Советские корабли в эти дни вели боевые действия в чрезвычайно сложной обстановке: Морской канал, Кронштадтский рейд и Ленинградский торговый порт находились под непрерывным обстрелом врага. Гитлеровская авиация непрерывно наносила массированные удары по нашим кораблям, стремясь вывести их из строя. Но орудия линкоров и крейсеров, эсминцев и канонерских лодок продолжали уничтожать рвавшихся к Ленинграду гитлеровцев. Только орудия линкора «Октябрьская революция» разгромили несколько мотомеханизированных колонн и крупнокалиберных батарей. Этот корабль выдержал 20 налетов фашистской авиации, во время которых враг сбросил более 300 бомб. Но линкоровцы отбили все атаки.

Успешно действовала артиллерия и других кораблей флота. В немалой степени благодаря меткому огню моряков-балтийцев гитлеровцы, понеся большие потери в живой силе и технике, вынуждены были отказаться от намерения взять Ленинград штурмом, не смогли захватить Ораниенбаумский плацдарм. А флот противника — его линкоры, крейсера и эсминцы — не осмелился войти в Финский залив, чтобы оказать поддержку своим сухопутным войскам: морские дороги в нем перекрыли поставленные балтийцами минные поля, наши подводные лодки и надводные корабли, авиация и торпедные катера.

Мужественно защищали небо Кронштадта и Ленинграда летчики-балтийцы. Только в июле—сентябре 1941 г. авиация флота совершила свыше 5 тысяч самолето-вылетов. С осени 1941 г.

она прикрывала Дорогу жизни на Ладожском озере.

Блокадной зимой 1941/42 г. моряки Краснознаменной Балтики в неимоверно трудных условиях отремонтировали и подготовили свои корабли к боевым походам. Но с приближением летней кампании военно-морские силы врага предприняли усилия, чтобы заблокировать наш флот в Кронштадте и Ленинграде, не допустить выхода советских подводных лодок в Балтийское море. В Финском заливе были поставлены тысячи мин, на гогландской и нарген-порккалауддской противолодочных позициях противник развернул систему дозоров из катеров и кораблей. Находились в готовности его авиация, корабли и береговая артиллерия. Преодолевая сопротивление врага, Краснознаменный Балтийский флот летом 1942 г. вел активные наступательные действия. Как только сошел лед, легкие силы флота надежно прикрыли наши коммуникации, начали активную борьбу за расширение операционной зоны флота.

Преодолевая огромные трудности, советские подводные лодки форсировали противолодочные рубежи в Финском заливе и топили корабли и суда врага на просторах Балтики, в том числе и у берегов фашистской Германии. Успешные действия экипажей подводных лодок И. М. Вишневого, П. Д. Грищенко, И. С. Кабо, И. В. Травкина, Я. П. Афанасьева и других командиров вынудили противника спешно увеличить свои противолодочные силы, перебросив их на Балтику с запада, ввести систему конвоев, использовать нейтральные воды Швеции для переходов своих судов. Вражеским перевозкам стратегического сырья, войск и военных грузов был нанесен серьезный ущерб.

Настал 1943 год. Дальнобойная артиллерия наших кораблей поддержала огнем войска Ленинградского фронта при прорыве блокады, а затем, когда враг решил артиллерийским огнем разрушить город Ленина и Кронштадт, вела интенсивную контрбатареиную борьбу. Наши самолеты, торпедные катера, охотники за подводными

лодками с началом летней кампании вели бои с противником, обеспечивая переходы кораблей советского флота между Кронштадтом и островами Сескар и Лавенсари. С осени 1943 г. тральщики начали прокладывать фарватеры через минные поля врага. Корабли гитлеровцев пытались воспрепятствовать травлению, но это им не удалось. И когда войска Ленинградского фронта во взаимодействии с Краснознаменным Балтийским флотом разгромили противника под Ленинградом, по очищенным от мин фарватерам пошли от Кронштадта на запад подводные лодки и корабли балтийцев. Настал день, когда самолеты летчиков-балтийцев поднялись в воздух и ушли на аэродромы Прибалтики, чтобы оттуда продолжать бить гитлеровцев. Флот вышел в Балтийское море...

Ю. В. ЛАДИНСКИЙ,

контр-адмирал.

Флагманский штурман штаба Восточной позиции НБФ в 1941 г. Начальник штаба и командир Охраны водного района НБФ в 1941—1943 гг.

ВОСТОЧНАЯ ПОЗИЦИЯ

Поздний вечер 28 июня 1941 года. В сумерках белой ночи рейсовый пароход из Ленинграда медленно подходит к острову Котлин. Немногие его пассажиры, главным образом моряки, уже стоят на верхней палубе.

Хорошо знакомые контуры Кронштадта вырисовываются все яснее. Вот и Ленинградская пристань.

Тщательная проверка документов. Все как обычно и в то же время не так. Кронштадт темный, настороженный, строгий и подтянутый, город-крепость, морской порт Ленинграда. Пуст его Большой рейд, в гаванях — мачты немногих кораблей.

Основные силы флота — на западе: в Таллине, в Рижском заливе, в Балтийском море. Там сейчас передний край морского фронта. Завтра неделя, как вступили в бой с фашизмом балтийские моряки.

Кронштадт тоже не глубокий тыл. Уже в первую военную ночь вражеские самолеты сбросили мины близ его выходного фарватера и выхода в открытую часть Ленинградского морского канала. Здесь на одной из них вскоре подорвался наш пароход «Рухну». На Красногорском рейде был обстрелян фашистским самолетом следовавший в Ленинград транспорт «Луга». Ежедневно над городом-крепостью летают воздушные разведчики противника. У побережья Выборгского залива противник также начал проявлять активность.

Быстрым шагом иду по безлюдным кронштадтским улицам. Затемнение, военные патрули, повторные проверки документов.

Вспоминаются предрассветные часы минувшего дня в Адмиралтействе, в огромном кабинете энергичного и деятельного начальника военно-морских учебных заведений контр-адмирала К. И. Самойлова. Когда он отсутствует, здесь находится пост дежурного по управлению вмузов.

Дежурный — я. Мелодичный звонок аппарата «ВЧ»: это Москва, Наркомат Военно-Морского Флота. Говорят из управления кадров:

— Народный комиссар Военно-Морского Флота приказал немедленно откомандировать капитана второго ранга Ю. В. Ладинского в Кронштадт, в распоряжение контр-адмирала Ю. Ф. Ралля. Кто принял телефонограмму?

— Капитан второго ранга Ладинский.

— Вот и отлично, значит, исполнение приказа можно считать начавшимся.

Сдав дежурство, закончив служебные дела и попрощавшись с семьей, вечером спешу к кронштадтскому пароходу на плавучую пристань 7-й линии Васильевского острова.

Сколько раз приходилось отпраиваться отсюда в Кронштадт! Но сегодня это не обычное отбытие к месту службы, это дорога на фронт, на корабли действующего Балтийского флота.

И вот я в Кронштадте, у здания, где раньше размещался штаб флота, а сейчас штаб Кронштадтской военно-морской базы.

Дежурный по штабу, прочитав мое командировочное предписание, говорит, что контр-адмирал Ю. Ф. Ралль держит свой флаг на бывшем учебном корабле «Ленинградсовет» у стенки Усть-Рогатки. Через несколько минут поднимаюсь на знакомую палубу. Прошло немногим более месяца с того времени, когда я был здесь, проверяя готовность штурманской части этого корабля к учебному плаванию с курсантами, и тогда же познакомился с его командиром.

Молодой симпатичный старший лейтенант Николай Николаевич Амелько произвел на меня хорошее впечатление. Серьезный и вдумчивый, он отчетливо представлял свою роль и задачи командира штурманского учеб-

ного корабля. Мы с ним детально обсудили маршрут предстоящего похода.

Плавание на Балтике, особенно в Финском заливе с его многочисленными островами и банками, всегда служило отличной практической школой для будущих командиров и штурманов. Именно здесь вырабатывались те штурманские качества, которые потом позволяли молодым выпускникам военно-морских училищ свободно ориентироваться в сложной навигационной обстановке, водить корабли в узкостях извилистыми фарватерами. Все это пригодилось во время войны, в условиях большой минной опасности.

Мне представился контр-адмиралу Юрию Федоровичу Раллю. Несмотря на поздний час, он, окруженный группой командиров, находился в салоне — заслушивал доклад флагманского инженер-механика Н. В. Строк-Стрелковского.

— Ну вот и наш флагманский штурман, — представил меня адмирал присутствовавшим. — Не будем терять времени, быстрее входите в курс всех ваших дел, пристайте в обстановку; начальник штаба ознакомит вас с нашими задачами.

Так началась моя боевая служба в штабе «Восточной позиции». Что это было за соединение? С какой целью оно создавалось?

Действия противника с территории Финляндии крайне осложнили обстановку на Балтике. Возникла непосредственная угроза с суши и моря не только Кронштадту и Ленинграду, но и нашим морским коммуникациям в Финском заливе. Пользуясь шхерными фарватерами, враг мог в любой момент сосредоточить необходимые силы для нанесения удара с северного направления во фланг и тыл Краснознаменного Балтийского флота.

В связи с этим Военный совет КБФ принял решение о создании оборонительного рубежа в восточной части Финского залива, в районах остров Гогланд—губа Кунда и маяк Шепелевский — мыс Сейвисто. Для оборудования его минными заграждениями и противолодочными сетями и было сформировано специальное соединение кораблей.

Так в конце июня 1941 года появился в Кронштадте штаб «Восточной позиции». Командовал этим соединением контр-адмирал Ю. Ф. Ралль, начальником штаба был назначен капитан 1-го ранга В. П. Александров,

начальником отдела политпропаганды и заместителем командира соединения по политической части — полковой комиссар И. Т. Зубенко. После введения института военных комиссаров военкомом «Восточной позиции» стал полковой комиссар Р. В. Радун.

Штаб укомплектовали командным составом из ленинградских военно-морских учебных заведений. Наряду с ветеранами первой мировой и гражданской войн (В. П. Александров, Л. А. Поленов) в штаб попали молодые командиры И. К. Чулков, Г. С. Гапковский, К. К. Козин, А. Ф. Гончаренко, Г. А. Харитонов и другие, имевшие лишь теоретическое представление о войне и штабной службе в военное время. Понятно, что штаб, говоря военным языком, был еще «не сколочен», но времени на его отработку не оставалось.

Тем не менее дело быстро шло на лад. Коллектив работников штаба оказался дружным и горячо преданным тому ответственному делу, ради которого все мы оказались на борту бывшего учебного корабля «Ленинградсовет».

В состав нашего соединения вошли эскадренный миноносец «Калинин», минный заградитель «Урал», сетевые заградители «Онега» и «Вятка», тихоходные тральщики «Менжинский» и «Дзержинский», гидрографическое судно «Норд», испытательное судно «Инженер», дивизион «малых охотников» и два дивизиона катерных тральщиков. «Ленинградсовет» служил нам штабным кораблем и плавбазой для катеров соединения. Кроме того, в минных постановках принимали участие новые эскадренные миноносцы, сторожевые корабли, базовые тральщики и силы Охраны водного района Кронштадтской военно-морской базы.

Для планирования предстоящих действий соединения и подготовки к ним мы собирались в помещении штаба базы, в конференц-зале. Там с раннего утра и до позднего вечера, а порой и ночью, командиры по оперативной части штаба «Восточной позиции» совместно с флагманскими специалистами наносили на карты, изучали и оценивали обстановку, производили необходимые расчеты, разрабатывали оперативно-боевые документы. Здесь же инструктировали командиров кораблей и катеров перед выходом в море.

Первый выход отряда кораблей «Восточной позиции» на постановку минного заграждения был назначен

В состав отряда вошли эсминцы «Калинин» (командир контр-адмирала Ю. Ф. Ралля) и «Стерегущий», а также головной тральщик «Бугель». В противолодочном охранении шло звено катеров-«малых охотников».

Мы вышли из Крошштадта около полуночи. Белая туманная ночь не способствовала скрытности движения. Однако все было спокойно. Далеко на горизонте маячили силуэты дозорных катеров. В небе тихо. На море ветерок. Все находящиеся на мостике «Калинина» внимательно следят за поверхностью воды и горизонтом. Ведь только вчера в восточной части Финского залива обнаружена вражескую подводную лодку. Известно, что в окрестностях находятся торпедные катера противника.

Отряд идет со скоростью шестнадцать узлов. На пароходе эсминцев два ряда черных шаров — это мины. На тральщике — минные защитники*. Быстро промелькнули знакомые очертания Красной Горки. Вот и траверс маяка Шепелевский. Прошли Сескарский плес, оставили справа острова Сескар, Пенисари. Идем к узкому проходу Хайлода.

В штурманскую рубку входит Ю. Ф. Ралль, интересуется нашими расчетами, сам что-то прикидывает циркулем на карте. Он, как всегда, спокоен, приветлив и безупречно вежлив.

Юрия Федоровича Ралля я знал давно, еще с курляндских лет, по Военно-морскому училищу имени М. В. Фрунзе, начальником которого он был. 2 октября 1927 г. Ю. Ф. Ралль поздравил нас с окончанием училища и производством в командиры Рабоче-Крестьянского Красного Флота. В дальнейшем мне пришлось вместе с ним участвовать в составлении первой советской лоции Северного моря. Чуткий и душевный, большой оптимист, хладнокровный и смелый в боевой обстановке — таков был наш флагман «Восточной позиции». И вот сегодня он вел нас в поход, который был для многих из нас первым босвым крещением.

Пройдя Нарвский залив, отряд повернул в исходную точку, и корабли перестроились для постановки мин.

— Начать постановку! — приказал контр-адмирал.

* Минные защитники — специальные подрывные устройства, которые предназначались для вывода из строя тралов и параванов кораблей противника.

И одна за другой мины и минные защитники пошли в воду Финского залива. Так первая после начала войны линия минного заграждения стала на подступах к Кронштадту и Ленинграду.

В последующие дни июля мы еще пять раз выходили на минные постановки в район Гогланда. Противник, видимо, засек наши действия: в один из походов отряд (эсминец «Калинин», минзаг «Урал» и два базовых тральщика) при подходе к месту постановки наткнулся на минную банку противника. Это случилось, когда корабли уже построились в строй уступа и легли на боевой курс. Вдруг с мостика «Калинина» заметили слева и справа по борту вражеские мины, стоявшие на небольшом углублении. Часть из них даже виднелась на поверхности воды.

Какое решение примет флагман? Ю. Ф. Ралль спокойно смотрел на мины, ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Флагштур! Сколько осталось до точки начала постановки? — спросил он меня.

— Еще две минуты.

— Передать на остальные корабли: форсируем минное заграждение противника, соблюдать осторожность, — отдал приказание контр-адмирал.

Никогда не забыть эти черные шары в воде, мимо которых медленно проходил наш эсминец... Но вот минная банка врага осталась за кормой, и наш отряд начал минную постановку. Еще одна линия мин и минных защитников появилась на нашем оборонительном рубеже.

— Семафор с «Урала», — докладывает сигнальщик.

— Прочтите, — передает мне бланк семафора контр-адмирал Ралль.

«Ставить мины, находясь на минном поле противника, считаю безумием. Командир минзага Карпов».

— Что же, по его мнению, следовало делать? — комментирует Ю. Ф. Ралль. — Отступать, не выполнив задания, маневрируя для отхода на том же вражеском минном поле? Нет, самое правильное было идти вперед и ставить мины в назначенном месте. Ведь мины противника просматривались простым глазом и уклониться от них не составляло большого труда. Конечно, пришлось понервничать, — говорит в заключение контр-адмирал.

Минзав

Штаб лин. Наше соединение и корабли Кронштадтской военно-морской базы уже поставили несколько тыловых и минных защитников. Создание оборонительных рубежей в восточной части Финского залива подошло к концу.

В конце июля, выполнив свою задачу, штаб «Восточный позиции» решением Военного совета КБФ был расформирован, а корабли, входившие в состав соединения, переданы Кронштадтской военно-морской базе. Нам, офицеров штаба, направили в Таллин, где формировалось новое соединение — Минная оборона Балтийского моря.

В начале августа противник возобновил наступление на суше. Командующий войсками Северного фронта, предвидя возможным прорыв вражеских кораблей в восточную часть Финского залива, потребовал от флота оборудовать гогландскую и тыловую позиции. Командование флота решило создать три оборонительных рубежа: передовой, главный и дополнительный.

Эту задачу возложили на Кронштадтскую военно-морскую базу. Начиная с 22 августа были поставлены две тысячи мин и минных защитников. Теперь минные заграждения надежно прикрывали приморский фланг флота, ближние подступы к Кронштадту и Ленинграду к морю и обеспечивали устойчивость базирования наших кораблей в восточной части Финского залива.

Постановки мин продолжались и после эвакуации Таллина. В них принимали участие минные заградители «Марти», «Урал» и базовые тральщики в охранении заграждений «малых охотников» за подводными лодками.

В конце сентября Военный совет КБФ принял решение заградить минами наш фарватер, находившийся под обстрелом батареи противника с северного берега Финского залива. Выполнение минной постановки было возложено на минзаг «Марти» (командир капитан 1-го ранга П. Н. Мещерский, военком батальонный комиссар А. А. Коваль), который сопровождали три базовых тральщика.

Минзаг перед этим получил серьезные повреждения от близкого разрыва авиабомбы. Его носовой отсек был затоплен, размагничивающее устройство вышло из строя.

Двое суток непрерывно работал экипаж корабля, устраняя повреждения. На третий день минный заградитель был готов к выполнению боевой задачи.

По обе стороны фарватера, который предстояло заградить, находились вражеские минные поля. Поэтому командир минзага решил сначала пройти этим фарватером на запад, а на обратном пути, возвращаясь на восток, поставить мины.

Из Кронштадта вышли под вечер. Погода благоприятствовала: облака сплошь обложили небо. В таких условиях фашистские самолеты, как правило, не летали.

Но противник все же обнаружил движение кораблей и открыл огонь. Вышедшая из-за туч луна ярко освещала наш отряд, облегчая стрельбу вражеской батареи. Залп за залпом падали снаряды вблизи кораблей, а на палубе минного заградителя стояли уже приготовленные к постановке мины. Для маневра уклонения от снарядов противника не было возможности: вокруг — банки и минные заграждения.

Капитан 1-го ранга Н. И. Мещерский, посоветовавшись с военкомом, принял новое решение: произвести постановку мин немедленно, идя с востока на запад. Но тем самым минный заградитель закрывал себе обратный путь. Требовались большое мужество и смелость, чтобы принять такое решение: теперь кораблю, чтобы вернуться в Кронштадт, нужно было пересечь вражеские минные поля.

Поставив под огнем противника мины, Н. И. Мещерский направил свой корабль через минное заграждение противника и, рискуя подорваться, форсировал его вслед за базовыми тральщиками. Почти сразу взорвалась мина в трале головного корабля. Несколько подсеченных мин проплыли около борта заградителя. Потом еще пять мин взорвались в тралах, и семь мин наблюдатели «Марти» насчитали вокруг своего корабля.

А тут еще из облаков вынырнул фашистский самолет и спикировал на «Марти».

— Огоны! — скомандовал старший лейтенант К. Л. Резниченко. Ударили залпы зенитных орудий. По приказанию Н. И. Мещерского корабль резко отвернул — бомбы упали в стороне, а подбитый самолет врезался в воду далеко за кормой минного заградителя.

В этом боевом походе образец четкости работы показал командир штурманской части «Марти» старший лейтенант К. М. Кононов. Нелегко было ему провести корабль среди минных полей темной осенней ночью, когда нельзя было определить свое место — огни маяков

по горели. Отлично действовали сигнальщики старшего лейтенанта Н. И. Мартынычева. Они своевременно докладывали о плавающих минах и вовремя обнаружили вражеский самолет. Запоздай они со своими докладами — и гибель корабля была бы неминуема.

При огневом противодействии врага в те же дни ставили мины и минный заградитель «Урал» (командир капитан 2-го ранга И. Г. Карпов, военком батальонный комиссар А. М. Титков).

В ночь на 17 октября на минную постановку вышли боевые тральщики «Гак», «Т-215» и «Т-217» в сопровождении трех катеров — малых охотников за подводными лодками.

Штормовая погода сильно осложняла действия моряков. Но балтийцы самоотверженно и настойчиво преодолевали все трудности. Особенно отличился краснофлотец Крылов. Переползая от мины к мине по заливаемой холодной водой, качающейся палубе, он приготовил их к постановке.

Осенью 1941 года в постановке мин участвовали также торпедные катера и катера — «малые охотники» за подводными лодками. Но ставили они не оборонительные заграждения на подступах к Кронштадту, а выходили на активные минные постановки на подступах к финским шхерам. На одном из таких выходов на катере «МО-211» (командир лейтенант А. Анпилов) в штормовую погоду при сильном крене сорвало с рельсов окончательно изготовленную для постановки мину. Зацепившись своим якорем, мина повисла за бортом, ударяясь о него, когда катер кренился на волне. Боцман Б. П. Чернышев, рискуя жизнью, быстро завел за мину трос. Дружными усилиями экипажа катера ее втащили на палубу, а затем, вместе с остальными минами, поставили на шхерном фарватере врага.

Минные постановки на подступах к Кронштадту и на опушке финских шхер продолжались почти до самого ледостава.

Задание командования — преградить путь вражеским кораблям в восточную часть Финского залива — было выполнено.

И. П. ЧЕРНЫШЕВ,
напитан 1-го ранга.

*Командир катера и звена катера
„МО“ в 1941—1944 гг. Командир
дивизиона катеров „БМО“ в 1944—
1945 гг.*

ХОТЬ НЕТ БРОНИ НА КАТЕРЕ СОСНОВОМ...

Как-то я прочел поправившиеся мне строки: «Кронштадт — замок города на Неве, а Кроншлот — ключик к тому замку». Незадолго до начала Великой Отечественной войны хозяином этого «ключика» стал 1-й дивизион сторожевых катеров, который вошел в состав соединения, охранявшего подступы с моря к Кронштадту. Местом базирования этого дивизиона командование определило Кроншлот — островок-форт близ Кронштадта.

Первоначально дивизион состоял всего из четырех катеров, весной 1941 г. его численность удвоилась, а в первые месяцы войны он получил от ленинградской промышленности еще двадцать боевых единиц.

Одновременно дивизион пополнялся и людьми — молодыми командирами, только что покинувшими стены высших военно-морских училищ и впервые в жизни надевших кители с золотыми лейтенантскими нашивками. Прибыли и старшины, и краснофлотцы — выпускники учебных отрядов флота.

«Старожилы» части принимали молодых доброжелательно, заботясь, чтобы они как можно скорее вошли в дружную семью балтийских катерников. Помню, как командир флагманского катера младший лейтенант Михаил Макаренко, приведя нас на свой «охотник», сказал:

— Наши маленькие корабли предназначены для поиска и уничтожения вражеских подводных лодок. От-

и их название: «охотники за подводными лодками». Наш называется «МО» — «малый охотник».

Кто-то из нас прервал Макаренко:

— А я слышал, что «МО» — это «морской охотник».

— Нет, в морские охотники их переименовали газетные корреспонденты. Видимо, для романтики... Кроме «МО» есть еще и «БО» — «большой охотник»... Ну ладно, давайте познакомимся с кораблем.

Поднявшись на ходовой мостик, младший лейтенант прежде всего обратил внимание на общий вид катера:

— Посмотрите, какой у него узкий и длинный корпус. Он сделан из тонких досок — максимально облегчен. Все это для того, чтобы получить хорошую скорость. Наши корабли вооружены глубинными бомбами для уничтожения подводных лодок, а для ведения морского боя и отражения атак самолетов — двумя 45-миллиметровыми пушками и двумя крупнокалиберными пулеметами. Некоторые катера имеют дополнительное оборудование: скаты для постановки мин и тралы... Три авиационных двигателя позволяют катеру развивать скорость большую, чем у курьерского поезда «Красная стрела». Для увеличения непотопляемости корпус разделен водонепроницаемыми переборками на отсеки.

Служба на маленьком, неказистом на вид кораблике оказалась не такой уж простой, как нам показалось на первый взгляд. Она требовала от людей инициативы, находчивости, быстроты и решительности действий, отваги, граничащей с дерзостью, отличного знания своей специальности (и еще двух-трех «по совместительству») и... влюбленности в эти чудесные, поистине универсальные корабли.

Хоть нет брони на катере сосновом,
Зато есть люди — крепкие, как сталь,
Отважны, стойки, молоды, суровы,
Но незнакомы им унынье и печаль.

Такие слова были в песне, которую пели моряки в то время. Эти качества позволили катерникам во время войны одерживать победы над численно превосходящими силами противника и успешно решать самые разнообразные, в том числе и не свойственные «охотникам» боевые задачи: кроме несения дозоров и поиска подводных лодок вести еще разведку боем, ставить минные банки, пробивать проходы во вражеских минных полях,

высаживать десанты, сопровождать боевые корабли и транспорты.

В ночь, когда началась война, катер, которым командовал Макаренко, стоял в дозоре западнее Кронштадта. В 3 часа 40 минут вахтенные заметили самолеты, летящие в сторону базы. Оповещения о полетах наших самолетов не было, да и силуэты их отличались от наших. Поэтому младший лейтенант немедленно объявил по катеру боевую тревогу и приказал радисту сообщить об этом в Кронштадт. Самолеты летели низко над водой, быстро проскакивая мимо «единицы» (катер Макаренко имел трехзначный бортовой номер, оканчивающийся на единицу). Моряки разглядели на крыльях и фюзеляже черные кресты, на хвосте — свастику. Фашисты! Младший лейтенант приказал открыть огонь. Предутреннюю тишину разорвали резкие залпы «сорокапятков» и скорострельных пулеметов.

Одновременно с залпами дозорного «охотника» прозвучал сигнал боевой тревоги на Кроншлоте. Через несколько минут из узких ворот маленькой гавани старинного форта выскочили дежурные катера, спешившие занять линии дозоров вокруг Кронштадта, взять под охрану идущие в Ленинград транспорты, вернуть в город яхты с отдыхающими.

По существовавшим тогда нормам «малые охотники» могли находиться в море не более трех суток. Однако большинство катеров, покинувших Кроншлот по тревоге в памятную ночь, вернулось в базу лишь через неделю. За это время они спасли сотни человеческих жизней, сняв раненых с торпедированного врагом госпитального судна «Выборг», отбили десятки атак вражеской авиации, уничтожили множество плавающих мин на путях наших судов. Впоследствии срок пребывания «охотников» в море увеличился еще втрое. До войны уже при волне четыре балла дежурные по базе не выпускали эти маленькие корабли даже на рейд. А в войну они плавали в море и воевали не только при четырех, но и при шести и даже при восьми баллах.

Так война внесла свои поправки и в боевое использование «малых охотников».

Пока одни катера нашего дивизиона несли дозоры и охраняли корабли и суда на переходах, другие под командованием комдива старшего лейтенанта Ивана Андреевича Бочанова производили активные минные по-

станки в шхерах. В них участвовали мои друзья лейтенанты, впоследствии прославившие себя боевыми подвигами, Сергей Туморин, Валентин Панцырный, Николай Каплунов и другие.

Приняв мины, их катера уходили ночью к вражеским берегам. Они пробирались в шхеры и ставили «рогатую смерть» на фарватерах противника. Эти походы требовали и от механизмов и от людей огромного напряжения.

Далеко за полночь, включив глушители моторов, катера осторожно прокрадывались на вражеские шхерные фарватеры. Вся верхняя команда настороженно прислушивалась в тишину, вглядывалась в темноту. Обнаруживший подозрительное пятно шепотом докладывал об этом командиру, и тот моментально изменял курс, чтобы избежать встречи с противником. У дымовых шашек, замирая от волнения, стояли краснофлотцы, готовые немедленно исполнить команду «дым!». Комендоры неотрывно держали под прицелом своих пушек и пулеметов едва видимые силуэты неприятельских дозорных кораблей. Доклад штурмана:

— Мы в точке!

Раздается команда:

— Начать постановку!

Мины тяжело плюхаются в кильватерную струю... Затем катера отправляются в не менее опасный путь в базу, чтобы завтра вновь повторить рейс во тьме.

Осенью первого года войны фашисты подошли к степям Ленинграда. Далеко на западе от Кронштадта, в тылу противника, остались советские гарнизоны полуострова Ханко, островов Моонзундского архипелага и цепочки островов — Осмуссар, Большой и Малый Тютерсы, Гогланд, Лавенсари, Сескар, приковавшие к себе значительные силы врага и лишившие его возможности совершать какие-либо перевозки между южным и северным берегами залива. Наши корабли, пользуясь темными осенними ночами, доставляли этим гарнизонам из Кронштадта боеприпасы, военную технику, эвакуировали раненых. На пути кораблей находились минные поля, прикрываемые огнем мощных береговых батарей врага. «Малые охотники» не только сопровождали корабли, но и заблаговременно выясняли расположение минных полей и места нахождения замаскированных батарей.

Однажды в сентябре именно такое задание — выявить огневые точки противника на северном побережье

Финского залива — получила «двойка», «охотник», которым командовал лейтенант Юрий Федорович Азеев.

Маршрут был указан тонкими линиями на сером куске кальки, врученном командиру в штабе Охраны водного района Кронштадта. Я, исполнявший в то время должность помощника командира катера, сделал предварительную прокладку на карте, рассчитал длину курсов, провел дополнительные тренировки на боевых постах и учение по борьбе за живучесть корабля: отрабатывали, как заделать пробоины, ликвидировать пожары, заменить убитых и раненых — ведь мы шли в бой.

Ранним утром, еще до восхода солнца, мы вышли из Кронштадта и направились по намеченному маршруту. Катер приблизился к берегу противника, но батареи молчали. Тогда Азеев подвел «охотник» еще ближе к берегу и приказал навести орудия на ближайший мысок. И нервы противника не выдержали: на мыске блеснули вспышки первого залпа. Я нагнулся над компасом и взял пеленг на сиреневое облачко, возникшее над батареей. Через секунду недалеко от катера с треском разорвалась шрапнель и в борт ударили осколки. Второй залп дал возможность проверить точность наших данных.

Азеев увеличил скорость катера и изменил его курс. После третьего залпа командир снова изменил курс и скорость. Так, сбивая пристрелку вражеской батареи, он уводил «охотник» в сторону от нее. Когда пеленг изменился на 30 градусов, я снова определил место батарей. Все! Можно уходить.

Но едва корабль начал отходить, заговорила еще одна вражеская батарея. Снаряды с визгом пронеслись над самой палубой. Через несколько секунд я отметил на карте место ее нахождения.

— Дым! — приказал Азеев, и сейчас же за кормой катера возникла непроницаемая для взгляда клубящаяся стена.

— Лево на борт! — И катер укрылся за ней.

Боцман осмотрел катер и доложил, что в бортах шесть пробоин и перебита одна леерная стойка, но пострадавших среди экипажа нет.

Дойдя до конца намеченного маршрута, Азеев повернул «охотник» обратно, чтобы вновь вызвать на себя огонь батареи и уточнить ее место. Не успели мы дойти до мыска, как противник открыл ураганный огонь.

И быстро взял пеленги на обе батареи и спустился с мостика в рубку, чтобы нанести новые данные на карту.

А катер в это время маневрировал, стараясь увернуться от снарядов: если малиновый снап огня проносился по носу корабля, то командир увеличивал ход до предела, и следующая очередь проходила за кормой, а затем Азеев стопорил ход, и снаряды, естественно, падали далеко по носу.

Безрезультатность стрельбы, видимо, взбесила противника: неожиданно прямо по курсу «охотника» взметнулись три высоких всплеска — это дала залп батарея крупнокалиберных орудий. Она била редко, но каждый снаряд мог утопить корабль значительно больший, чем наш «охотник».

После третьего залпа, позволившего уточнить место крупнокалиберной батареи, Азеев увел катер за дымзанесу, и мы отошли от берега. Затем командир составил и зашифровал донесение, а радист Михаил Чернов передал радиограмму.

Мы отошли в назначенную точку для несения дозора и легли в дрейф. Наблюдатели следили за вражеским берегом, водой и воздухом. Но вокруг стояла тишина. Начал моросить мелкий дождь. Видимость уменьшилась до нескольких метров. Не идут ли к нашим берегам вражеские подводные лодки? Азеев приказал открыть гидроакустическую вахту. Но в наушниках оператора чуткой аппаратуры был слышен лишь шум моря.

На смену короткому осеннему дню пришла бесконечно длинная ночь. К вечеру следующего дня немного прояснилось. Из-за низких туч блеснули солнечные лучи. И почти сейчас же на мостик к Азееву взбежал Чернов с бланком только что принятой радиограммы.

— Чувствую: хорошие вести, — улыбнулся радист, подавая бланк командиру. — Не зря стоим здесь.

Когда расшифровали текст радиограммы, в небе слышался гул моторов наших бомбардировщиков. Они шли цепочкой к берегу, занятому противником. Не дойдя до него, резко изменили курс и разделились на группы. Затем с разных сторон направились к мыску, с которого нас обстреляли вражеские батареи. И вот все находившиеся на палубе катера увидели высокие фонтаны взметнувшейся земли, желтое пламя взрывов и услышали глухие раскатистые удары.

— Вот и все, — громко произнес Чернов. — Отстрелялись некоторые. Хватит!

В начале октября нас отозвали из дозора в Кронштадт. Как только катер ошвартовался у пирса, командира вызвали в штаб. Через два часа он вернулся, загадочно улыбаясь. Всех разбирало любопытство, но никто не задал ему вопросов. Молчал и он. Только когда катер вышел из Военной гавани, Азеев объявил:

— Сегодня ночью в Петергоф будет высажен десант, укомплектованный добровольцами с кораблей и учебного отряда. Нам приказано обеспечивать высадку. Всю ночь будем в готовности номер один, так что оденьтесь потеплее.

В инструкции, полученной командиром в штабе, говорилось, что «двойка» должна выполнять роль маяка, обозначающего точку поворота десантного отряда к месту высадки. Кроме того, на катер возлагалось прикрытие десанта дымовой завесой в случае сильного артиллерийского противодействия врага.

Вскоре катер пришел в назначенную точку. Негромко прокляцала якорь-цепь, и наступила тишина. Лишь изредка чуть слышно плескалась невидимая в темноте черная вода. Кругом — ни огонька.

Нас охватило чувство потери пространства: смотрим и ничего не видим. Потеря зрительного восприятия до предела обостряет слух. Мы различаем не только плеск воды о борт катера, но и звон падающих капель, потрескивание остывающих моторов. Гнетущая тишина вызывает боязнь пошевелиться, сделать шаг. Хруст иная на палубе кажется чуть ли не грохотом.

Незадолго до полуночи зажглись едва видимые, затемненные огни створа Морского канала.

— Стоим у бровки фарватера, — тихо произносит Азеев. — Теперь надо найти огонь Ораниенбаумского маяка и уточнить наше место.

Не проходит и минуты, как в Ораниенбауме зажигается неяркий огонь. Командир берет пеленг на него и прокладывает линию на карте, пересекающую ниточку фарватера.

— Катер стоит точно в назначенном месте, — заключает он и замирает на мостике рядом с машинным телеграфом.

В полной тишине проходит еще томительный час. Люди стоят не шевелясь, чувствуя, как стынют ноги.

Сначала деревенеют пальцы, потом лодыжки, коленки. Холод залезает в рукава, подбирается к спине и животу.

В желудке «подсасывает», — сказывается сокращение пайка. Норма хлеба уменьшена наполовину, едим в основном воблу, чечевицу, омлеты из яичного порошка.

С кормы доносится отчетливая дробь, выбиваемая тубами.

— Гончаров, это т-ты нарушаешь т-т-тишину? — спрашивает Азеев.

— Я-а... т-тов-в-варищ коман-н-дир... — доносится негромкий ответ комендора.

— Ид-ди... пог-г-грейся.

— С-с-сейчас н-н-не могу... п-потом.

— Н-ну, хорошо. Т-тогда вместе п-потом п-п-пойдем.

По катеру проносится легкий смешок, и кажется, что стало чуть-чуть теплее. И снова тишина, вязкая, как вар.

Томительные минуты ожидания нарушает рулевой Смирнов:

— Слышу шум!.. Вроде за кормой...

Сигнальщик Слепов и командир смотрят в сторону Кронштадта. Проходит несколько минут, наконец оба уверенно произносят:

— Наши катера! Прямо по створу!

Азеев смотрит на часы и приказывает:

— Дать красные проблески в сторону катеров!

Слепов нажимает кнопку фонаря, и узкий клинок красного луча протыкает тьму. С непривычки свет кажется необычайно ярким, думается, что его отчетливо видно и с южного берега. Но это не так. В действительности свет 15-ваттной лампочки едва протискивается через крохотную щелочку специальной ширмы и виден только со стороны приближающегося десанта.

Шум моторов и плеск воды о борта катеров и буксируемых ими шлюпок становится все отчетливее. Местами темнота, сгущаясь, превращается в призрачные силуэты низких разъездных катеров. На головном катере отряда, который проходит в четырех-пяти метрах от «охотника», появляется фигура. Она машет рукой в сторону южного берега и кричит:

— Давай сигнал поворота!

Азеев приказывает Слепову:

— Включить постоянный зеленый!

Слепов нажимает другую кнопку фонаря — и окружающий мир мгновенно изменяется: вода из черной становится желто-горчичной, маленькие катера и шлюпки из серых превращаются в серебристые, равномерное урчание моторов переходит в глухое клокотание. Катера одновременно отворачивают от «охотника» и направляются в сторону невидимого Петергофа. Буксируемые баркасы и ялы тянутся за ними. В свете луча видны фигуры десантников.

Через несколько минут черная волна балтийских моряков-добровольцев с линкоров, крейсеров и эсминцев, учебного отряда и береговых подразделений выплеснется на южный берег «Маркизовой лужи» и у подножия Самсона, рядом с Монилезиром, у Шахматной горки начнется тяжелый бой.

Проходит последняя шлюпка, и Слепов выключает фонарь. Наш катер сразу же окружает темнота, в которой ничего нельзя разглядеть, даже на расстоянии вытянутой руки. Но если раньше экипаж «двойки» проклинал непроглядную тьму, скрывавшую все происходящее вокруг, то теперь страстно желает, чтобы она не нарушалась мертвенно-бледными вспышками вражеских ракет.

После того как десант скрылся в темноте и смолк шум моторов катеров, вновь наступило черное безмолвие. Но вдруг петергофский берег озарился каскадом белых и красных пулеметных и автоматных трасс, и сразу же взвилось множество сигнальных ракет: белых, зеленых, красных, малиновых. Не успели они погаснуть, как над Петергофом поднялся рой осветительных ракет, в свете которых поблекли и растворились вспышки неслышных выстрелов.

Но вот слух уловил одинокий щелчок, слабый и неуверенный. Потом донеслась короткая автоматная очередь. Небольшую паузу нарушила незнакомая захлебывающаяся скороговорка вражеского пулемета. После этого выстрелы, разрывы гранат и крики людей смешались в клокочущем хаосе звуков.

Бой то разгорался, то затухал. Возникший в районе высадки десанта, он распространился по побережью вширь и вглубь.

А наша «двойка» по-прежнему стояла на месте и наблюдала за происходящим на берегу. Правда, Слепов несколько раз включал сигнальный фонарь для катеров,

шедших из Кронштадта к южному берегу с подкреплением для десанта. Да разве это могло удовлетворить желание катерников принять самое активное участие в бою? Азеев, ежечасно сообщая по радио командование об обстановке, просил указаний, как действовать. Ответ неизменный: «Действовать согласно инструкции», то есть стоять в указанной точке, наблюдать и доносить. И мы стояли...

Но вдруг в уже ставший привычным шум боя воцарился громкий рев корабельных орудий и грохот разрывов крупнокалиберных снарядов. Это корабли Кронштадта пришли на помощь своим десанникам.

— Товарищ командир, — послышался из переговорной трубы голос Михаила Чернова, бессменно несшего вахту в радиорубке. — Получена радиограмма из штаба.

Азеев сбегал с мостика и юркнул в рубку. Через минуту он был вновь на мостике.

— Баковые на бак! С якоря сниматься!

По палубе пронесся радостный вздох.

Пока выбирали якорь, лейтенант сообщил:

— Нам приказано обследовать район, прилегающий к Петергофу, и доложить в Кронштадт обо всем, что увидим. Проверить еще раз оружие. Быть готовыми ко всему.

Залив у Петергофа мелководный, с мелями. Поэтому командир вел «охотник», соблюдая особую осторожность, строго выдерживая курс и скорость, контролируя местонахождение катера по огням маяков.

Дойдя до береговой отмели, Азеев направил катер вдоль пляжей. Весь берег буквально пылал. Пламя пожаров, вспышки разрывов снарядов, сполохи ракет и светящиеся рои трассирующих пуль образовали сплошное море огня. Нагромождение разнообразных звуков боя покрывал гул тяжелых снарядов корабельной артиллерии, пронесившихся из Кронштадта к Петергофу над нашими головами.

Я находился в рубке, прокладывая на карте путь «охотника», когда на палубе раздался топот матросских сапог. Одновременно взревели моторы. Катер дал задний ход. Я выскочил на палубу. Перегнувшись через борт, всматриваюсь в воду и вижу метрах в трех голову человека. Рядом — спасательный круг. Двое краснофлотцев, спустившись на привальный брус, безуспешно пытаются дотянуться до человека. Азеев осторожно

подводит катер ближе к пловцу. Наконец один краснофлотец хватается за руку, другой за одежду. На привальный брус спрыгивают на помощь еще двое, и все вместе они вытягивают человека из воды.

— Быстро в моторный отсек! — слышится голос Азеева. — Окажите помощь, переоденьте!

Катер продолжает обследовать район. Судя по часам, уже наступило утро, но заря даже не занялась. Бой на берегу стихал. Короткие очереди автоматов и редкие виштовочные выстрелы доносились из глубины парка. Мы не раз пытались подойти к берегу, но каждый раз нас встречали огнем пулеметы и автоматические пушки, — на берегу были гитлеровцы...

Очередная радиограмма, принятая Черновым, предписывала нам вернуться в Кронштадт. Азеев повел «двойку» на север. Все находившиеся на палубе молча смотрели на удаляющийся берег и думали о своих товарищах: «Как они там?» Думали и молчали, ибо приказ есть приказ.

Проложив очередной курс, я пошел проведать спасенного. Им оказался... мой товарищ по училищу, назначенный помощником на «единицу», лейтенант Владимир Гавриков.

— Как ты здесь оказался?

— Ходил штурманом одной из групп катеров десанта. Привел точно. Высадил удачно, без единого выстрела с берега. Отошел после того, как убедился, что все идет нормально. Удалились на полкабельтова от берега, а мотор возьми и заглохни. Гитлеровцы нас заметили и давай лупить из минометов. Борт продырявили, как решето, старшину убили. Не успел даже толком понять, что произошло, как оказался в воде. Скинул ботинки, брюки и поплыл.

— Куда?

— Ясно куда — на Кроншлот. Сегодня мы уходим на Ханко...

Катер подошел к Кроншлоту. На пирсе стоял младший лейтенант М. Д. Макаренко. Позади него теснилась вся команда «единицы». Едва мы ошвартовались, как друзья подхватили Гаврикова и на руках утащили на свой «охотник».

Через несколько дней мы узнали, что «МО-301», возвращаясь с Ханко в Кронштадт, погиб в районе острова Кери. Он шел впереди конвоя, на кораблях и судах ко-

торого находились бойцы героического гарнизона. Ночью «охотник» сигналом фонаря предупредил следовавшие за ним корабли о плавающей мине. Вскоре впереди по курсу головного эсминца раздался мощный взрыв и вдоль его бортов проплыли деревянные обломки — все, что осталось от флагманского катера кронштадтского дивизиона «охотников».

Осенью 1941 г. кронштадтский и таллинский дивизионы охотников за подводными лодками, а также бывших пограничных катеров были сведены в одно соединение — Истребительный отряд Охраны водного района Кронштадта.

В 1942 г. «охотники», уже зарекомендовавшие себя как универсальные корабли, несли дозоры на подходах к Кронштадту и Ленинграду, вокруг островов, протянувшихся на запад, сопровождали корабли и суда, совершавшие рейсы к этим островам, выводили в море и встречали возвращавшиеся из походов подводные лодки, вели разведку, высаживали десанты, ставили и трялили мины, выполняли роль постов воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), вынесенных в море. «Охотники» охраняли и единственный фарватер, связывающий острова-форпосты с Кронштадтом, по которому выходили и возвращались наши подводные лодки.

Маленькие корабли Истребительного отряда мешали противнику наносить внезапные бомбовые удары по островам, по Кронштадту и Ленинграду, атаковать наши конвои, доставлявшие островным гарнизонам боеприпасы, продукты, пополнение и эвакуировавшие раненых. Поэтому в 1942 г. было много жестоких схваток с фашистскими самолетами, стремившимися уничтожить катера дозоров. Однако экипажи «охотников» давали им решительный отпор огнем своих пушек и пулеметов. За короткий срок катера только 3-го кронштадтского дивизиона сбили более десятка самолетов противника, отразили более тысячи их налетов. В течение 1942 г. катера этого дивизиона вывели в море и встретили десятки подводных лодок, высадили несколько десантов, произвели несколько минных постановок.

В следующем, 1943 году противник решил не допустить повторения мощных ударов советских подводников по транспортам в Балтийском море и даже в Померанской бухте, сделал все возможное, чтобы запереть наши подводные лодки в Кронштадте. Фашисты превратили

весь Финский залив в один сплошной противолодочный рубеж. Особенно опасными были Гогландская и Нарген-Порккала-уддская противолодочные позиции, состоявшие из широких многослойных минных полей, протянувшихся от северного берега залива до южного. Кроме того, от острова Нарген до Хельсинки залив был перегорожен сплошной тяжелой противолодочной сетью.

На пути из Кронштадта до Лавенсари противник пытался атаковать наши лодки торпедными, артиллерийскими и противолодочными катерами. Но каждый раз он встречал решительный отпор наших дозоров и сопровождавших лодки «охотников». Вот почему каждую ночь здесь происходили большие бои маленьких кораблей Истребительного отряда.

Об одном из таких столкновений сообщалось в газетах и по радио:

«От Советского Информбюро. Вечернее сообщение 25 мая 1943 г. В Финском заливе тринадцать катеров противника напали на два наших дозорных катера. Советские моряки вступили в бой с численно превосходящими силами врага, потопили два и сильно повредили один катер противника. Остальные вражеские катера поспешно отошли... Наши катера вернулись на свою базу».

В схватке с вражескими катерами участвовали «МО-303» и «МО-207» — катера моего звена. Сам я тогда находился на «МО-303». Об этом бое я писал в книге «На морском охотнике»*.

Противник тоже сообщил о нем. Правда, по его данным, оба советских дозорных катера числились уничтоженными.

Таких боев в эту кампанию было много.

Следующий год ознаменовался важными событиями: враг был отброшен от Ленинграда, продолжалось освобождение родной земли. Советские войска в наступлении поддерживал с моря флот. Из сил Краснознаменного Балтийского флота первыми на запад, к Таллину, двигались торпедные катера, катера-тральщики и, конечно, вездесущие «охотники». Противник, стремясь сдержать наше движение вперед, выслал в море значительное число подводных лодок для ударов по нашим

* Чернышев И. П. На морском охотнике. М., Воениздат, 1961.

кораблям. Но «охотники» не забыли свое основное назначение, и враг вскоре в этом убедился.

30 июля 1944 г. «охотник» с бортовым номером 103, которым командовал гвардии старший лейтенант Александр Петрович Коленко, потопил гитлеровскую подводную лодку «У-250», которая попыталась атаковать наши корабли, участвовавшие в выборгской операции. Вскоре подолазы-балтийцы обследовали лодку на грунте. Потом подняли фашистскую лодку, буксиры привели в Кронштадт и поставили ее в док Морского завода. Наш флот получил ценные сведения о найденном на борту лодки новейшем и секретном морском оружии противника — акустических самонаводящихся торпедах.

Это была не единственная победа «охотников» в схватке с фашистскими подводниками. Наиболее «удачливым» был «малый охотник» нашего кронштадтского дивизиона с бортовым номером 124, которым командовал лейтенант Николай Дежкин.

Первая его встреча с гитлеровской подводной лодкой произошла осенью 1944 г. Катер находился вместе с другим «охотником» в дозоре недалеко от острова Сескар. Ночь прошла спокойно. На востоке уже зарозовел край неба, но было еще темно. Опершись о пушку, комендор В. Боровских осматривал море. Николай Дежкин, меряя шагами палубу, пытался разогнать предутреннюю дремоту. Командир дозора капитан-лейтенант Александр Патокин, сидя на световом люке машинного отсека, делал какие-то заметки в записной книжке...

С правого борта внимание Боровских привлекло сероватое пятно. Он взгляделся. Пятно постепенно увеличивалось и приобретало все более резкие очертания. Послышался еле уловимый стук работающих дизелей.

— Силуэт!.. Справа тридцать! — крикнул комендор и послал снаряд в патронник.

Дежкин нажал замыкатель колоколов громкого боя, командовал:

— Атака подводной лодки! Правый борт тридцать — огонь!

В утренней тишине рывкнули оба орудия. Зазвенели выброшенные гильзы.

— Бомбы товсь!

Набирая ход и разбрасывая белую пену, катер устремился на лодку. Рядом шел второй «охотник». Орудий-

ные залпы перемежались с пулеметными очередями. Прошло несколько секунд — и только след на поверхности залива указывал место, где только что была лодка. Одна за другой взорвались большие глубинные бомбы, сброшенные катерами. «Охотники» остановились и замерли. Погрузилась или уничтожена?

— Правый борт семьдесят градусов — удары металла по металлу и какое-то жужжание, — доложил акустик.

— Чинятся, — решил капитан-лейтенант Патокин. — Повторим бомбометание.

Катера взяли разбег и сбросили новую серию больших бомб. По желтой, взбаламученной взрывами воде расплзлось темное с радужными разводами пятно соляра. Из глубины поднимались большие и маленькие пузыри воздуха.

Трое суток чуткие уши гидроакустиков ловили шумы под водой. Но там царило безмолвие. Еще через сутки к берегу острова Сескар прибило труп фашистского подводника.

Спустя полтора месяца «МО-124» сопровождал суда, шедшие в Таллин. Переход проходил спокойно, точно по плану, без каких-либо осложнений.

И вдруг раздался голос гидроакустика:

— Левый борт пятнадцать — подводная цель!

Дежкин надел шлемофон и услышал четкое, звонкое эхо: значит, посланный гидроакустической станцией ультразвуковой импульс отразился от металла. Направление на него менялось в сторону охраняемых судов. Это могла быть только подводная лодка. Медлить было нельзя — вот-вот враг выпустит торпеды по транспортам. Лейтенант рывком переставил все три рукоятки машинного телеграфа на «самый полный вперед!».

— Атака подводной лодки!.. Бомбы товсь!

Катер стремительно набирал скорость. В считанные секунды командир закончил расчеты, изменил курс на боевой и нажал головку секундомера. Стрелка скачками, казалось синхронно с ударами сердца командира «охотника», приблизилась к роковой для гитлеровской лодки цифре. Вот она слилась с нужной черточкой на циферблате.

— Начать бомбометание! Первая!.. Вторая!.. Третья!..

Тяжелые черные цилиндры, размером чуть меньше

бочки, плюхнулись в кипящую за кормой воду. Прошло несколько томительных мгновений, и глухие взрывы один за другим сотрясли море. Над поверхностью вспухли и рассыпались шипящие белые курганы.

— Право на борт! Малый ход!

«Охотник» медленно возвращался к месту атаки. Все находящиеся на палубе катера увидели пятно на воде, которое с каждой минутой становилось все больше. Дежкин снова развернул маленький корабль и сбросил новую серию бомб...

После окончания войны из трофейных документов стало известно, что в эту ночь — 26 декабря — здесь погибла фашистская подводная лодка «У-2342».

Еще через полмесяца, обеспечивая работу тральщиков к северо-западу от острова Пакри, «МО-124» опять обнаружил вражескую подводную лодку и атаковал ее. Тогда не удалось установить, потоплен ли враг. Дежкин решил, что гитлеровская подводная лодка, отказавшись от торпедного удара по тральщикам, ушла из этого района. Но после войны выяснилось, что «МО-124», «охотник» кронштадтского дивизиона, потопил еще одну подводную лодку — «У-679».

Итак, за три месяца «малый охотник» с бортовым номером 124 уничтожил три фашистские лодки!

За уничтожение первой подводной лодки Николай Дежкин был награжден орденом Красной Звезды, второй — орденом Нахимова 2-й степени. Он не дождал до того дня, когда стало известно, что на боевом счету его катера еще одна — третья — лодка. Н. Д. Дежкин погиб в сорок пятом...

...В 1944 году обстановка под Ленинградом резко изменилась: не прошло и месяца с начала наступления наших войск, как фронт на южном берегу Финского залива продвинулся далеко вперед. В сентябре—октябре была освобождена уже почти вся Прибалтика, в августе—сентябре наши войска очистили от противника и северное побережье до Выборга.

В результате изменения обстановки на обоих берегах Финского залива силы флота, помогая нашим войскам, ушли на запад. Кронштадт вновь стал тыловой базой, Истребительный отряд фактически распался на прежние дивизионы, и из его состава только кронштадтский дивизион «охотников» остался в опустевшем Кроншлоте. Теперь он один нес дозоры в восточной части Финского

залива, сопровождал транспорты и корабли, обеспечивал боевую подготовку частей, готовившихся уйти на запад, чтобы принять участие в заключительных боях в южной Балтике.

Однажды осенью, когда я вернулся со своим отрядом катеров в Кронштадт после сопровождения кораблей на запад, меня вызвали в штаб Охраны водного района. Там мне сообщили, что я назначен командиром нового дивизиона «охотников», формируемого из новых катеров. Это были маленькие бронированные корабли, сконструированные и построенные в блокированном Ленинграде. Экипажи «утюжков» (так прозвали матросы бронированные «охотники») полностью — от кока до командира — были укомплектованы моряками, сражавшимися всю войну в бригадах морской пехоты.

Благодаря общим усилиям, желанию скорее принять участие в боевых действиях на море и четкой организации занятий катера в короткий срок подготовились к выходу в море для выполнения боевых задач. И хотя о полной готовности экипажей катеров, в особенности к совместным действиям, говорить было еще рано, командование дало нам первое боевое задание:

— Будете обеспечивать боевую подготовку подводных лодок — других сил у нас сейчас для этого нет.

Вечером 14 октября 1944 г. в полной темноте корабли вышли из Кронштадта. Первыми, как всегда, гавань покинули «охотники». «Деревяшки» — катера, провоевавшие уже четыре кампании, — беззвучно, словно тени, одна за другой отскакивали от пирса и, выстраиваясь на ходу в кильватер, исчезали во тьме. Только светлячками мерцали с кормы затемненные гакобортные огни. «Утюжки» расставались с пирсом не так лихо, более шумно и суетливо.

Выйдя на Большой рейд, катера по сигналу занимают положенные места. У экипажей «утюжков» взволнованно-приподнятое настроение. Я тоже волнуясь, вглядываясь в темноту, чуть ли не ежеминутно пересчитываю катера. А ночь, как назло, темная, сырая, холодная.

Первой идет подводная лодка И. П. Попова, за ней — Героя Советского Союза И. В. Травкина, замыкает строй подводная лодка, которой командует С. С. Могилевский. Лодка Попова идет в боевой поход, в Балтику, две другие — на отработку учебных задач. «Деревяшки» пове-

дут Попова дальше на запад, а мы на «утюжках» остаемся с Травкиным и Могилевским в Финском заливе.

И вновь, как в 1942 г., понеслись бессонные дни и ночи, наполненные напряженным трудом и учебой. Дозор сменялся учебным поиском лодок, поиск — совместным маневрированием, маневрирование — тренировками и стрельбе и борьбе за живучесть, тренировки — обеспечением учебных атак подводных лодок и опять дозором. И так продолжалось десять суток.

На одиннадцатые сутки подводные лодки Травкина и Могилевского в сопровождении бронированных «охотников» возвратились в Кронштадт. Наблюдая швартовку катеров, я не заметил ни прежней суетливости, ни шума.

И Травкин, и Могилевский на совещании в штабе высоко оценили действия «охотников». Командование, желая в этом убедиться, сделало несколько внезапных проверок.

— Да здесь будто сменили команды! — улыбнувшись, сказал командир соединения, закончив последнюю проверку. — Вам на запад пора. Довольно здесь «бездельничать».

Стоявшие поблизости команды катеров дружно хохотнули.

— Пора вылезать, а то сидим, как тараканы за печкой!

— Там воюют, а у нас вроде и война кончилась...

— Нехорошо как-то: на «деревяшках» брони нет — они воюют, а мы, бронированные, отсиживаемся, — говорили матросы.

Командир соединения огляделся кругом и тихо произнес:

— Верно! Пора идти воевать.

— А когда? — раздалось несколько голосов.

— Завтра.

От неожиданности стало тихо. Люди с недоверием смотрели друг на друга и на командира соединения.

— Да, завтра, друзья! Но только чтоб тихо, без разговоров. Понятно?

Рано утром мы действительно покинули Кронштадт и вместе с лодками взяли курс на запад. «Охотникам» предстояли бои с врагом в водах южной Балтики, у берегов противника.

В. С. КАМАЕВ,

мичман.

Старшина группы мотористов торпедного катера в 1941—1945 гг.

ИЗ ЗАПИСОК МОТОРИСТА ТОРПЕДНОГО КАТЕРА

1

Еще до войны началась моя служба на торпедных катерах. Старшина-моторист на катере — должность ответственная. Я старался как можно лучше изучить и освоить мощные авиационные двигатели — на катере их было два. Как говорится, трудно в ученье — легко в бою. Прочные знания, умение ремонтировать технику в море очень пригодились в военные годы.

Мы гордились нашими маленькими (водоизмещение всего лишь 18 тонн), но грозными катерами типа «Г-5» конструкции известного авиаконструктора А. Н. Туполева. Каплеобразные обводы корпуса из дюралюминия в сочетании с отличными моторами обеспечивали «ласточкам», как их называли краснофлотцы, скорость до 50 узлов*.

Две торпеды и два пулемета составляли вооружение торпедного катера. На нашей «ласточке» был сплоченный, дружный экипаж: радист Василий Болычев, мотористы старшина 2-й статьи Федор Кузьмин и краснофлотец Григорий Хлебас, радиоэлектрик Михаил Душин, боцман Василий Ефименко — он же торпедист, сигнальщик, пулеметчик и химик. Итого вместе с командиром

* Один узел равен одной морской миле в час. Одна морская миля равна 1852 метрам.

на нашем «ТК-164» было семь человек. Командовал нашим катером младший лейтенант В. Д. Налетов.

С началом войны экипажи катеров каждый день ждали приказа о выходе в море. 27 июня 1941 года 3-й отряд торпедных катеров получил первое задание — отконвоировать от Гогланда до Кронштадта поврежденный крейсер «Максим Горький». Выход был неожиданным. Днем встретили крейсер и сопровождавшие его корабли и уже к 22 часам пришли в Кронштадт. Здесь сразу же получили приказание принимать мины.

Катера ошвартовались у стенки Шлюпочного канала Морского завода и начали выгрузку торпед. Одновременно рабочие завода стали устанавливать на корме катеров настилы для размещения мин. К утру наш «ТК-164» подошел к Минной стенке. Мы погрузили две мины «КБ-3», минный защитник и вышли в море. Через полтора часа катер ошвартовался в базе нашей 2-й бригады торпедных катеров. В тот же день мины приняли и остальные катера, выделенные для участия в предстоящем боевом походе.

Вечером 28 июня начали готовить катера к бою и походу. Вскоре прибыл командир соединения «Восточная позиция» контр-адмирал Ю. Ф. Ралль и тут же, на ширсе, проинструктировал командиров катеров. После 23 часов катера вышли в море. На нашем катере пошел Ю. Ф. Ралль. Он стоял в рубке рядом с командиром катера младшим лейтенантом В. Д. Налетовым. Адмирал ни во что не вмешивался, и Налетов, первичавший вначале (шутка ли, адмирал на катере!), быстро успокоился. Ралль позвал боцмана Ефименко и подробно расспросил его о готовности к минной постановке.

В белесой легкой дымке белой ночи к 2 часам подошли к Халассарским шхерам. Катера шли малым ходом, с включенными глушителями, конечно, без огней. Вдруг послышался гул самолета. С берега сразу же протянулись в небо лучи вражеских прожекторов, потом забухали орудия, появились светящиеся трассы зенитных автоматов.

Воспользовавшись тем, что внимание врага отвлекли самолеты, катера вышли на фарватер в шхерах и быстро поставили мины в назначенных точках. Противник нас так и не обнаружил — значит и мины для него будут полной неожиданностью. Отойдя от берега, катера

прибавили ход и вскоре уже были в базе. Контр-адмирал Ю. Ф. Ралль положительно оценил действия дивизиона и приказал готовиться к новым выходам на минные постановки.

В ночь с 29 на 30 июня мы снова вышли в море. Также, как и в первый раз, поставили минные банки, оставшись незамеченными. В ночь на 1 июля катера в третий раз вышли на минные постановки. На борту нашего катера опять находился контр-адмирал Ю. Ф. Ралль. Не успели мы пройти и половины пути к району постановки, как погода начала быстро портиться. Поднявшиеся волны бросали и били катер. Пришлось отряду изменить курс и направиться к Гогланду. Здесь мы задержались недолго, и на рассвете приступили к постановке мин к западу от острова Лонгвира. Когда уже последние мины ушли в воду и катера начали отходить, противник нас обнаружил. Вспыхнули прожекторы, высокие всплески снарядов встали между катерами. Ралль приказал прикрыть отход дымзавесой. Боцман Ефименко включил дымовую аппаратуру, и «ТК-164» помчался параллельно берегу, оставляя за собой хвост завесы. Скрытые от наблюдения с берега, катера без потерь вышли из зоны огня противника. Но адмирал озабоченно хмурился, — теперь враг знал, что мы побывали на его шхерных фарватерах.

2

Вскоре наш катер, выполняя приказ командования, перешел на остров Сарема. Мы принимали участие в торпедных ударах по гитлеровским боевым кораблям и конвоям в Ирбенском проливе. Там, в водах Моонзундского архипелага, наш «ТК-164» открыл свой боевой счет. Но враг наступал, и торпедные катера вначале перебазировались на остров Хиума, а оттуда — на Ханко. Отступали мы с боями, увозя на своих маленьких кораблях десятки воинов — красноармейцев и краснофлотцев, командиров.

5 декабря 1941 года наш «ТК-164» закончил тяжелый переход от Ханко в Кронштадт. Чем ближе к острову Котлин, тем труднее было идти — отдельные плавающие льдины, которые мы обходили, сменили ледяные поля. Льдины скрежетали по обшивке катера. Казалось, вот-вот они прорежут тонкий дюраль. Пришлось

остать на буксир к тральщику, который ввел нас в Воиную гавань. К стенке так и не ошвартовались: в гавани уже встал полуметровый лед; катер остался в трех десятках метров от Петровской пристани. Рядом с нами остался «ТК-111» (командир старший лейтенант В. И. Ущев). На другой день в гавань прибуксировали и остальные катера — «ТК-67» (командир лейтенант А. И. Афанасьев) и «ТК-57» (командир лейтенант И. П. Кременский). Теперь вся четверка торпедных катеров типа «Г-5», участвовавшая в боях у островов Сарема и Хиума, снова была вместе.

На стенке Петровской пристани нас встречали бледные, исхудавшие боевые товарищи-катерники. Мы поделились с ними хлебом. Больно было смотреть, с какой жадностью они его ели.

Поступил приказ законсервировать двигатели, вооружение и вообще все оборудование катеров. Хотя и стоял сильный мороз, приступили к делу. Ночью, закончив работу на катере, усталые и измотанные до предела, пошли на береговую базу.

В кубриках когда-то уютной казармы холодно, тускло светят самодельные коптилки. В молчании сидят у печки или дремлют голодные катерники. Спать легли не раздеваясь.

Утром продукты поделили на команду. Сушеный лук, который привезли с Ханко, оставили «неделимым фондом». Потом всю зиму ели его по щепотке и, может быть, благодаря этому убереглись от цинги. Вместе с командиром катера лейтенантом Налетовым мы стойко переносили холод и голод. На смену переведенному от нас Хлебасу пришел моторист краснофлотец Михаил Петров. Миша до прихода на наш катер отважно сражался в морской пехоте, был ранен и контужен под Гостилицами.

Командование бригады торпедных катеров поставило перед нами задачу — сохранить корабли и технику, подготовиться до лета к новым боям. Пришлось основательно поработать. Мы демонтировали всю аппаратуру, сняли пулеметы и двигатели. Особенно тяжело было выгрузить торпеды из торпедных аппаратов, но и с этим справились. Кроме того, приходилось каждый день обкалывать катера, иначе лед раздавил бы их корпус. Постепенно вокруг каждого катера получилась канавка шириною в полметра. Эта работа выматывала нас

до полного изнеможения. Ведь рабочий день начинался в 7 утра, когда с базы «Литке» мы брели до Петровской пристани, и заканчивался в 19 часов. И все это на морозе... А с едой становилось все хуже: 300 граммов хлеба и «баланда» из отрубей — вот наше блокадное меню.

Люди слабели. Путь до Петровской пристани занимал два с лишним часа, обратно добирались с трудом. Ослабевшие руки не держали лом и пешню. Приходилось привязывать к ним лямку и надевать на шею. Многие из-за этого искупались в ледяной воде. Но как бы ни было трудно, мы не жаловались, работали сколько хватало сил.

Вскоре пришла радостная весть о разгроме врага под Москвой. А в середине декабря 1941 года мы узнали о награждении личного состава торпедных катеров орденами и медалями за победы, одержанные над гитлеровцами в боях у островов Моонзундского архипелага.

В первой половине января 1942 г. награжденных катерников вызвали в Ленинград. Рано утром, в темноте, экипаж «ТК-164» под командой Налетова вышел из Кронштадта. Непросто было тогда добраться до Ленинграда. Отправились мы пешком по заливу к Лисьему Носу, без дороги, по торосистому, занесенному снегом льду. Совсем замерзшие, зашли в первый же дом на берегу. В комнате, у раскрытой дверцы печки, сидела исхудавшая женщина. Молча посидели вместе с ней у печки, обогрелись и снова двинулись в путь. Целый день мы шли по безлюдной дороге, часто присаживались отдохнуть. К счастью, уже вечером удалось на попутной машине доехать до Новой Деревни. С трудом передвигая окоченевшие ноги, укрывая лицо от ветра, дошли до казармы.

На следующий день, вечером, командующий КБФ вице-адмирал В. Ф. Трибуц вручал нам ордена и медали. Меня наградили тогда орденом Красной Звезды.

Утром я получил увольнительную в город. Дошел до Нарвских ворот. Здесь недалеко, на проспекте Стачек, жила моя родственница тетя Груша. Поднялся по знакомой лестнице. Тетя Груша и две ее дочери, допелъзя исхудавшие, лежали на кроватях. В комнате холод. Затопил железную печку, набил чайник снегом. Напоил всех чаем, поровну разделил кусок хлеба и сахар, которые были у меня с собой. Когда прощались, тетя

Груша просила лишь об одном: отстоять наш город. После нашей встречи она прожила только десять дней...

Когда мы вернулись в Кронштадт, командование дивизиона поставило перед личным составом задачу — отремонтировать катера и к 1 мая ввести их в строй.

Делать это нужно было самим — голод косил рабочих Морского завода, лишал их сил. Прежде всего требовалось поднять катера на стенку, установить их на сани-кильблоки. И вот одни катерники вместе с рабочими начали строить на стенке сани-кильблоки, другие пробивали лунки в метровом льду между вмерзшими катерами и Петровской пристанью. Минеры закладывали в лунки заряды. По всему Кронштадту собрали несколько тонн угля, привезли его на пятидесятитонный плавучий кран и буксир. Доставили с квартир двух крановщиков, пришли старшина крана Карпыч и машинист буксира. Теперь было кому поднимать катера на стенку.

10 февраля взорвали лед. Потом трое суток при помощи крана ставили катера на сани-кильблоки. Два гусеничных трактора оттаскивали их от стенки. И вот все катера уже на кильблоках на Центральной аллее Петровского парка, рядом с памятником Петру I.

Экипажи переселились в казарму, чтобы находиться поближе к катерам, и приступили к ремонту. Работами руководил механик отряда Г. Е. Романов, «наш лед», как называли его катерники. Мы все глубоко уважали Григория Ефимовича за знание дела, трудолюбие и человечность.

На «ТК-164» предстояло отремонтировать форштевень и днище в корме, валопровод, установить новые винты. В поврежденные носовой и кормовой отсеки проникла вода. Образовавшиеся глыбы льда дробили по кусочку зубилами и отвертками. В трюмах, во льду, иногда удавалось найти сухари, галеты и даже банки консервов. Такие находки в то тяжелое время были, конечно, приятным сюрпризом.

Лед удаляли очень медленно, пока кому-то не пришла в голову простая мысль — растопить его. Под катер поставили печку, накрыли корпус брезентом, сняли лист обшивки на днище — и потекла вода.

Вначале мы не знали, как подступиться к корпусным работам. Отыскали и привезли на санках ослабевших кадровых рабочих-судосборщиков И. П. Павлова, Т. Е. Доронина, а также мастера-винтовика Ф. И. Вол-

кова и мастера цеха В. С. Сергеева, страшно исхудавших, обессиленных. Каждый день на протяжении последующих месяцев они добирались утром до караульного помещения в Петровском парке и молча грелись у печки. Мы получали от них «урок» на работу и принимались за дело. Иногда приводили мастеров к катеру, чтобы получить консультацию на месте. Немного погодя Доронин даже начал работать вместе с нами. Он обучил радиста Ивана Горяинова ставить отличные заклепки и говорил, что после победы возьмет его к себе в бригаду. Но им обоим не довелось дожить до этого дня: Горяинов погиб в бою в 1943 г., а Доронин так и не смог оправиться после голодной блокадной зимы. Павлов, пошатываясь, обходил катер, давал указания, начал потихонечку работать и сам.

К концу марта отремонтировали корпус и с помощью Волкова поставили новые винты. В общем, к апрелю завершили все работы.

В эту трудную зиму много значили для нас политические занятия и информации мичмана Бориса Дружинина, парторга отряда, чуткого, отзывчивого человека. Он держал нас в курсе событий на фронтах, был первым советчиком и другом, всегда находил возможность сказать каждому из нас несколько теплых слов, так необходимых в те дни. Ведь многие из нас потеряли родных и близких...

С радостью встречали катерники артистов из Ленинграда. Особенно запомнились выступления актеров Театра музыкальной комедии.

Во второй половине апреля 1942 г. шесть торпедных катеров — «57», «67», «111», «164», «121» и «131» — спустили на воду. Штаб дивизиона проверил катера и признал их готовыми к выполнению боевых заданий. На мачтах вновь взвились вымпелы. Приказ Военного совета КБФ был выполнен в срок.

За отлично проведенный ремонт катеров наш механик Г. Е. Романов был награжден орденом Красной Звезды, а личный состав — грамотами наркома ВМФ и Военного совета КБФ.

3

В конце кампании 1942 и 1943 гг. я воевал на своем «ТК-164», а осенью 1943 г. был назначен на новые катера. В конце мая 1944 г. наш 1-й отряд 3-го дивизиона

Фригады торпедных катеров вышел из Кронштадта. На головном «ТК-15» («Алтаец») шел командир отряда капитан 3-го ранга В. М. Старостин. За ним в кильватерной колонне следовали «ТК-25», «ТК-35», «ТК-45», «ТК-55» и катер командира дивизиона капитана 3-го ранга А. П. Крючкова. Это были катера типа «Г-5», построенные в 1942—1943 гг. на деньги, собранные трудящимися Алтая. На одном из катеров находился заместитель по политической части командира дивизиона капитан 3-го ранга И. П. Козлов. Мы уважали этого простого и душевного человека, полностью отвечающего нашим представлениям о комиссаре-коммунисте.

После непродолжительного захода в бухту Батарейная, что за маяком Шепелевским, катера легли на курс к Лужской губе. Катер командира дивизиона увеличил ход и скрылся на горизонте.

Ночью отряд прибыл в Усть-Лугу и ошвартовался у пирса. Рядом стоял отряд катеров 2-го дивизиона (командир А. Г. Свердлов).

На рассвете замаскировали катера трофейными металлосетями и к концу дня начали приемку топлива. Весь экипаж «ТК-35» (у него было и название — «Алтайский комсомолец») во главе с командиром лейтенантом Иваном Устимовым вышел помогать мотористам. Дружная работа командира отделения мотористов Н. Беляева, моториста А. Иванова, боцмана А. Тучева, радиста Б. Пахомова позволила быстро принять бензин и откатить пустые бочки. И как раз вовремя: неожиданно раздался вой пикировщиков. Я высунул из рубки — почти невидимые, со стороны солнца стремительно приближались самолеты противника. Боцман бросился к пулемету, но маскировочная сеть мешала развернуть ствол «ДШК». Бомбы первой десятки «юнкерсов» взорвались на берегу, рядом с пирсом, среди угля и штабелей мешков с мукой. Загорелся «ТК-55». Я прыгнул на пирс и сквозь облака мучной и угольной пыли бросился к горящему катеру, на ходу столкнув бочку с бензином в воду. К «ТК-55» побежали и другие матросы, некоторые с огнетушителями. Мы быстро откатывали в сторону бочки и контейнеры с бензином. Где-то совсем близко рвались бомбы, свистели осколки. Рядом со мною упал раненный в ногу химик отряда старший краснофлотец Гриша Безнис и еще несколько чело-

век. Не успел добежать до «ТК-55» и я: взрыв швырнул меня на настил пирса. Потемнело в глазах, чем-то горячим ударило у левого глаза и в подбородок. Какое-то время лежу, уткнувшись лицом в настил, прикрыв голову руками. Поднимаю голову — правый глаз видит, левый — в красной пелене.

Встаю, делаю несколько шагов. Подбегает парторг Борис Дружинин:

— Что с тобой?

Не отвечаю, в сознании только одна мысль: горит «55-й»! Вместе с Дружининым тащим к катеру огромный брезент и накидываем его на рубку. Катерники бросают на брезент мокрые маты, бьют струями воды из шлангов, поливают из ведер, откатывают прочь бочки с бензином, уносят топливные шланги. И вот пожар потушен — брезент загерметизировал рубку, прекратил доступ воздуха в катер.

Самолеты врага, отбомбившись, на малой высоте ушли в сторону Нарвского залива.

По приказанию Старостина экипажи выстроились на берегу. Тяжелораненых и контуженных увозят санитарные машины. Затем наступает очередь тех, кто держится на ногах.

В госпитале нам быстро оказали помощь. Мне зашили раны, забинтовали голову, оставив только щель для правого глаза. Стал смотреть, кто лежит рядом, — все мои мотористы здесь! Четыре месяца пролежал в госпитале Саша Иванов. Командир отделения мотористов Беляев, к счастью, был легко ранен в кисть руки. А рядом умирает от раны в живот совсем молоденький паренек, моторист с «ТК-45» Ваня Блинов.

С Беляевым вполголоса обсуждаем положение — наш катер остался без мотористов. Решили выбираться немедленно из госпиталя. Дождались удобного момента и — в окно. Поздно вечером добрались до нашего пирса и доложили о прибытии Старостину. Василий Михайлович внимательно посмотрел на нас и сказал, что одобряет желание вернуться в строй, а вот бегство из госпиталя — безобразие. Мы оправдывались, как могли, говорили, что ранения у нас легкие и нельзя же катер ставить на прикол, — без мотористов он в море не выйдет. В конце концов Старостин улыбнулся и разрешил нам идти на катер, а мне приказал ежедневно являться к лектому на перевязку.

Мы сразу же побежали к катерам. На пирсе нас тепло встретили товарищи. Радостно было услышать, что не всем бомбившим катера «юнкерсам» удалось уйти: один самолет сбили зенитные пулеметы катеров Свердлова, несколько других догнали и «приводнили» наши истребители. Лейтенант Устимов очень обрадовался нашему возвращению и тут же приказал готовиться к выходу.

В последние дни мая 1944 г., ночью, отряд вышел на нашу новую маневренную базу. Теперь катера базировались совсем близко от линии фронта, проходящей у Нарвы. Нам предстояло защитить от ударов кораблей гитлеровцев тральщики, которые протраливали фарватеры в Нарвском заливе. И вот в ночь на 29 мая торпедные катера 1-го отряда вышли в Нарвский залив для поиска и уничтожения врага. На головном «ТК-15» находился командир отряда Старостин, за ним в кильватер шли «ТК-35», «ТК-45» и «ТК-65».

Сначала взяли направление на запад, почти параллельно эстонскому берегу. Поиск длился уже час, когда на севере, на фоне светлеющего горизонта, обнаружили силуэты трех кораблей. По команде Старостина катера пошли на сближение. Обстановка была для нас выгодная: низкосидящие, малозаметные катера шли малым ходом от берега, со стороны темной части горизонта.

С каждой минутой силуэты фашистских кораблей становились видны все отчетливее — это тральщики. По приказанию Устимова включаю глушители двигателей. Старостин дает сигнал, и наше звено — «ТК-35» и «ТК-45» — выходит вправо. Теперь мы сближаемся с противником, идя в двух кильватерных колоннах. Наше звено подходит к головному тральщику врага. Устимов спокоен, внимательно смотрит в прицел, рука на кнопке «залп». Гитлеровцы не стреляют — видимо, не замечают нас.

Командир командует:

— Тральщик, пять кабельтовых, лежит в дрейфе, стреляем со «стопа», левому двигателю — «стоп»!

Идем малым ходом на одном двигателе. Темная, свинцово-серая вода маскирует катер, бурун и кильватерная струя почти незаметны... Стреляем обеими торпедами. И надо же, — такая неудача! В момент залпа вражеский тральщик дает задний ход, и торпеды

проходят у него по носу. Теперь-то гитлеровцы наконец обнаруживают наши катера и открывают огонь.

Устимов поворачивает катер вправо и командует:

— Дым!

Боцман Алексей Тунев сразу же включает дымовую аппаратуру. Даю максимальные обороты обоими двигателями. Прорезая полосу дыма, остальные катера успешно выходят в атаку. До нас доносятся взрывы. Под прикрытием дымзавесы нашего «ТК-35» отряд отходит. Все катера благополучно вернулись в базу без потерь в личном составе. Так наш отряд открыл боевой счет 1944 года — потопил три тральщика врага. Позже В. М. Старостину за бои в Нарвском заливе было присвоено звание Героя Советского Союза.

В тот же день вечером наш самолет-разведчик обнаружил идущие в Усть-Нарву корабли противника. На уничтожение сил врага вышли торпедные катера дивизиона, которым командовал С. А. Осипов.

Было еще совсем светло, когда пять катеров прошли на юго-запад. Над ними барражировали четыре наших истребителя. Через полчаса со стороны моря послышалась сильная, все нарастающая канонада. С нетерпением ждали мы возвращения боевых друзей. Казалось, легче самому идти в бой, чем в бездействии ждать на берегу его исхода.

Вот на горизонте показались пять быстродвигающихся точек — все целы! Но «Фокке-вульфы-190» атаковали наши катера. Их встретили «ястребки», и закипел яростный бой над Нарвским заливом. Один за другим падали в воду залива сбитые вражеские самолеты.

Мы прогрели моторы катеров, чтобы быть готовыми в случае необходимости выйти в море для спасения наших летчиков. Но этого не потребовалось: сбиты несколько «фокке-вульфов», а у нас потерь нет! Позже стало известно, что в этот день катера дивизиона, которым командовал Осипов, потопили и повредили пять вражеских кораблей.

На следующий день, ночью, отряд вышел в Кронштадт за торпедами и топливом. На базе «Литке» приняли на борт все необходимое. Но самой большой радостью были только что доставленные новые гребные винты. Их немедленно установили на один из катеров и провели ходовые испытания на Большом кронштадтском

рейде. Экипажи повеселели — скорость катеров резко возросла.

Между тем гитлеровцы продолжали препятствовать тралению в Нарвском заливе. До полутора десятка кораблей врага постоянно находились в море, среди них — миноносцы. Противник даже усилил минные заграждения, поставил новые совсем близко от поверхности воды. Такие мины, поставленные с малым углублением, опасны для наших катерных тральщиков и других катеров. Уничтожением этих мин-ловушек занимались наши небольшие катера с очень малой осадкой. Минеры прямо с носа катера навешивали на обнаруженные мины подрывные патроны.

В ночь на 6 июня отряд находился в немедленной готовности в любую минуту выйти на помощь тральщикам. Наш радист настроился на волну катеров, и мы слушали переговоры открытым текстом. Через некоторое время услышали, что появился противник и подошедшие катера отряда Свердлова вступили в бой с вражескими сторожевиками. С нетерпением ждем приказа выходить. Наконец Свердлов передает:

— Старостин! Старостин! Прошу помощи!

Мгновенно по команде взревели моторы, и пять катеров устремились к месту боя. Главным шел катер «ТК-15» со Старостиным, за ним «ТК-35», «ТК-45», «ТК-55» и «ТК-65». На «ТК-55» находился командир дивизиона капитан 3-го ранга А. П. Крючков. Вскоре на горизонте увидели вспышки орудийных залпов. Отряд опять шел на сближение с противником с юга, со стороны берега. Один из наших катеров поставил дымовую завесу. Мой катер на полных оборотах рванулся в атаку сквозь дым. Минуту-другую спустя я заметил, как над «ТК-46» из отряда Свердлова встал сноп пламени, потом раздался взрыв и огнем вспыхнула вода — горел разлившийся бензин. Так погибли наши боевые друзья, экипаж лейтенанта Николая Панкова.

Сквозь завесу огня наш катер прорвался к кораблям противника, выпустил торпеды и сразу же развернулся и начал отходить. Выпустили торпеды и остальные катера отряда. Мы вновь прошли через дымовую завесу и вышли из зоны огня артиллерии гитлеровских кораблей.

Катера вновь собрались вместе, но нет «ТК-55». Что с ним случилось? Завеса все больше редет, и Старостин дает сигнал идти в базу. Вдруг «ТК-15» резко увели-

чил скорость и помчался к базе. Когда мы подошли к причалу, он был уже там — стоял, приткнувшись носом к берегу. Оказалось, что через прогоревший резиновый манжет газовыхлопа глушителя стала поступать в трюм вода. Командир не растерялся, дал полный ход и успел приткнуться к берегу.

Прошел почти час после прихода в базу, как вдруг мы заметили приближающуюся точку: медленно, на одном двигателе подходил «55-й». В борту и на палубе виднелись осколочные пробоины: при отходе в катер попал снаряд. Были разбиты правый масляный бак, водяные и масляные магистрали. Отсек наполнился паром, било горячее масло. Старшина-моторист Костя Степанов немедленно заглушил правый двигатель. Катер сбавил ход, но его начал настигать гитлеровский миноносец. Тогда командир дивизиона приказал дать ход обоими двигателями. Взревели двигатели, мотористы тряпками, телом зажимали пробоины в трубах и баке, и катер скрылся от врага за дымзавесой. Из экипажа катера пострадали мотористы Плетнев и Пирожков, которые получили сильные ожоги.

В этом бою катера отрядов Свердлова и Старостина пустили ко дну несколько кораблей врага.

В последующие дни катера нашего отряда перешли в Кронштадт для устранения повреждений и ремонта механизмов. Работать пришлось очень напряженно, идти в город некогда, а нам очень хотелось послушать выступавший в клубе джаз Леонида Утесова. И все-таки это удалось — джаз приехал к нам на базу «Литке». Катерники от души поблагодарили любимых артистов.

11 июня отряд вернулся в базу. Мы узнали, что катерные тральщики продолжают свою трудную работу в Нарвском заливе. С воздуха их прикрывают «ястребки», так что гитлеровская авиация не может прорваться к району траления. А вот на воде бои продолжаются. Со стороны противника действуют миноносцы, вооруженные 105-миллиметровым орудием и зенитными автоматами. Наши тральщики поддерживают бронекатера.

Помню, что в июне произошел такой случай. Наш самолет «ИЛ-2» атаковал вражеский корабль и на отходе был подбит, загорелся. Теряя высоту, летчик пытался дотянуть до берега. Командир «ТК-15» старший лейтенант Б. П. Фруль повел свой катер на помощь. Самолет упал в воду у берега, занятого противником. Гитлеров-

ны сразу же открыли артиллерийский огонь, преграждая с моря путь к месту падения. «15-й» не смог прорваться и отошел мористее. Потом катер вновь пытался на полном ходу прорваться, но вдруг заглохли оба двигателя. Противник сразу же пристрелялся по неподвижной мишени. Казалось, что гибель катера неминуема. Но опытный старшина-моторист мичман А. П. Назаренко в считанные секунды переключил двигатели на запасные баки, и катер вновь вышел из зоны огня.

Между тем с истребителей, барражировавших в воздухе, еще и еще раз просили катер спасти их товарища. Фруль вновь повел катер в сторону берега, потом, неожиданно для врага, повернул и пошел параллельно ему, оставляя за собой хвост дымзавесы. Ветер дул с моря, и завесу понесло к берегу. Под ее прикрытием Фруль прорвался сквозь огонь врага и всего лишь в трех кабельтовых от берега взял на борт летчика. Дым помог катеру благополучно отойти в море. Летчика доставили в базу, где ему оказали необходимую помощь. По представлению командира авиадивизии экипаж «ТК-15» был награжден орденами и медалями.

В ночь с 16 на 17 июня Старостий вывел наш отряд в море на поиск кораблей противника. Сам командир, как всегда, шел на «ТК-15», а на нашем «ТК-35» находился заместитель по политической части дивизиона капитан 3-го ранга Г. К. Козлов. Перед выходом Козлов коротко разъяснил боевую задачу и сказал, что хочет пойти с нами в бой, иначе какой же он катерник (до этого Козлов служил на тральщиках). Нам было приятно, что замполит идет в бой на нашем катере.

Катера шли двумя кильватерными колоннами: мы были слева от «ТК-15», за нами шел «ТК-45». Скорость — 25 узлов. Мой командир лейтенант Устимов сосредоточенно смотрит вперед, иногда коротко отвечая на вопросы Козлова. Боцман Тунев сидит верхом на правом борту рубки и внимательно наблюдает за горизонтом и морем, держась обеими руками за поручень ограждения рубки. Я стою левой ногой на подножке рубки, правая, согнутая в колене, — на трубе торпедного аппарата. Управляю двигателями, внимательно слежу за показаниями приборов. Катер прыгает на волне, и я пет-нет да ударяюсь о борт рубки. Время от времени вызываю из моторного отсека командира отделения мотористов Беляева, чтобы выяснить, как дела.

Он, улыбаясь, показывает большой палец: порядок! Иногда с разрешения командира сам спускаюсь вниз и проверяю двигатели и валопроводы. Приходится это делать, так как у Беляева после ранения все еще не действует рука, а моторист Иванов не вернулся пока из госпиталя.

Но вот на фоне светлеющего неба показались черные черточки — корабли противника! Командир включает залповую коробку торпедной стрельбы, боцман готовит дымовую аппаратуру. Козлов выходит из рубки и встает у пулемета. Ход пока не увеличиваем, но вот команда, решительный рывок — и в атаку! Противник обнаруживает нас и открывает огонь. Устимов прильнул к прицелу, рукой нажимает мне на плечо. Это значит «прибавь обороты». Катер набирает ход, вздымая пенный бурш. Стрелка тахометра ползет вправо: 1200, 1400, 1600 оборотов. Снаряды рвутся рядом, но мы мчимся вперед.

И вдруг глухой удар под днищем. Катер подбрасывает вверх, потом нос его зарывается в воду. Меня швыряет на рубку. Одно мгновение вижу развороченное днище и врывающийся в пробоину поток воды. Успеваю выключить двигатели и, преодолевая обрушивающийся сверху вал воды, выныриваю через лаз рубки. Впереди еще несколько секунд виден нос катера, потом он исчезает в волнах. Вокруг меня бурлит и пузырится вода — это выходит сжатый воздух из развороченных торпед. Поверх воды разлился бензин.

Осматриваюсь. Поодаль плавают Беляев и пулеметчик Потапов. Намокшая одежда тянет вниз. Раздеться не могу — сапоги закреплены сверху тесемками. При каждой попытке развязать их камнем иду ко дну. Метрах в двадцати вижу Устимова, Тунева и Пахомова. Нет только капитана 3-го ранга Козлова. Командир кричит:

— Держитесь, ребята! Нас обязательно подберут свои, уже светает!

Пытаемся найти Козлова — безуспешно. Видимо, погиб при подрыве на mine. В воде обнаруживаем неприятное соседство: стеклянные шары-поплавки от мин-ловушек. Шары на тросах, как паутина, расходятся от мины. Достаточно катеру коснуться такого поплавка — и мина взрывается. Теперь все понятно. Враг скрытно поставил минное поле на нашем обычном маршруте.

Видимо, нельзя было ходить каждый раз одним и тем же путем...

Стараемся держаться в стороне от стеклянных шаров. Силы уже на исходе. В голове одна мысль: только бы гитлеровцы не подоспели раньше наших. Туманится сознание, все чаще начинаю уходить на глубину. С трудом выныриваю на поверхность. Прихожу в себя от резкого удара головой о что-то твердое. Понимаю, что меня держат на поверхности, потом тянут вверх. Я лежу на палубе. Нас спасли наши боевые друзья — экипаж «ТК-45» лейтенанта В. Б. Кривошеина. Их катер поставил дымзавесу и, рискуя подорваться на минах, на малом ходу искал нас. Боцман Л. Я. Касьяненко успел подцепить меня крюком, когда я уже уходил под воду. На всю жизнь запомнил наш экипаж имена своих спасителей и их отважного командира Виктора Борисовича Кривошеина.

Так мы стали «безлошадными». Но вскоре наш спаситель «ТК-45» также подорвался на mine. На следующий день погиб катер «ТК-57» капитан-лейтенанта Жильцова... Так в три дня отряд лишился трех катеров. К счастью, их экипажи были спасены.

В начале июля 1944 г. экипажи трех погибших катеров направили в Ленинград для того, чтобы принять на заводе новые торпедные катера.

В августе я вновь вернулся в Кронштадт. Теперь я служил на «ТК-125».

21 сентября наш 2-й отряд (командир капитан 3-го ранга И. Я. Становнов) вышел с десантом к порту Кунда. В 19 часов морские пехотинцы высадились на берег и заняли территорию цементного завода. Гитлеровцы успели уйти, взорвав все, что только возможно. В ближайшем лесу мы увидели землянки. В них ютились изнуренные, оборванные женщины и дети, угнанные из Псковщины и Новгородской области.

Ночью лейтенант В. П. Газин, новый мой командир, привел катер в базу. Через сутки, днем 23 сентября 1944 г., катера вышли в Таллин. Впереди нас ждали новые бои.

И. С. КАБО,
капитан 1-го ранга.

Командир гвардейской подводной лодки „Щ-309“ в 1941—1943 гг.

НА ПРОСТОРАХ БАЛТИКИ

Ночью 13 августа 1942 г. «Щ-309» вышла из Ленинграда. Нам предстоял боевой поход в Балтийское море. На переходе лодку трижды обстреляла вражеская артиллерия. Спаряды ложились совсем близко от лодки, но все обошлось благополучно, и мы без повреждений дошли до Кронштадта.

Враг создал в Финском заливе на пути движения советских подводных кораблей мощные противолодочные позиции из тысяч мин различного типа, выставленных на разных глубинах. Только в центральной части Финского залива, в районе мыса Юминда, было поставлено до 3 тысяч мин и минных защитников.

Минные заграждения, малые глубины и многочисленные острова и банки Финского залива создавали, казалось, непреодолимые трудности для прорыва советских подводных лодок в Балтику.

Экипаж нашей «шуки» ясно представлял, что на пути к боевой позиции придется преодолеть миные поля, уклониться от вражеских корабельных дозоров и самолетов. Опасность была исключительно велика. Но я был уверен, что экипаж «Щ-309» выполнит приказ командования.

Корабль успешно форсировал Финский залив. 23 августа мы заняли назначенную боевую позицию в центральной части Балтийского моря.

Прошло двое суток. 25 августа в 10.20 вахтенный офицер старший лейтенант А. И. Беглов доложил о том, что впереди по курсу обнаружен транспорт в охранении эскадренного миноносца и тральщика.

Боевая тревога!

Моряки молниеносно заняли свои места на боевых постах.

— Торпедная атака! — скомандовал я, прильнув к окулярам перископа.

Лодка начала маневрировать в точку торпедного залпа. Оставалось несколько минут до команды «залп!», когда, подняв на секунду перископ, я увидел, что эскадренный миноносец находится к нам ближе, чем транспорт, и немного прикрывает его корпус. Впереди по курсу конвоя вел поиск подводных лодок самолет.

Говорят, что за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймашь. Но я решил стрелять по транспорту и миноносцу одновременно. Во-первых, заманчиво пустить ко дну сразу два корабля, а во-вторых, если потопить эсmineц, то это избавит лодку от преследования.

Даю первый залп. Только бы облегченный после выпуска торпед нос лодки не выскочил на поверхность! Но опытный рулевой боцман В. В. Пронин хорошо держит заданную глубину, управляя горизонтальными рулями.

Даю второй залп. Лодка, наперекор всем усилиям боцмана, всплывает и показывает на поверхность нос. В перископ наблюдаю след наших торпед. Идут нормально! Посмотреть бы, как они попадут в цель. Ну а если эсmineц не торпедирован и нашу «щучку» заметят?.. Решаю как можно быстрее идти на глубину.

Лодка погружается. Сквозь шум воды, врывающейся в балластные цистерны, отчетливо доносятся взрывы обеих торпед. Видимо, транспорт и миноносец потоплены. Лодку никто не атакует, не рвутся глубинные бомбы.

Все же решаюсь всплыть под перископ, хотя лодку может атаковать вражеский самолет. На поверхности моря тральщик, вдаль над морем летят два самолета — явно ищут лодку. Но взрывов бомб не слышим. Что-то чересчур хорошо! Вряд ли еще будет такая удача.

Чтобы не быть обнаруженными самолетами, мы всплыли с наступлением полной темноты. Начали зарядку аккумуляторной батареи, вентиляцию отсеков,

пополнение запасов воздуха высокого давления. На мостике находились только я и сигнальщик.

Ночь темная. Четверть луны оставляет на воде узкую серебристую полосу.

Через десять минут после всплытия сигнальщик И. П. Бутаров доложил:

— Слева на траверзе самолет противника.

И тут же я услышал звук его моторов.

Самолет внезапно выскочил из темноты на лунную дорожку, пролетел за кормой лодки и начал разворот. Сейчас он ляжет на боевой курс для атаки лодки с кормы...

— Сигнальщику вниз. Срочное погружение. Лево на борт! — скомандовал я и, спускаясь вниз, закрыл рубочный люк.

Лодка начала уходить под воду. Едва мы успели погрузиться на три с половиной метра, как справа от лодки раздался сильный взрыв. В первом отсеке погас свет, упали на палубу морские часы, вышел из строя машинный телеграф. Прочный корпус лодки поврежденный не имел, но вышел из строя эхолот — прибор для измерения морских глубин. Больше взрывов бомб не было — видимо, враг потерял нас. Более двух суток занимался ремонтом эхолота штурманский электрик старшина 2-й статьи И. Я. Фесенко. Наконец прибор заработал. Нелегко бы нам пришлось без эхолота на обратном пути в базу.

Лодка продолжала боевой поход. В специальном номере сатирической газеты лодки «Полундра», выпущенном по случаю первой атаки, наши художники изобразили переполюх в штабе фашистского военно-морского командования из-за гибели транспорта и эскадренного миноносца и высмеяли громогласные заявления о том, что ни одна советская подводная лодка не прорвется в Балтийское море.

Несколько дней море пустынно. Неужели противник будет обходить наш район?

Но вот 30 августа мы обнаружили конвой из двух транспортов в охранении четырех сторожевых катеров и одного самолета. Начинаю атаку. Боцман Пронин идеально держит заданную глубину. Штурман Е. Т. Антипов, склонившись над картой, прокладывает курс боевого маневрирования лодки. Рулевой Т. И. Анишин не спускает глаз с катушки репитера гирокомпаса. Подни-

дно перископ. Раз, другой... Наконец цель в перекрестье, и к транспорту устремились торпеды. Уходим на глубину. Слышим один за другим взрывы торпед — попали в цель!

Но теперь противник быстро сориентировался. Едва и поднял перископ, чтобы убедиться в результате атаки, как два разрыва впереди по курсу закачали лодку. Начинаю послезалповое маневрирование, но обмануть фашистского летчика трудно — с высоты 200 метров ему виден силуэт «щуки». Рвутся глубинные бомбы. После двух десятков взрывов наступила тишина. Оторвались! Лодка уходит в сторону от обычных маршрутов конвоев, — нужно спокойно перезарядить торпедные аппараты.

После жестокого шторма установилась штилевая погода. Но для «Щ-309» такая погода не благо: противник может обнаружить нас на большом расстоянии.

Изредка поднимаю перископ. Горизонт чист. Но вот появляется низко летящий самолет. Это предвещает близкую встречу с противником: обычно гитлеровцы высылают самолеты далеко вперед по курсу своих транспортов.

Предположение подтвердилось. На горизонте конвой с сильным охранением — 2 транспорта, 2 сторожевика, 1 самолет и 5 катеров.

Не отрывая глаз от окуляров перископа, громко перечисляю состав конвоя. Всем в центральном посту понятно — атака будет сложной, охранение очень сильное. От перископа к горизонту уходит сверкающая полоса отраженных поверхностью моря солнечных лучей — солнечная дорожка. Она такая яркая, что слепит глаза и на этот раз может стать союзником лодки. Решаю пересечь курс кораблей противника так, чтобы относительно них быть на солнце.

Маневрирование, затем короткие команды... Корпус лодки вздрогнул — две торпеды, выскользнув из кормовых аппаратов, пошли к цели. Обычное томительное ожидание, и наконец — взрыв. Радостная весть облетает отсеки: фашистский транспорт торпедирован.

Враг не медлит. Вслед за взрывом торпед раздаются взрывы глубинных бомб. Катера прямо над лодкой. В отсеках отчетливо слышен шум их винтов. Но, видимо, фашисты не обнаружили «Щ-309». Одна за другой

рвутся 12 бомб, и катера уходят. Мы избежали преследования, не получив повреждений.

Герои дня — торпедисты кормового отсека и их командир мичман Ф. Д. Фокин. Товарищи подшучивают — мичман «осиротел», так как в кормовых аппаратах не осталось торпед. Корабельный карикатурист спешно нарисовал для газеты дружеский шарж: Фокин грустно сидит у кормовых торпедных аппаратов. Под рисунком подпись: «Что мне делать, как мне быть, чем фашиста буду бить?»

12 сентября — последняя атака в этом походе. У перископа — вахтенный офицер. Изредка он с сожалением говорит:

— Болтается всякая мелюзга, опять пустая шхуна идет.

— После шхуны и транспорты покажутся, — замечает старшина 2-й статьи Анишин, вахтенный рулевой на горизонтальных рулях.

Прошло немного времени, и вахтенный офицер обнаружил конвой: 4 транспорта, 3 сторожевых корабля и 4 катера. Его сопровождает самолет.

— Торпедная атака!

В последние секунды перед залпом поднимаю перископ. Вижу, как подползает к нити прицела транспорт. Видны даже люди на мостике. Бросаю взгляд на глубиномеры — лодка идет на заданной глубине.

...Обе торпеды вышли из носовых аппаратов. Продолжаю смотреть в перископ. На поверхности моря белесый след торпед, но ждать, когда они дойдут до цели, нельзя — противник заметил идущие на транспорты торпеды. Уже разворачиваются сторожевые катера. Опускаю перископ. Лодка уходит на глубину.

В этот момент заклинило носовые горизонтальные рули, к счастью в положении «на погружение». Такое положение горизонтальных рулей помогает лодке с началом погружения быстрее уйти на глубину.

Раздается взрыв одной торпеды. Фашистский транспорт отправился на дно... Второго взрыва не слышно.

Проходит еще минута, другая. Взрывов глубинных бомб не слышно. Лодка продолжает маневрировать, чтобы оторваться от кораблей противника. На четвертой минуте после погружения лодку сотрясает взрыв. Лопаются электрические лампочки, на головы сыплется

пробка, то и дело гаснет свет — выбиты электрические предохранители.

Взрывы, взрывы... Приказываю выключить часть механизмов. Гребные электромоторы двигают лодку толчками — дают обороты только тогда, когда начинают работать винты вражеских кораблей. Враг упорен — не уходит. В первом отсеке хорошо слышна работа винтов кораблей противника. Потом шум винтов пропадает — это враг выслушивает лодку. Затем снова дает ход... И так много раз.

Видимо, на этот раз противник почти точно знает место «Щ-309». Слышно, как в воду падают бомбы. Близкие взрывы подбрасывают лодку, швыряют ее из стороны в сторону. Вслушиваюсь. Мне кажется, что я физически ощущаю десятки метров водной толщи, отделяющей лодку от поверхности моря.

Взрывы все ближе и ближе. Напряжение растет, но все спокойны. В минуты затишья старший политрук С. З. Кацнельсон переходит из отсека в отсек, беседует с людьми, но ни у кого ни тени страха. Военный комиссар подходит ко мне. Он ничего не говорит, но я понимаю, что все в порядке. .

Лодке необходимо переменить место, уйти от надвигающейся опасности. Но дать ход — это значит включить гребные электромоторы. Враг сразу же услышит работу винтов. Надо рисковать, выхода нет... Шум катеров все еще слышен: противник не уходит. Один за другим раздаются еще восемь близких взрывов глубинных бомб. Потом опять наступает тишина. Даю ход. Минута, другая...

— Стоп, моторы!

Лодка медленно, без хода, погружается, увеличивает глубину и наконец ложится на грунт.

Наступившая тишина настораживает. Может быть, враг экономит бомбы? Вдруг раздаются сразу три взрыва. Еще через четверть часа новая серия взрывов: восемь бомб.

Прошло уже два часа с момента последней серии взрывов, а акустик А. Ф. Петрюк продолжает докладывать:

— Справа по корме семьдесят градусов и слева по носу двадцать градусов катера дали ход. Шум их приближается.

— Катера застопорили ход.

— Катера заходят слева по носу.

Наконец акустик уверенно докладывает, что на поверхности моря полная тишина. Лодка начинает оживать. Пускаются первые механизмы, и их шумок радует людей. Они ощущают усталость и голод. В отсеках стало холодно. Но у всех хорошее настроение. Радость победы так велика, что забыто все пережитое.

Самый большой урон — выход из строя радиопередатчика. Лодка всплывает, но мы не можем ответить на радиограмму командования. А от нас требуют срочно сообщить место и наши действия. Как выяснилось после возвращения в базу, такой запрос был вызван перехваченным сообщением противника о потоплении нашей лодки. Передатчик оказался серьезно поврежденным. Казалось, без вмешательства заводских специалистов ввести его в действие невозможно. За дело взялся наш радист старшина 1-й статьи В. Д. Коновалов. Пять суток почти без отдыха возился радист с передатчиком и все-таки ввел его в строй. Донесение послано... Ночью, в надводном положении, ввели в строй и носовые горизонтальные рули.

С далекой родной земли на «Щ-309» приходят радиовести. Совинформбюро сообщает о потоплении подводниками Балтики кораблей противника. Радостно сознавать, что в этих успехах есть и значительная доля «Щ-309».

В ночь на 28 сентября экипаж лодки получил приказ возвратиться в базу.

Дышалось в лодке тяжело — сказывался недостаток кислорода. В сутки каждый подводник дышал свежим воздухом в среднем от двух до пяти минут. И так на протяжении почти двух месяцев пребывания подводной лодки в море... Давала себя знать и усталость и даже голод — поход наш был рассчитан на 40 суток, запасы продуктов подходили к концу и пришлось сократить рацион. Но экипаж, закаленный в предыдущих боях, переносил трудности стойко.

Вошли в Финский залив, возвращаемся в базу. 1 октября «Щ-309» подверглась длительной бомбежке внезапно появившихся катеров противника. Впереди по курсу лодки и за кормой разорвалось по семь бомб. Мы, что называется, в вилке. Часть катеров вырвалась вперед, чтобы не дать лодке уйти, остальные продолжают поиск на месте, где нас обнаружили. Но я уже начал

маневр уклонения, пользуясь исключительно точной информацией акустика Петрюка о движении вражеских кораблей. Ложимся на грунт в месте, где наряду с одинокими глубинами на небольшом участке имеется солидная впадина, и этим вводим противника в заблуждение. Катера безуспешно ищут неожиданно исчезнувшую лодку.

Когда противник прекратил многочасовой поиск, «Щ-309» возобновила форсирование противолодочных позиций. Прижимаясь к грунту, мы медленно продвигались на восток. 53 дня и ночи экипаж подводной лодки находится в боевом походе. Остров Лавенсари уже рядом.

«Щ-309», задержавшаяся в море из-за длительного преследования, пришла в место встречи с нашими катерами с запозданием. В течение всего похода мы всплыли только с наступлением темноты. И вот наконец ранним утром 5 октября мы всплыли на видимости сигнального поста острова Лавенсари. И тут же от пирса бухты Норе-Капельлахт к лодке устремился катер «МО-121». Подойдя к нам, он развернулся и повел «Щ-309» в бухту.

Пять дней мы простояли у пирса. Гарнизон острова старался сделать все возможное, чтобы мы хорошо отдохнули после тяжелых дней похода.

10 октября «Щ-309» под эскортом базовых тральщиков перешла в Кронштадт, а на следующий день была уже в Ленинграде. Начался послепоходный ремонт.

За время боевого похода лодка прошла более тысячи миль под водой и более двух тысяч в надводном положении. Наш боевой счет вырос на эсминец и три транспорта врага. За мужество и доблесть весь экипаж был награжден орденами. Приказом наркома Военно-Морского Флота «Щ-309» было присвоено гвардейское звание.

А. М. МАТИЯСЕВИЧ,
капитан 1-го ранга.

Командир краснознаменной подводной лодки „Лембит“ в 1941—1945 гг.

„ЛЕМБИТ“ В ОСЕННИХ ПОХОДАХ СОРОК ПЕРВОГО

В середине сентября 1941 г. подводная лодка «Лембит» ошвартовалась к стенке кронштадтского Морского завода для небольшого ремонта.

Думаю, что дату 23 сентября 1941 г. запомнили все кронштадтцы. В этот день враг предпринял массированный налет на город и главным образом на корабли, которыми были забиты тесные кронштадтские гавани и рейды.

До этого времени мы не открывали огонь из своей пушки, но тут наш зенитный полуавтомат заработал на полную мощность. Зенитные средства береговых батарей и вся зенитная артиллерия кораблей непрерывно вели огонь. Небо покрылось облачками от разрывов снарядов, а между ними металась и, стремительно снижаясь, сбрасывали тонны бомб вражеские самолеты.

Налет длился уже несколько часов. Лейтенант А. П. Столов едва успевал подавать команды, но матросы-наводчики И. Я. Помазин и И. Я. Гриценко и сами стлично видели цели и быстро крутили рукоятки наводки. Огонь мешал врагу прицельно сбрасывать бомбы, и они падали вблизи кораблей, взрывались и поднимали столбы грязи и воды. Корпус содрогался и даже временами качался от взрывной волны. Лодка покрылась слоем ила и песка. Мы тоже были все в грязи. Комиссар П. П. Иванов время от времени поднимался на

мостик и снова спускался вниз, чтобы проинформировать команду о ходе боя, подбодрить людей.

Как ни интенсивен был огонь кронштадтских зенитчиков, предотвратить большую беду не удалось: бомба попала в линкор «Марат».

Колоссальной силы взрыв потряс корабли и осветил маревом Кронштадт. Столб пламени и черного дыма поднялся высоко в воздух. Мы все как-то оцепенели и не могли оторвать глаз от происходящего. Вся носовая часть линкора вместе с главным командным пунктом и людьми, находящимися на нем, была разрушена.

На «Марате» остались в строю три башни. Девять 12-дюймовых орудий — грозная сила. Всю войну артиллеристы линкора вели огонь по фашистам. Много раз маратовцы подавляли фашистские батареи, которые обстреливали наши подводные лодки и другие корабли, прорывавшиеся по Морскому каналу из Кронштадта в Ленинград и обратно.

Мы быстро покончили с ремонтом, и в октябре «Лембит» вышла на позицию в Нарвском заливе. Нашей задачей было не допустить корабли и суда противника к Усть-Нарве по южному фарватеру и разведать, работает ли железнодорожная станция Валасте и цементный завод в Ассери.

Днем мы держались под водой, а ночью всплывали и ходили в надводном положении возможно ближе к берегу Нарвского залива.

Дым и паровозные гудки свидетельствовали, что станция и завод продолжают работать. Но море было пустынно — за все время не прошло ни одного судна. Обидно, конечно, возвращаться в базу, не выпустив ни одной торпеды, не поставив мины, однако задачу по разведке мы выполнили успешно.

Получив донесение с «Лембит», командование флота решило послать в Нарвский залив подводную лодку с более мощной артиллерией — у нас стояла 40-миллиметровая пушка. На смену нам пришла «С-7» капитан-лейтенанта С. П. Лисина. Огонь ее дальнобойного 100-миллиметрового орудия вызвал пожары на станции Валасте, а артиллерийский удар по заводу надолго вывел его из строя.

Вернувшись на несколько дней в Кронштадт, мы получили новое боевое задание — срочно заминировать фарватер в проливе Бьёркезунд, пользуясь которым, против-

ник мог выходить из шхер в непосредственной близости к нашим коммуникациям между базами на Гогланде, Лавенсари, Сескаре и Кронштадтом. Этот приказ моряки встретили с энтузиазмом — уже более двух месяцев мины лежали в предназначенных для этого специальных шахтах лодки. Теперь, перед выходом в море, чтобы еще раз убедиться в исправности взрывных устройств, требовалось каждую мину поднять на палубу и проверить.

Каждый час был дорог. Кронштадт обстреливался фашистской артиллерией. С воем проносились снаряды над пирсами базы подводных лодок, над Морским заводом.

А тут выяснилось, что не хватает некоторых специальных приспособлений для подъема мин из шахт. Завод брался изготовить необходимые детали лишь через двое суток, что нас совершенно не устраивало. Выручили свои умельцы. Командир боевой части старший лейтенант Анатолий Столов не забыл профессию слесаря, матрос Петр Корешков — навыки подручного кузнеца. В кузнице береговой базы подплава развели огонь. Весело застучали молоты. Через несколько часов все необходимые детали были изготовлены.

Работать с минами в темноте, лишь при свете переносных фонариков, да еще под обстрелом, — трудное дело. Снаряды рвались вблизи пирса и подводной лодки. Старшина минно-торпедной группы П. Н. Ченский, командир отделения торпедистов А. А. Царев, торпедист И. Ф. Нестерчук под руководством старшего лейтенанта Анатолия Столова, не обращая внимания на «аккомпанемент» гитлеровской артиллерии, готовили мины и спокойно опускали их в шахты.

Комиссар лодки Петр Петрович Иванов попевал всюду. Он был и в кузнице, и на складе боезапаса, и на продовольственном складе. Казалось, ничего особенного комиссар не делал: скажет паре слов, пошутит, посоветует. Но его приход вносил оживление, вселял в людей бодрость, уверенность в успехе, и любая работа хорошо спорилась. Лодка была готова к выходу в море точно в назначенный срок.

Плывать в Финском заливе, да еще под водой, всегда нелесная задача. А тут еще все маяки в Финском заливе погашены. Место же лодки надо знать с максимальной точностью. Только тщательная штурманская прокладка, математические расчеты и определение ме-

стояхождения лодки по различным приметным ориентирам на берегу могли обеспечить плавание по известным нам фарватерам и постановку мин в назначенной точке. Эту кропотливую работу выполняет на подводной лодке штурман. Так как штурман «Лембит» заболел, по моей просьбе в море с нами пошел флагманский штурман соединения В. П. Чалов, грамотный моряк и по характеру очень спокойный человек. Поэтому я был уверен, что штурманская часть в этом хотя и недалеком, но ответственном походе не подведет.

К ночи пошел снег. Приближался час выхода, но кронштадтские гавани и рейды уже покрылись молодым льдом, а буксирных судов и тральщиков в базе не оказалось. Вывести лодку в море было некому. Ломая лед своим прочным форштевнем, «Лембит» прошла Большой кронштадтский рейд. Дальше темнела стывшая вода. Часть пути к месту минной постановки мы прошли ночью над водой. С рассветом лодка погрузилась и на перископной глубине вошла в пролив.

Глубины в Бьёркезунде небольшие, едва доступные для постановки мин с лодки из подводного положения. Но вот В. П. Чалов докладывает, что мы в заданной точке. Я приказываю начать постановку мин. Старшины групп П. Н. Ченский и Ф. В. Посвалюк отлично обеспечили постановку — все 20 мин безотказно вышли из шахт. Боцман М. И. Дмитриев удерживал лодку точно на заданной глубине, а рулевой С. М. Корниенко четко выполнял приказания об изменении курса лодки. Трудно было маневрировать на узком фарватере, но задание выполнено успешно. Теперь корабли врага не пройдут здесь безнаказанно.

Я осмотрел в перископ водную поверхность и убедился, что всплывших мин нет. Потом взял пеленги на хорошо видимые береговые ориентиры, уточнил место постановки мин. Противник нас не обнаружил. Значит, постановка прошла скрытно, а это главное.

За неполные сутки зима набрала силу. О форштевень лодки со звоном ударялись крепкие плиты льда. Мороз крепчал, и кромка льда быстро перемещалась на запад. Движение лодки замедлилось, но все же к полуночи мы ошвартовались к своему пирсу в Кронштадте.

Нас встретил начальник штаба бригады лодок капитан 1-го ранга Л. А. Курников, поздравил с выполнением

боевого задания и передал приказание через сутки подготовить лодку к перебазированию в Ленинград.

К этому времени вся Невская губа уже затянулась льдом, и «Лембит» пришлось пробиваться через него в Ленинград своими силами, без ледокола.

Было уже темно, когда, благополучно отойдя от пирса, лодка стала медленно разворачиваться в битом льду. Тут, как назло, под нос попала какая-то особенно крепкая льдина, которая не желала расколоться и не отжималась в сторону.

Кронштадтские гавани и Морской канал находились под постоянным наблюдением противника. Видимо, и наше движение засекли: снаряд упал близко от правого борта лодки, за ним второй поднял фонтан по корме. А лодка никак не могла сдвинуться с места. И тут третий снаряд упал впереди лодки — вилка! — и разрушил мешавшую нам льдину. Вот это повезло! «Лембит» стремительно рванулась вперед. Четвертый снаряд угодила как раз в то место, где мы только что стояли. Но лодка уже успела подойти под прикрытия каменной стенки гавани. На полном ходу миновали Малый кронштадтский рейд и пошли по Морскому каналу.

Движущийся лед сбивал лодку с курса. Штурманский электрик Н. Г. Панов то и дело докладывал на мостик: «Эхолот показывает под килем: один метр, полметра...» Я с большим трудом удерживал лодку на фарватере. Дизели работали с полной нагрузкой.

Занятый фашистами южный берег по-прежнему громыхал орудийными раскатами, над руинами Петергофа взлетали яркие белые ракеты. Они освещали не только берег, но и весь Морской канал. Снаряды часто рвались возле самой лодки. Чтобы не попасть в артиллерийскую вилку, приходилось то и дело менять скорость. Внезапно дизели стали «глохнуть». Движение лодки замедлилось. Вскоре, зажата со всех сторон плотной ледяной кашей, она совсем остановилась. Дизели встали — кингстоны, через которые подается вода для их охлаждения, забило ледяной шугой. Неужели здесь, у своих родных берегов, у входа в закрытую часть Морского канала, наша лодка погибнет в самом начале войны?

Инженер-механик Сергей Алексеевич Моисеев не растерялся. Под его руководством старшина группы мотористов В. И. Грачев, моторист Н. И. Шеханин и трюмный А. И. Расторгуев стали продувать кингстоны и очи-

шать их ото льда. Но ждать было нельзя. Стоявшая во льду лодка представляла отличную мишень для вражеских артиллеристов. Я приказал доложить о готовности к работе аккумуляторных батарей. Из центрального поста сообщили, что зарядка почти полная, можно подать питание на электромоторы. Чтобы вырваться из ледяного плена и предотвратить неминуемую катастрофу, пришлось дать форсированный ход электромоторами. Лодка как бы нехотя, скрипя бортами по сжимавшим ее ледяным торосам, двинулась вперед и постепенно набрала скорость. И как раз вовремя — снова нам удалось избежать попадания. Снаряды рвались за кормой. Приближались спасительные земляные дамбы огражденной части Морского канала. На мостик доложили, что дизели могут работать. Я скомандовал: «Стоп моторы! Дизелям полный вперед!»

От быстрого хода лед стал вползать даже на палубу «Лембит». Яркая белая ракета врага хорошо осветила вход в канал между дамбами, и это помогло нашей лодке. Так, на рассвете 7 ноября 1941 г., преодолев тяжелый лед, «Лембит» вошла в Неву.

Впоследствии было установлено, что через несколько дней после того, как «Лембит» побывала в Бьёркезунде, на наших минах подорвались и затонули тральщик и посыльное судно врага.

Боевые походы 1941 г. сплотили наш экипаж и подготовили его к выполнению еще более сложных боевых задач. В годы Великой Отечественной войны «Лембит» успешно справлялась с боевыми заданиями командования. Из последнего боевого похода мы вернулись 14 апреля 1945 г. За время войны «Лембит» выставила минные заграждения на всех важнейших коммуникациях гитлеровцев в Южной Балтике. Наша подводная лодка уничтожила торпедами 5 транспортов и 1 военный корабль. На выставленных нами минах подорвались и затонули 14 различных судов противника, а 3 транспорта подорвались и вынуждены были выброситься на берег. Вражескую подводную лодку «У-479», с которой мы столкнулись в подводном положении, «Лембит» утопила ударом своего форштевня и киля.

В марте 1945 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР подводная лодка «Лембит» была награждена орденом Красного Знамени, а весь личный состав — орденами и медалями Советского Союза.

АЛЕКСАНДР ЗОНИН,

писатель.

*Член Оперативной группы писателей
при ПУ КБФ в 1941—1943 гг.*

ДВА БОЕВЫХ ДНЯ ЛИНКОРА „ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ“

Много славных страниц вписали в историю защиты Ленинграда артиллеристы линкора «Октябрьская революция». С кронштадтских рейдов, с моря перед Петродворцом и с Невы от Балтийского завода снаряды этого корабля, бывшего революционного «Гангута», поражали живую силу врага, взрывали его склады и уничтожали батареи. Матросы, старшины и офицеры с «Октябрьской революции» работали под губительным огнем на невских переправах у 5-й ГРЭС, участвовали в ханковских походах, сражались в батальонах морской пехоты, из них комплектовали экипажи малых кораблей.

...Это были дни непрерывных атак десятков «юнкеров», пытавшихся уничтожить линкор. Корабль отражал их и, неуклонно выполняя свою главную боевую задачу, громил мощной артиллерией рвавшие к Ленинграду войска фашистов.

Обо всем не расскажешь. Из многих записей моего военного дневника я выбрал лишь два сентябрьских дня сорок первого года.

21 сентября. В одиннадцатом часу на линкор, находившийся у Петергофской позиции, устремилась первая волна бомбардировщиков — тридцать «Ю-88». Корабль

маневрировать не мог. Он стал на якорь и на бочку* для стрельбы из орудий главного калибра. Бомбардировщики устрашающе выли и входили в пике на кормовых курсовых углах. Сбросив бомбы, они взмывали вверх и снова шли в атаку. Зенитчики ставили перед самолетами врага завесы огня:

— Справа пикировщик — отразить!

— Слева пикировщик — отразить!

Для скоротечного и напряженного боя сразу оказалось недостаточно и глаз и рук бойцов из расчетов зенитных орудий. Не ожидая приказаний, патроны стали подносить артиллеристы противоминных батарей. Направления на штурмующие самолеты давали сигнальщики.

— Подправь трассу, еще парочку патронов! — поощрял старшина 1-й статьи Малешин.

И зенитчики Волков, Хабибулин били по врагу на предельных углах возвышения. Пилоты врага поспешили сбросить бомбы, но они только вспенили воду вокруг корабля. Целые гейзеры с донным илом взлетали на десятки метров. Столбы упругой воды из этих могучих фонтанов рушились на палубу.

В третий заход в атаку на «Октябрьскую революцию» вышли 50 бомбардировщиков. Убит главный старшина Липский. Раненые пулеметчики Гушин и Демидов продолжали стрелять.

50 машин! Это значит, что враг напал со всех сторон — «звездный» налет: с трех направлений отгонят, с четвертого могут не успеть. Взорвалась на палубе бомба, зазвенели по броне осколки. На носовой батарее в орудийном расчете Щегенкова сразу выбыли из строя все подносчики снарядов: Терентьев, Зотов и Лысый. Их немедленно заменили добровольцы-сигнальщики. У комсомольца Мишука на зенитном автомате остался только один подносчик — Медведев. Несмотря на сильную контузию, он до ночи не покинул боевого поста. Не удалось уговорить спуститься в лазарет и дважды раненого сигнальщика Терешонка. А главный старшина Дроздецкий, с переломом левого плеча, ранением в плечо и левую руку, молил врача:

* Бочка — специальный поплавок, к которому идет цепь от лежащего на дне стационарного якоря. Стяг на бочку — завести с корабля на все якорь-цепь или специальный трос.

— Дайте хоть одним глазом взглянуть, как дерутся мои ребята.

Врач Измайлов выскакивал наверх, возвращался и успокаивал беспокойного пациента:

— Отлично дерутся!

Слаженно работал боевой организм громадного корабля. Командир линкора контр-адмирал М. З. Москаленко и старший помощник капитан 2-го ранга Н. А. Петрищев, артиллеристы и машинисты, электрики и трюмные, сигнальщики и радисты, моряки других специальностей — каждый из более чем тысячи человек его экипажа делал свое дело, выполнял обязанности, отработанные месяцами упорных тренировок и учений. И поэтому пока зенитчики отражали атаки «юнкерсов», вели сгонь орудия башен дивизиона главного калибра и четыремя меткими залпами подавили батарею фашистов на берегу. В то же время под броневыми плитами палуб хладнокровно и четко действовали аварийные группы...

Самолеты гитлеровцев вновь и вновь входили в пике над кораблем. Пронеслась с воем бомба. Через носовую башню на зенитчиков полетели обломки шпилевого устройства — теперь нечем выбрать со дна залива тяжелый якорь, полсотни метров якорь-цепи.

— Берегись!

А куда денешься?!

Дым, железная пыль, языки огня, шипящий пар. Но ни один боец не оторвался от зенитных автоматов и пулеметов!

Был час, точнее, минуты, когда действительно понадобились исключительная находчивость и сноровка. Нужно было ликвидировать полученные кораблем раны — они угрожали жизни линкора.

Это произошло, когда раздался оглушающий грохот, и корпус корабля будто нырнул, подавшись на нос — попадание бомбы! Потянуло едким дымом, погас свет в первом и втором отсеках левого борта, вокруг все заволокло горячим паром.

Начался пожар в правом отсеке. В борьбу с огнем вступили бойцы аварийной партии капитан-лейтенанта Какстова. В полной темноте моряки искали место разрыва паровых магистралей. Горели четырнадцатая каюта и судовая лавка. Огонь охватывал развороченные взрывом химический пост и медицинский кабинет.

Матросы Маликов, Новиков и Иванов тугими струями воды из шланга сбивали огонь в средней палубе. Затем поднялись на верхнюю палубу, чтобы тушить горящий деревянный настил.

Тем временем зенитчики линкора отбили четвертый залет авиации врага, а орудия главного калибра продолжали подавлять огонь тяжелых батарей противника.

В сумерки, когда артиллерийским командирам Яхенко и Бредуну передали с берега, что задача выполнена на «отлично», корабль стал сниматься с позиции. Предложение оставить якорь на грунте, а для этого расклевать якорь-цепь, первым отверг штурман капитан 3-го ранга А. В. Забелло. Он уверенно доложил командиру, что на полном ходу якорь окажется на плаву и корабль «прибуксирует» его к Кронштадту.

— Так ли?

— Слово даю — «перепрыгнет» кабели, лежащие между Кронштадтом и материком, не зацепит и не повет их.

Наступили сумерки. Но на южном берегу залива продолжались вспышки выстрелов вражеских батарей, и в носовой части линкора по броне звенели осколки снарядов. Несколько раз приходилось уходить в укрытие тянувшим с бочки стальной трос боцману мичману Матюшину, политруку Бедушу, помощнику командира корабля капитану 3-го ранга Новаку, морякам боцманской команды. Наконец надоело. Махнули рукой на возгласы, предупреждающие о разрыве снарядов, навалились и без отдыха — «ходом», как говорят на флоте, — вытащили стальной конец с бочки...

Пошли в Кронштадт...

23 сентября. В 10.33 в журнале боевых действий появилась запись: «37 „Юнкерсов-88“ курсом на нас». Время будто остановилось. А все утро, занятое авральной укладкой броневых плит на палубе, исправлением повреждений, оно бежало с досадной быстротой. По сигналу боевой тревоги люди разбежались на посты.

Едва первые атакующие самолеты набросились на корабль из-под солнца, осколок снаряда из пушки «юнкерса» вывел из строя пулеметчика Иванова. Его заменил сигнальщик Егоров и сбил фашистскую машину с полным грузом бомб. Но и Егорова ранило в бедро и голень. Превозмогая боль, он продолжал вести огонь.

Атака за атакой. Еще три «юнкерса» рухнули в воду, а четвертый ушел к южному берегу и там упал. Бомбы ложились вокруг корабля, решетили фальшборт и надстройки.

Но бой продолжался.

Раненый матрос Панков, истекая кровью, до последней минуты точно устанавливал деления трубки на зенитных снарядах.

Унесли раненного несколькими пулями зенитчика Зайцева, но на смену ему из лазарета уже бежали только что перевязанные Квакин и Малешин. Лейтенант Овакимян, управляя с грот-мачты огнем на корме, не сразу заметил, что на его командном пункте ранены Иванников, Луценко, Егоров. Ослабевший от потери крови дальномерщик Трубачов не отрывал глаз от окуляров своего прибора и продолжал докладывать дистанцию до «юнкерсов».

Только на пятом часу боя очередной волне «юнкерсов» удалось добиться попадания бомбы в район третьей башни. Ее командир лейтенант Чернецов был ранен в голову и потерял сознание. Матросы расчета третьей башни вооружились шлангами и огнетушителями, устранили повреждения и в противогазах дождались на боевых постах, пока проветрятся от дыма и газов помещения. Так же хладнокровно тушили пожар в районе десятого каземата матросы Бугайский, Капустин, Струнин и старшина 2-й статьи Соловьев. Перед сумерками «юнкерсы» пошли в последнюю атаку. Девять бомбардировщиков приближались с правого борта линкора. Первыми встретили врага зенитчики старшины 1-й статьи Бавтуты — он заменил тяжелораненого главного старшину Дроздецкого. Весь расчет орудия имел легкие ранения — и Мякониц, и Тарасов, и Самсонов. Но работали точно и споро. По девятке опасных самолетов били также пулеметчики-сигнальщики под командою Малешина. Он был весь словно медный — медная кожа, небритые рыжие щеки, и медь была в его злых выкриках:

— Не позорь, ребята, не позорь моего шестого года службы!

А стрелять было трудно. От взрывов вокруг ходил корпус, оседал в воду, поднимался на кипящем водовороте. Сбили двух гитлеровских стервятников, а остальные ушли — наверное, не один с пробитыми...

Когда через четыре дня самолеты гитлеровцев вновь устремились к Кронштадту, на долю «Октябрьской революции» досталась на этот раз меньшая сила вражеских ударов. Фашистские летчики, проученные двумя днями безуспешных атак на линкор, пытались найти другие, более слабые звенья обороны. Но таких не было — в Кронштадте и на других кораблях дрались с не меньшим ожесточением.

Высокие морально-боевые качества, вера в победу над жестоко врагом, повседневный героизм были присущи и молодому матросу призыва военного года, и ветерану-линкоровцу — каждому члену экипажа «Октябрьской революции». В этом был залог победы. В сентябрьские дни тяжкого сорок первого года линкоровцы отстаивали свой корабль и сохранили его для будущих боев еще и потому, что имели отлично налаженную боевую организацию, были сурово требовательны к себе, исполнительны. Помнится, блокадной зимой, уже на Неве, в беседе с матросами, я назвал их дела в сентябре подвигом и вместо ответа увидел недоверчивые улыбки. Для них подвигом было то, что делали до Октября 1917 г. и в период революции старые «гангутцы» — первое линкоровское поколение. Безусая молодежь, родившаяся в год Октября и увидевшая мир, когда балтийские моряки защищали родину от войск интервентов, воспринимала прошлое в прекрасном и романтическом свете. Свой же воинский труд им представлялся будничным и скромным выполнением повседневного долга.

Они считали буднями, что корабль, камуфлированный под элеватор, стреляет по гитлеровцам и некуда ему уйти до весны из-под обстрела врага, от бомбежки. Они считали буднями, что стоят на постах голодные, а потому особенно чувствительные к холоду. Упал на посту — поднимись, стисни зубы, три синее тело до красноты и не жалуйся! Ты служишь Советскому Союзу! И стояли, и выстояли, пока не пошли в наступление войска фронта и братья-моряки. Мощными снарядами главного калибра линкор помог советским бойцам прогрызть оборону фашистов.

Подвиг, складывающийся из действий отдельных людей, вблизи, на коротком дыхании, всегда кажется будничным. Нужна дистанция времени, чтобы общий результат предстал в своем истинном свете — волнующим, значительным и самоотверженным служением народу.

Моряки корабля «Октябрьская революция» в войне нашего народа за свою независимость и свободу, за право строить коммунизм были достойными продолжателями дел балтийцев — участников Октябрьской революции. Каждому поколению жизнь дает право и возможность подвига во славу нашего героического народа.

Нет сейчас во флотском строю линкора «Октябрьская революция». Но гордое имя корабля не умерло. Пришло время, и, как по эстафете, согласно давней флотской традиции, получил его со всеми морально-политическими обязательствами новый крейсер. Жизнь корабля продолжается!

А. Ф. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ
капитан 1-го ранга.

Командир зенитной батареи краснознаменного крейсера „Киров“ в 1941—1944 гг.

ЭТО БЫЛО В СЕНТЯБРЕ СОРОК ПЕРВОГО

В 16.30 29 августа 1941 г. крейсер «Киров» стал на якорь на Большом кронштадтском рейде. На грот-мачте корабля — флаг командующего флотом: на борту вице-адмирал В. Ф. Трибуц, Военный совет КБФ. На крейсере также командование 10-го стрелкового корпуса, часть членов ЦК Коммунистической партии Эстонии и Совпаркома Эстонии.

Позади тяжелый путь из Таллина в Кронштадт — через минные поля, под ударами авиации, торпедных катеров и береговых батарей противника. Главной опасностью были мины. Случалось, что краснофлотцы шестью отводили параван с подсеченной миной от борта. Дважды его пришлось обрезать. Первый раз для этого опасного дела опускали за борт краснофлотца Петра Кашубу, во второй — Валентина Шуляпина.

Гитлеровцы делали все возможное, чтобы уничтожить наш крейсер. Но мы в Кронштадте, и в сохранности доставленные из Таллина почетные награды — орден Красного Знамени, которым Балтийский флот — тогда Морские силы Балтийского моря — был награжден в феврале 1928 г., и Красное знамя ВЦИК. Они остаются пока на борту крейсера, в радиорубке. Лишь 3 ноября 1941 г. орден и знамя доставят в Штаб КБФ на

Васильевский остров под охраной радистов-кировцев П. Бодрова и Г. Наумова.

30 августа буксиры втянули крейсер в Лесную гавань и поставили у Железной стенки носом на Ленинград. Обстановка вроде бы была спокойная, но в стороне Лужской губы виднелось зарево пожаров.

По корабельной трансляции передали: «Зенитному дивизиону боевая готовность № 3» — это значит, что у орудий остается лишь треть расчетов. Зенитчики чуть ли не впервые с начала войны спустились в кубрики и каюты, смогли помыться в душе, лечь на чистые койки и блаженно вытянуться во всю длину. Помню, как после хорошего душа командиры-зенитчики А. М. Бренайзен, Е. Г. Кравцов, В. Г. Киташов и я вошли в салон большой кают-компании. Нам сразу же предложили место за столом. Завязалась оживленная беседа. С первых дней войны мы не спускались с верхней палубы. Впервые за долгое время мне удалось поговорить с товарищами из других подразделений корабля.

Передышка была недолгой. Уже в ночь с 3 на 4 сентября на корабле объявлена боевая тревога. На Карельском перешейке войска врага рвались к Ленинграду, и крейсер получил приказание поддержать войска 23-й армии артиллерийским огнем.

При обороне Таллина артиллеристы крейсера «Киров» получили большой опыт стрельб по береговым целям. Старший артиллерист крейсера капитан-лейтенант А. А. Клименко, командиры башен И. Н. Басин, А. К. Миронов, командир группы управления В. П. Вахнов и другие мастерски вели артиллерийский огонь и неоднократно получали благодарности от командования 10-го стрелкового корпуса и Военного совета флота за отличную стрельбу. Поэтому при переходе из Таллина управляющему огнем старшему лейтенанту И. Ю. Шварцбергу понадобилось всего четыре залпа башен главного калибра, чтобы подавить гитлеровскую батарею на мысе Юминда, открывшую огонь по нашим кораблям.

В эту ночь мы поднимались по боевой тревоге трижды: крейсер вел огонь по войскам противника на Карельском перешейке. За ночь 85 снарядов 180-миллиметрового калибра обрушилось на врага. Наступило утро. Мы вели огонь по вражеским войскам в районе Оллила — Александровская, Белоостров — Куоккала. Рядом, у Усть-Рогатки, стоял линкор «Октябрьская революция».

Его орудия главного калибра тоже вели стрельбу по Карельскому перешейку. Включились в боевую работу и форты Кронштадта. С 4 по 6 сентября крейсер «Киров» выполнил более 30 стрельб, выпустив около 500 снарядов. А 7 сентября по боевой тревоге башни главного калибра развернулись не на левый борт, как в предыдущие дни, а на правый. Это означало, что крейсер будет стрелять по южному берегу Финского залива, и снаряды полетели за Ораниенбаум, где приморский фланг гитлеровских войск рвался к Ленинграду.

Несколько дней крейсер стрелял по целям на северном и на южном берегах Финского залива. С каждым днем количество стрельб по южному берегу увеличивалось, а по северному уменьшалось, — на Карельском перешейке фронт стабилизировался.

В эти дни артиллерия Кронштадта не замолкала: стреляли все форты, линкоры «Марат» и «Октябрьская революция», крейсер «Киров» и лидер «Ленинград», эскадренные миноносцы и канонерские лодки.

Как только наступала ночь, к борту корабля подходила баржа, и артиллеристы грузили боезапас. В погребах его готовили к стрельбе. Матросы писали мелом на снарядах «Смерть Гитлеру», «Смерть фашизму». Рассветало, и опять гремели залпы.

На южный берег залива с крейсера был послан корректировочный пост. Его возглавил старший лейтенант М. Т. Егоров. К нам его назначили в первых числах сентября. До этого он был старшим артиллеристом на эскадренном миноносце «Скорый», который подорвался на mine и погиб 28 августа.

Радисты корпоста старшие краснофлотцы Анатолий Марков и Лукьян Запорощенко держали связь с «Кировым» на переносной радиостанции «РБ»; им помогал сигнальщик — краснофлотец В. Киц.

Корпост Егорова прибыл в гаубичный полк, с которым должен был взаимодействовать крейсер. Приняли моряков хорошо, а после первой же «работы» главного калибра «Кирова» отношения еще более улучшились. «Ваша артиллерия делает чудеса», — говорили армейцы. Не сразу у корректировщиков все пошло гладко — сказывался недостаток боевого опыта. В первые дни, как только радист выходил на связь с крейсером, чтобы передать данные для открытия огня, в район корпоста летели мины: гитлеровцы быстро засекали место работы

рации. Пришлось пойти на хитрость: рацию отнесли как можно дальше от места, с которого вел наблюдение Егоров. Теперь командир корпоста, определив отклонение снарядов от цели, передавал радисту цифры по телефону. «РБ» — рация маломощная. Донесения на «Кирове» разбирали с трудом. По просьбе командира крейсера начальник связи флота выделил более мощную радиостанцию, смонтированную на трехосной автомашине. После этого связь с кораблем стала более устойчивой.

В сентябрьские дни артиллерия крейсера уничтожила немало живой силы и техники врага. Вот что сообщал на корабль наш корпост:

10 сентября. Уничтожены трехорудийная 75-миллиметровая батарея, 3 пулеметные точки и 5 автомашин.

11 сентября. Уничтожены 2 минометные батареи, 2 трактора, обоз с продовольствием, около роты солдат.

16 сентября. Разгромлен батальон гитлеровской пехоты, при поддержке корабельной артиллерии наши пехотные части заняли два населенных пункта.

22 сентября. Уничтожены 4 автоцистерны с горючим, минометная батарея, 3 трактора и 8 автомашин.

С каждой стрельбой уменьшался угол возвышения орудий главного калибра. Это означало, что враг все ближе подходит к Ленинграду. Наступил момент, когда после заряжания орудия пошли не на возвышение, а на снижение — корабль стрелял по противнику, прорывающемуся к берегу Финского залива в районе Стрельны.

* * *

17—18 сентября гитлеровцы вынуждены были остановиться и перейти к обороне южнее Ораниенбаума и Красной Горки. Фронт здесь стабилизировался на границе досягаемости флотской артиллерии — так образовался Ораниенбаумский плацдарм.

В Кронштадте зенитчики «Кирова» впервые открыли огонь по самолетам врага 19 сентября. В 18 часов на кораблях в Кронштадте была объявлена воздушная тревога. Я навел визир и увидел четыре «Ю-88», которые шли строем клина на большой высоте. Их прикрывала четверка истребителей.

— Дальность сошла с предела, — доложил пост управления зенитным огнем.

Это означало, что самолеты вошли в зону досягаемости 100-миллиметровых орудий моей батареи.

Я скомандовал, и орудия дали залп. Вскоре к нашей артиллерии присоединились зенитные орудия линкоров, эскадренных миноносцев и батарей Кронштадта. Снаряды рвались вблизи «юнкерсов», но они не изменили курс. Сбросив бомбы, самолеты противника ушли на север.

Бомбы упали в Лесной и в Средней гаванях, на Морской завод и город. Были убитые и раненые. Корабли остались невредимыми. Через день, 21 сентября, в 11.10 командир отделения сигнальщик А. П. Шабельников доложил:

— Правый борт, курсовой сто, группа самолетов противника курсом на Ленинград!

Но над Петергофом самолеты круто повернули и пошли на Кронштадт.

— Семьдесят самолетов курсом на Кронштадт, — снова доложил сигнальщик.

Первым открыл огонь стоявший на Восточном рейде эскадренный миноносец «Стерегущий». Затем загремели залпы орудий других кораблей и батарей Кронштадта.

Часть самолетов не выдержала плотно зенитного огня, сбросила бомбы в залив и повернула на юг — на курс отхода. Но большинство продолжало приближаться.

— Самолеты пошли в пике, — доложил сидящий рядом со мной дальномерщик А. М. Зенченко.

Да я и сам видел в визир, как самолеты один за другим начали пикировать.

Я подал команды, и все три пушки моей батареи открыли огонь по пикировщикам. Снаряды рвались вблизи самолетов, но они продолжали пикировать.

Четыре бомбы упали в воду с правого борта, далеко от корабля — даже за пределами гавани, две — за гранитную стенку. Осколки бомб и гранита застучали по палубе. С патроном в руках упал у элеватора Лукьянов, человек атлетического сложения, первый весельчак в батарее, — осколок гранита попал ему в голову. Вот еще две бомбы упали в воду, совсем близко от корабля. Взрывы подняли огромные столбы воды выше командно-дальномерного поста — КДП, расположенного на высоте 29 метров от ватерлинии. Вода обрушилась на корабль, залила зенитчиков и сигнальщиков, попала в дымовые трубы, на орудия и боезапас. Из пышущих жаром ствол орудий повалил пар.

Люди отряхнулись, осмотрелись — орудия целы, боезапас цел, а самолеты опять идут к кораблю. И вот снова стреляют все орудия «Кирова». Из-за свиста и взрывов бомб, грохота осколков о борт и надстройки корабля, завывания самолетов, идущих в пике, скрежета металлических бочек, которые гитлеровцы сбрасывали для устрашения слаонервных, почти не слышно команд. Зенитчики действуют автоматически, понимают друг друга по жестам. Пригодился опыт тренировок мирных дней, когда мы добивались автоматических действий зенитных расчетов: чего достиг на тренировках, то и покажешь в бою.

Отлично стреляет орудие старшины 2-й статьи Д. С. Павлова — оно было лучшим в батарее до войны, таким остается и сейчас.

Командиру батареи некогда обращать внимание на грохот канонады и вой бомб. Я должен управлять огнем своих пушек. Ни один самолет, идущий в атаку на корабль, не должен остаться необстрелянным. Если самолету врага не преграждает путь завеса огня, летчик может прицельно сбросить бомбы. Когда же перед «юнкерсом» встают разрывы, проносятся трассы снарядов и пуль, враг не выдерживает, поскорее сбрасывает бомбы и уходит. А зенитчики переносят огонь на другой самолет. И так до тех пор, пока не будет отбита атака.

Отражение этого первого налета авиации на Кронштадт длилось с 11.15 до 11.30. За пятнадцать минут боя батареи 100-миллиметровых орудий, где командирами были Кравцов и я, выпустили около 130 снарядов.

Гитлеровцы сбросили на корабль 20 авиабомб по 250 и 100 килограммов, но не попали в цель. Некоторые бомбы упали всего лишь в десяти метрах от борта. Наши потери — один убитый и четверо раненых. Проходит немного времени, и мы вновь готовы к бою. Нервное напряжение спадает, и снова шутки, флотские подначки.

Не прошло и четырех часов, как вновь появились вражеские самолеты. Опять стреляет весь Кронштадт.

Во время боя, когда моя первая батарея вела огонь по группе самолетов с носовых курсовых углов, я получил какой-то доклад от командира 5-го орудия старшины 2-й статьи Д. С. Павлова. В грохоте канонады я его не расслышал. На одно мгновение оторвал глаз от визира и через амбразуру поста наводки взглянул на батарею — орудие Павлова разворачивалось на корму.

Причину этого я узнал уже после боя. Павлов рассказал, что увидел, как с кормы, с правого борта, заходит на крейсер для атаки три «Ю-87». Их никто не обстреливал. Павлов мгновенно оценил обстановку и принял решение отразить атаку своим оружием. Об этом и доложил мне по телефону. Наводчики быстро поймали цель в перекрестие нитей прицела, и оружие открыло огонь. Три «Ю-87» уже вошли в пике. Первый выстрел — мимо, второй — снаряд разрывается в головном самолете, и он врезается в воду у стенки Средней гавани, взрывается на своих же бомбах. Два ведомых им «Ю-87» моментально сбрасывают бомбы и уходят на бреющем полете к югу.

От момента первой команды Павлова до сбития самолета прошло всего 15—20 секунд.

Во время боя после взрыва бомбы у борта корабля вдруг замолчал 37-миллиметровый автомат старшего краснофлотца В. И. Татарнинова. Но вот заряжающий старший краснофлотец Николай Филиппов встал в магазин автомата обойму со снарядами, и автомат застрочил. Филиппов упал. Когда Николая подняли, то увидели, что он ранен в левую руку осколком бомбы, но продолжал заряжать автомат. В Кронштадтском госпитале Николаю пришлось ампутировать руку. С Урала, куда его эвакуировали, Филиппов писал на «Киров» письма. Мы ему отвечали. Весной 1945 г. Филиппов вернулся в Ленинград. Командующий эскадрой КБФ вице-адмирал Л. А. Владимирский перед строем кировцев вручил ему орден Красного Знамени.

Сейчас Николай Филиппов живет в Ленинграде и активно участвует в работе совета ветеранов крейсера.

21 сентября гитлеровская авиация совершила еще два массированных налета на Кронштадт: в 17 часов 10 минут и в 18 часов 20 минут. В 17 часов 15 минут осколком разорвавшейся у борта авиабомбы был ранен в голову командующий эскадрой контр-адмирал В. П. Дрозд. Кровь заливала ему лицо. Дрозд вытирал ее платком, но отказался идти в лазарет. На мостик поднялись начальник санслужбы крейсера военврач 2-го ранга Б. К. Румящев и военврач 3-го ранга К. С. Артеменко. Они уговорили командующего спуститься с мостика в каюту и оказали ему первую помощь.

Вскоре В. П. Дрозд с марлевой повязкой на голове опять поднялся на мостик.

В этом же бою были ранены командир артиллерийской боевой части капитан-лейтенант А. А. Клименко, сигнальщики П. С. Диденко и А. П. Гришин. До конца боя они оставались на своих боевых постах. Клименко и Диденко после боя отправили в госпиталь.

В этот день крейсер «Киров», как и другие корабли, продолжал наносить удары артиллерией главного калибра по гитлеровским войскам, рвавшимся к Ленинграду.

Наступила ночь. Артиллеристам крейсера отдыхать некогда — к борту подвели баржу с боезапасом. К утру корабль должен быть готов к отражению атак самолетов противника, а главный калибр — выполнить все заявки сухопутного фронта. Только начали грузить боезапас с баржи, как пришло приказание открыть огонь главным калибром по врагу. Прозвучал сигнал боевой тревоги. Корабль содрогнулся. Это первая башня дала трехорудийный залп. Затем пошли залпы второй и третьей башен. Орудия главного калибра дали еще четыре залпа, и тогда прозвучал отбой боевой тревоги. После этого возобновили приемку боезапаса.

Погрузка боеприпасов — работа серьезная и далеко не безопасная. Чувство ответственности у каждого моряка обострено до предела. Все понимают, что боезапас надо погрузить как можно быстрее. «Сачков» — так называют моряки тех, кто уваливает от работы, — нет. Все рвутся к работе. Все спешат. Нужно как можно быстрее отвести от борта баржу с опасным грузом — ведь в любую минуту можно ожидать начала артобстрела Кронштадта. Когда начали погрузку, линкор «Марат» открыл огонь по врагу из орудий главного калибра. Работу продолжали под аккомпанемент линкоровских пушек.

Погрузка окончена, буксиры уводят баржу от борта, но нет отдыха артиллеристам. Надо готовить боезапас к стрельбе...

Наступил рассвет 22 сентября. С командного пункта командира дивизиона приказали усилить наблюдение за воздухом. Десятки наблюдателей до боли в глазах всматривались в небо. Каждый вооружен биноклем или стереотрубой, каждый имеет ответственный сектор обзора. Надо вовремя обнаружить чуть заметные точки приближающихся самолетов противника и успеть сыграть на корабле боевую тревогу, чтобы зенитные пушки открыли огонь на предельной дальности.

Закономерность здесь простая: чем на большей дальности мы откроем огонь по самолетам противника, тем большее количество снарядов мы выпустим, тем более вероятно, что мы собьем врага, заставим его отказаться от атаки или прицельного бомбометания.

Вчера, 21 сентября, Кронштадт отбил четыре массированных налета. В каждом участвовало не менее 70 бомбардировщиков «Ю-88» и «Ю-87», каждый самолет нес как минимум две авиабомбы. Значит, на Кронштадт было сброшено свыше 500 авиабомб!

В гаванях Кронштадта в те дни стояло очень много кораблей. В Средней гавани, у стенки Усть-Рогатки, стояли два линкора, эскадренные миноносцы, минные заградители, транспорты. Были заняты все причалы Морского завода. Наш «Киров» стоял у Железной стенки Лесной гавани.

До первого налета авиации на Кронштадт мне казалось, что чуть ли не каждая бомба попадет в цель. Но мощный огонь зенитной артиллерии не позволил врагу вести прицельное бомбометание. 21 сентября в гаванях Кронштадта получил повреждение от авиабомб только сторожевой корабль «Вихрь». Но на Восточном рейде получил повреждения и затонул эскадренный миноносец «Стерегущий»: по нему нанесли удар десятки «юнкерсов».

— Усилить наблюдение за воздухом! — как всегда, с рассветом прозвучала команда.

Наступило утро 22 сентября. Орудия главного калибра крейсера трижды открывали огонь по береговым целям.

В 12 часов по трансляции передали «команде обедать». Как и в мирные дни, горнист Николай Шаров сыграл на горне сигнал: «Бери ложку, бери хлеб, собирайся на обед...» Зенитчики получали обед вне очереди и ели на боевых постах.

Командиру 2-й батареи лейтенанту Е. Г. Кравцову и мне обед приносили в пост наводки артиллерии вестовые кают-компании. После обеда я задремал на своем месте за визиром — ведь всю ночь мы не спали.

— Правый борт, курсовой сто десять, группа самолетов противника! — вдруг доложили сигнальщики.

Сон как рукой сняло. Нажимаю педаль боевой тревоги на батарею и выглядываю из люка. С юга идут не менее 70 бомбардировщиков в сопровождении истребителей.

С 14.30 до 14.50 Кронштадт отражает первый в этот день массированный налет авиации. Через два часа второй налет — 60 «юнкеров». Осколками разорвавшихся авиабомб многие зенитчики ранены.

На левом пулеметном мостике из шести человек боевого расчета остались двое. На смену раненым пулеметчикам пришли комендоры из второй башни. Среди них комендор А. М. Пантак. Ему понадобился всего лишь час, чтобы освоить пулемет.

Настало 23 сентября. В 10 часов 30 минут прилетел гитлеровский самолет-разведчик. Он шел на большой высоте — выше 5 тысяч метров. На такую высоту могли стрелять далеко не все зенитные пушки Кронштадта. «Киров» успел дать пять залпов, и самолет вышел из зоны досягаемости.

В 10.40 начался налет — 70 «юнкеров».

В 11.50 снова налет — 60 «юнкеров», почти все «Ю-87». Пикируют они почти отвесно, а потому отразить их атаку труднее.

Командир дивизиона А. М. Бренайзен быстро дает целеуказание. Визирщики А. А. Кудряшов и А. Н. Беликов быстро наводят на цель... Вижу в визир четыре «Ю-87» и открываю огонь. После разрыва гранат первого залпа все самолеты одновременно скользнули на левое крыло, перешли на левый борт и вошли в пике, но не на «Киров». На какой корабль? Трудно определить, да и некогда, — от комдива уже пришло новое целеуказание. Открываю огонь по новой группе самолетов. В этот момент страшной силы взрыв потряс весь Кронштадт. Успеваю увидеть, что линкор «Марат» окутан желтым дымом.

Самолеты противника скрылись. Дым у «Марата» рассеялся, и перед нами предстала жуткая картина: нос, первая башня, боевая рубка, фок-мачта и первая труба исчезли. Корабль был на ровном киле, но заметно осел.

За второй башней — вторая труба, опоясанная пулеметным мостиком. Там пулеметчики.

Я видел, как один из них спустился с мостика, в грудe искареженного металла на палубе нашел магазин с пулеметной лентой и подал на мостик товарищу. Тот навесил магазин на пулемет, зарядил и пустил в небо длинную очередь трассирующих пуль. Казалось, маратовцы хотели сказать, что живы и готовы к бою.

Еще не рассеялось облако дыма у линкора, еще не кончился налет авиации, а командующий эскадрой контр-адмирал В. П. Дрозд (во время боя он был на «Кирове») пошел на катере к «Марату». С собой он взял нашего начальника санслужбы Б. К. Румянцева.

Когда катер подошел к стенке Усть-Рогатки, у трапа линкора уже стояло несколько санитарных машин. С корабля выносили раненых.

На палубе линкора валялись ящики боезапаса к 37-миллиметровым автоматам. В. П. Дрозд приказал Румянцеву возвратиться на «Киров» и организовать доставку боезапаса с линкора — наши носовые автоматы расстреляли все, что было, и во время последнего налета молчали. Боезапас к автоматам успели доставить вовремя — опять появились самолеты врага. Краснофлотцы схватили по ящику и побежали к носовым автоматам. Когда они поднимались по трапу на полубак, корпус корабля содрогнулся от взрывов — в корабль попали две бомбы. Два человека из тех, что переносили ящики с боезапасом к автоматам, были убиты. Две бомбы по 100 килограммов пробили палубу с правого борта, возле командирского камбуза и 3-й радиорубки. Интересно, что в пылу боя я даже не слышал их взрывов.

Улетел последний вражеский самолет. Аварийная партия боролась с огнем. Пожар скоро потушили. Сгорели каюты командира дивизиона орудий главного калибра И. Ю. Шварцберга и начальника службы снабжения И. А. Сверчкова, четыре каюты изрешечены осколками.

После боя командир 1-й башни лейтенант И. Н. Басин пошел в свою каюту № 43. Там было темно, на палубе вода. И вдруг Басин увидел, что на койке лежит авиабомба со сломанными стабилизаторами, а сброшенный ею матрас подпирает дверь.

Басин немедленно доложил о «находке» старпому. На корабле объявили боевую тревогу. Командир корабля приказал старшему лейтенанту Шварцбергу осмотреть бомбу и доложить, как ее обезвредить.

Но в каюте бомбы не оказалось. Ее выбросили за борт трюмные Д. Гончаров и М. Пузынин.

— А если бы она была замедленного действия и взорвалась у вас в руках? — спросил краснофлотцев наш командир крейсера М. Г. Сухоруков.

— Вот поэтому, товарищ командир, мы и поспешили выбросить ее за борт,— улыбнувшись, ответил Гончаров.

В этом же бою командир отделения пулеметчиком Иван Вирченко сбил выходящий из пике «Ю-87». Самолет рухнул в Лесную гавань.

Налет закончился в 14.50, а в 17.00 начался новый, шестой за день.

За 23 сентября мы потеряли трех человек убитыми и тринадцать ранеными.

685 снарядов — дистанционных гранат 100-миллиметрового калибра — выпустили зенитчики крейсера в этот день — свыше 120 выстрелов на каждое орудие!

А ведь каждый такой снаряд весит свыше двух пудов. Подносчик подает его установщику. После установки взрывателя установщик поднимает снаряд и бросает его на руки заряжающему, а тот аккуратно, но быстро кладет его на лоток досылателя и досылает в канал орудия. И так каждые шесть секунд! После десяти выстрелов команда заряжения в поту. А каково сделать 120 выстрелов? Краска на стволах орудий обуглилась, а матросы Н. Волков и Т. Яловегин, Ф. Марелов и И. Дурдаев, Б. Ширяев и П. Окунев выдержали!

К орудиям наших зенитных батарей снаряды подавали специальные устройства — элеваторы, которые обслуживали скромные труженики дивизиона, артиллерийские электрики отделения В. Ефимова: П. Алексеев, А. Беззубиков, А. Быченков, И. Коренков. За всю войну не было случая, чтобы какое-нибудь орудие в бою не сделало выстрел по причине выхода из строя или поломки элеватора.

Нелегко было в эти дни и зенитчикам 45-миллиметровых полуавтоматических пушек: 23 сентября каждое орудие в среднем сделало 175 выстрелов.

90 бомб сбросили «юнкеры» на «Киров» в этот день, но не смогли сорвать стрельбу орудий главного калибра крейсера. Свыше 200 снарядов обрушил «Киров» на врага.

В отражении атак авиации противника принимали участие и радисты крейсера. Старшина 1-й статьи П. Плеханов, старшина 2-й статьи Г. Наумов, старший краснофлотец И. Чуев быстро определяли, на каких частотах самолеты держат связь между собой в бою. И тогда мощные радиопередатчики «Кирова» вступали в работу и нарушали радиосвязь авиации противника.

23 сентября осколком разорвавшейся у борта авиабомбы перебило антенну. Радисты Плеханов, Наумов и Чуев быстро устранили повреждение и продолжили слушать работу радиостанций самолетов противника.

В тяжелейшие дни сентября, когда «Киров» вместе с другими кораблями и береговыми зенитными батареями вел борьбу с гитлеровской авиацией, мужество и неистощаемую волю проявили все члены нашего экипажа. Но я особо хочу отметить зенитчиков, моих дорогих боевых друзей. Командир зенитной батареи 37-миллиметровых орудий лейтенант В. Г. Киташов пришел на крейсер курсантом-стажером за месяц до начала войны. В боях на Таллин и Кронштадт он стал прекрасным управляющим огнем. Во многом благодаря его мастерству артиллериста были отбиты все атаки «юнкерсов», заходивших с кормы крейсера.

В боях по отражению массированных атак 21—23 сентября особенно отличились орудия Д. С. Павлова, Г. А. Борисова, А. В. Гусева, В. В. Жукавина и В. И. Татарникова. Прекрасные волевые качества в этих боях проявили коммунисты старшины 1-й и 2-й батарей Н. И. Галахов и А. И. Белогорлов. В напряженные моменты боя они всегда были там, где что-то не ладилось или вышло из строя. Они помогали найти неисправность, быстро устраняли ее и вводили орудие в бой.

23 сентября, 18.10. Наступают сумерки. Самолеты противника скрылись. Слышны разрывы на Восточном рейде и в Лесной гавани, — начался артиллерийский обстрел Кронштадта. Как и в прошлые ночи, спешно грузим боезапас с подошедшей к борту баржи.

Баржа уходит. У носа и кормы крейсера появляются буксиры. По трансляции слышу команду:

— По местам стоять, со швартовов сниматься!

Буксиры выводят крейсер из Лесных ворот и разворачивают курсом на Ленинград.

Крейсер ошвартовался в ковше Адмиралтейского завода. С этого места мы могли вести огонь только зенитной артиллерией. Близость заводских корпусов, кранов на пирсе и других сооружений завода не давала возможности использовать орудия главного калибра.

Через несколько дней «Киров» встал на огневую позицию у 19-й линии Васильевского острова. Отсюда артиллерия крейсера билась по врагу вплоть до его окончательного разгрома под Ленинградом.

Б. П. ЛЕВЧЕНКО,

напитан 1-го ранга.

Командир гвардейского эсминца „Вице-адмирал Дрозд“ в 1941—1943 гг

И ШЛИ ОНИ В КИЛЬВАТЕР БЕЗ ОГНЕЙ...

Шел к концу первый месяц войны. За кормой у «Стойкого» (с февраля 1943 г.— «Вице-адмирал Дрозд») остались сотни пройденных миль. Эсминец принимал участие в минных постановках в Ирбенском проливе, в обороне Риги, проводке крейсера «Киров» из Риги в Таллин через пролив Моонзунд, в действиях на морских сообщениях врага в Рижском заливе, эскортировал подводные лодки.

Помню, как мы покидали Рижский залив. «Стойкий» шел проливом Моонзунд. И вот по правому борту стали видны поднимающиеся из воды мачты тральщика, и выпел трепетал на ветру. Мы знали, что никто из его героической команды не спасся, но тральщик выполнил свой долг — фарватер очищен от мин. Стиснув зубы, смотрели моряки на развевавшийся боевой выпел. Горн запел торжественное захождение. И наверное, мысленно каждый дал клятву вернуться, вернуться с победой...

18 июля вечером эсминец опшвартовался у стенки Морского завода. Предстоял серьезный ремонт и довооружение.

Непривычной тишиной и покоем встретил нас Кронштадт после гула и грохота снарядов и бомб, после пламени и дыма пожарниц Прибалтики.

Месяц прошел в напряженной и упорной работе. В доке наш корабль стоял с тяжело поврежденным

эскадренным миноносцем «Сторожевой». На «Стойком» сменили часть левого гребного вала и винт, вычистили и покрасили днище, отремонтировали механизмы, установили два 37-миллиметровых зенитных автомата, два противолодочных бомбомета, новую гидроакустическую станцию. Дооборудовали также противоминную обмотку, которая была установлена в первые дни войны в Таллине под руководством И. В. Курчатова. Кто тогда мог знать, что рядом с нами будущий выдающийся физик-атомщик! После этого мы провели пробные выходы. «Стойкий» вновь был готов к боевым походам. Ждать пришлось недолго.

22 августа, во второй половине дня, «Стойкий» вместе с минным заградителем «Марти» и эскадренным миноносцем «Сильный», в охранении тральщиков «Гафель», «Гак» и «Кнехт» и четырех катеров «МО», вышел на минную постановку в район Нарвского залива. Только накануне похода я вступил в командование эскадренным миноносцем «Стойкий». С волнением и чувством большой ответственности воспринял я это назначение. До этого, с августа 1939 г., был помощником командира.

На борту нашего корабля было 80 минных защитников, принятых с минной баржи на Большом кронштадтском рейде. Погода с самого начала не сулила ничего хорошего. К вечеру за Шепелевским маяком разыгрался шторм силою до девяти баллов. Резко ухудшилась видимость. Катера вынуждены были возвратиться в базу.

— Девять баллов! — прокричал мне на ухо комиссар Дмитрий Горский. — Недурно для твоего первого самостоятельного выхода в море, командир!

Эсминец сильно качало. Большая масса груза — минные защитники размещались на верхней палубе — значительно уменьшила остойчивость корабля. Резкие повороты, рысканье по курсу могли привести к опасному крену. Штурман А. В. Николаев и рулевые Г. К. Кулешов и М. А. Чебыкин отлично делали свое дело.

В течение всего похода я не раз вспоминал слова замечательной песни периода гражданской войны о трех эсминцах:

...Их было три — один, второй и третий,
И шли они в кильватер без огней,
Лишь волком выл в снастях суровый вестер,
А ночь была — из всех ночей темней...

Как похоже... И сейчас строй кильватера из трех кораблей, и полное затемнение, и волком воет суровый ветер, и мины...

Корабль с трудом слушается руля. Громадные волны обрушиваются на полубак, накрывая мостик. Волна и качка ослабили крепления минных защитников, и их могло смыть за борт.

— Личному составу «БЧ-3», боцкоманде и палубным комендорам минные защитники крепить! — передал по корабельной трансляции вахтенный командир.

К. Филиппов, В. Я. Находкин, Г. К. Хрипун, В. П. Шумихин, Г. Ф. Борисенко, Л. П. Павлов, В. А. Любченко, И. П. Петров, П. В. Богданов, руководимые Д. Г. Серватинским и М. А. Климовым, изо всех сил прижимали защитники к палубе и устанавливали дополнительное крепление. Люди падали, цеплялись за леера окровавленными руками, чтобы не свалиться за борт, промокли насквозь, но продолжали работать.

Потом волны стали выбрасывать из воды то правый, то левый параван. Пришлось их поочередно выбирать и снова ставить.

— Правый пошел, — докладывали на мостик.

— Левый выбрали...

И так несколько раз. Без параванов же идти было ни в коем случае нельзя. Они предохраняли корабль от мин.

У мингаза «Марти», шедшего головным, вышло из строя рулевое управление.

— Перешел на управление машинами, — передал командир отряда капитан 1-го ранга Н. И. Мещерский.

Это требовало еще большего внимания, чтобы в темноте не наскочить и не протаранить минзаг — мы шли за ним в кильватер.

У острова Гогланд волна стала еще круче и выше.

— Девятый вал! — крикнул А. В. Николаев.

Нос корабля поднялся, а потом обрушился словно в пропасть. На полубаке с левого борта оборвало электрокабель противоминной обмотки. Крепить его бросились боцманы и электрик И. Г. Фесенко. До сих пор не понимаю, как их не смыло, но кабель они закрепили.

Постановка мин была явно невозможна. Отряду приказали возвратиться в базу. При повороте на обратный курс, когда стали бортом к волне, «Стойкий» накрепился так, что я подумал, что корабль не выровняется.

У «Марти» вышел из строя гирокомпас. Пришлось «Стойкому» встать в голову и повести отряд.

На рассвете появились фашистские самолеты. Дважды звено бомбардировщиков пыталось спикировать на корабли, но шквал огня отгонял их. Отлично стреляли комендоры 76-миллиметровых орудий, которыми командовали С. А. Акушев и В. П. Ермолаев.

«23 августа. Вошли на Большой кронштадтский рейд. В 13.31 отдали правый якорь, на клюзе 80 м, глубина 11 м, грунт — ил и песок. Всего за операцию прошли 253 мили за 22,5 часа. Сдали на склад минные защитники — такова последняя запись в вахтенном журнале «Стойкого» за этот выход. Было очень обидно, что минная постановка не удалась.

* * *

В Кронштадте мы простояли немногим более суток. Эскадренным миноносцам «Сильный» и «Стойкий» было приказано срочно выйти на помощь Выборгскому укрепленному сектору.

Нам предстояло поддержать сухопутные войска, сорвать переправу противника через пролив Бьёркезунд, уничтожить его живую силу и технику.

25 августа в 21.15 эсминец стал на якорь на рейде Койвисто (Приморск), имея максимальный комплект боезапаса. Сразу же к борту подошла шлюпка, доставившая пакет с четким изложением боевой задачи. Район моря, где нам предстояло маневрировать и вести артиллерийский огонь, мелководный, тесный, изобилывал мелями, бапками и островками. Противник мог появиться с любого направления. Большую угрозу представляли мины. Тревожили батареи, расположенные на западном берегу Выборгского залива. И не зря — как только утром 26 августа «Стойкий» в Транзундском проливе приблизился к исходной точке для начала артиллерийской стрельбы, с западного берега полетели снаряды. Пришлось не только выполнять основную огневую задачу, но и вести по батарее огонь из 76-миллиметровых орудий. Вскоре где-то рядом с нею произошел сильный взрыв, — возможно, взлетел на воздух склад с боеприпасами. Орудия врага замолкли.

В 9.50 мы смогли открыть огонь из орудий главного калибра по скоплению войск на полуострове Лиханиеми.

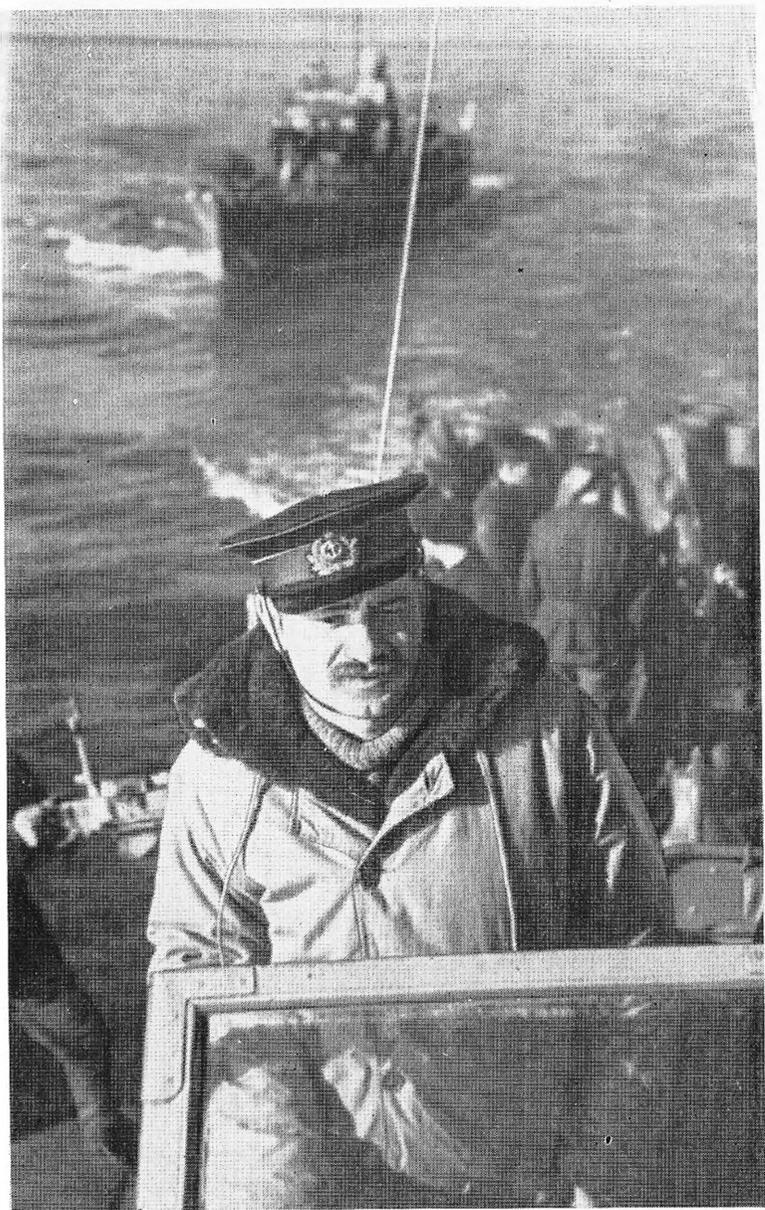
Нашу стрельбу корректировали по радио с выносного наблюдательного пункта Выборгского укрепленного сектора. За 40 минут было выпущено 120 снарядов, преимущественно четырехорудийными залпами наших 130-миллиметровых пушек.

Спустя шесть часов стрельбу повторили, выпустив 170 снарядов. На огневой позиции приходилось непрерывно маневрировать, десятки раз менять курс, чтобы уклониться от снарядов противника. Машинисты-турбинисты И. А. Павлов, И. М. Румянцев буквально взмокли от напряжения. Опасаясь мин, мы вынуждены были ходить с поставленными параванами, а также с вытравленным почти до дна якорем, чтобы внезапно не наскочить на мель.

Орудия стреляли безотказно: ни одного пропуска, ни одного заедания. Люди работали замечательно. Трудно сказать, кто действовал лучше: орудийные расчеты П. Шабанова или И. Матюхина, В. Я. Оленского или Д. И. Гладкова. Командир группы управления, вдумчивый и энергичный Н. Я. Огородников, мог гордиться своими артэлектриками, визирщиками и дальномерщиками И. Н. Ревизиным, Я. М. Варшавским, Н. В. Семеновым, Я. Ф. Уманцем и другими.

С берега корректировщики то и дело сообщали о прямых попаданиях по противнику. Переправа была сорвана, войска противника рассеяны.

Вечером 26 августа командир 2-го дивизиона эсминцев капитан 2-го ранга Г. С. Абашивили (в этот день он находился на нашем корабле) приказал спустить катер — он решил направиться к командованию Выборгского сектора, чтобы договориться с ним о боевом взаимодействии. С собой комдив взял меня и дивизионного штурмана. Командир Выборгского сектора полковник В. Т. Румянцев и находившийся у него начальник одного из управлений флота генерал-майор А. Н. Татаринцов встретили нас очень тепло и поблагодарили за отличную стрельбу. «Так держать», — сказал генерал. Приятно было встретить на боевом посту А. Н. Татаринцова, ветерана нашего флота, участника первой мировой и гражданской войн, старого большевика. Генерал был начальником Военно-морского училища имени М. В. Фрунзе в мои курсантские годы, и с тех пор я сохранил о нем самую добрую память.

И. П. Чернышев, командир звена «малых охотников». 1943 г.

В боевом походе. Моряки готовят трал к постановке. 1942 г.

Ю. В. Ладинский, командир
ОВР КБФ. 1943 г.

И. В. Строк-Стрелковский,
флагманский инженер-механик
ОВР КБФ. 1944 г.

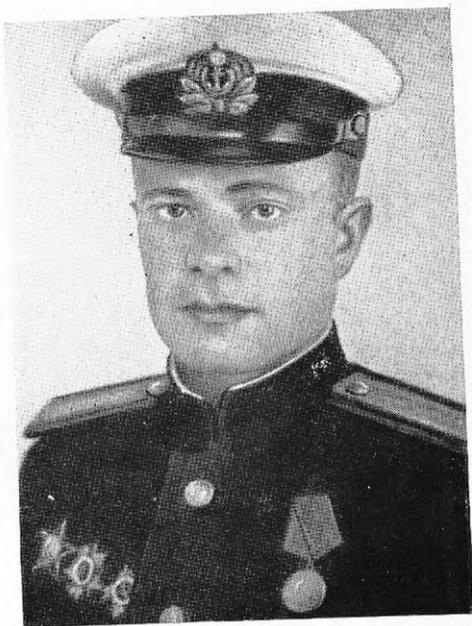

В. Д. Налстов, командир торпедного катера. 1942 г.

Герой Советского Союза
С. А. Осиннов, командир отряда
торпедных катеров. 1944 г.

С. Камаев, старшина-моторист торпедного катера.
1944 г.

Гитлеровская подводная лодка «V-250», потопленная «МО-103» 30 июля 1944 г. Ее подняли и привели в Кронштадт.

Торпедный катер типа «Г-5». 1941 г.

С. Кабо, командир гвардейской подводной лодки «Щ-309». 1942 г.

Моряки гвардейской подводной лодки «Щ-309» А. Ф. Петрюк, И. Я. Фесенко, В. Г. Томасов и А. И. Зотов. 1942 г.

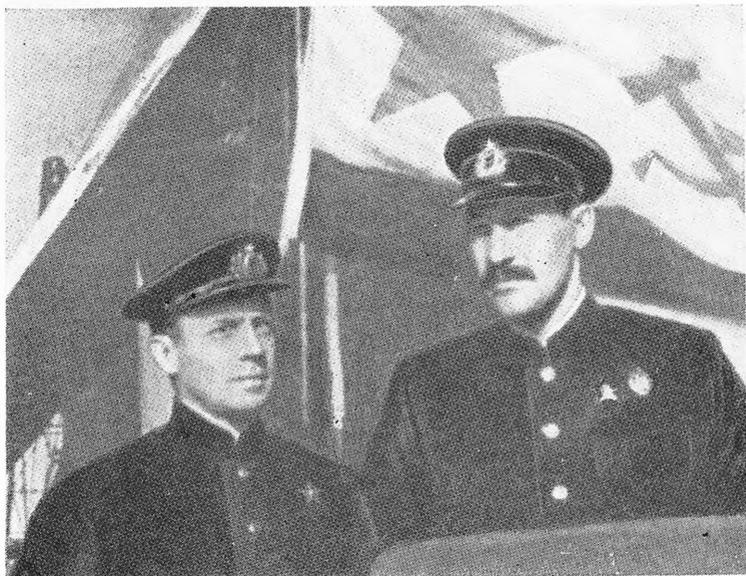

И. М. Вишнеvский, командир краснoзнаменной подводной лодки «Щ-406». 1943 г.

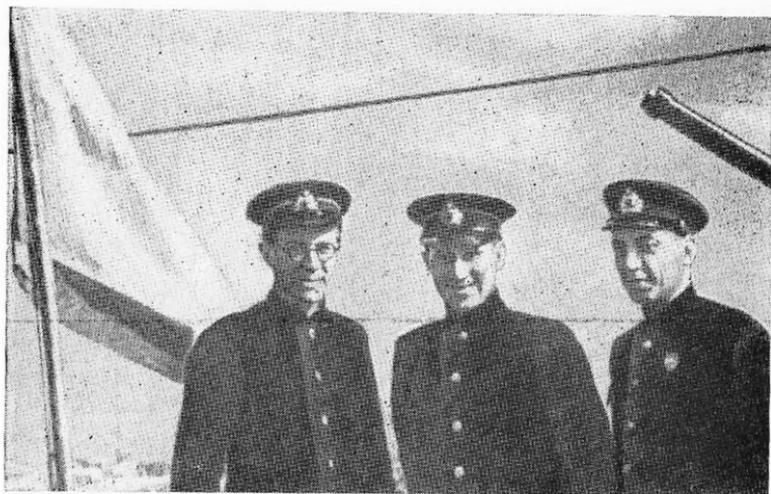
Герой Советского Союза Е. Я. Осинoв, командир краснoзнаменной подводной лодки «Щ-406». 1942 г.

А. М. Матиясевич, командир краснознаменной подводной лодки «Лембит», и С. И. Монсеев, командир электромеханической боевой части этого корабля. 1942 г.

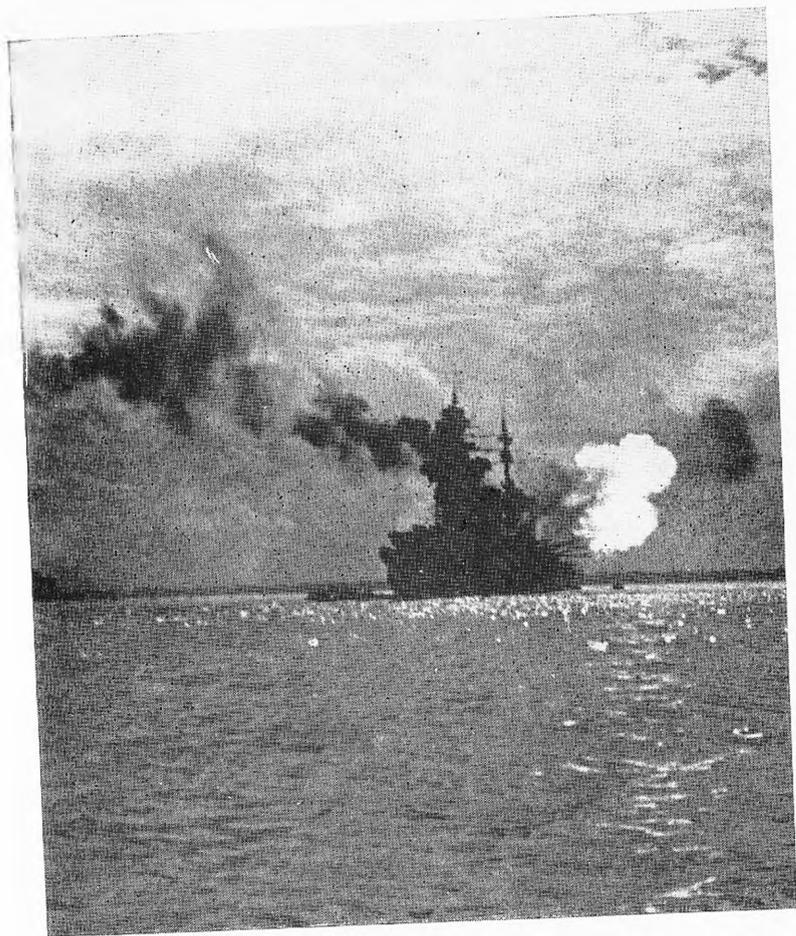
П. Д. Грищенко, командир гвардейской подводной лодки «Л-3». 1942 г.

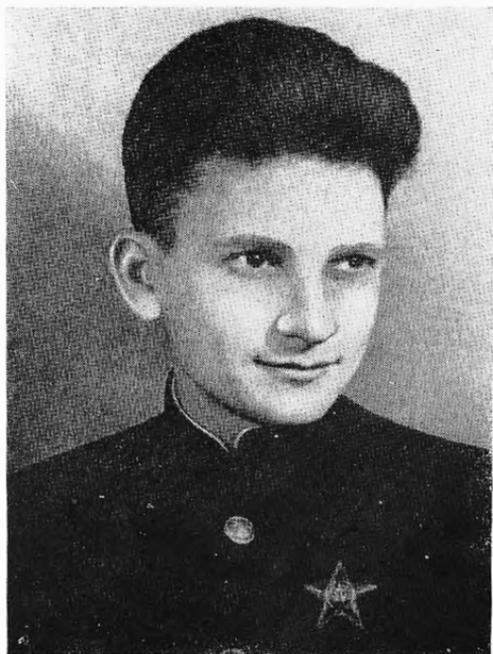
Писатели-балтийцы Всеволод Азаров, Александр Крон и Александр Зонин на подводной лодке «Л-3». 1942 г.

М. Г. Сухоруков, командир краснознаменного крейсера «Киров». 1942 г.

Линкор «Октябрьская революция» ведет огонь по врагу. 1941 г.

А. Л. Белоус, командир
мино-торпедной боевой ча-
сти гвардейского эсминца
«Вице-адмирал Дрозд».
1941 г.

Б. Н. Левченко, командир
гвардейского эсминца «Ви-
це-адмирал Дрозд». 1941 г.

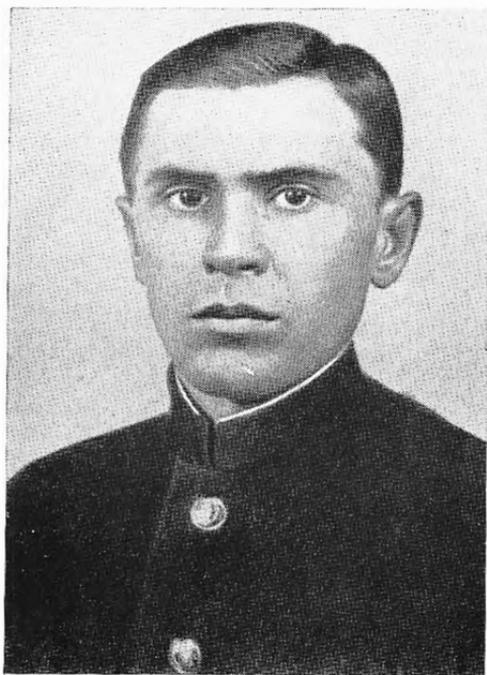
Офицеры гвардейского эсминца «Вице-адмирал Дрозд» и политотдела эскадры с шефами из Москвы: в первом ряду (слева направо) М. Г. Немов, Б. П. Левченко, Л. С. Золотарев; во втором ряду П. Г. Зотов, А. В. Николаев, писатель Александр Зонин, М. В. Иванов, Е. В. Корольков, Б. П. Яровенко, А. И. Колесниченко, А. К. Лямин. 1942 г.

Л. Е. Родичев, флагманский штурман эскадры КБФ. 1941 г.

Ф. П. Гусев, помощник флагманского штурмана эскадры КБФ, и
А. С. Алексеев, штурман 3-го дивизиона эсминцев. 1942 г.

С. В. Фабричнов, флагманский связист эскадры КБФ.
1942 г.

Н. И. Мещерский, командир
отряда минных заградителей.
1942 г.

Е. Ф. Шкреттиенко, коман-
дир базового тральщика
«Т-205». 1941 г.

П. И. Иванов, командир минно-торпедной боевой части эс-минца «Сметливый». 1941 г.

А. К. Павловский, старший помощник командира крейсера «Петропавловск», позднее — командир крейсера.

27 августа около десяти часов мы снялись с якоря и направились к прежнему району огневого маневрирования. На корабле боевая готовность № 1. Вместе с нами шел и эсминец «Сильный».

— Правый борт, курсовой сорок пять, дистанция сто кабельтовых, два транспорта курсом норд ставят дымовую завесу,— доложил сигнальщик Кузьмин.

Я приказал открыть огонь. Первыми же залпами с дистанции 84 кабельтовых один транспорт был накрыт — получил попадания, загорелся и утонул. Второй также загорелся, но успел выбраться на берег. Огнем управлял Н. Я. Огородников, заменивший тяжело заболевшего командира артиллерийской части Б. П. Яровенко.

28 августа, ночью, к борту подошла баржа, и мыполнили наши запасы снарядов и зарядов. Обстановка накалялась. Противник, несмотря на тяжелые потери, рвался к переправе через Выборгский залив. Корабль нанес новый удар по скоплению его войск. Около 200 точно выпущенных снарядов рассеяли пехоту противника.

В это время тяжелая батарея противника пристрелялась по «Стойкому» — снаряды рвались с левого и правого бортов.

Пришлось огонь главного калибра перенести на нее. Через десять минут, израсходовав полсотни снарядов, батарею подавили.

И так двое суток непрерывного «верчения» в тесном шхерном районе и огонь, грохот, пламя, дым...

Маневрирование в столь сложных условиях плавания обеспечили четко работавшие помощник флагманского штурмана Отряда легких сил Ф. П. Гусев и его ученик — командир нашей штурманской боевой части А. В. Николаев.

31 августа «Стойкий» получил приказ возвратиться в Кронштадт. Перед выходом мы передали снаряды на канонерскую лодку «Кама», приняли на борт раненых. Во второй половине дня «Стойкий» снялся с якоря и пошел в базу. Итог боевого похода неплох: уничтожили транспорт, подавили две артиллерийские батареи, подожгли склад с боезапасом, уничтожая живую силу и технику врага, помогли задержать наступление противника.

В Кронштадте пробыли всего два дня — на очереди минная постановка. Поздно вечером 2 сентября отряд,

состоявший из минного заградителя «Урал», эсминцев «Сильный» и «Стойкий», в охранении трех базовых тральщиков и четырех катеров «МО», вышел в море. На нашем борту опять находились 80 минных защитников. Минные защитники сами по себе для кораблей не опасны. Но если противник идет с целью вытралить мины, вот тут-то защитники и сыграют свою роль. Едва трал врага коснется троса (так называемого буйрепа) защитника, взорвется подвешенный на нем подрывной патрон и перебьет трал. Вместо этого патрона на освободившееся место сразу же автоматически станет новый, закрепленный на тросе всплывшего очередного буя. И так несколько раз.

При полном затемнении, строго соблюдая радиомолчание, благополучно прибыли в район постановки мин. «Стойкий», идя в строю уступа, вслед за «Уралом», выставил защитники. Вся постановка минного заграждения отрядом длилась 20 минут. Исключительно быстро, четко и без суеты работали запальные команды.

Когда корабли отряда возвращались в базу, с первыми лучами утреннего солнца открыла огонь батарея врага с острова Торсары. Увеличив ход и перейдя на противозенитный зигзаг, «Стойкий» вышел из поражаемой зоны. Хуже приходилось крупному и тихоходному «Уралу». Только благодаря мастерству его командира капитана 2-го ранга И. Г. Карпова минзаг несколько раз ловкими маневрами уходил от поражения, но батарея упорно стремилась снова накрыть корабль. Положение создалось угрожающее. Тогда «Стойкий» поставил дымовую завесу. Дым скрыл «Урал» и тральщики. Батарея прекратила огонь. Попаданий в корабли не было.

Когда отряд находился уже у северной части острова Сескар, на дистанции около 8 тысяч метров были обнаружены два самолета: «МЕ-110» и «Ю-88». Когда они приблизились, наши 76-миллиметровые орудия открыли огонь. Самолеты прошли стороной и бомб не сбросили. Но вскоре появилась новая опасность: на фарватере были обнаружены плавающие мины.

— Мина слева по носу, — доложил сигнальщик В. А. Вяткин.

С трудом уклонились вправо. Прошло еще пять мин, от которых также уклонились, изменяя курс и скорость.

Спокойно и точно выполнял команды рулевой Г. К. Кулешов. Отлично работали на маневровых клапанах машинисты-турбинисты И. А. Павлов и И. М. Румянцев. Они снискали славу отличных специалистов и одними из первых были награждены орденами.

«Стойкий» благополучно форсировал минное заграждение и в двенадцатом часу 3 сентября стал на якорь на Восточном кронштадтском рейде.

Через десять дней, 13 сентября, «Стойкий» снова вышел в море, на этот раз для постановки мин. С нами шел эсминец «Сильный», в охране — три тральщика и три катера «МО». Прошли Шепелевский маяк. Тщательно ведут прокладку курса дивизионный штурман Б. Чучин и наш штурман А. Николаев. В полночь 14 сентября я взял для контроля пеленги на маяки Соммерс и Лавенсари — определенное по ним место подтверждало точность работы штурманов.

На палубе готовили мины к постановке. Руководили этим ответственным делом минеры В. А. Любченко и Д. А. Видоменко — командиры запальных команд. Почти в полной темноте, чуть подсвечивая фонариками, спокойно и четко действовали старшины П. В. Богданов и И. П. Петров, краснофлотцы Ф. К. Лесечко, В. М. Калашников, И. П. Дюжев, П. И. Крутов.

Все идет по плану — перед подходом к точке поворота на курс постановки мин старшина минно-торпедной группы М. А. Климов докладывает:

— Подготовка мин окончена!

Отряд перестраивается в строй уступа. «Сильный», замыкающий строй, приступает к постановке мин первым.

У нас запальные команды начинают последний этап — окончательное приготовление мин. М. А. Климов собирает вынутые из мин предохранительные чеки — теперь черный шар с сотнями килограммов тротила можно сбрасывать в воду.

— Готовы к постановке! — докладывают на мостик с юта.

В 2.40 первая мина с всплеском уходит в воду, в 2.51 — последняя. В Нарвском заливе, у банки Вигрунд, встали наши 64 мины. К утру вернулись в Кронштадт. «Стойкий» пополнил запасы и сразу же был послан в Ленинград в распоряжение Штаба морской обороны.

Утром 15 сентября прибыли в Ленинградский торговый порт. Семь раз в течение дня меняли место из-за артиллерийских обстрелов.

Линейный корабль «Марат» стоял на бочках при выходе из огражденной части Морского канала. Рано утром 16 сентября по линкору нанесла массированный удар вражеская авиация и крупнокалиберная сухопутная артиллерия. «Марат», находившийся от «Стойкого» в двух-трех километрах, скрылся в клубах дыма, в разрывах снарядов и бомб. Наши зенитные орудия были вне сектора обстрела и не могли вести огонь по самолетам врага. Б. П. Яровенко предложил стрелять фугасными снарядами из носовых 130-миллиметровых орудий. С ожесточением били наши артиллеристы по самолетам, атакующим линкор, хотя было ясно, что эффективность этого огня невелика. Вскоре «Марат» снялся со швартовов и ушел в Кронштадт. 16 сентября «Стойкий» получил приказ открыть огонь по позициям гитлеровцев. Стрельбу вели 20 минут.

С 16 сентября по 21 октября артиллеристы «Стойкого» 54 раза открывали огонь по батареям, скоплениям войск, мотоколоннам, штабам и другим объектам врага. Было израсходовано 576 снарядов. Стрельбы вели с позиций в Ленинградском торговом порту. Вели огонь и ночью, посылая снаряды каждые 5—10 минут, чтобы измотать врага.

Противнику иногда удавалось засечь местонахождение корабля, хотя «Стойкий» часто менял позицию. Вражеские снаряды рвались совсем близко, осколки засыпали палубу, но артиллеристы продолжали стрелять.

Особенно запомнилась одна из стрельб в конце сентября. Группе кораблей дали задание: молниеносным огнем налетом уничтожить колонну танков, когда они ночью сосредоточатся, чтобы заправиться горючим. «Стойкий» стоял всего в пяти километрах от вражеских позиций. Можно было обрушить огонь из всех орудий, но это значило обнаружить себя яркими вспышками залпов. Поэтому я решил выпустить выделенное кораблю на эту стрельбу количество снарядов из одной пушки.

Вести огонь поручили орудью Ю. И. Матюхина, секретаря комсомольской организации. Его орудийный расчет блестяще справился с заданием: каждый выстрел шел менее чем через пять секунд, и первый снаряд еще не коснулся земли в расположении врага, как стрельба

была уже закончена. Шесть секунд на выстрел — это считалось хорошей скорострельностью и в нормальных условиях. Здесь же стреляли ночью, в полной темноте.

Особенно четко действовал досылающий Иван Проноза. От работы этого орудийного номера во многом зависит скорострельность орудия. Досылающему требуются не только большая натренированность, ловкость, ощущение темпа, — нужны и большая физическая сила и выносливость, чтобы промежуток между залпами был как можно меньше. Танковая колонна противника была уничтожена соединенными усилиями группы кораблей.

Большой урон причинил «Стойкий» фашистам за 35 дней. Артиллерия корабля уничтожила или подавила несколько батарей, разгромила штаб соединения, колонну танков и несколько моторизованных колонн, уничтожила немало живой силы. А ведь корабль вел огонь зачастую без корректировки. В сентябрьские дни наш эсминец выполнял еще одну боевую задачу — три ночи ходил «Стойкий» в дозоре по Морскому каналу, чтобы предотвратить возможную высадку вражеского десанта на дамбу его огражденной части. Дозор был необычный — такого никакие наставления не предусматривали. Противник находился всего в трех-четыре километрах. В кромешной тьме эсминец вели два буксира. Один в носу, второй — в корме. Машины находились под парами, изредка подрабатывали винтами. Орудия и пулеметы развернуты в сторону противника — к Лигову, все люди — на боевых постах по боевой тревоге. Ночные дозоры требовали большого напряжения, тщательной работы штурмана А. В. Николаева, бдительности сигнальщиков В. А. Вяткина, И. П. Кузьмина, И. П. Штенникова, всех, кто был расписан на верхних боевых постах.

Много раз «Стойкий» вовремя уходил из-под обстрела, избегал смертельной опасности. Но вот и нас постигла беда...

6 октября, в третьем часу дня, с позиции в Гутуевском ковше артиллерия «Стойкого» произвела огневой налет по батарее противника. Так как по плану эсминец должен был стать на планово-предупредительный ремонт, то сразу же после окончания стрельбы начали осматривать машины.

Вдруг, через десять минут после того как умолкли наши орудия, 280-миллиметровая батарея противника

открыла огонь по территории Торгового порта. Разрывы начали резко приближаться к кораблю. Очередной снаряд упал с перелетом, в пяти метрах от правого борта, следующий — с левого борта недолетом...

Я скомандовал сниматься со швартовов. Через шесть минут машины дали ход. Но в момент отхода от причала снаряд попал в стенку, отколов кусок гранита, и, пробив рикошетом левый борт корабля, вышел через правый борт на три четверти метра ниже ватерлинии и разорвался на грунте. В пробоину хлынула вода. Столб воды, грязь и осколков гранита накрыл «Стойкий». Стоять от стенки было очень трудно — прижимал ветер. Сделать это все-таки удалось, и вовремя: на место, где только что стоял эсминец, посыпался град снарядов.

В помещениях, пробитых снарядом, начались пожары. В зенитном погребе рвались пулеметные патроны. Возникла опасность взрыва погреба, где хранились снаряды орудий главного калибра. Это, безусловно, привело бы к гибели корабля, и я приказал затопить погреб. Приказ быстро выполнил краснофлотец С. Г. Голуб.

Первым в горящий кубрик проник главный боцман Д. Г. Серватинский, но задохнулся в едком дыму и потерял сознание. Старшина трюмной группы Н. Е. Сосненко вытащил Серватинского наверх, а сам бросился в погреб. Политрук электромеханической боевой части Е. В. Корольков подал через иллюминатор шланг и пустил воду.

Одним из первых в район пожара прибежал только недавно назначенный к нам военком М. Г. Немов. Вместе с Сосненко он ставил подпоры на люки. К ним на помощь подоспел очнувшийся Д. С. Серватинский, но вода продолжала быстро прибывать.

Люди работали по колено в воде, задыхаясь в дыму. Но корабельные средства не справлялись с откачкой воды. Она уже была по грудь. Затопило центральный артиллерийский пост. В. Я. Оленский, П. Д. Алейников, А. Б. Зябкин, В. Г. Задорожный, Г. К. Кулешов ныряли в затопленный погреб и вытаскивали ящики с боезапасом на палубу.

Положение становилось катастрофическим. Разворачивая корабль, чтобы войти в Неву, я увидел, как нос начал погружаться в воду.

Нас спас стоявший неподалеку ледокол «Волынец». «Стойкий» подошел к его борту, и сразу же в помощь нам заработали три мощные водоотливные помпы ледокола.

После того как пробоину закрыли специальным брезентом-пластырем и вода перестала поступать, можно было начать осушение помещений.

«Стойкий» был спасен. Все члены нашего экипажа выполнили свой воинский долг. Тяжелораненым М. А. Климову, Я. М. Варшавскому, И. К. Дюжеву, В. В. Хурматову, В. А. Блохину, И. А. Беспятову военфельдшер П. З. Тарасов и санитар А. И. Комаров оказали возможную в корабельных условиях медицинскую помощь.

На другой день «Стойкий» уже стоял у Балтийского завода. Корабль получил серьезные повреждения, но дружная работа экипажа и специалистов завода позволила быстро их устранить. Работали так же, как выполняли боевые задачи, — быстро и самоотверженно.

21 октября «Стойкий» уже вел огонь по врагу. «Цель — штаб гитлеровского соединения, дистанция стрельбы — 70 кабельтовых. Израсходовано 8 снарядов, штаб разгромлен», — лаконично фиксирует события вахтенный журнал.

* * *

В октябре 1941 г. было принято решение эвакуировать защитников Гангута.

Условия эвакуации были очень сложные. Берега Финского залива — в руках противника. Прикрытие с воздуха истребителями возможно только до острова Гогланд, до половины пути к Ханко. Ноябрь и декабрь — самые штормовые месяцы на Балтике. Температура воздуха и воды низкая, начинает образовываться лед. Тысячи мин поставлены и нами и противником в Финском заливе — минная опасность исключительно велика. «Супом с клецками» называли залив матросы.

Кроме того, по маршруту Кронштадт — Ханко противник имел стационарные артиллерийские батареи, посты наблюдения и связи. Опасность представляли и его корабли и катера.

«Стойкий» стоял в ковше Адмиралтейского завода, когда я получил приказ срочно перевести корабль в Кронштадт. 31 октября в 23.10 снялись со швартовов.

Накануне мы пополнили запас топлива с крейсера «Киров». Погода резко ухудшалась, повалил мокрый снег. Ленинград покидали в темноте.

В Кронштадте встали на Большом рейде. Только дали отбой аврала, как к борту подошел катер. На палубу поднялся командующий эскадрой КБФ вице-адмирал В. П. Дрозд. Вместе с ним прибыли комиссар эскадры Ф. Г. Масалов, начальник походного штаба эскадры капитан 2-го ранга В. М. Нарыков, штурман эскадры капитан 3-го ранга Л. Е. Родичев, связисты капитан-лейтенант С. В. Фабричнов и старший лейтенант Б. А. Шубников.

Быстро приняли с подошедшего к нам буксира «Микула» боезапас и 1 ноября в 3.15 вышли в море. Отряд состоял из эскадренных миноносцев «Стойкий» и «Славный», минного заградителя «Марти», базовых тральщиков «207», «210», «217», шести катеров «МО».

Только после выхода в море вице-адмирал В. П. Дрозд сообщил мне, что отряд идет на Ханко. «Я верю в корабль, верю в ваших людей»,— сказал командующий эскадрой.

В 11.25 мы были у Гогланда и после недолгой якорной стоянки в 18.10 пошли дальше.

На меридиане мыса Юминда в тралах взорвалось несколько мин. На подходах к Ханко «Стойкий» уклонился от трех плавающих мин.

Около семи утра 2 ноября «Стойкий» и другие корабли отряда встали на якорь в четырех кабельтовых на юго-восток от маяка Густав Сверн. Было очень холодно.

Мы разместили на корабле свыше 500 человек, и 3 ноября, к вечеру, двинулись в обратный путь. До Кронштадта дошли без помех, вот только ночью батарея с мыса Юминда безуспешно обстреляла корабли.

4 ноября ошвартовались в Ленинграде и высадили героев Гаугута.

Первый поход прошел блестяще, без потерь и серьезных повреждений. Безусловно, большая заслуга в этом офицеров штаба эскадры, и в первую очередь отличного штурмана Л. Е. Родичева. Успех обеспечили также скрытый и быстрый переход отряда, четкое и непрерывное управление кораблями командующим эскадрой. Адмирал отметил безукоризненную работу радистов нашего эсминца В. Н. Коптева, М. Ф. Гуцаленко, В. С. Крав-

ченко, обеспечивших связь между кораблями, с Кронштадтом и Ханко.

Последний поход эскадры на Ханко, в котором участвовал и «Стойкий», был очень тяжелым. Противник уже знал, куда и зачем мы идем, и сделал все возможное, чтобы сорвать операцию. Мины оставались главной опасностью, и стало их еще больше. К походу штаб вице-адмирала В. П. Дрозда проделал большую подготовительную работу: выбрали новый маршрут, движение запланировали только в темное время суток, разработали походные порядки кораблей, уменьшающие минную опасность. Кильватерные огни решили включить, но обернуть материей, чтобы светили слабее.

На «Стойком» тщательным образом продумали организацию наблюдения и меры по противоминной обороне. На самом носу корабля установили пост наблюдения командира минно-торпедной боевой части А. А. Белоуса и его помощника М. А. Климова. По бортам вели наблюдение расчеты торпедных аппаратов и орудий. И так — вдоль всего корабля, от носа до кормы. Расстояние между наблюдателями — один метр, у каждого специальные обмотанные тряпками рогатины на длинных шестах. Обнаружив мину, наблюдатель сбрасывает пробирку с фосфором — в морской воде фосфор сразу же дает белое свечение — и отталкивает рогатинами мину, постепенно проводя ее за корму.

25 ноября в 19.10 «Стойкий» и «Славный», турбоэлектроход «И. Сталин», шесть базовых тральщиков и семь катеров «МО» вышли в море и к утру 26 ноября были у Гогланда. Здесь мы простояли до вечера 29 ноября, пережидая шторм.

29 ноября в 17.20 пошли дальше, а в 22.15 начались взрывы мин в тралах, появились плавающие мины. На одном участке, например, уклонились подряд от шестнадцати мин, которые обнаружили на расстоянии от двух до тридцати метров от корабля. А сколько их осталось незамеченными?

На Ханко погрузка производилась на рейде под непрерывным артиллерийским огнем противника. Корабль был вынужден несколько раз менять место стоянки. Налетали и вражеские самолеты, но их отгоняли огнем зенитчики. На горизонте маячили броненосец и канонерские лодки врага.

Надо было забрать оставшихся ханковцев. Мы приехали на борт более тысячи человек и много груза. Очень хорошо руководили погрузкой помощник командира В. М. Кудряшов, главный боцман Д. Г. Серватинский, старшины М. А. Климов, П. Д. Алейников, В. Я. Оленский. Людей размещали в кубриках, в каютах, в кладовых, в котельных отделениях и даже в коридорах гребных валов.

— Все вниз! — непрерывно звучала команда. Пассажиры не должны были мешать экипажу в случае надобности использовать оружие в бою.

Перед погрузкой сыграли боевую тревогу, а отбой дали только в Кронштадте...

2 декабря в 21.25 снялись с якоря. Ветер северо-восточный, пять баллов, видимости почти никакой. Холодно. К отряду присоединились четыре торпедных катера. Через два часа разошлись с первой плавающей миной на дистанции семь метров. В это же время командир электромеханической боевой части доложил, что у подшипника греется правый гребной вал. Во избежание аварии требовалось произвести срочный ремонт. Конечно, подобные работы никогда не проводились в море, но я вынужден был согласиться с предложением опытного механика и просил только об одном — сделать ремонт как можно быстрее.

Правую машину остановили. «Стойкий» продолжал движение. Работала одна левая машина. Обжигая руки, Ф. А. Горшков и В. К. Потемкин с помощью старшины машинной группы К. Л. Ведянова произвели ремонт, и через шестнадцать минут правая машина дала ход.

Ф. А. Горшков был прекрасным моряком и знающим специалистом. Не зря он одним из первых на корабле получил орден.

Во время ремонта на месте аварии паходился военком корабля М. Г. Немов. Комиссар имел военно-морское инженерное образование, поэтому помогал не только словом, но и делом.

Машина дала ход как раз вовремя — в тралах впереди идущих тральщиков начали рваться мины. Иногда мины проплывали в двух метрах от борта...

Еще пять взрывов в тралах. Скорее всего, это значит, что трала уже нет. Помню, в первом походе на Ханко тральщики к Кронштадту подходили без тралов — все были уничтожены взрывами. В этом походе

учли опыт прошлого и взяли на тральщики по три—пять комплектов тралов для замены.

В кильватер «Стойкому» шел турбоэлектроход «И. Сталин». На инструктаже перед выходом с Ханко я усиленно советовал его капитану не отставать, особенно перед поворотами, чтобы не выйти из протраленной полосы. И все-таки при повороте от острова Найсар на северо-восток турбоэлектроход отстал, повернул не там, где прошли тральщики. Почти сразу же в параванах «И. Сталина» взорвались две мины. Громкое судно бросило влево, а через минуту-другую еще один смерч из воды, пламени и дыма взвился у его кормы, осветив поверхность залива.

Потом раздался четвертый взрыв. Судно потеряло ход. По взрывам мин противник установил, что советские корабли форсируют минное поле. В 2.09 открыла огонь 12-дюймовая вражеская береговая батарея. Первый снаряд упал по корме «Стойкого» с недолетом метров 20. Последующие взрывались с недолетом или перелетом в расстоянии 80—90 метров. Противник вел стрельбу довольно точно, и мы ожидали, что снаряд вот-вот попадет в корабль. На мостике все притихли, и слышен был только свист ветра в снастях, да где-то на шлюпке противно хлопал чехол. По приказанию командующего эскадрой катера «МО» быстро поставили дымовую завесу. Противник перенес огонь на турбоэлектроход. Вскоре на «Стойком» услышали еще один очень сильный взрыв в направлении, где оставался «И. Сталин»...

Отряд продолжал движение. Снова плывут мины, но уже посветлело и уклоняться от них стало легче.

К вечеру 3 декабря корабли стали на якорь на рейде Северной деревни у острова Гогланд. Зенитчики несколько раз открывали огонь по самолетам противника. Кроме того, периодически стреляли из орудий главного калибра на дистанцию 10—15 кабельтовых ныряющими снарядами—это на всякий случай, против подводных лодок.

Днем 4 декабря на борт «Стойкого» прибыли командир военно-морской базы Ханко генерал-лейтенант С. И. Кабанов и военком базы дивизионный комиссар А. Л. Расскин—с Ханко на Гогланд они шли на торпедных катерах. В тот же день в 21.42 мы взяли курс на Кронштадт. От Сескара пошел битый лед, а у мыса

Сейвисто вошли в сплошное ледяное поле. Застрял идущий впереди транспорт. Стал весь караван. Ждем ледокол «Ермак».

Стало светло. Противник с берега обнаружил отряд: на фоне чистого белого снега неподвижные серые корабли и транспорты были как на ладони.

5 декабря в 10.00 десятки орудий противника открыли ураганный огонь по кораблям отряда. Наш «Стойкий» взяли в вилку. Осколки снарядов и глыбы льда засыпали корабль.

— Всем в укрытия, на верхних постах надеть каски, — передали по корабельной трансляции.

По вражеским батареям открыла огонь артиллерия «Стойкого» и других кораблей отряда. Как всегда умело управлял стрельбой Б. П. Яровенко, отлично действовали у своих орудий В. Я. Оленский, Ю. И. Матюхин, Д. И. Гладков, И. Кириллин, П. Д. Алейников, В. И. Боровской, Н. В. Семенов, Г. К. Хрипун, Я. Уманец, М. И. Пряников. Вслед за орудиями кораблей ударили залпы мощных пушек фортов Красная Горка и Серая Лошадь. Батареи врага замолкли.

Наконец подошел дедушка «Ермак», как его любовно называли балтийцы, и мы двинулись в Кронштадт.

5 декабря в 13.50 вошли на Большой кронштадтский рейд.

В ночь с 8 на 9 декабря «Стойкий» перешел в Ленинград на буксире ледокола «Ермак». На траверзе Петергофского буя по носу «Ермака» взорвалась мина. Но ледокол не пострадал, и 9 декабря в 7.20 эсминец вошел в ковш Адмиралтейского завода.

Закончились тяжелые походы на Ханко. За 167 ходовых часов «Стойкий» прошел 1525 миль и перевез с Ханко полторы тысячи воинов, много боеприпасов, продовольствия и стрелкового оружия.

В суровых боях, в трудах по ремонту корабля текли дни и месяцы в блокадном Ленинграде.

4 апреля 1942 г. фашистские самолеты во взаимодействии с артиллерией совершили один из самых ожесточенных налетов на Ленинград. Объектами массированных ударов были корабли Краснознаменного Балтийского флота. Сотни орудий вели огонь по вражеским бомбардировщикам. Разрывы бомб и снарядов, звуки выстрелов орудий — все слилось в сплошной гул. Бомбы рвались на берегу, вспахивали рыхлый весенний лед

Невы, поднимали над кораблями столбы воды, льда и грязи.

Один из «юнкеров» спикировал на «Стойкий», стоявший у завода, но пулеметчик П. Л. Хомяков очередью из крупнокалиберного пулемета поджег его. Шлейф черного дыма потянулся вслед за падающим самолетом.

Тишина наступила внезапно. Враг отбит!

На корабле прозвучал сигнал отбоя боевой тревоги и сразу же был объявлен большой сбор. В касках, опаленные пороховым дымом, возбужденные застыли на палубе шеренги моряков.

— Поздравляю экипаж эскадренного миноносца «Стойкий» с присвоением гвардейского звания! Желаю новых боевых успехов...— громко огласил я только что полученную телеграмму народного комиссара Военно-Морского Флота адмирала Н. Г. Кузнецова.

Над Невой прокатилось громкое «ура!». Все обнимаются, целуются. Обнимаюсь с комиссаром корабля Л. С. Золотаревым — душой корабля, большим другом команды. Но идет новая волна гитлеровских самолетов, и колокола громкого боя снова зовут моряков на боевые посты.

13 сентября 1942 г. гвардейский флаг был впервые поднят на гафеле «Стойкого». В этот день личный состав «Стойкого» надел гвардейские ленты на бескозырки, гвардейские знаки украсили кители офицеров.

К 11 часам на корабль прибыли гости — трудящиеся фабрик «Светоч», «Красное знамя», «Канат», офицеры боевых кораблей и частей флота, представители советских и партийных органов.

Гвардейцы-летчики Балтики прислали на торжество Героя Советского Союза гвардии полковника Е. Н. Преображенского.

На память о знаменательном дне гостям были вручены книги писателя-марииниста Александра Зонина «Гвардейский корабль „Стойкий“». Документальную повесть о «Стойком» Александр Зонин написал в блокадную зиму 1941/42 г.

* * *

Вечером 29 января 1943 г. трагически погиб командующий эскадрой КБФ вице-адмирал В. П. Дрозд. Весть эта мгновенно облетела флот. С чувством глубокой скорби восприняли балтийцы эту утрату.

С первого дня Великой Отечественной войны и до момента своей гибели Валентин Петрович находился на боевом посту. Мы как-то умудрялись отдыхать, корабли сменялись, ремонтировались, а адмирал Дрозд руководил боевыми действиями эскадры, переходя с корабля на корабль. Прожил Валентин Петрович мало, но жизнь его была прекрасна и благородна.

Вице-адмирал часто бывал на «Стойком», четыре раза поднимал на нем свой флаг, выходя в боевые походы. Он дружил с экипажем, любил корабль. Поэтому наш экипаж возбудил ходатайство о присвоении кораблю имени любимого адмирала.

В феврале 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР это ходатайство было удовлетворено, и корабль стал называться гвардейским эскадренным миноносцем «Вице-адмирал Дрозд».

10 июня 1944 г., когда войска Ленинградского фронта перешли в наступление на Карельском перешейке, «Вице-адмирал Дрозд» снова был в Кронштадте и вел огонь по врагу.

Прошли недели, и моряки-гвардейцы с победой возвратились на просторы родной Балтики.

Многие годы еще служил Родине «Вице-адмирал Дрозд».

Л. Е РОДИЧЕВ,

капитан 1-го ранга.

*Флагманский штурман эскадры КБФ
в 1941—1942 гг.*

ЗА ГАНГУТЦАМИ

В октябре 1941 г. было решено провести эвакуацию гарнизона Ханко.

В то время я был флагманским штурманом эскадры КБФ, но с 23 сентября временно исполнял обязанности командира линкора «Марат» (в этот день в результате массированного налета вражеских самолетов линкор был серьезно поврежден, а руководящий командный состав погиб).

С началом подготовки к эвакуации Ханко меня отозвали на эскадру для исполнения обязанностей флагманского штурмана.

Я сразу же приступил к проверке состояния штурманских боевых частей и разработке маршрута следования кораблей на Ханко и обратно. При этом было необходимо учесть данные о наших минных заграждениях и о минных постановках и береговых батареях противника. На основании всех этих сведений и навигационной обстановки я и предложил командованию маршрут перехода кораблей. Он был утвержден и получил наименование «маршрут № 1».

В период подготовки к походу штурманы кораблей работали исключительно напряженно. Все понимали, что плавание в темное время суток по Финскому заливу в условиях, когда нет возможности определить место по маякам, вдоль берегов, занятых противником, среди минных полей и многочисленных плавающих мин, тре-

бует от штурманских боевых частей особой ответственности. Строгая проверка готовности штурманских боевых частей, которую провели я и мой помощник капитан-лейтенант Ф. П. Гусев, показала, что кораблевождение в трудном походе будет обеспечено хорошо.

Для походов к Ханко и эвакуации его гарнизона были выделены наиболее подготовленные корабли, экипажи которых приобрели с начала войны значительный боевой опыт: эсминцы «Стойкий», «Славный», «Суровый», «Сметливый», «Свирепый» и «Гордый». Переходы к Ханко и обратно решили делать в темное время суток. А так как идти предстояло за тралами, что ограничивало скорость на переходе двенадцатью узлами, то на поход к Ханко требовалось две ночи. Светлое время корабли должны были пережить на якорной стоянке у острова Гогланд. Руководство морской частью операции, т. е. формирование отрядов и непосредственное командование ими на переходах морем, было возложено на командующего эскадрой КБФ вице-адмирала В. П. Дрозда.

К обеспечению операции привлекались многие соединения флота. Координировала их действия оперативная группа во главе с начальником штаба флота контр-адмиралом Ю. Ф. Раллем.

Для оказания необходимой помощи кораблям в море был создан специальный отряд кораблей, которым командовал капитан 2-го ранга И. Г. Святлов, командир ОВР КБФ.

За период операции по эвакуации Ханко штаб эскадры сформировал пять отрядов кораблей. В походах трех из них я принимал участие.

Отряд первый. В ночь с 31 октября на 1 ноября 1941 г. из Кронштадта вышел к Ханко первый отряд: эсминцы «Стойкий» (командир капитан-лейтенант Б. П. Левченко), «Славный» (командир капитан 3-го ранга М. Д. Осадчий), минный заградитель «Марти» (командир капитан 2-го ранга Г. С. Абашвили) и корабли охранения — базовые тральщики и сторожевые катера. «Стойкий» поднял флаг старшего флагмана — на нем шел командир отряда вице-адмирал В. П. Дрозд. Там же находились военком эскадры бригадный комиссар Ф. Г. Масалов, начальник штаба эскадры капитан 2-го ранга В. М. Нарыков и флагманские специалисты штаба эскадры — связисты капитан-лейтенант С. В. Фаб-

ричнов и старший лейтенант Б. А. Шубников, а также я, тогда капитан 3-го ранга. На «Марти» шел командир отряда минных заградителей капитан 1-го ранга Николай Иосифович Мещерский, один из старейших моряков Краснознаменной Балтики, опытный специалист по минному оружию. Почти все минные постановки с начала войны надводные корабли проводили под его руководством.

Незадолго до полудня 1 ноября отряд прибыл на рейд у острова Гогланд, а с наступлением темноты, в 18.10, снялся с якоря и начал движение к полуострову Ханко.

В охранении отряда следовали базовые тральщики «207», «210», «215», «217», «218» и шесть катеров «МО». Дул слабый северо-восточный ветер, видимость была хорошая.

Первые десятки миль пути отряд прошел благополучно. Но в 23.35 в тралах тральщиков взорвались сразу две мины, прошло три минуты — еще взрыв. Почти тотчас наблюдатели, выставленные на носу и по бортам кораблей, обнаружили плавающие мины. 2 ноября в 2.20 в семи-восьми метрах от борта взорвалась мина в параване минзага. Котлы на корабле сместились с фундаментов, один из них пришлось выключить. Однако личный состав корабля устранил повреждения, и «Марти» продолжал путь.

Утром 2 ноября отряд встал на якорь на рейде Ханко. Можно сказать, что переход прошел благополучно — пять мин взорвались в тралах, одна в параване, но все корабли дошли до Ханко без существенных повреждений. Немедленно началась погрузка войск, боевой техники и других грузов. К «Стойкому» и «Славному» один за другим подходили буксиры, катера, баржи и шлюпки с бойцами и грузом. Минзаг втянули в гавань, поставили к стенке, чтобы ускорить погрузку.

Когда рассвело, противник обнаружил наши эсминцы и начал артиллерийский обстрел. Береговые батареи открыли ответный огонь и заставили замолчать орудия врага. Противник не заметил стоящего в гавани «Марти», так как перед походом минзагу укоротили мачты.

Вечером, в 19.30, отряд в том же составе вышел в обратный путь. На этот раз нас обстреляла батарея с мыса Юминда. Опять рвались в тралах мины, но корабли повреждений не имели. 3 ноября в 7.55 отряд встал на

якорь у Гогланда, а в 2.20 на следующий день благополучно пришел в Кронштадт. Мы доставили с Ханко более 4 тысяч бойцов с оружием, орудия полевой артиллерии и боезапас, военно-морской госпиталь.

Подводя итоги похода по штурманской части, я мог только сказать спасибо штурманам кораблей. Штурман «Стойкого» лейтенант А. В. Николаев, «Славного» — лейтенант И. П. Ивженко, минзага «Марти» — старший лейтенант К. М. Кононов показали себя в трудном походе отличными мастерами своего дела: ведь им пришлось определять место своих кораблей в темное время суток по мысам и островам, глубинам и даже по вспышкам орудийных залпов вражеской батареи.

Отряд второй. После ухода из Кронштадта первого отряда кораблей начал формироваться второй. Этим отрядом вначале командовал командир 2-го дивизиона эскадренных миноносцев капитан 2-го ранга А. И. Заяц, который находился на эсминце «Суровый».

3 ноября в 0.45 отряд вышел с Большого кронштадтского рейда и прибыл к Гогланду, встретив там корабли первого отряда, вернувшиеся с Ханко.

От Гогланда второй отряд кораблей эскадры и силы охранения возглавил начальник штаба эскадры капитан 2-го ранга В. М. Нарыков. В состав этого отряда входили эсминцы «Суровый» (командир капитан 3-го ранга М. Т. Устинов) и «Сметливый» (командир капитан 2-го ранга В. И. Маслов), три базовых тральщика («205», «206» и «211»), четыре катера «МО». От Гогланда с отрядом пошел и только что вернувшийся с нами с Ханко «Т-207», а входивший первоначально в отряд ледокол «Суур-Тылл» взял с тральщика бойцов и груз и вернулся в Кронштадт.

На «Сметливом» находился штурман 1-го дивизиона эсминцев старший лейтенант К. Е. Ефимов, на «Суровом» — штурман 2-го дивизиона эсминцев старший лейтенант Б. Т. Чучин. Опытные штурманы вместе с командирами штурманских боевых частей эсминцев должны были обеспечить движение отряда точно по заданному маршруту.

Второй отряд вышел с Гогланда 3 ноября в 18.00. Ясная лунная ночь помогала своевременно обнаруживать плавающие мины. Несколько мин взорвалось в тралах, отряд обстреляла 12-дюймовая батарея с острова Макилуото, но корабли без повреждений в 8.10 прибыли

на рейд Ханко. Погрузку корабли проводили у причала, в гавани. «Сметливый» принял на борт 560 человек, «Суровый» — 507, базовые тральщики — по 260.

Перед выходом в море пришлось повозиться с магнитным компасом на «Т-211» — единственным компасом на этом корабле. Дело в том, что после взрыва мины нужно было заново определить его поправки. Для этого тральщику пришлось маневрировать почти три часа на разных курсах на глазах у противника. Несмотря на обстрел вражеской артиллерии, старший лейтенант Чучин хорошо провел всю необходимую работу.

Понимая, что с наступлением темноты корабли отряда начнут движение, артиллерия противника после захода солнца начала обстрел гавани и рейда. Один из снарядов попал в броневой щит 130-миллиметрового орудия на «Сметливом».

4 ноября с наступлением темноты, в 19.00, отряд вышел с рейда Ханко. Командир отряда капитан 2-го ранга В. М. Нарыков находился на «Суровом», командир дивизиона капитан 1-го ранга А. И. Заяц — на «Сметливом». Впереди в строе уступа шли тральщики «Т-205», «Т-206», «Т-207», «Т-211», за ними — «Суровый» и «Сметливый». По два катера «МО» заняли охранение с правого и левого бортов эсминцев.

Вскоре отряд начал форсировать минные поля, расположенные на северо-западе от маяка Найсар. Начали взрываться в тралах мины. «Сметливый» несколько отстал от «Сурового», вышел вправо из протраленной полосы. Правый его параван затрассил мину, и она взорвалась у борта корабля. В носовые помещения стала поступать вода, вышло из строя рулевое управление. «Сметливый» застопорил машины. Через четверть часа, ликвидировав повреждения, эсминец дал ход и стал нагонять ушедшие вперед тральщики и «Суровый». В 23.25 в районе мостика раздался взрыв — еще одна мина... Но, судя по силе взрыва, очевидно, сдетонировал и боезапас в носовых артиллерийских погребах — корабль разорвало на две части. Носовая часть продержалась на плаву 12 минут, а затем медленно ушла в воду. Погибли капитан 2-го ранга А. И. Заяц, командир корабля капитан 2-го ранга В. И. Маслов, военком батальонный комиссар С. В. Шеглов и другие командиры и краснофлотцы, а также размещавшиеся в носовых кубриках бойцы с Ханко. Кормовая часть эсминца — начиная с но-

совой переборки первого котельного отделения — осталась на плаву. Командование кораблем принял старший лейтенант П. И. Иванов — командир минно-торпедной боевой части. Он действовал спокойно и грамотно: организовал борьбу за живучесть корабля, принял меры к спасению плававших на воде. Среди спасенных оказался и выброшенный взрывной волной за борт дивизионный штурман К. Е. Ефимов.

Неуправляемый «Сметливый» дрейфовал по минному полю. И через десять минут после второго взрыва раздался третий: на этот раз оторвало часть корпуса с тремя котельными отделениями и с постом энергетики.

Со «Сметливого» удалось спасти 93 человека из экипажа и 270 пассажиров-гангутцев, которых перегруженные «Т-205» (командир старший лейтенант Е. Ф. Шкреттенко) и катера «МО» доставили обратно на Ханко.

Остальные корабли отряда — эсминец «Суровый», три тральщика и катер «МО» — утром 5 ноября прибыли к Гогланду. Ночью на пути к острову батареи противника с Макилуото и мыса Юминда более часа обстреливали корабли, но безуспешно. Ранним утром 6 ноября корабли пришли в Кронштадт, доставив более 1200 бойцов.

Отряд третий. Наступали холода — нужно было торопиться с эвакуацией гангутцев. Через трое суток после возвращения второго отряда из Кронштадта вышел третий: эсминец «Стойкий» (командир капитан-лейтенант Б. П. Левченко), лидер эсминцев «Ленинград» (командир капитан 3-го ранга Г. М. Горбачев), минный заградитель «Урал» (командир капитан 2-го ранга И. Г. Карпов) и транспорт «Жданов». На «Урале» находился командир отряда заградителей капитан 1-го ранга Н. И. Мещерский. Переход отряда обеспечивали базовые тральщики «Т-204», «Т-207», «Т-211», «Т-215», «Т-218», четыре катера «МО» и два торпедных катера типа «Д-3». Отрядом командовал командир линкора «Октябрьская революция» контр-адмирал М. З. Москаленко, поднявший свой флаг на «Стойком». Вместе с ним на «Стойком» находились военком отряда, заместитель начальника политотдела эскадры, полковой комиссар В. В. Смирнов, начальник походного штаба, заместитель начальника штаба эскадры капитан 2-го ранга В. М. Климов. Я — флагманский штурман отряда — также шел на «Стойком».

Как и в прошлые походы, отряд без происшествий дошел до Гогланда. В 16.40 9 ноября корабли продолжили движение к Ханко.

Поднимаюсь на мостик. Усиливающийся восточный ветер гонит низкие, темные облака. Видимость настолько плохая, что впереди идущий корабль то и дело скрывается во мгле. Ни огонька, корабли полностью затемнены. Но надо держать строй, точно идти за тральщиками, и со «Стойкого» на корабли отряда передают приказание: «Кораблям включить кильватерные огни». Но это не помогло — видимость ухудшается, и тральщики, за которыми следуют эсминцы и минзаг, теряются из виду. В таких условиях можно выйти из протраленной полосы, что грозит подрывом на минах. Поэтому М. З. Москаленко принял решение прекратить движение. В 19.30 отряд встал на якорь.

Наступает рассвет. Стоявшие группой корабли могли подвергнуться ударам авиации и кораблей врага. По приказанию командира отряда корабли снялись с якоря и к полудню 10 ноября вернулись к Гогланду, уничтожив на пути три плавающие мины. Больше суток ожидали мы улучшения погоды. 11 ноября, с наступлением сумерек, отряд вновь вышел к Ханко. У Гогланда остались получившие повреждения при столкновении «Т-204» и «Т-218», а также один из торпедных катеров. Теперь только три тральщика прокладывали путь отряду.

Усилившийся северный ветер развел большую волну, видимость ухудшилась, и тральщики перестроились из строя уступа в кильватерную колонну. Протраленная полоса сузилась до 60 метров. Конечно, из-за этого опасность подрыва на минах резко возросла. Берегов не видно, а это значит, что нельзя точно определить место кораблей. Все время проверяю работу штурмана «Стойкого» А. В. Николаева — все правильно, лейтенант умело обеспечивает кораблевождение.

К северу от мыса Юминда отряд начал форсирование минного поля. Одна за другой взорвались три мины в тралах и мина в правом параване лидера «Ленинград». После полуночи взорвалась мина в его левом параване. Лидер встал на якорь, чтобы устранить повреждения в машинном отделении и в корпусе корабля. Следующие за «Ленинградом» транспорт «Жданов» и три катера «МО» замедлили ход и отстали от головной части

отряда. Тральщики, «Стойкий» и «Урал» продолжали движение, пока в 1.01 не было обнаружено, что остальные корабли и три катера отстали. Это произошло во время изменения очередного курса после форсирования самого крупного минного поля врага. Отряд уменьшил ход, чтобы отставшие корабли могли его догнать. До Ханко оставалось всего лишь 65 миль (от Гогланда прошли 90), когда контр-адмирал Москаленко получил донесение от лидера «Ленинград»: «Дважды подорвался на минах. Пробоина в первом котельном отделении, провизионке, в центральном и гиропостах, в четвертом погребе. Компас и лаг вышли из строя. С трудом справляюсь с откачкой воды. Самостоятельно идти не могу, нуждаюсь в помощи. Встал на якорь».

Командир отряда приказал отряду возвращаться к Гогланду. 12 ноября в 2.48 корабли легли на обратный курс. Но командир «Ленинграда» Г. М. Горбачев не дождался подхода отряда и решил идти к острову самостоятельно. Так как на лидере не работали компасы, он приказал транспорту «Жданов» идти головным. В 5.01 «Жданов» подорвался на mine и затонул. Но из числа его экипажа погиб только один человек, остальных спасли катера «МО». 12 ноября в 11.20 корабли вернулись к Гогланду. Таким образом, этому отряду не удалось пробиться к Ханко.

Отряд четвертый. Минзаг «Урал» и базовые тральщики «Т-211» и «Т-215» остались ожидать у Гогланда подхода четвертого отряда, в составе которого они должны были следовать к Ханко. «Стойкий» и «Ленинград» вернулись в Кронштадт.

Эсминцы «Суровый» (командир капитан 3-го ранга М. Т. Устинов), «Гордый» (командир капитан 3-го ранга Е. Б. Ефет) и базовые тральщики «Т-206» и «Т-217» вышли из Кронштадта к Гогланду в ночь с 12 на 13 ноября под командованием В. М. Нарыкова.

Вечером 13 ноября эти корабли и присоединившиеся к ним «Т-206», «Т-217» и минзаг «Урал» в охранении шести катеров «МО» вышли к Ханко. На «Гордом» находился командир дивизиона эсминцев капитан 2-го ранга П. Н. Петунин. Вместе с отрядом до Ханко следовали подводные лодки «Л-2» и «М-98». В дальнейшем они должны были действовать на коммуникациях врага.

Как и в предыдущие ночи, видимость была плохая — менее мили, но ветер стих — 4—5 баллов.

После полуночи отряд начал форсирование минного поля. Через полчаса взорвалась мина в трале «Т-206», потом подорвался и затонул «МО-301». Еще один взрыв — тонет «Т-206». С мостика «Сурового» вдруг увидели в каких-нибудь 100 метрах по носу застопоривший ход «Т-217». Эсминец отвернул влево и вышел из протральной полосы. И тут раздался взрыв мины в параване «Сурового». Корабль встал на якорь. Остановились и шедшие вслед за ним две подводные лодки. Все это произошло в каких-нибудь полчаса...

Минзаг «Урал» и эсминец «Гордый» обошли «Суровый» и продолжали движение за тральщиками. В командование отрядом вступил капитан 1-го ранга Н. И. Мещерский. По его приказанию «Гордый» занял место за тральщиками впереди «Урала». Через некоторое время два тральщика были направлены на помощь «Суровому». Отряд продолжал движение за «Т-215».

В 3.22 у борта «Гордого», вышедшего из протральной полосы, взорвалась мина. Больших повреждений взрыв не причинил, и эсминец продолжал путь. Прошло десять минут — еще взрыв. Корабль остановился и начал крениться на левый борт. Все это хорошо видели со следующего за ним «Урала». «Урал» обошел «Гордый» слева и продолжал идти за тральщиком, к эсминцу подошли два катера «МО», чтобы оказать помощь его экипажу. «Гордый» медленно погружался в воду с все растущим креном на левый борт...

С эсминца спустили на воду шлюпку с левого борта. На ней находились командир артиллерийской боевой части старший лейтенант Н. В. Дутиков, рулевой В. В. Лагутин и комендор В. П. Хренов. Одновременно подошел катер «МО» и принял с «Гордого» 73 человека, на шлюпку перенесли тяжелораненого машиниста-турбиниста Провоторова. В 3.36 раздался новый взрыв — третья мина. Шлюпку отбросило от борта, эсминец погрузился в воду. С полубака, где собрался экипаж во главе с П. Н. Петуниным, Е. Б. Ефетом и военкомом батальонным комиссаром Д. И. Сахно, раздалось пение «Интернационала»...

Шлюпка старшего лейтенанта Дутикова, подобрал с воды девять человек из экипажа «Гордого», через 19 часов под парусами дошла до Гогланда. Еще трех человек подобрал второй катер «МО».

«Т-215», «Урал» и догнавшие их три катера «МО» вошли на рейд Ханко утром 14 ноября.

Оставшийся на минном поле после подрыва на mine «Суровый» был в тяжелом положении — затоплены два котельных отделения, одно машинное отделение и ряд других помещений, в первом котельном отделении бушевал пожар, который так и не удалось ликвидировать. Поблизости находились застопорившие ход подводные лодки.

Командир отряда капитан 2-го ранга Нарыков приказал командиру «Сурового» с подходом тральщика перевести на него экипаж, а корабль затопить. Нарыков перешел на катер и приказал догонять ушедшие вперед корабли. Один катер остался у борта «Сурового».

«МО» дал полный ход, но всего лишь через четверть часа на катере услышали за кормой два взрыва. Оказалось, что подорвалась на минах и затонула «Л-2». Из ее экипажа удалось спасти только трех человек. Погиб и штурман «Л-2» — известный флотский поэт Алексей Лебедев. Никто больше не видел и вторую подводную лодку «М-98».

Подошли тральщики «Т-211» и «Т-217». «Т-211» и катера «МО» приняли экипаж «Сурового», а «Т-217» начал поиск людей с подводных лодок. Около 6.00 раздался взрывы глубинных бомб на «Суровом», заложенные подрывной партией под первым торпедным аппаратом и в районе артиллерийского погреба. Эсминец затонул.

Базовые тральщики «Т-211» и «Т-217» и два катера «МО» во главе с капитаном 2-го ранга Нарыковым вернулись в Кронштадт.

22 ноября с рейда Ханко в обратный путь вышел «Урал» в сопровождении четырех тральщиков и шести катеров «МО». Этот отряд, которым командовал капитан 1-го ранга Н. И. Мещерский, благополучно прибыл в Ленинград, доставив более 4500 гангутцев и 300 тонн продовольствия.

Отряд пятый. Этот отряд вышел в поход под командованием вице-адмирала В. П. Дрозда и должен был завершить эвакуацию гарнизона Ханко. В его состав входили уже имеющие опыт плавания к Ханко эсминцы «Стойкий» и «Славный». И опять, как было в первом отряде, В. П. Дрозд поднял флаг на «Стойком». Значительную часть гангутцев должен был взять вместитель-

ный турбоэлектроход «И. Сталин», также входивший в отряд. Переход обеспечивали базовые тральщики «205», «207», «211», «215», «217» и «218» и семь катеров «МО».

Все мы понимали, что предстоит ответственный и исключительно сложный поход. Нужно было во что бы то ни стало забрать всех оставшихся гангутцев,— в восточной части Финского залива вот-вот станет лед. Я распределил по кораблям отряда наиболее опытных штурманов. На головном тральщике шел мой помощник капитан-лейтенант Ф. П. Гусев, прекрасный специалист, не терявшийся в самой сложной обстановке. Это подтверждал опыт последних месяцев: Федор Павлович отлично показал себя во время боев за Моонзунд, в минных постановках у Гогланда и в Нарвском заливе, в боевых действиях эсминцев в Выборгском заливе. Ф. П. Гусев был на тральщиках, когда «Урал» возвращался с Ханко 22—23 ноября, и обеспечил высокую точность кораблевождения. Помощник флагманского штурмана КБФ капитан-лейтенант Ю. П. Ковель шел на «Стойком», штурман 3-го дивизиона эсминцев старший лейтенант А. С. Алексеев — на «И. Сталине», на «Славном» — я.

На этот раз отряд шел к Ханко маршрутом № 2, курсы которого от острова Родшер до меридиана Хельсинки были проложены севернее маршрута № 1. Перед походом командующий эскадрой утвердил мое предложение воспользоваться этим маршрутом. На то были все основания: маршрутом № 2 успешно прошел от Ханко «Урал» и его охранение. 23 ноября им пользовались подводные лодки, а на уже известном противнику маршруте № 1 нас могли ждать неприятные сюрпризы — новые минные поля.

Решение В. П. Дрозда оказалось правильным — отряд без повреждений пришел к Ханко.

Погрузка нашего отряда продолжалась двое суток. За это время на Ханко прибыл, принял около 3 тысяч человек и ушел к Гогланду отряд тихоходных кораблей под командованием капитан-лейтенанта П. В. Шевцова. Нам предстояло забрать оставшихся — почти 9 тысяч ханковцев и максимальное количество грузов.

2 декабря в 21.25 отряд закончил погрузку и снялся с якоря. Впереди в строю уступа шли тральщики «Т-218», «Т-211» и «Т-215». За ними, образуя второй

ряд, следовали «Т-207» и «Т-205». Потом шел «Стойкий» под флагом вице-адмирала Дрозда, за ним — турбоэлектреход «И. Сталин», «Славный», «Т-217» (без трала) и катер «Ямб». Отряд сопровождали семь катеров «МО» и четыре торпедных катера. За кормой, на Ханко, пылали город и порт.

Выхожу на мостик, чтобы попытаться определить место корабля. Лицо обжигает северо-восточный ветер — температура ниже нуля. Брызги воды сразу же замерзают, обледеневают палуба.

3 декабря в 0.03 по сигналу флагмана со «Стойкого» базовые тральщики начали с курса 90 градусов ложиться на курс 45 градусов, в соответствии с утвержденным маршрутом.

В течение пяти минут после поворота у трех тральщиков взрывами мин были перебиты тралы. Началась их спешная замена. При повороте на курс 45 градусов «И. Сталин» вышел из протраленной полосы и отстал от «Стойкого». И сразу же раздался взрыв, затем второй, третий, четвертый... Турбоэлектреход потерял ход.

Около «И. Сталина» остались «Славный», «Т-217», три катера «МО» и катер «Ямб». «Стойкий», четыре тральщика, четыре катера «МО» и четыре торпедных катера продолжали движение к Гогланду.

Во время подрыва турбоэлектрехода и после него я находился на мостике «Славного», видел все происходящее вокруг и по долгу службы записывал события.

Привожу свои записи от 3 декабря 1941 года.

1.14. Эсминец «Славный» заканчивает поворот на курс 45 градусов. Взрыв мины с левого борта турбоэлектрехода «И. Сталин».

1.16. Взрыв мины с правого борта турбоэлектрехода в районе спардека. Турбоэлектреход уклоняется вправо. Застопорил машины. Эсминец «Славный» вышел к его правому борту. Расстояние между кораблями 20—30 метров. Уклоняемся от плавающих мин.

1.20. Взрыв мины под кормой турбоэлектрехода, дрейфующего по ветру. С эсминца «Славный» кричат на турбоэлектреход: «Стать на якорь». Эсминец удерживается на месте машинами.

1.25. Получена радиограмма с эсминца «Стойкий» от командира отряда: «Командиру „Славного“ взять на буксир турбоэлектреход „И. Сталин“».

1.26. Четвертый взрыв мины у форштевня турбоэлектрохода.

1.27. Эсминец «Славный» стал на якорь.

1.30. Наблюдатели за минами отталкивают мины от борта корабля шестью. Турбоэлектроход развернуло правым бортом к ветру, он дрейфует на юго-восток, на минное поле.

1.40. С турбоэлектрохода донесли: «Оторвало брашпиль и якоря. Стать на якорь не можем».

1.43. С турбоэлектрохода радиограмма: «Подойти и взять турбоэлектроход на буксир».

1.48. От эсминца «Стойкий» прибыл базовый тральщик № 205.

2.16. В трале базового тральщика № 205 взрыв мины. Расстояние от эсминца «Славный» около 200 метров.

2.39. Командир базового тральщика № 205 донес: «Правый параван вышел из строя».

2.44. Эсминец «Славный» снялся с якоря и задним ходом начал движение к турбоэлектроходу, сдрейфовавшему на 12—15 кабельтовых под ветер.

3.20. Эсминец «Славный» стал на якорь, забрасывает корму к носу турбоэлектрохода для подачи буксирного конца. За кормой обнаружена плавающая мина. Дан ход вперед. Мина отброшена движением воды из-под винтов.

3.25. Отработываем назад к турбоэлектроходу. С левого борта эсминца «Славный» в расстоянии полутора кабельтовых падение снарядов. Батарея Макилуото открыла по нашим кораблям артиллерийский огонь.

3.31. Корма эсминца — у носа турбоэлектрохода. Приступаем к подаче буксирного троса на турбоэлектроход. В этот момент раздается взрыв большой силы*. Турбоэлектроход получил большой дифферент на нос. Буксировать его невозможно, о чем донесли командующему эскадрой вице-адмиралу В. П. Дрозду.

3.32. Всем кораблям и катерам дано приказание снимать людей с турбоэлектрохода.

3.36. Эсминец «Славный» снялся с якоря, отошел от турбоэлектрохода на 300 метров и стал на якорь.

* Возможно, снаряды вражеской батареи Макилуото попали в носовой трюм турбоэлектрохода и произошла детонация боезапаса, погруженного на Ханко.

4.22. Определили свое место по северной и южной оконечностям о. Найсаар. Базовые тральщики принимают людей с турбоэлектрохода.

4.30. От эсминца «Стойкий» прибыли базовые тральщики № 211 и 215. Они направлены к турбоэлектроходу для снятия людей».

С турбоэлектрохода спустили на воду шлюпки и спасательные плоты из бочек. Людей с них подбирали катера и базовые тральщики. Более трех часов тральщики и катера подходили к турбоэлектроходу, принимали с него людей. «Т-217» и «Т-205» пытались подойти к борту «Славного» для того, чтобы передать ему своих пассажиров и вновь принять их с турбоэлектрохода, но из-за сильного ветра и большой волны это сделать не удалось. На «Славный» приняли несколько десятков человек с катеров «МО».

К «И. Сталину» подошел также «Т-211», направленный от «Стойкого» вице-адмиралом В. П. Дроздом. Этот базовый тральщик принял с турбоэлектрохода пассажиров и самостоятельно ушел к Гогланду.

Снятие людей с «И. Сталина» проходило в исключительно тяжелых условиях: температура воздуха ниже нуля, большая волна и обледенение. И все-таки тральщики и маленькие «МО» приняли на борт сотни гангутцев: «Т-215» — 246 человек, «Т-211» — 220, «Т-217» — около 400, «Т-205» — 260. Кроме того, тральщики подобрали из воды еще 120 человек. Катера «МО» приняли с «И. Сталина» и с плотов, подобрали из воды 395 человек, катер «Ямб» — 90. Всего с турбоэлектрохода сняли несколько тысяч человек.

Ночь шла к концу, светлело. С наступлением дня можно было ожидать атак гитлеровской авиации. До восхода солнца оставалось менее двух часов, когда поступила радиограмма от вице-адмирала В. П. Дрозда с приказанием следовать к Гогланду. «Славный» начал движение за тральщиками «Т-205» и «Т-215» и тремя катерами «МО». «Т-211», «Т-217», один катер «МО» и «Ямб» следовали к Гогланду самостоятельно. Позади, на минном поле, остался израненный турбоэлектроход.

Всего лишь в 75 кабельтовых от мощной батареи противника на острове Макилуото на «Славном» заклинило руль. Произошло это в 8.30. Пришлось удерживаться на курсе машинами, из-за чего скорость хода упала до четырех узлов. Через четверть часа благодаря уме-

лым действиям помощника командира корабля капитан-лейтенанта В. В. Бондарца и командира электромеханической боевой части инженер-капитан-лейтенанта Ф. А. Романова, электриков Л. Н. Матросова и А. Н. Коннова руль ввели в строй, и корабль увеличил скорость. Случилось это как раз вовремя: прошло еще четверть часа — и, с улучшением видимости, в 9.06 по нам открыла огонь батарея с острова Макилуото. 12-дюймовые снаряды поднимали высоченные фонтаны, иногда всего лишь в нескольких метрах от корабля. Катера «МО» быстро поставили дымовые завесы, которые прикрыли нас от батарей врага и в Свеаборгской крепости, и на острове Седершер. Наш отряд не имел повреждений и 3 декабря в 18.50 благополучно прибыл к Гогланду. На рейде стояли «Стойкий» и другие корабли и катера, пришедшие сюда на несколько часов раньше.

Стоянка у Гогланда была недолгой. Отряд вышел к Кронштадту. На меридиане мыса Стирсудден вошли в сплошной лед. Пришлось катера взять на буксир, — самостоятельно идти они не могли. Вскоре подошел «Ермак», и корабли вытянулись в кильватер за ледоколом.

С рассветом 5 декабря по отряду открыла огонь батарея с мыса Стирсудден, но залпы Красной Горки и наших кораблей быстро заставили ее замолчать. В 13.50 корабли встали на якорь на Большом кронштадском рейде.

Около 23 тысяч воинов-гангутцев, доставленных с Ханко на кораблях Краснознаменного Балтийского флота, влились в ряды защитников города Ленина. Кроме того, с Ханко вывезли вооружение, боеприпасы и 1200 тонн продовольствия.

Со времени этих событий прошло уже более трех десятилетий. Но память о походах к Ханко, о мужестве балтийцев, в невиданно трудных условиях выполнивших свой воинский долг, живет и служит примером нашим сыновьям и внукам.

П. А. ОКУНЬКОВ,
старшина 2-й статьи.

*Палубный комендор на эсминце
„Сметливый“ и лидер „Ленинград“
в 1941—1945 гг.*

Я БЫЛ КОМЕНДОРОМ

В 1938 г. я был призван на военную службу во флот и направлен учиться по артиллерийской специальности. После окончания обучения я был назначен палубным комендором на эсминец «Сметливый». Через некоторое время я хорошо освоил свое 130-миллиметровое орудие, привык к нелегкой морской службе.

21 июня 1941 г. наш эсминец находился в дозоре в море. К вечеру мы вернулись и встали к причалу на Западной Двине, в Торговом порту Риги. Но отдохнуть не пришлось — в 2 часа ночи 22 июня колокола громкого боя возвестили боевую тревогу. Поднялись в небо стволы зенитных орудий. Бдительно вели наблюдение за воздушной обстановкой сигнальщики и зенитчики.

Меня включили в группу, которую направили в порт за боеприпасами. Приказание командира корабля мы выполнили — доставили на корабль снаряды и заряды. Наш эсминец успел закончить погрузку боеприпасов и выйти на рейд, когда появились гитлеровские самолеты. Враг бомбил аэродром и какие-то объекты на окраине Риги.

Зенитчики «Сметливого» вели огонь по «юнкерсам».

...Вскоре начались боевые походы. Наш эсминец нес дозорную службу в Ирбенском проливе и у островов Моонзундского архипелага. Командиром эсминца в те дни был капитан 2-го ранга В. М. Нарыков, волевой и

энергичный человек, отличный моряк. Экипаж уважал его и любил. Он часто беседовал с комендорами, внушал нам, что авиация врага не страшна, если вовремя заметить ее приближение. «Если успеете доложить, когда бомбы отделиются от самолета, то я вовремя сумею сманеврировать», — говорил командир.

Комиссаром на эсминце был А. Г. Сальников, строгий, но очень хороший, душевный человек. Он пользовался у матросов большим авторитетом. На корабле действовала крепкая партийная организация, и ни одно важное дело не проходило без ее участия. Я, тогда молодой коммунист, был секретарем комсомольской организации артиллерийской боевой части.

По приказу командования корабль перешел в Таллин. Мы ходили в дозор, на минные постановки, стреляли из орудий главного калибра по берегу. Вели огонь почти непрерывно, так что горела краска на стволах орудий.

29 августа 1941 г. «Сметливый» вместе с другими кораблями вышел в Кронштадт. Мы шли в голове у крейсера «Киров». Это был тяжелый переход. Приходилось отражать непрерывные атаки гитлеровской авиации. Наши зенитчики сбили «Юнкерс-88». Позднее за это были награждены краснофлотцы Бочков и Терешин, командир артиллерийской боевой части старший лейтенант Шунаев.

Вскоре после нашего прихода в Кронштадт мы вошли в Неву. По заданию командования «Сметливый» поднимался вверх по реке до Ивановских порогов и огнем артиллерии поддерживал наши войска. Фронт был так близко, что с корабля простым глазом можно было наблюдать бои. Хватало работы нам, артиллеристам. Стреляли так много, что вскоре пришлось менять у орудий лейнеры*. За лейнерами ездили в Ленинград, на завод. Руководство завода, рабочие и инженеры сделали все возможное, чтобы быстрее выполнить наши заказы. И вскоре орудия «Сметливого» снова громили врага на левом берегу Невы. В период наступления и переправы войск Невской оперативной группы и 55-й армии вместе с нашим эсминцем вели огонь с Невы эсминцы «Гордый», «Суровый» и канонерские лодки. Отлично рабо-

* Лейнер — внутренняя топокостенная стальная труба в стволе орудия. В случае выгорания канала ствола может быть заменена.

тали орудийные расчеты старшин Абакумова, Кудряшова, Макарова.

В эти дни ушли добровольцами на сухопутный фронт командир 130-миллиметрового орудия старшина 2-й статьи Н. Миронов, командир 76-миллиметрового орудия старшина 2-й статьи Г. Шаталов, краснофлотец П. Крамеров и другие. Все они отважно воевали в морской пехоте.

В октябре эсминец находился большую часть времени в Ленинграде у Володарского моста. Мы вели систематический обстрел позиций врага, скоплений его живой силы и танков. Батареи гитлеровцев пытались уничтожить «Сметливый», но наш командир уводил корабль на новую позицию, как только снаряды врага начинали падать поблизости.

3 ноября «Сметливый» вышел в поход на Ханко. Вместе с нами шли эсминец «Суровый», тральщики, «малые охотники» и торпедные катера. На нашем корабле шел командир отряда капитан 2-го ранга В. М. Нарыков. К тому времени командиром нашего эсминца стал В. И. Маслов.

До Ханко мы дошли без всяких происшествий и утром 4 ноября ошвартовались у пирса. Комиссар С. В. Щеглов (А. Г. Сальникова перевели к новому месту службы) обошел боевые посты и предупредил, что противник в любую минуту может обстрелять порт. И действительно, днем начался обстрел. Один из снарядов попал в щит носового 130-миллиметрового орудия. Погиб командир орудия старшина 2-й статьи Николай Ивков, веселый человек, хороший товарищ. Несколько человек получили ранения, в том числе мой друг, командир отделения дальномерщиков старшина 2-й статьи Михаил Голеченков, москвич. Вскоре Миша скончался от ран в корабельном лазарете.

Под вечер 4 ноября началась посадка бойцов-ханковцев.

Погрузка прошла быстро и организованно. Первым отошел от пирса «Суровый» с перешедшим на него командиром отряда В. М. Нарыковым. Мы шли ему в кильватер. Погода испортилась — поднялся ветер и развел волну до 4—5 баллов. Луна скрылась в облаках, и наблюдателям трудно было что-либо разглядеть в темноте на поверхности моря, а миная опасность была очень велика...

После выхода из гавани эсминец замедлил ход. На полубаке собрались Щеглов, старший лейтенант Шуняев и матросы с близко расположенных боевых постов. Комиссар сказал несколько скорбных слов о Николае Ивкове, и его похоронили по морскому обычаю.

Незадолго до полуночи раздался взрыв, — левый параван задел мину. Вода стала поступать в первый и второй кубрики. Борьбу с водой возглавил главный боцман Скворцов. Вышло из строя управление рулем с мостика. Пока переходили на ручное управление из румпельного отделения, эсминец несколько отклонился от курса.

Пробоину заделали, корабль дал ход и стал догонять отряд. Вдруг — это было меньше чем через час после первого взрыва — раздался новый, гораздо более сильный взрыв. Я подумал, что сдетонировал боезапас в первом и втором погребах. С кормовой надстройки, где находился мой боевой пост у 130-миллиметрового, был виден оторванный от остальной части корпуса полубак с мостиком. Некоторое время он оставался на плаву, всего лишь в нескольких метрах от нас. На нем находился боцман Скворцов. Он крикнул:

— Прощайте, братцы!

Волны заливали погружающийся полубак, и вскоре он скрылся в темной воде. На носовой части корабля погибло все командование: командир, старший помощник и комиссар, все командиры, кроме командира минно-торпедной боевой части старшего лейтенанта П. И. Иванова, который в момент второго взрыва стоял у торпедного аппарата. Он принял на себя командование кораблем.

Корабль сильно накренился и медленно погружался. Торпедные аппараты были уже в воде. С надеждой всматривались мы в темноту ночи. Рядом со мной стоял командир орудия старшина 2-й статьи А. И. Кудряшов. Мы простились. Тут от горьких мыслей меня отвлек плач женщины. Это была жена командира с Ханко, на руках у нее был маленький ребенок. Я стал ее успокаивать, говорить, что скоро придет помощь и нас спасут, что мы, матросы, ее и ребенка не оставим в беде, расспрашивал, где она работала в Ленинграде. Помню, женщина сказала, что по профессии врач, работала в Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова. К сожалению, не запомнил ее имени и фамилии. Мы, артиллеристы

Кудряшов, Власенко, Устименко, Бочков, Терешин, стояли рядом с женщиной, взявшись за руки.

Спустя полчаса после второго взрыва раздался третий, разрушивший корпус до кормового мостика. Вскоре подошел тральщик «Т-205» («Гафель»). Корабль был сильно перегружен и сидел в воде ниже ватерлинии. Старший лейтенант Иванов, Кудряшов и я организовали переход людей на тральщик. В первую очередь сошли с корабля женщины и дети, потом бойцы с Ханко. Затем настала очередь матросов. Вскоре на корме остались только Иванов, Кудряшов и я. Тральщик отдал швартовы, когда мы прыгнули вниз на скользкую палубу. Иванов сорвался, упал в воду, но, к счастью, его удалось быстро вытащить.

Когда я очутился на палубе «Гафеля» и оглянулся, то увидел, что корма «Сметливого» уходит в воду. Молча простились мы с родным эсминцем, с погибшими на нем боевыми друзьями...

«Гафель» вернулся на Ханко. Бойцы-ханковцы сошли с корабля, а мы, матросы со «Сметливого», остались в распоряжении командира тральщика. Позже «Гафель» доставил нас на остров Гогланд, откуда оставшаяся часть экипажа «Сметливого» на буксире пришла в Ленинград. Некоторое время я служил на крейсере «Киров». В марте 1942 г. меня направили на лидер «Ленинград», где я был назначен командиром 130-миллиметрового орудия. Приказом командующего Краснознаменным Балтийским флотом адмирала В. Ф. Трибуца имя бывшего командира этого орудия, погибшего на боевом посту Василия Кузнецова, навечно занесено в списки экипажа лидера «Ленинград», а на башне установлена мемориальная доска. Назначение командиром этого орудия было для меня большой честью.

Расчет нашего орудия имени Василия Кузнецова работал отлично. Первым наводчиком был М. Качуровский, вторым — Пироженко. В феврале 1942 г. работу нашего орудийного расчета даже сняли для кинохроники, и наши близкие смогли увидеть своих сыновей и братьев в киножурнале. Большой честью было для меня поручение выступить по радио от имени моряков Краснознаменной Балтики 7 ноября 1942 г. Тогда же выступил от имени героев-гангутцев капитан Б. М. Гранин. Мы заверили ленинградцев, что балтийцы вместе

с войнами Красной Армии разгромят гитлеровцев у стен города-героя.

Настал славный день прорыва блокады. Артиллерия нашего корабля, и в том числе наше орудие, открыла огонь по врагу. Участвовали мы и в разгроме гитлеровцев под Ленинградом в январе 1944 г., обрушив сотни снарядов на врага, поддерживая огнем наступление наших войск.

А в 1945 г. довелось побывать мне в Германии — принимать трофейные корабли. От стен города Ленина до Ростка дошли балтийцы.

Г. И. СЛИЗКОЙ,

контр-адмирал.

*Командир артиллерийской боевой
части крейсера „Петропавловск“ в
1940—1941 гг.*

„ПЕТРОПАВЛОВСК“ ВЕДЕТ ОГОНЬ

В мае 1940 г. буксиры привели на завод недостроенный корабль. Это был закупленный нашей страной в Германии в конце 1939 г. тяжелый крейсер «Лютцов». Нарком Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов в книге «Накануне» писал о том, как велась его достройка: «Сначала работы шли как будто неплохо. Потом немцы стали тормозить поставки и наконец отозвали своих инженеров»*. Все это наблюдали и, что называется, прочувствовали все офицеры нашего корабля, в том числе и я, командовавший в то время артиллерийской боевой частью. Командиры, старшины и краснофлотцы, назначенные на крейсер, сразу же принялись за изучение его устройств и оружия. Это было нелегким делом, — документация еще не была переведена на русский язык. Однако нам удалось быстро освоить незнакомую технику.

Когда началась война, крейсер еще не был достроен. Готовность корабля достигала примерно 70 процентов. Но ни на одном боевом посту, ни в одном жилом помещении работы не были закончены. Корабль не мог дать ход. Герметичность водонепроницаемых переборок отсутствовала из-за большого количества незаделанных отверстий для трубопроводов и кабелей. Не были

* Кузнецов Н. Г. Накануне. М., Воениздат, 1966, с. 261.

введены в строй корабельные системы, в том числе такие жизненно важные, как водоотливная и противопожарная.

Однако командование «Петропавловска» — так стал называться крейсер — считало возможным силами экипажа и с помощью заводов ввести в строй две уже смонтированные башни главного калибра и подготовить их и зенитные автоматы к боевому использованию. Боеприпасы к главному и зенитному калибрам артиллерии имелись в достаточном количестве.

Наши предложения по приведению артиллерии крейсера в боевую готовность были приняты. С 17 июля 1941 г. по приказу командующего Морской обороной Ленинграда и Озерного района мы начали спешно вводить в строй башни главного калибра, дизель-генераторы и устанавливать зенитные автоматы. Экипаж вместе с рабочими заводов круглосуточно работал на боевых постах, готовился к предстоящим боям.

Перед началом войны экипаж «Петропавловска» был почти полностью укомплектован. Из Кронштадта, с линкоров, крейсеров и эсминцев, к нам пришли хорошо подготовленные командиры и краснофлотцы. Вскоре после того, как началась война, значительную часть личного состава перевели на другие корабли. Кроме того, в июле из петропавловцев сформировали и отправили на сухопутный фронт две роты — они вошли в состав бригад морской пехоты. Первая рота (командир старший инженер-лейтенант Г. Л. Шеффер) вела бои в районе Кингисепп—Нарва; вторая (командир старший инженер-лейтенант В. Н. Диденко) — сражалась на берегах Ладожского озера, участвовала в десантной операции на островах Мантинсари, Лункулансари.

Пятерых лейтенантов из артиллерийской боевой части, выпускников 1941 г. — Г. И. Клименко, В. П. Лупейчук, Н. Я. Макиенко, И. Я. Румберг и В. В. Товстых — назначили на 233-ю, 261-ю, 262-ю и 264-ю особые батареи. Батареи состояли из 100-миллиметровых и 130-миллиметровых орудий и были установлены в районе Вязьмы. Молодые командиры-артиллеристы сражались до конца и погибли, преградив гитлеровским танкам путь к Москве.

На крейсере остались только те, кто был необходим для выполнения трудного и ответственного задания по вводу в строй и эксплуатации артиллерии, а также ряда

систем и устройств, обеспечивающих ее боевое использование. Трудно назвать имена всех петропавловцев, отличившихся в те дни.

Исключительную энергию и инициативу проявили офицеры артиллерийской боевой части В. А. Сычев, В. С. Елагин, В. Г. Пужаев, Я. К. Грейс, И. И. Томилов; старшины М. М. Проскура, Н. П. Морозов, У. А. Лавренков, А. В. Черкасов, Ф. У. Морозов, Т. И. Савицкий, Н. И. Азаров; офицеры электромеханической боевой части корабля Л. А. Симаков, Т. П. Норов, П. И. Кудряев, А. Ф. Свиридов, Д. В. Литвинов и В. П. Кальянов.

К 14 августа все работы первой очереди по вводу в действие двух башен главного калибра и зенитных автоматов были закончены. Крейсер отбуксировали в Угольную гавань Ленинградского торгового порта. «Петропавловск» занял огневую позицию.

15 августа 1941 г. на «Петропавловске» был поднят Военно-Морской флаг СССР. В этот же день начали принимать боезапас. 24 августа мы успешно провели отстрел 203-миллиметровых орудий главного калибра, проверили готовность зенитных автоматов, работу механизмов башен.

Это была первая стрельба из тяжелых корабельных орудий, проводившаяся в черте города. Поэтому о ней заблаговременно оповестили ленинградцев по радио и в газетах.

После отстрела артиллерии «Петропавловск» поступил в оперативное подчинение командования Морской обороны Ленинграда и Озерного района. В воинские части, которые мы должны были поддерживать огнем, направили офицеров связи и корабельные корректировочные посты.

7 сентября 1941 г. противник вошел в зону досягаемости огня корабельной артиллерии. Крейсер «Петропавловск», как и другие корабли флота, открыл артиллерийский огонь по рвущемуся к городу врагу.

В течение одиннадцати дней «Петропавловск» громил скопления живой силы и техники гитлеровцев в Ям-Ижоре, Красном Боре, Путролове, Старой Мызе, Красном Селе, Пязелеве, в поселках Федоровское, Дудергофе, Тайцах, Александровской, Братошинской, Горелове, Сосновой Поляне, Лигове, Урицке, на Вороной горе и других пунктах на подступах к Ленинграду.

Всего крейсер провел более 40 стрельб, выпустил около 700 203-миллиметровых снарядов. Отличное знание своего дела показали в эти дни артиллеристы старший лейтенант В. А. Сычев и лейтенант В. С. Елагин, управлявшие огнем. Артиллерия «Петропавловска» оказала существенную поддержку сухопутным войскам. Гвардии генерал-майор Герой Советского Союза В. А. Родионов, командовавший в сентябре 1941 г. 14-м краснознаменным полком 21-й мотострелковой дивизии, рассказывал мне об успешном ведении огня нашим крейсером по наступавшей от Стрельны в сторону поселков Володарский и Сосновая Поляна 56-й дивизии. Противник понес большие потери и вынужден был прекратить дальнейшее продвижение. А в ночь с 16 на 17 сентября наши орудия нанесли мощный удар по гитлеровцам, наступавшим в районе Старо-Паново—Урицк. По свидетельству В. А. Родионова, артиллерийский огонь орудий крейсера уничтожил тогда много танков и живой силы врага. Эффективность огня артиллерии крейсера в немалой степени зависела от наших корректировочных постов. Несмотря на то что вести наблюдение им приходилось под сильным огнем противника, отважные корректировщики непрерывно передавали на «Петропавловск» необходимые для уточнения стрельбы данные.

9 сентября погибли лейтенанты Д. И. Файн и М. А. Тимко — командиры корабельных корректировочных постов. Это были наши первые потери. Мы лишились молодых прекрасных командиров, с отличием окончивших Военно-морское училище имени М. В. Фрунзе весной 1941 г.

Боевая работа артиллерии крейсера становилась все более напряженной. Личный состав почти непрерывно находился на командных пунктах и боевых постах. То и дело поступали приказания на открытие огня, и башни начинали стрельбу.

Противник нес большие потери. Но вскоре и мы испытали силу ответных ударов врага, решившего уничтожить корабли Краснознаменного Балтийского флота.

16 сентября авиация и артиллерия гитлеровцев нанесли мощный удар по линейному кораблю «Марат», занимавшему огневую позицию в закрытой части Морского канала.

Отдав швартовы, «Марат» самостоятельно совершил переход в Кронштадт, отражая на ходу атаки авиации и подавляя огонь батарей противника на южном берегу Финского залива. В условиях мирного времени линкору не разрешили бы переход из Ленинграда в Кронштадт без буксиров, но война во многое вносит свои коррективы. Мы понимали, что и «Петропавловск», порядком досаждавший противнику, должен вскоре испытать силу его ударов.

16 сентября у борта крейсера разорвались первые снаряды. Осколками был поврежден наружный борт корабля в районе жилой палубы. Была также разрушена береговая подстанция, с которой крейсер получал электроэнергию. На Угольной пристани загорелись деревянные постройки. В числе прочих строений сгорела и береговая столовая личного состава, здание которой в какой-то степени маскировало крейсер.

Всю ночь с 16-го на 17-е и утром 17 сентября крейсер вел по противнику интенсивный огонь.

Около полудня 17 сентября у борта корабля одновременно разорвалось несколько тяжелых снарядов.

Вслед за этим противник обрушил на крейсер сосредоточенный огонь большого числа орудий. Несколько снарядов, пробив борт ниже бронезащитного пояса, проникли в район корабельной электростанции № 3, вызвали пожар и взрыв цистерны с соляром. В борту и днище корабля образовалась пробоина размером около трех квадратных метров.

Вышла из строя единственная действующая электростанция корабля. Крейсер остался без электроэнергии, без света. Замерли башни главного калибра — не поступало питание на электроприводы. Корабль содрогался от ударов и взрывов снарядов, проникавших внутрь корпуса. Отсутствие жидких грузов, внутренней изоляции и обшивки корпуса усиливало грохот и звуки ударов по металлу. В дыму и пламени пожаров личный состав вел героическую борьбу за живучесть корабля.

При взрыве в районе электростанции многие моряки получили сильные ушибы и ожоги от горящего соляра, но, несмотря на это, стойко боролись с огнем и начавшей поступать в помещения водой.

Эта трудная борьба осложнялась тем, что в распоряжении аварийных партий, кроме ручных огнетушителей, имелись только отдельные, не до конца смонтиро-

важные вспомогательные устройства, временные магистральи, то и дело выходившие из строя. Заделать пробоины не удалось, вода стремительно распространялась по кораблю.

Когда стало ясно, что ликвидировать пожар в электростанции не удастся, инженер-капитан 3-го ранга П. И. Кудряев приказал всем покинуть помещения. Сам же он не успел выйти. Вместе с П. И. Кудряевым погибли старшина А. Г. Балашов и краснофлотец П. Г. Кузьменко.

Корабль наполнялся водой, кренился и погружался с дифферентом на нос. Внезапно огромной силы удар потряс боевую рубку корабля. Она как бы поднялась и, содрогаясь, осела на прежнее место. Многие не удержались на ногах. Но броня не подвела, боевая рубка защитила находившихся в ней людей. Однако командный пункт пришлось покинуть после того, как от взрыва одного из снарядов возник пожар в шахте, соединявшей рубку с центральным артиллерийским постом. Дым, а затем и пламя проникли в боевую рубку. Дышать становилось все труднее, огонь мог закрыть путь к выходу из рубки. Пожар распространялся в соседние помещения. Языки пламени вырывались на верхнюю палубу. Огонь угрожал артиллерийским погребам главного и зенитного калибров. Поэтому было принято решение затопить погреба 1-й и 4-й башен и электростанцию № 3.

На помощь «Петропавловску» подошли пожарные буксиры. Пожар стал стихать, так как электростанция была полностью затоплена, а вырвавшиеся языки пламени сбивали водой из шлангов. Но противник обнаружил пожарные буксиры, усилил огонь артиллерии и вынудил их отойти от корабля. Экипаж «Петропавловска» не прекращал самоотверженной борьбы с пожарами и продолжавшей поступать водой. Раненые матросы и старшины не покидали своих постов и вместе с аварийными партиями вели упорную борьбу за спасение корабля. Но вода продолжала поступать. И вот, кренясь на левый борт, оборвав швартовы, крейсер сел на грунт, навалившись бортом на стенку пристани. После этого крен и дифферент уменьшились. Вода распространялась по отсекам и погасила оставшиеся очаги пожаров. Однако до наступления темноты противник продолжал обстрел корабля. Чтобы избежать излишних потерь, исполняя-

щий обязанности командира крейсера капитан 3-го ранга А. К. Павловский принял решение эвакуировать личный состав. В первую очередь сняли с корабля раненых. Часть личного состава оставили на борту для несения караульной службы.

Несколько вражеских снарядов не разорвалось, и мы смогли установить, что огонь по кораблю враг вел из орудий 210-миллиметрового калибра. Всего было зафиксировано 53 попадания. «Петропавловск» получил большие повреждения. Отдельные пробоины достигали 25 квадратных метров.

Крейсер понес значительные потери и в личном составе. Разорвавшимся у правого борта снарядом были убиты лейтенант М. М. Булгаков, мичманы М. М. Проскура, А. В. Черкасов, Ф. У. Мороз, краснофлотцы В. Н. Салмин и Н. П. Омеляненко. Снарядом, разорвавшимся в районе запасного медицинского пункта, убило санитаря Я. А. Бурова, другому санитару П. П. Ульеву осколком перебило руку. Находившемуся там зубному врачу интенданту 3-го ранга А. Г. Гюбнеру пришлось ампутировать Ульеву руку. Более 20 человек из экипажа были ранены.

После событий сентябрьских дней экипаж крейсера был переформирован. Значительная часть командного состава получила назначение на корабли Ладожской военной флотилии — Л. П. Горяинов, В. Г. Пужаев, Н. Н. Яркин, Я. К. Грейс, Н. И. Назаров, А. А. Череп, В. А. Невский и я. Около 50 краснофлотцев и старшин были отправлены в Кронштадт. Из них 44 человека погибли, геройски сражаясь в отряде отважных десантников, высаженных в начале октября 1941 г. в Петергофе. Нашего комендора Б. В. Баскакова назначили на береговую батарею острова Сухо. Там он отличился при отражении десанта гитлеровцев, за что был награжден орденом Красного Знамени.

Старший помощник командира «Петропавловска» капитан 3-го ранга А. К. Павловский и главный боцман А. С. Довгаленко вместе с другими краснофлотцами и старшинами крейсера участвовали в тяжелых боях за Невскую Дубровку.

После ухода большей части экипажа на другие корабли и соединения на крейсере осталась небольшая команда, в основном специалисты электромеханической боевой части.

Начался новый, чрезвычайно трудный этап в истории «Петропавловска». Огромные усилия пришлось затратить на подъем крейсера и восстановление боевой готовности его артиллерии. Прежде всего нужно было откачать воду, осушить отсеки, перебрать и отремонтировать механизмы, устранить повреждения, полученные в бою 17 сентября.

По плану управления кораблестроения Военно-Морского Флота крейсер следовало поднять и отбуксировать к заводу 9 ноября 1941 г. Однако воду никак не удавалось откачать из-за малой мощности водоотливных средств на кораблях ЭПРОНа. Вскоре Нева покрылась льдом, а крейсер все еще сидел на грунте. Командир электромеханической боевой части Л. А. Симаков и командиры дивизионов А. Ф. Свиридов и Д. В. Литвинов тщательно изучили состояние корабля, степень и характер его повреждений и пришли к выводу, что крейсер можно поднять только путем последовательной откачки воды по отсекам.

Решили эту работу выполнить своими силами, в ночное время, скрытно, — крейсер находился под постоянным наблюдением противника, был в зоне его артиллерийского огня. Работали так, чтобы до наступления рассвета успеть сделать все, что нужно по откачке воды и заделке пробоин. С рассветом корабль вновь сажали на грунт.

Наступила суровая блокадная зима. В приспособленных под жилье полуразрушенных корабельных помещениях, отапливаемых «буржуйками», было холодно и сыро. Рацион питания личного состава скуднел, многочасовая тяжелая работа в холодных помещениях изматывала людей.

Но вот пришел и первый успех. Удалось подвести электропитание с берега, установить переносные электронасосы. После этого откачали воду из кормового отсека, где находилась электростанция № 1. Под руководством инженер-капитан-лейтенанта А. Ф. Свиридова ввели в действие дизель-генератор этой электростанции. Корабль получил свою электроэнергию. Заработали стационарные корабельные насосы, и откачка воды пошла быстрее.

7 июля 1942 г. Военный совет флота разрешил приступить к работам по подъему крейсера силами личного состава. Совместно с рабочими Балтийского завода

установили два дизель-генератора и доставили еще несколько переносных водоотливных насосов.

Весь личный состав работал с большим подъемом. Особенно отличились мичманы М. М. Григорьев и С. Н. Грищенко, главные старшины Н. В. Гришин и Н. Н. Баранов, старшины В. Ф. Николенко, В. А. Панов и другие. В эти дни обязанности командира электромеханической боевой части и командира дивизиона живучести исполнял энергичный инженер-капитан-лейтенант Д. В. Литвинов. Особой инициативностью, исключительной работоспособностью, настойчивостью, упорством и отличной специальной подготовкой отличался инженер-капитан-лейтенант А. Ф. Свиридов.

Вскоре кормовые отсеки осушили. Теперь можно было попытаться перевести крейсер из Угольной гавани к заводу. Ночью 11 сентября 1942 г. провели пробное всплытие корабля. Через четыре часа после включения водоотливных средств крейсер был на плаву, но, чтобы гитлеровцы этого не заметили, с наступлением рассвета его снова посадили на грунт. В ночь с 16 на 17 сентября 1942 г. буксиры перевели «Петропавловск» к Железной стенке Ленинградского торгового порта.

Таким образом, ровно через год после выхода из строя крейсер, не имевший собственного хода, был уведен из-под носа противника. Затем его перевели к причалу Балтийского завода.

В практике судового ремонта пробоины таких размеров, какие имел «Петропавловск», заделывали только в доке.

Руководство Балтийского завода приняло решение выполнить ремонт разрушенной подводной части корабля в кессоне. По проекту старшего конструктора завода Н. П. Кучерова, под руководством мастера Г. Г. Рожнова изготовили огромный кессон, и началась заделка пробоин.

Работами по восстановлению крейсера руководили главный строитель М. С. Шифрин и его помощники А. С. Монахов и Б. И. Рабштейн. Самоотверженно трудились мастера Ефимов и Горченинов.

Корпусные работы подходили к концу. Личный состав крейсера приступил к ремонту артиллерии и основных механизмов, обеспечивавших работу башен.

Предварительную работу по введению в строй башенных погребов и некоторых башенных механизмов

начали под руководством командира 4-й башни И. И. Томилова, единственного артиллерийского офицера, оставшегося на корабле. После возвращения с Ладоги осенью 1942 г. офицеров-артиллеристов В. С. Елагина, Г. В. Пужаева и Я. К. Грейса работы по восстановлению артиллерии пошли более интенсивно.

В приведении артиллерии «Петропавловска» в боевую готовность особенно велика заслуга старшего лейтенанта В. С. Елагина, отличного специалиста, любознательного, полного неиссякаемой энергии офицера. Он сделал очень много для подготовки личного состава и для приведения сложных устройств и механизмов башенных установок в боевую готовность. Под руководством и при участии В. С. Елагина удалили из внутренних помещений корабля и обезвредили неразорвавшиеся снаряды.

Большую помощь личному составу крейсера оказали работники Балтийского завода инженер Н. Д. Кронгауз и мастер Н. И. Николаев, хорошо трудились старший лейтенант И. И. Томилов, мичманы Н. А. Усов, Ф. П. Дудкин, У. А. Лавренков, главные старшины В. М. Копченев и Леонов, старшины Логунов, Курицын, комендоры Кудрявцев, Ефимов и многие другие.

В декабре работы по вводу в действие артиллерии главного калибра были закончены. 30 декабря 1942 г. комиссия под председательством флагманского артиллериста флота С. С. Федорова успешно провела отстрел орудий главного калибра «Петропавловска» по гитлеровским укреплениям. После этого крейсер отбуксировали на огневую позицию у Железной стенки Торгового порта.

1944-й год крейсер «Петропавловск» встречал в полной боевой готовности. Войска Ленинградского фронта и Краснознаменный Балтийский флот готовились к разгрому врага под Ленинградом. Около 200 стволов среднего и крупного калибров морской артиллерии (корабельной, стационарной и железнодорожной) были сведены в пять артиллерийских групп. Крейсер «Петропавловск» входил в состав 2-й группы вместе с линейным кораблем «Октябрьская революция», крейсерами «Киров», «Максим Горький» и двумя эскадренными миносцами.

Артиллерийской боевой частью крейсера в это время командовал старший лейтенант Я. К. Грейс (В. С. Елагин был направлен на учебу). Этот энергичный офицер

в совершенстве изучил материальную часть артиллерийских установок крейсера, отлично командовал башней в 1941 г. и всей артиллерией корабля во время операции по разгрому врага под Ленинградом.

Крейсеру выделили следующие цели: Воронья гора, коммуникации противника в районе Красного Села, наблюдательный и командный пункты в Кирхгофе и коммуникации противника в Новых Вилози. Петропавловцы развернули корректировочные посты. Для корректировки огня использовались также корректировочные посты, подчиненные командиру береговой артиллерией флота.

14 января 1944 г. открыла огонь по врагу артиллерия Кронштадта, а 15 января и ленинградская группа кораблей.

Утром 15 января командир крейсера капитан 2-го ранга С. А. Глуховцев поздравил личный состав с началом наступления наших войск под Ленинградом.

В 9 часов 20 минут «Петропавловск» вместе с артиллерией других кораблей и войсковой артиллерией Ленинградского фронта открыл огонь по укреплениям гитлеровцев. В этот день крейсер израсходовал 250 снарядов.

15 и 16 января крейсер громил укрепления врага на Вороньей горе. Обстрел Вороньей горы продолжался и в последующие дни.

С 15 по 20 января крейсер вел огонь по узлам сопротивления гитлеровцев на Вороньей горе и Копорской отметке 131,4, по коммуникациям противника в Красном Селе, Новых Вилози, Пиккола и Паюла, по наблюдательному и командному пунктам в Кирхгофе, дорогам Роиша—Красное Село и Коврово—Зайцево. По этим целям было выпущено более 800 снарядов.

Только в течение 19 января артиллерия крейсера пять раз открывала огонь по узлам дорог. Было уничтожено, как свидетельствуют архивные данные, 29 автомашин, 3 орудия, 68 повозок, около 300 гитлеровцев, разрушен мост, вызваны многочисленные взрывы и пожары.

После 20 января часть кораблей прекратила ведение огня из-за удаления линии фронта. Но дальнобойные орудия крейсера продолжали громить врага. В ночь на 23 января крейсера «Максим Горький» и «Петропавловск», эскадренный миноносец «Опытный» и канонерская лодка «Сестрорецк» в течение восьми часов вели

методический огонь в полосе наступления нашей 67-й армии. Последние стрельбы артиллеристы «Петропавловска» провели 24 января 1944 г. На артиллерию крейсера в дни разгрома гитлеровцев под Ленинградом легла большая нагрузка: из 101 стрельбы, проведенной кораблями 2-й группы, и 3000 выпущенных их орудиями снарядов на «Петропавловск» пришлось более трети — 31 стрельба и 1036 снарядов. Мощная артиллерия крейсера внесла немалый вклад в разгром врага. Но для того чтобы в январе загремели ее залпы, потребовался многомесячный самоотверженный труд всего экипажа, умелое руководство командовавших крейсером в 1942—1944 гг. А. К. Павловского, Ф. Ф. Тыршклевича и С. А. Глуховцева, большая работа по идейно-политическому воспитанию личного состава заместителей командира корабля по политической части М. Г. Немова, Ф. А. Бусыгина и М. А. Кущенко, секретаря партийной организации Н. И. Филиппова и комсомольского вожака М. Ларионова, политруков Б. С. Крылова и В. А. Чекушина.

Замечательный трудовой подвиг совершили рабочие и инженеры славного Балтийского судостроительного завода и других заводов города, вернув жизнь нашему кораблю.

Ветераны-петропавловцы с глубоким уважением вспоминают имена тружеников-ленинградцев Е. В. Товстых, В. С. Боженко, М. М. Жукова, А. С. Монахова, М. С. Шифрина, М. М. Михайловского, Н. А. Гулярина, И. И. Нефедова, В. П. Лавинского, Я. Н. Гохбома, Н. Д. Кронгауза, В. Н. Третьякова, В. Н. Кузнецова и многих других.

Матросы, старшины и офицеры крейсера «Петропавловск» горды тем, что в годы Великой Отечественной войны им довелось внести свой вклад в битву за Ленинград и окончательный разгром врага на подступах к нему в январе 1944 г.

Г. К. ПОСТОЛАТИЙ,

капитан 1-го ранга.

Командир зенитной батареи линкора „Марат“ в 1941—1942 гг.

НАШ СЛАВНЫЙ „МАРАТ“

Утром 21 июня 1941 г. линейные корабли «Марат» и «Октябрьская революция», эскортируемые дивизионом эскадренных миноносцев типа «Новик» и дивизионом сторожевых кораблей типа «Буря», вошли на Таллинский рейд. Экипажи с нетерпением ожидали заслуженного отдыха после напряженной боевой учебы.

На рейде Таллина «Марат» простоял всего лишь несколько часов. Вскоре мы снялись с якоря и вышли в море. Поздно вечером 21 июня линкор прибыл на Большой кронштадтский рейд.

После отбоя аврала громадный корабль затих. Но расчетам двух носовых орудий моей батареи отдохнуть не пришлось, — они заступили на дежурство по ПВО. Я также не спал, так как был назначен дежурным артиллеристом зенитных средств. Эта система боевой готовности средств противовоздушной обороны была введена на корабле еще в 1940 г. Дежурными артиллеристами зенитных средств были командиры зенитных батарей: старший лейтенант Г. А. Лобышев, лейтенант Г. Г. Седин и я. Два дня назад, 19 июня, на всех кораблях эскадры ввели повышенную боевую готовность. Поэтому в башнях и под броней палубы на боевых постах также неслась вахта.

22 июня в 4.00 вдруг раздались звонки «боевой тревоги». Когда я взбежал на командный пункт батареи,

дальномерщик А. Иванов уже докладывал, что к линкору приближается группа из 12 низколетящих самолетов, явно не наших. Они были еще далеко, — ясное солнечное утро, отличная видимость позволили обнаружить противника на предельной дальности. Я немедленно доложил о самолетах на командный пункт зенитного дивизиона. Старший лейтенант Н. Е. Сухарев, командир дивизиона, приказал открыть огонь. Прозвучали привычные команды, загрели залпы орудий. Вслед за моей батареей вступила в бой кормовая зенитная батарея старшего лейтенанта Лобышева. Стрельба зенитчиков была точной: самолеты отвернули перед огневой завесой и сбросили какие-то предметы в стороне от Кройштадтского корабельного фарватера. Потом мы узнали, что это были донные мины. Так началась для нас, маратовцев, война. Официальное известие о нападении фашистской Германии пришло на линкор только три часа спустя.

23 июня, ночью, 16 самолетов противника снова пытались поставить мины на фарватере, но были встречены ураганным огнем артиллерии «Марата» и фортов. В эту ночь зенитчики орудийных расчетов комсомольцев Бадаева и Виноградова сбили два вражеских самолета. Замишировать фарватер гитлеровцам не удалось.

Последующие дни и ночи заполнили учения и тренировки, вахты на боевых постах и командных пунктах. Отныне зенитчики ели у орудий, тут же спали, укрываясь брезентовыми чехлами.

Томительно тянулись жаркие июльские дни. Было спокойно, лишь изредка появлялись вражеские самолеты-разведчики. А между тем радио приносило тягостные вести о продвижении гитлеровцев. Краснофлотцы, старшины и командиры писали рапорты с просьбой отправить их на фронт. Сотни маратовцев ушли в морскую пехоту, героически дрались под Таллином и Нарвой, Кингисепом и Красным Селом. Позже по приказу командования две кормовые противоминные 120-миллиметровые батареи сняли с линкора и направили в распоряжение береговой обороны КБФ. Вместе со своими орудиями ушли на фронт и их расчеты. Командирами этих батарей были назначены лейтенанты Л. А. Шемкевич и Н. Н. Иванов. Но зенитчики нужны были здесь, на линкоре. Хорошо помню, как комиссар «Марата»

старый большевик Семен Иванович Чернышенко и секретарь партийного бюро корабля Я. Б. Левин не раз приходили на боевые посты зенитчиков и объясняли краснофлотцам, которые просили направить их на фронт, что их воинский долг — оставаться здесь, у своих орудий, на своем боевом посту.

В артиллерийской боевой части тщательно готовились к стрельбам по берегу. Старший лейтенант П. Н. Щеголев, командир группы управления артиллерийским огнем главного калибра, подготовил планшеты для нескольких огневых позиций корабля. И вот 18 августа 1941 г. «Марат» занял огневую позицию в ковше Ленинградского морского канала, напротив Автова. Перед этим здесь поработал земснаряд, чтобы увеличить глубину в том месте, где должен был стоять линкор.

На этой позиции мы находились почти месяц — до 16 сентября.

Настал грозный сентябрь 1941 г.: в первых числах линия фронта проходила уже перед Гатчиной и Кипенью. К 1 сентября противник занял Колпоре. 7 сентября гитлеровцы начали наступление на Ленинград. Главный удар был направлен на Кипень—Ропшу—Красное Село. Особенно ожесточенные бои завязались 8 сентября в районе Гостилиц, Кипени и Ропши. Советские воины дрались с необыкновенным мужеством. Гостилицы и Кипень неоднократно переходили из рук в руки. 9 сентября противник овладел Кипенью и Ропшей. В этот день артиллерия главного калибра линкора много раз вела меткий огонь по местам скопления танков, мотомеханизированных колонн и живой силы врага. 305-миллиметровые орудия вели стрельбу на расстояние 35—42 километра. Корректировщики доносили, что взрывы снарядов (каждый из них весил от 300 до 474 килограммов) вызывали у гитлеровцев панику. Огонь «Марата» не раз срывал наступление танковых и механизированных колонн, пехоты, уничтожал сосредоточенные для наступления танки и бронемашинны.

Стрельбой артиллерии главного калибра управляли командир дивизиона капитан-лейтенант Л. В. Новицкий и командир боевой части капитан 3-го ранга К. И. Лебедев. Командование поддерживаемых нами соединений 8-й и 42-й армий было довольно нашими стрельбами и не раз выражало свою благодарность личному составу корабля. Я помню эти телефонограммы — их прини-

мали прямо на командном пункте зенитного дивизиона, связанного по линии оповещения о воздушной обстановке с частями ПВО Ленинградского фронта. По этой же линии командиры частей, минуя все инстанции, просили наносить артиллерийские удары по наступавшим гитлеровцам.

Начиная с 9 сентября «Марат» почти непрерывно вел огонь по заявкам, поступавшим от сухопутных частей. С позиций в Финском заливе — между Кронштадтом и Ленинградом — и в устье Невы громили врага и другие корабли флота.

Командный пункт моей батареи размещался на фок-мачте, на высоте 26 метров от поверхности моря. В дальномер хорошо просматривалось окутанное дымом поле боя, было видно, как в воздухе дерутся с превосходящими силами гитлеровцев наши самолеты-истребители. Наступала темнота, и сражение стихало. Но линкор, как и днем, четко проектировался на фоне серой глади воды. От корабля до южного берега залива было каких-нибудь три—четыре километра.

«Марат» наносил врагу немалый урон. Нас начала обстреливать артиллерия противника. Несколько дней подряд по линкору вели огонь батареи крупного калибра из-за Вороньей (Дудергофской) горы. Но наши корректировщики быстро засекали их и передавали на корабль координаты. Несколько точных залпов — и вражеская артиллерия замолкала.

В середине сентября гитлеровцы упорно пробивались к Урицку и поселку Володарский. По 30—40 самолетов висело над боевыми порядками наших войск. В ночь с 15 на 16 сентября противник сосредоточил большое число танков в районе Красного Села и Урицка и начал наступление в направлении Автова и поселка Володарский, к берегу Финского залива. Под прикрытием темноты подтягивалась гитлеровская пехота. Положение на фронте было очень тяжелым.

По приказу командования «Марат» обрушил на врага всю мощь своего огня. Всю ночь гремели орудия главного и противоминного калибров. Тяжелые снаряды рвались в боевых порядках наступающего врага, уничтожая его боевую технику и живую силу.

Уже восемь суток артиллерия линкора ставила непреодолимый заслон рвущемуся к Ленинграду врагу. Гитлеровцы решили уничтожить корабль. 16 сентября

27 пикирующих бомбардировщиков «Ю-87» и «Ю-88» нанесли удар по «Марату».

За три-четыре минуты до появления «юнкерсов» четыре артиллерийские батареи, которые еще утром пристрелялись по кораблю, открыли мощный огонь. Каждую секунду около корабля или на его борту взрывался один-два снаряда. Снаряды врага не пробивали броню и не проникали внутрь корабля, но осколками и прямыми попаданиями выводили из строя личный состав зенитных расчетов, технику, расположенную на надстройках, а также вызывали пожары и взрывы зенитных боеприпасов.

Многие краснофлотцы были ранены, но продолжали оставаться у зенитных орудий, автоматов и пулеметов. Отражая атаки, зенитный дивизион сбил три «юнкерса». В бою особенно отличились старшины батарей Н. В. Корбань, В. А. Котов, П. Н. Полежай, А. Е. Беляков, комендоры орудий Т. И. Воробьев, Н. И. Агеев, И. И. Мурашко, В. С. Жабокрицкий и многие другие. Котов и Полежай, несмотря на тяжелые ранения, остались на боевых постах.

Отражая воздушную атаку, корабль не прекращал стрелять по железнодорожной батарее противника и подавил ее.

«Юнкерсы» сбросили на линкор примерно 70 бомб, на палубу попали две. От разорвавшихся бомб возник пожар, и огонь проник через вентиляционную систему в погреб 4-й башни главного калибра. Создалась угроза воспламенения и взрыва боеприпасов, гибели линкора. Комсомольцы Польшгалов и Киреев, задыхаясь от дыма, телами закрыли раструб вентиляционной трубы и тем самым преградили доступ огню в погреб.

Мужественно вел себя весь личный состав зенитного дивизиона линкора. Осколком вражеского снаряда был тяжело ранен командир зенитного дивизиона коммунист Николай Сухарев, но продолжал управлять артиллерией дивизиона. Как только атаки самолетов были отбиты, Сухарев приказал командиру кормовой батареи Г. А. Лобышеву открыть огонь по орудиям врага, которые били по линкору с дистанции четыре—шесть километров. Превозмогая боль в раненой ноге (после боя ногу пришлось ампутировать), Николай Сухарев оставался на своем командном посту, продолжал наблюдать за боем и докладывать на главный командный пункт

о батареях противника. Командиры 305-миллиметровых башен лейтенанты А. Н. Богоявленский, Н. В. Романов, А. А. Мягков и Н. Н. Мухин самостоятельно вели огонь по батареям врага.

Впервые в своей истории «Марат» вел огонь по береговым целям одновременно всеми калибрами — от 76-миллиметровых до 305-миллиметровых пушек.

Командир зенитной батареи Г. Г. Седин бесстрашно тушил рвавшийся боеприпас автоматной батареи. Его сразили осколки снаряда врага. Храбро действовали при тушении очагов пожара командиры подразделений электромеханической боевой части Н. Н. Каргин, А. В. Кудрявцев, В. Г. Бениаминский, Л. Н. Веретенников, политрук А. Н. Палагин, старшины Н. И. Яковлев, М. З. Фрейдин и многие другие. Врагу не удалось уничтожить «Марат», но артиллерия зенитных калибров, дальномеры и визиры были серьезно повреждены.

Из Кронштадта на Стрельнинский рейд вышел линкор «Октябрьская революция», а наш корабль ушел в Кронштадт.

17 сентября «Марат» ошвартовался в Средней гавани Кронштадта. Отсюда линкор продолжал вести огонь по противнику. Одновременно начался ремонт корабля.

Старшего лейтенанта Г. А. Лобышева назначили командиром зенитного дивизиона вместо раненого Н. Е. Сухарева. Он должен был также управлять огнем носовой батареи. Поэтому меня назначили командиром кормовой зенитной батареи.

Стоянка в Кронштадте оказалась ничуть не спокойнее нашей позиции в ковше Ленинградского морского канала. 21 и 22 сентября гитлеровская авиация совершила массированные налеты на корабли, стоявшие на рейдах, в гаванях и доках. Зенитчики «Марата» успешно отбили атаки «юнкеров».

Ясным и безоблачным было небо 23 сентября, видимость — полная. В 11.00 появились большие группы самолетов. 4-я башня главного калибра — ею командовал лейтенант Н. Н. Мухин — дала по самолетам трехорудийный залп дистанционной шрапнелью. «Юнкеры» стали заходить для «звездного» налета. Они выстраивались в круг — так называемую «карусель» — и поочередно пикировали. В каждой атаке участвовало по 30—40 самолетов.

Наши зенитчики вели яростный огонь. Десятки бомб поднимали фонтаны у борта корабля, взрывались на стенке. Но вот две бомбы попали в носовую часть линкора. Раздался страшный взрыв — сдетонировали боеприпасы. На воздух взлетели 1-я башня, носовая боевая рубка — главный командный пункт корабля, носовые надстройки.

Вся носовая часть «Марата» до 2-й башни была разрушена, вышла из строя 2-я башня. Корабль носом осел на грунт. В этот трагический день погибло более 300 человек экипажа. Среди них командир корабля капитан 2-го ранга П. К. Иванов, военком полковой комиссар П. К. Чернышенко, старший помощник командира корабля капитан 2-го ранга В. С. Чуфистов, командир артиллерийской боевой части М. В. Шолин, командиры артиллеристы Л. В. Новицкий, С. М. Цыркин, С. А. Тюрин, А. П. Богоявленский, командиры-механики Г. И. Барабаш и И. С. Данилов и другие балтийцы. Из расчета носовой зенитной батареи остался жив только один краснофлотец — А. Иващенко. Вместе с 76-миллиметровым орудием его выбросило на бак корабля, ко 2-й башне. Погибли также многие рабочие Балтийского и Кронштадтского морского заводов, находившиеся в тот день на борту линкора.

Со стоящих рядом кораблей на помощь поврежденному «Марату» тут же прибыли аварийные партии. Инженеры Морского завода и работники технического отдела разработали план ремонтных работ.

Командиром «Марата» назначили капитана 3-го ранга Л. Е. Родичева, флагманского штурмана эскадры, ранее много лет служившего на линкоре. При активном участии партийной и комсомольской организаций на линкоре развернулись ремонтные работы. Прежде всего нужно было подготовить к ведению огня по врагу кормовые башни главного калибра, в которых в результате взрыва вышли из строя приборы управления стрельбой.

В начале октября из Кронштадта уходили корабли для эвакуации нашего гарнизона с Ханко, и Л. Е. Родичев вернулся к исполнению обязанностей флагштурмана эскадры. Командиром «Марата» стал капитан 2-го ранга В. П. Васильев, ранее служивший у нас помощником командира. Он хорошо знал корабль и его людей.

Напряженный труд маратовцев дал свои плоды — 31 октября 1941 г. 3-я и 4-я башни 305-миллиметровых орудий — шесть стволов — уже вели огонь по гитлеровцам. В тяжелейших условиях блокады личный состав и рабочие Кронштадта ввели в строй и 2-ю башню главного калибра. 3 ноября 1942 г. башня дала 18 залпов по вражеским батареям. «Марат» был тяжело ранен, но остался в строю. Дальнобойные пушки линкора в течение всех 900 дней блокады Ленинграда вели контрбатареиную борьбу с тяжелой артиллерией гитлеровцев, обстреливавшей Ленинград и Кронштадт. Только за ноябрь — декабрь 1941 г. «Марат» выполнил около 100 стрельб из орудий главного калибра.

Страницы журнала боевых действий линкора «Марат» свидетельствуют: за 1941 год уничтожено 17 батарей, 86 раз подавлялся огонь батарей врага, уничтожен один и подавлен один железнодорожный транспортер с орудиями 280-миллиметрового калибра, 24 раза подавлялись прожекторы противника, освещавшие наши конвои на переходах Кронштадт—Ленинград—Кронштадт, сбито 6 и подбито 8 самолетов, уничтожено около 18 тысяч гитлеровских солдат и офицеров.

В октябре—ноябре кронштадтские гавани опустели. Из состава эскадры КБФ остались только линкор «Марат» и четыре эскадренных миноносца. Остальные корабли эскадры, а также большие корабли других соединений Краснознаменного Балтийского флота заняли огневые позиции на Неве для непосредственной защиты Ленинграда. 305-миллиметровые орудия «Марата» стали артиллерией резерва командования флота и Ленинградского фронта.

В 1941 и 1942 гг. «Марат» провел не одну артиллерийскую дуэль с дальнобойными батареями противника, орудия которых имели калибр 180 миллиметров и более. За полтора—два часа каждая сторона выпускала по 50—60 и более тяжелых снарядов. Метко стреляли маратовцы, но и в линкор попало 12 снарядов, из которых 3 — в борт и 9 — в палубу.

В феврале 1942 г. 280-миллиметровый снаряд пробил палубу и разорвался в котельном отделении. Погибли командир котельной группы А. И. Чувилькин, мичман Б. А. Ровнянский и шесть краснофлотцев. В борьбу с возникшим пожаром вступила аварийная партия. Мужество, уверенные действия ее командира

В. Г. Бениаминского, краснофлотцев М. З. Фрейдина и В. В. Иванова позволили быстро ликвидировать пожар. Котел продолжал работать.

В декабре такой же снаряд попал в артиллерийский погреб 3-й башни, но, к счастью, не разорвался. Как выяснилось, у снаряда выпало дно с взрывателем. Долго потом мы хранили этот снаряд в кают-компании линкора.

На везенье рассчитывать было нельзя. Все мы искали способы, как повысить живучесть корабля. Однажды на партийном собрании кто-то предложил прикрыть палубу гранитными плитами толщиной 40—60 миллиметров, чтобы защититься от тяжелых снарядов противника. Командир корабля В. С. Быков (он сменил В. П. Васильева в январе 1942 г.) организовал разборку стенки гавани. Гранитные плиты доставили на линкор. Кроме того, на палубу над котельными отделениями положили плиты брони.

Маратовцы постарались также увеличить дальность стрельбы артиллерии. Пришлось для этого много поработать — уменьшить крен на правый борт и дифферент на нос, но цели мы достигли.

Внесли свою лепту и зенитчики. На комсомольском собрании зенитного дивизиона краснофлотец А. М. Королев предложил использовать тюки ваты для защиты от осколков снарядов. Интенданты линкора раздобыли в порту кипы хлопка, обшили их парусиной — получились тюки толщиной в полметра. Ими мы обложили зенитные орудия, автоматы и пулеметы. Это послужило хорошим средством защиты от осколков.

Артиллерия «Марата» громила гитлеровцев и в 1943 г. и в 1944 г., принимала участие в разгроме врага на Карельском перешейке. Экипаж «Марата» выполнил свой долг перед Родиной. И если не всегда выдерживала броня, то люди выстояли и победили.

Н. М. У Л А Н О В,

*юнга, рулевой-сигнальщик „БМО-541“
в 1944—1945 гг.*

ЮНГИ, БОЕВЫЕ ДРУЗЬЯ МОИ...

В середине 1943 г. в Ленинграде начался набор добровольцев-юношей для учебы на флотских специалистов. Весть об этом распространилась быстро.

Для поступления требовались документы, из которых основным было разрешение родителей, заверенное в конторе домохозяйства. Мне удалось договориться только с отцом. С матерью я даже не пытался говорить: летом 1942 г. под Старой Руссой погиб старший брат Александр, ему было 18 лет, а средний, Василий, воевал под Харьковом (он погиб в 1944 г. в Литве, тоже в 18-летнем возрасте).

Меня приняли на службу и направили в Балтийский флотский экипаж, где обычно проходили карантин повички. У каждого из нас, ленинградцев, за плечами были голод, потеря родных, друзей, постоянные бомбежки и обстрелы — все это сделало нас не по летам суровыми.

Первое знакомство с Кронштадтом состоялось в начале августа 1943 г. Нас доставили на Ленинградскую пристань Кронштадтской крепости. И вот мы идем по утреннему безлюдному Кронштадту. Все интересно: и корабли, стоящие у стенок, и перезвон склянок, отбивающих время, и величавый Морской собор, даже проверка, которую устроил повстречавшийся патруль.

Я попал в школу учебного отряда, где готовили сигнальщиков и рулевых.

До начала учебного года мы выполняли различные работы в Кронштадтской крепости и в школе.

В один из августовских дней старшина нашей роты объявил перед строем:

— Кто желает идти на выполнение боевого задания, поднять руки!

Желающих оказалось много. Отбрали человек пятнадцать. В их число попал и я. Снабдили нас сухим пайком и ночью на катере доставили в Ораниенбаум. Оказалось, что на этот раз наше боевое задание — разборка деревянного дома: Добровольцы расстроились, но задание надо выполнять. Немного позднее, там же в Ораниенбауме, дали второе «боевое» задание — грузить бревна на платформы, предназначенные для строительства причала в бухте Батарейная. Гитлеровцы, заметив с наблюдательного пункта на церкви в Петергофе скопление людей, неоднократно открывали огонь из минометов. Мы моментально разбежались, укрывались кто где мог. Обошлось все благополучно. Около месяца мы выполняли различные работы в Ораниенбауме. По возвращении я начал учиться сигнальному делу в Объединенной школе учебного отряда КБФ. Школа располагалась в одной из северных казарм Кронштадтской крепости. Из окон открывался вид на «северные» форты, а в ясную погоду был виден и северный берег залива.

Рабочий день был загружен до предела — занятия, вахты, различные работы. Когда дневальный после вечерней поверки объявлял «отбой» — делал он это специальным сигналом боцманской дудки, — все моментально засыпали. Сны переносили нас в детство, домой...

В декабре 1943 г. на Ораниенбаумский плацдарм перебрасывались через Кронштадт с Лисьего Носа армейские части. Бойцы входили со льда Финского залива вблизи нашей школы. А в 1944 г. через Кронштадт на Лисий Нос шли первые колонны пленных фашистов... Некоторые наши ребята стали забрасывать колонну снежками. Нас можно понять — вместе со взрослыми мы пережили все ужасы блокады. Было страшно при бомбежках и обстрелах. От пронзительного свиста летящей фугасной бомбы или снаряда сердце сжималось от страха в комок. Не один раз в голову приходила мысль, что жить осталось считанные секунды. Многих

ребят унесла смерть: кто умер от голода, кто от снарядов, а кто и остался под развалинами домов.

В блокаду у большинства подростков начался трудовой стаж. В 14 лет я пошел работать на завод имени Егорова. В то время там ремонтировали танки, делали мины, снаряды, а цех, куда меня направили, выпускал дезинфекционные установки для фронта. Хотелось мне, конечно, чего-нибудь поинтереснее. Но мы тогда не выбирали себе работу. Работали по 10—12 часов, почти без выходных. Начальником цеха был молодой инженер Василий Ильич Коляда, внимательно относившийся к подросткам. Часто по его распоряжению нам выдавали талоны на дополнительное питание: получали по куску соленой трески. Быть может, не одного из нас это спасло от смерти.

Никогда не забуду я и тех, кто нас обучал и воспитывал в Кронштадте, и, конечно, товарищей по учебе и службе. Но прошу не судить строго, что не смогу назвать всех — прошло более 30 лет. К сожалению, не помню и все имена и отчества.

Большим уважением пользовались начальник Объединенной школы капитан 3-го ранга Желдаков, командир роты юнг старший лейтенант Ферштер.

Все мы любили старшину нашей смены Германа Иванова, юнгу набора 1940 г., участника боев под Невской Дубровкой. Летом 1944 г. он погиб при высадке десанта в Выборгском заливе. Это был строгий, но справедливый человек.

Флажный семафор, световую сигнализацию и сигнализацию флагами преподавал инструктор старшина 1-й статьи Михаил Артамонов, коренастый симпатичный москвич.

Одновременно со мной в 26-й смене обучались Борис Шкомов, Николай Смирнов, Юра Панкратов, Георгий Чурганов, Анатолий Чупрынин, Саша Четкин, Яков Сазанович, Анатолий Осипов, Виталий Яковлев, Владимир Буксеев, Жора Потемкин, Анатолий Лебедев, Анатолий Тетерин. С большинством из них после окончания школы встретиться не довелось. Двое из нашей смены погибли — Яков Сазанович и Виталий Яковлев: Виталий в 1944 г., а Яков сразу после окончания войны. Их катер «БМО-545» подорвался на mine в районе Балтийска.

С Борисом Шкомовым и Юрой Панкратовым в марте 1944 г. я проходил практику на сигнально-наблюдательных постах службы ОХР — охраны рейдов. Конечно, было обидно, что нас не направили на корабли, но потом мы смирились. Для сигнальщиков, на мой взгляд, сигнально-наблюдательный пост — лучшая практика. Мы стажировались на посту, расположенном у западных ворот Купеческой гавани. Основными штатными сигнальщиками этого поста были девушки-краснофлотцы. Встретили они нас очень тепло, как старшие сестры, даже предложили постирать белье. Но наша «мужская» гордость не позволила воспользоваться этим предложением. К сожалению, их фамилии я забыл. Помню, что одну из девушек, старшую по должности, звали Наташей.

После сдачи экзаменов и вручения свидетельств нас всех расписали по соединениям флота. С этого момента мы стали называться краснофлотцами. Бориса Демченко, Анатолия Чупрынина и меня направили в Ленинград в дивизион вновь строящихся катеров «БМО» — бронированных «малых охотников».

Наш «БМО-541» вступил в строй в конце августа 1944 г. Вместе со мной на катере служили юнги: моторист Евгений Бурмистров — энергичный парень, наш комсомольский вожак, гидроакустик Владимир Басин, радист Петр Попышков (погиб в конце июля 1944 г., похоронен на Охтинском кладбище в Ленинграде) и рулевой Борис Демченко. Командовал катером капитан-лейтенант Семен Васильев. Старшим в команде мотористов был главный старшина Н. С. Матюшин, а у комендоров — старшина 2-й статьи Александр Авдеенко. Основной костяк команды составляли москвичи и ленинградцы.

В конце навигации 1944 г. «БМО-541» совместно с «БМО-540» обеспечивали охранение транспортов, доставлявших в Ленинград лес.

Война ушла далеко на запад... Но мы, юнги, как и закаленные в боях ветераны-катерники, мечтали о боях с врагом.

— Понимаешь, — говорил мой друг моторист Женя Бурмистров, — кончится война, а нам даже нечего будет вспомнить!

— Просто стыдно будет знакомым в глаза глядеть, — добавлял другой юнга, Борис Демченко. — Ни в одном бою с гитлеровцами участвовать не довелось...

Наконец пришла радостная весть — наши катера идут в Прибалтику!

2 мая 1945 г. мы надолго простились с Кронштадтом. В первый раз наши «утожки» вышли в дальний поход. Вот и Лавенсари. С волнением смотрю на низкие берега, на свинцовую гладь залива. Сейчас здесь тихо: не гремят орудия, не рвутся бомбы — тыл! А ведь совсем недавно мои товарищи-катерники вступали в этих водах в жестокие схватки с врагом, гарнизон острова отражал палеты гитлеровских «юнкерсов» и «мессершмиттов».

В Таллине мы ошвартовались в Минной гавани. После осмотра механизмов и пополнения топлива катера вышли на рейд. Отсюда отряд из 18 катеров — «морских охотников» и дымзавесчиков — направился в недавно освобожденный Мемель (Клайпеду). Чтобы не расходовать напрасно моторесурс двигателей катеров, мы совершали этот путь на буксире у тральщиков-«стотонников».

8 мая, к вечеру, когда отряд находился недалеко от острова Сарема, мы узнали о капитуляции фашистской Германии. Вот он, долгожданный день! Матросы и смеялись, и плакали, обнимали друг друга. Но оказалось, что война для нас еще не окончена: командование Курляндской группировки гитлеровцев не желало капитулировать. Нам предстояло принять участие в блокаде врага с моря.

В дальнейший путь катера отряда пошли своим ходом в двух кильватерных колоннах. Ночью я сменился с вахты и спустился в кубрик, чтобы отдохнуть. Спать долго не пришлось — разбудили звонки боевой тревоги. Секунды — и я на своем посту у пулемета. Замечаю на горизонте корабли. К ним и спешат наши катера. Вперед вырвался один из наших дымзавесчиков — катер типа «Д-3». С него дали несколько очередей из автомата по гитлеровцам. После этого на пассажирском судне взлетела на мачту белая простыня — враг сдавался. Но остальные корабли противника пытались оказать сопротивление и были потоплены.

Вскоре сдавшийся гитлеровский транспорт и два наших катера «МО» развернулись и ушли на восток, к нашим берегам... С катера командира отряда капитана 2-го ранга А. Сударикова я принял семафор: двум катерам, в том числе и нашему, было приказано провести поиск кораблей противника в юго-западном направлении.

Мы прошли миль тридцать, когда наконец увидели на горизонте мачты вражеских кораблей. Гитлеровцы уходили в сторону Швеции. Взрели моторы, и катера начали стремительно сближаться с врагом. У врага было несколько крупных кораблей, быстроходные десантные баржи с сильным артиллерийским вооружением. Но они уклонились от боя и, увеличив ход, стали уходить. Очевидно, гитлеровцы приняли наши катера за торпедные из-за пленных «усов», расходящихся от носа на полном ходу.

Все же «малым охотникам» удалось догнать две быстроходные десантные баржи и морской буксир. Проходя вдоль высокого борта баржи, мы увидели выстроившихся гитлеровцев с поднятыми вверх руками — все было ясно. На второй барже спешно разворачивали на нас длинный ствол 76-миллиметровой пушки, с нее открыли огонь зенитные автоматы — «эрликоны». В ответ ударили орудия и пулеметы с катеров, сметая с палубы гитлеровцев. Метко стреляли артиллеристы Саша Авдеев — оказавшая сопротивление баржа, получив пробоины, накренилась и начала тонуть. Наш первый и последний бой окончился...

Под конвоем катеров гитлеровский буксир потянул уцелевшую быстроходную десантную баржу к Клайпедо. Легли на курс в базу и мы. К вечеру 9 мая, когда наши катера подходили к берегу, мы увидели, как вонзились в небо светящиеся трассы пуль, взлетели ракеты — это советские войска салютовали Победе. К утру 10 мая катера пришли в Клайпеду. Кончилась война и для нас, кронштадтских юнг.

Прошли годы. Бывшие юнги давно уже стали отцами и даже дедами, а матросская дружба не угасла. С Женьей Бурмистровым и Николаем Осмоловским, бывшим боцманом с «БМО-508», я работаю на одном заводе. Мы часто видимся, вспоминаем боевую юность. Поддерживаем связь с минером «БМО-634» Виктором Волковым, москвичом. Нет-нет да повидаемся с мотористом «БМО-502» Николаем Федотовичем Пантыкиным. Он работает в объединении «Электросила». Встречаясь, говорим о товарищах по школе юнг, по службе на наших «малых охотниках», о наших командирах, строгих и заботливых, заменявших нам, подросткам, отцов. Память о друзьях юности, военных лет навсегда сохранят наши сердца.

А. В. АЛЕКСЕЕВ,

полковник.

*Инспектор 10-й и 61-й авиабригад
и начальник летной инспекции ВВС
КБФ в 1941—1944 гг.*

ИСТРЕБИТЕЛИ КРАСНОЗНАМЕННОЙ БАЛТИКИ

Когда враг подошел к Ленинграду, были организованы единая система наведения истребительной авиации на противника и централизованное управление всеми силами противовоздушной обороны армии, флота и города Ленинграда.

В эту общую систему противовоздушной обороны входила и истребительная авиация ВВС Краснознаменного Балтийского флота, которая прикрывала с воздуха корабли, сухопутные войска, Дорогу жизни, Ленинград и Кронштадт.

Свой боевой путь в Великой Отечественной войне истребительная авиация Краснознаменного Балтийского флота начала, защищая Таллин, острова Моонзундского архипелага и военно-морскую базу Ханко.

В этом районе действовали части 10-й авиационной бригады (командир генерал-майор Н. Т. Петрухин). В нее входили 71-й истребительный полк (командир подполковник А. В. Коронец) и 13-й истребительный полк (командир подполковник И. Г. Романенко). На вооружении полков были истребители «И-16», «И-158» («чайка») и «И-15-бис».

Я был инспектором по летной подготовке вначале в 10-й, а затем в 61-й бригаде. В мои обязанности входило обобщение передового опыта летчиков. Все полез-

ное, новое, освоенное в боях с гитлеровскими асами, немедленно внедряли в полках и эскадрильях. Чтобы помочь в этом важном деле, в 1942 г. ВВС КБФ издавали бюллетени о боевом опыте воздушных боев. Но и до их появления драгоценный опыт в считанные дни становился известным в частях и брался, как говорится, на вооружение. Я в качестве инспектора принимал, конечно, самое деятельное участие в этой работе. Страницы архивных документов, записей военных лет помогают восстановить в памяти былое...

24 июня 1941 г. капитан Алексей Касьянович Антопенко на истребителе «И-16» внезапной атакой в районе Таллина сбил фашистский бомбардировщик. Так был открыт боевой счет истребителей Краснознаменного Балтийского флота.

3 июля два задушевных друга Алексей Антопенко и Петр Бринько в воздушном бою над базой Ханко сбили два вражеских самолета. В последующие дни они уничтожили еще несколько самолетов противника. Боевые дела Антопенко и Бринько стали известны не только на Балтике, но и по всей стране.

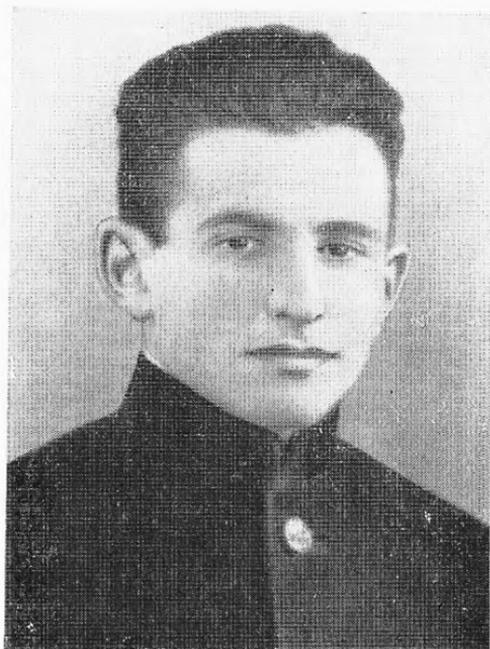
14 июля 1941 г. отважным летчикам-истребителям было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Вспоминаю, что, рассказывая о своем боевом опыте, Антопенко обращал особое внимание на то, как важно занять выгодную позицию для атаки, хорошо прицеливаться и бить наверняка. Самое мощное вооружение без хорошего прицеливания просто пугало, а с хорошим прицеливанием и пулемет может решить успех воздушного боя против вооруженных пушками самолетов врага. При встрече с «юнкерсами» или «фоккерами» нужно сначала бить по ним короткими очередями, а когда самолет окажется в прицеле, то дать длинную очередь — вот тут будет и точное попадание в цель. Однажды над полуостровом Ханко Антопенко и его ведомый Бринько вели бой против двух «фиатов». Дрались около десяти минут и загнали вражеские самолеты в землю, затратив всего 18 патронов!

Антопенко говорил, что главное в воздушном бою — внезапно атаковать, сблизиться на возможно короткую дистанцию и бить самолет противника в самое уязвимое место. Прославленный летчик за 35 дней с начала войны уничтожил 11 вражеских самолетов. А. Антопенко

Тралние фарватера у острова Лавенсари. 1943 г.

Я. К. Грейс, командир башни главного калибра крейсера «Петропавловск». 1941 г.

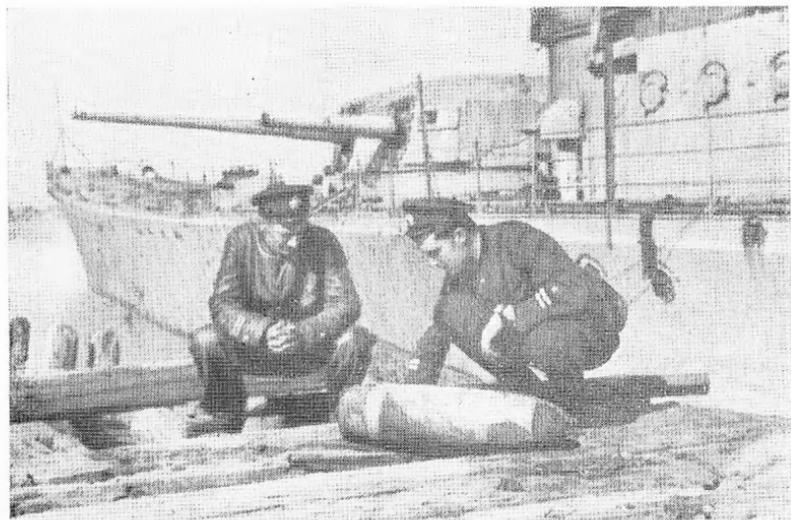

Л. А. Симаков, командир электромеханической боевой части крейсера «Петропавловск».

Г. Н. Слизкой, командир артиллерийской боевой части крейсера «Петропавловск». 1944 г.

Перазорвавшийся гитлеровский 210-миллиметровый снаряд у борта крейсера «Петропавловск». 1941 г.

Г. К. Посголатий, командир
зенитной батареи линкора
«Марат».

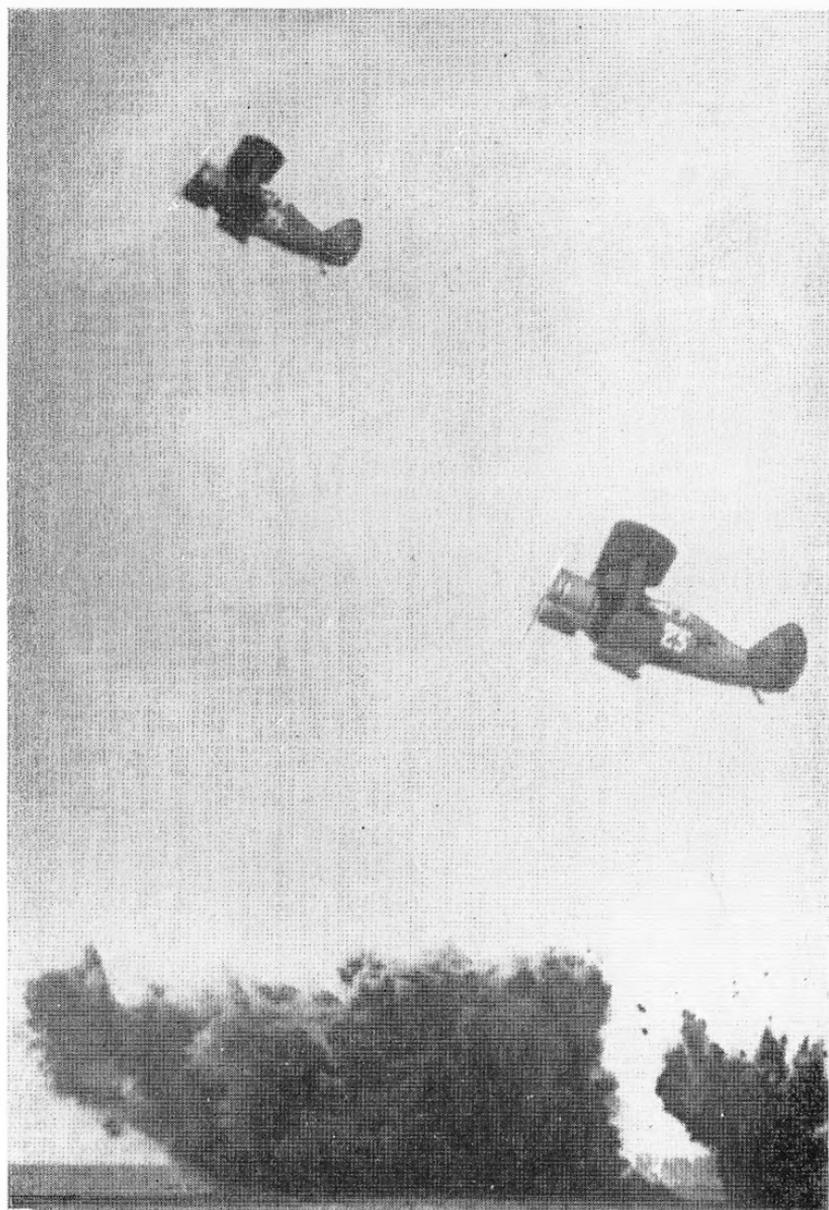

П. И. Кудряев, командир
электротехнического диви-
зиона крейсера «Петропав-
ловск». 1941 г.

В. А. Сычев, командир дивизиона главного калибра крейсера «Петропавловск». 1944 г.

Д. И. Файн, командир группы управления огнем главного калибра крейсера «Петропавловск». 1941 г.

Истребители «И-16» 3-го гвардейского истребительного авиалюка над передним краем гитлеровцев. 1942 г.

И. И. Сербин, комиссар 3-го гвардейского
истребительного авиаполка, летчик-истребитель.
1942 г.

Бригадный комиссар С. С. Бессонов вручает летчику-истребителю Г. Д. Костылеву награду Военного совета КБФ, 1941 г.

Н. М. Уланов, юнга-балтиец.
1944 г.

Герой Советского Союза
К. П. Соловьев, балтисц.
летчик-истребитель. 1941 г.

М. Л. Львов, журналист-балтиец.

Николай Чуковский, писатель-балтиец. 1945 г.

В. С. Корешков, командир 1-й гвардейской истребительной авиадивизии ВВС КБФ. 1944 г.

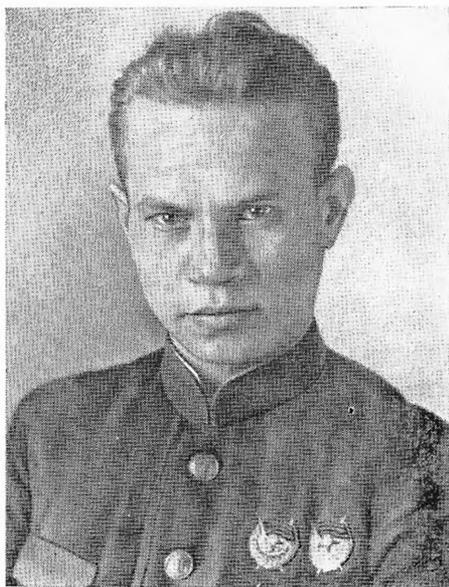

П. И. Бискуп, балтиец, летчик-истребитель. 1942 г.

Герой Советского Союза
А. А. Мироненко, балтиец,
летчик-истребитель. 1942 г.

Н. А. Губанов, балтисц,
летчик-истребитель. 1941 г.

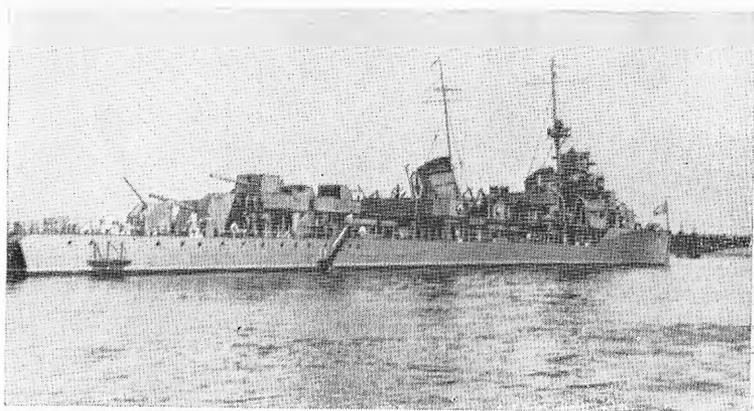

Герой Советского Союза Г. Д. Цокаласв, балтиец, летчик-истребитель. 1942 г.

Герой Советского Союза И. А. Каберов, балтиец, летчик-истребитель. 1943 г.

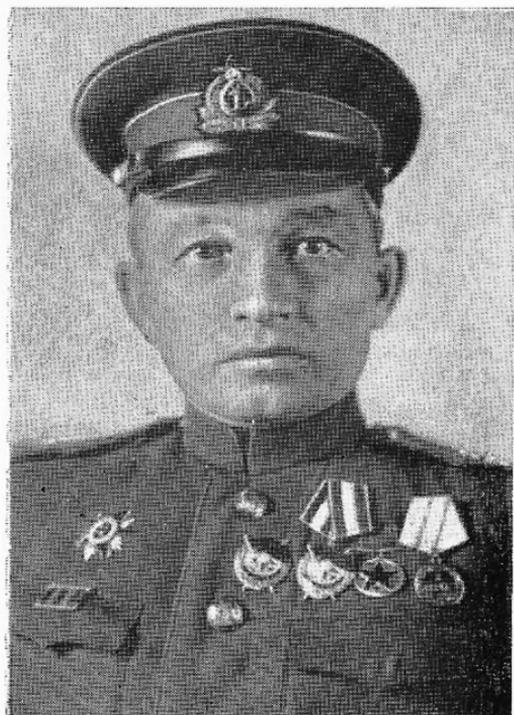
Гвардейский эсминец «Вице-адмирал Дрозд» на Неве. 1941 г.

М. И. Алексеев, полковник,
командир 12 ОАД КУС БО
КБФ. 1948 г.

Вице-адмирал И. И. Грен (в первом ряду справа) и генерал-майор И. А. Большаков с артиллеристами крепости Кронштадт В. Т. Румянцевым, Е. С. Семенченко, Н. А. Второвым, С. С. Кобецем, Н. И. Скородумовым, Г. В. Коптевым, Е. А. Проскуриным. 1944 г.

Г. М. Яичников, военный комиссар ИУС БО КБФ. 1944 г.

погиб 26 июля 1941 г. при обстреле противником аэродрома на полуострове Ханко.

Его друг и напарник П. Бринько добавлял к словам А. Антоненко, что если вылететь на секунду раньше — погибнет враг, если задержаться на секунду — погибнешь сам, а если нет больше патронов — неплохо и «боднуть» врага машиной.

И вот 5 сентября 1941 г. в районе Низино—Борки на самолете «И-16» бесстрашно ринулся в бой против четырех «мессеров» капитан П. Бринько. Он сражался до последнего патрона, а потом пошел на таран. Замолк мотор, но Бринько удалось сесть на свой аэродром. В воздушных боях отважный балтиец сбил 15 вражеских самолетов. Через десять дней после своего замечательного тарана, 14 сентября 1941 г., Герой Советского Союза капитан Петр Бринько погиб при уничтожении нашими истребителями аэростата противника, корректировавшего огонь артиллерии по Кронштадту и Ленинграду.

Имена бесстрашных летчиков, мастеров воздушного боя А. Антоненко и П. Бринько никогда не будут забыты.

В суровые сентябрьские дни 1941 г. фашистская авиация нанесла ряд массированных ударов по кораблям флота, находившимся в Кронштадте. Гитлеровской авиации была поставлена задача — уничтожить боевые корабли, мощная артиллерия которых крушила наступающие на Ленинград части врага.

21 сентября в налете участвовало до 180 самолетов. 22 сентября налет снова повторился. 23 сентября противник произвел шесть налетов на Кронштадт. В них участвовало до 270 самолетов. Непрекращающиеся налеты продолжались до конца сентября. Гитлеровцы хвастливо заявляли, что их авиация «сравнивает Кронштадт с морем». Но они быстро убедились, что сделать это не так просто — корабли Краснознаменного Балтийского флота продолжали успешно поддерживать войска Ленинградского фронта. Кроме того, фашисты понесли большие потери в самолетах.

Первые вражеские налеты на Кронштадт отражали 5-й истребительный авиаполк подполковника П. В. Кондратьева, 13-й истребительный авиаполк майора М. В. Охтеня и 71-й истребительный авиаполк подполковника А. В. Коронца.

Летчики этих трех полков во взаимодействии с зенитной артиллерией Кронштадта и кораблей только за первых пять дней налетов уничтожили 40 фашистских бомбардировщиков.

При отражении налетов на Кронштадт в сентябре 1941 г. шестерка истребителей с ведущим Н. М. Никитиным вступила в бой с 40 бомбардировщиками противника. Тогда же шестерка истребителей под командованием П. В. Кондратьева вступила в бой против 80 бомбардировщиков, а шестерка с ведущим С. И. Львовым вела воздушный бой с 30 бомбардировщиками. Летчики шестерок Никитина, Кондратьева и Львова уничтожили 11 бомбардировщиков и не дали врагу прицельно сбросить бомбы по кораблям. А ведь для этого нужно было преодолеть сопротивление охранявших «юнкерсы» истребителей противника. Причем у гитлеровцев тогда еще было преимущество в численности. Так, пара истребителей с ведущим Героем Советского Союза майором А. Г. Батуриным и ведомым старшим лейтенантом М. Мачабели вступила в бой против 16 «фокке-вульфов», сопровождавших бомбардировщики. Советские летчики победили, сбив два самолета противника и нарушив боевой порядок бомбардировщиков.

Летчики-балтийцы бдительно охраняли небо Ленинграда и Кронштадта. При отражении налетов вражеской авиации на Ленинград прославленному летчику-истребителю Балтики В. Ф. Голубеву с шестью своими товарищами пришлось 12 августа вести бой над Веймарном против 40 бомбардировщиков. Группа Голубева в этом бою сбила 11 самолетов. Герой Советского Союза Василий Федорович Голубев с первого дня и до конца Великой Отечественной войны сражался на Балтике. Он прославил себя при защите Ханко, где за короткий срок сбил три вражеских самолета. Он защищал небо Ленинграда и Кронштадта. Он героически дрался с врагом над Дорогой жизни. За Великую Отечественную войну В. Ф. Голубев сбил лично и в группе 39 самолетов противника! Вместе с ним били врага замечательные летчики-балтийцы А. Мирошенко, А. Байсултанов, П. Павлов, Д. Татаренко, С. Львов, Г. Цоколаев.

Исключительное мужество и мастерство проявили в боях также капитан Соловьев, сержанты Федоров и Шабазьян, лейтенант Кучерявый. Некоторые из них вступали в единоборство с 5—8 самолетами гитлеровцев.

Пришла к концу тяжелая блокадная зима 1941/42 гг. С весны гитлеровцы возобновили налеты авиации на Ленинград и Кронштадт.

За десять дней, с 25 марта по 5 апреля 1942 г., летчики 71-го истребительного полка сбили в воздушных боях 18 фашистских самолетов.

В весенних налетах 1942 г. гитлеровцы понесли еще большие потери, чем в сентябре 1941 г., и вынуждены были сначала резко сократить дневные налеты, а потом и совершенно отказаться от них. Вражеские бомбардировщики стали появляться только ночью.

С открытием навигации 1942 г. гитлеровское командование решило минными постановками с самолетов заблокировать корабли Краснознаменного Балтийского флота в Кронштадте.

С этой целью с 26 мая по 14 июня гитлеровцы провели операцию по минным постановкам, используя для этого наиболее темное время белых почей.

Для постановки мин противник применял самолеты типа «Хейнкель-111». В первые три дня мины ставили одиночные самолеты. Чтобы скрыть аэродром вылета и точнее выходить в расчетную точку, «хейнкели», взлетев с аэродрома на южном берегу Финского залива вблизи Копорской губы, пересекали Финский залив, выходили на его северный берег в районе станции Сортавала, шли по береговой черте Финляндии, доходили до станций Териоки, Куоккала, делали правый разворот и курсом 180 градусов направлялись к острову Котлики и его водной акватории. Гитлеровские самолеты подходили к цели на высоте 1000—1500 метров и перед сбрасыванием мин переходили в пологое пикирование. С высоты 600 метров они сбрасывали мины и с резким снижением до высоты 100—150 метров уходили в сторону темного фона неба к северному берегу Финского залива.

Чтобы вести борьбу с самолетами — постановщиками мин, нужно было установить маршруты их полета. Командование 71-го истребительного авиаполка решило выделить два самолета «И-153» (летчики капитан К. Соловьев и старший лейтенант А. Батулин) с задачей пройти на «хвосте» самолета «Хейнкель-111» до места его посадки. Однако маршрут преследуемого ими «хейнкеля» вышел за радиус действия наших истребителей, и они смогли дойти только лишь до Копорской губы. Видя, что «хейнкель» продолжает идти курсом 180 гра-

дусов, летчики решили уничтожить его. Сблизившись на дистанцию 400 метров, они реактивными снарядами подожгли гитлеровский самолет. Объятый пламенем «хейнкель» упал в районе Копенского озера.

Вся тяжесть борьбы с самолетами — постановщиками мин легла на летчиков-ночников 71-го истребительного авиаполка, которым после гибели А. В. Коронца командовал подполковник В. С. Корешков.

К началу минных постановок противника в 71-м ИАП всего четыре летчика могли летать ночью. В их числе был и я, тогда инспектор бригады. Мы и отражали налеты «хейнкелей» в первые дни операции противника. Затем были подготовлены еще пять летчиков.

Одновременно с тренировкой летчиков к ночным полетам в подразделениях готовили и материальную часть. На самолетах «И-16» и «И-153», выделенных для ночных полетов, ставились крупнокалиберные пулеметы, проверялась пристрелка оружия, подвешивались реактивные снаряды. Кроме того, отрабатывалось взаимодействие с зенитной артиллерией Кронштадтской военно-морской базы и кораблями флота, а также с зенитными прожекторами.

На отдельных самолетах-истребителях впервые установили радиооборудование для наведения их с земли на самолеты противника.

Убедившись, что гитлеровцы в течение нескольких дней не меняют маршрута и времени налета, командир 71-го ИАП подполковник В. Корешков решил уничтожать «хейнкели» на подходе к точкам постановки мин.

Для наших истребителей были определены зоны ожидания противника на предполагаемых направлениях и соответственно внесены некоторые изменения в инструкцию взаимодействия истребительной авиации с зенитной артиллерией и прожекторами.

Все эти меры позволили резко повысить эффективность действий наших истребителей. Одним из первых достиг боевого успеха майор П. Бискуп. В ночь с 1-го на 2 июня 1942 г. он за два боевых вылета провел восемь воздушных боев на высоте 1000—2000 метров. Вот как проходил один из них.

По наведению зенитных прожекторов Бискуп обнаружил самолет противника и пошел на сближение. Атакуя в лоб, снизив высоту, летчик с дистанции 400—500 метров дал два залпа реактивными снарядами и открыл

огонь из пулеметов. От меткого попадания «Хейнкель-III» свалился на крыло, вошел в отвесное пикирование и врезался в воду в районе «северных» кронштадтских фортов.

Противник понес большие потери и перестал летать большими группами, начал действовать отдельными самолетами или парами, иногда небольшими группами до десяти самолетов. При этом гитлеровцы меняли тактические приемы и высоту полета.

Наша истребительная авиация также изменила свои тактические приемы и перешла от одиночных полетов к полетам парами.

Не мог и я, конечно, остаться в стороне от освоения ночных полетов на перехват самолетов — постановщиков мин.

В ночь на 3 июня 1942 г. на боевое задание вылетела пара истребителей — полковой комиссар И. И. Сербин и я. Мы находились в зоне ожидания на высоте 1000 метров, когда обнаружили «Хейнкель-III» и атаковали его. От попадания реактивного снаряда вражеский бомбардировщик резко перешел в крутое пикирование, врезался в берег и взорвался. Возвращаясь в свою зону, мы обнаружили еще один «Хейнкель», идущий на высоте 1500 метров в направлении острова Котлин. Гитлеровец шел в лучах прожекторов. Сербин и я зашли сверху ему в хвост и с дистанции 100—200 метров открыли огонь из крупнокалиберных пулеметов. Самолет противника загорелся и упал в воду.

В ночь на 4 июня пара самолетов «И-153» с ведущим командиром полка В. Корешковым и ведомым майором И. Горбачевым находилась в зоне ожидания. Вскоре летчики увидели, что лучи прожекторов скрестились — значит, они ведут цель. Наши истребители тут же со снижением пошли в направлении лучей, на высоте 1600 метров обнаружили «Хейнкель», сблизилась с ним и атаковали. Фашистский самолет упал в воду у мыса Ино.

В ночь с 4 на 5 июня майор И. И. Горбачев вылетел по приказанию с командного пункта в зону патрулирования. На высоте 2000 метров он увидел разрывы снарядов зенитной артиллерии и освещенный прожекторами «Хейнкель-III». Горбачев дал по радио сигнал прекратить зенитный огонь и повел истребитель на сближение с противником. Он точно провел лобовую атаку и

прицельным огнем подбил бомбардировщик. «Хейнкель» резко пошел на сближение и стал уходить к берегам Финляндии. Горбачев продолжал преследовать его и сбил.

Большие потери в самолетах «Хейнкель-111» вынудили гитлеровское командование использовать для минных постановок более быстроходные самолеты типа «Ю-88». «Юнкерсы» стали летать на высотах до 3500 метров.

Первая моя встреча с «юнкерсом» — постановщиком миш случилась в ночь с 4 на 5 июня, когда я барражировал в районе остров Котлин — поселок Борки. Я обнаружил заходящий на сбрасывание мин «юнкерс» на высоте 1500 метров. До противника было около 1000 метров. Идя на сближение, я заметил две мины, спускающиеся на парашютах. Обошел купола парашютов и выпустил по «юнкерсу» реактивные снаряды. Но вражеский бомбардировщик на полной скорости со снижением ушел в сторону форта Ино.

Я вернулся в свою зону барражирования. Здесь ко мне присоединился полковой комиссар И. Сербин. На высоте 2000 метров мы обнаружили «хейнкель» и атаковали его. Зашли ему в хвост и с дистанции 200 метров открыли огонь по самолету. Стрелок ожесточенно бил в нас длинными очередями, но вскоре замолк. «Хейнкель» задымил и пошел на снижение. Посты ПВО подтвердили падение вражеского бомбардировщика.

В ту же ночь на высоте 2500 метров я обнаружил «Хейнкель-111», сблизился с ним и прошел пулеметной очередью стрелка. Потом зашел в хвост гитлеровцу и выпустил по нему два реактивных снаряда. Бомбардировщик резко перешел в пикирование и упал в районе маяк Толбухин — форт Ино. Время барражирования вышло, и я повел машину к аэродрому. На высоте 2500 метров произошел четвертый за этот вылет воздушный бой — я обнаружил и атаковал «Юнкерс-88». Мне удалось только один раз выйти в атаку и обстрелять его из пулеметов. «Юнкерс» резко ушел в облачность и скрылся.

В ночь на 6 июня — еще один вылет. Многослойная облачность в районе барражирования моего «И-16» — над Ораниенбаумом и Борками — позволяла «юнкерсам» проходить незамеченными. В 1.15 6 июня я пробил облака верхнего яруса и продолжал полет на высоте

3500 метров. Здесь была отличная видимость. Вот тут-то, на вираже, я обнаружил «Ю-88». Мне удалось выйти в атаку сзади и дать очереди из пулеметов сверху по фюзеляжу и по правому мотору. Противник увеличил скорость и пытался скрыться в облаках. Я выпустил два реактивных снаряда. Один из них взорвался у правой плоскости «юнкерса», и гитлеровец врезался в воду залива между Котлином и фортом Краснофлотский. Этой же ночью я еще раз вылетел на барражирование, но врага не обнаружил.

Боевые действия летчиков-ночников подвергались подробному разбору. Опыт боев анализировался и обобщался, вскрывались допущенные ошибки. Уточнялся также план взаимодействия нашей авиации с зенитной артиллерией и прожекторами.

Опыт ночных полетов в первые дни борьбы с вражескими постановщиками мин показал, что с взаимодействием с зенитной артиллерией не все обстояло благополучно. Были случаи, когда истребителям в воздушном бою мешали зенитчики, а зенитной артиллерии — истребители.

В 71-м истребительном авиационном полку провели совещание по вопросам взаимодействия летчиков и зенитчиков. На него прибыл командир зенитного полка ПВО майор Н. В. Котов. Он внимательно выслушал претензии и пожелания летчиков-истребителей. В итоге совместного обсуждения вопросов взаимодействия были выработаны специальные сигналы и для истребителей и для зенитчиков. Договорились также о том, что на каждой зенитной батарее будут выделены специальные наблюдатели для того, чтобы следить за действиями наших истребителей и их сигналами. В результате организация зенитного огня улучшилась. Это позволило нашим истребителям действовать более четко и уверенно. Теперь при облачности с небольшими разрывами зенитчики уже не мешали нашим летчикам вести боевые действия за облаками. За несколько ночей наши истребители смогли успешно провести выше облачности до 20 воздушных боев. Враг нес большие потери от нашей истребительной авиации и зенитчиков.

Чтобы снизить эффективность огня зенитной артиллерии, гитлеровцы с упреждением в одну-две минуты до появления самолетов — постановщиков мин начинали бомбардировать зенитные батареи и прожекторные

установки. Так противник пытался облегчить своим самолетам прицельное сбрасывание мин.

Обстановка на нашем участке фронта все более усложнялась и вынуждала командование 71-го полка увеличить интенсивность боевых действий ночью. Было решено иметь в полку на каждого летчика-ночника по два самолета. Подполковник В. Корешков, полковой комиссар И. Сербин, майор П. Бискуп, капитан К. Соловьев, старший лейтенант А. Батулин и я после возвращения с боевого задания пересаживались на заранее подготовленные самолеты и снова поднимались в воздух.

Командование полка понимало, конечно, что при такой нагрузке летчики сильно изматываются, буквально валятся с ног, но другого выхода не было. В тот период на каждого летчика-ночника в среднем приходилось по 10—15 воздушных боев за ночь. Например, И. Сербин в ночь с 30 на 31 мая провел 17 воздушных боев с бомбардировщиками противника.

Всего за 11 ночей летчики 71-го полка уничтожили 22 «хейнкеля» и 2 «юнкерса». Кроме того, значительное число самолетов противника было повреждено, и наверняка многие из них не долетели до аэродрома.

В борьбе с самолетами — постановщиками мин наши летчики проявили большое мужество и исключительно высокое мастерство ведения воздушных боев. Об этом свидетельствует то, что полк сражался без потерь.

Большой опыт ведения воздушных боев ночью пригодился летчикам нашего полка и в последующих схватках с врагом.

Борьба в небе Ленинграда и Кронштадта была упорной и беспощадной. Она требовала от летчиков-истребителей Краснознаменной Балтики не только большой выдержки, мужества, отваги, но и высокого профессионального мастерства, сплоченности и взаимовыручки.

В начале войны мы дрались в воздухе с превосходящими силами противника, но одерживали немало побед. Бывало, что шестерка наших истребителей вступала в бой против 40 и даже 80 вражеских самолетов. Был и такой случай, когда командир авиаэскадрильи Иван Ильич Голосов вступил в единоборство с 32 бомбардировщиками противника. Внезапность атаки позволила отважному летчику сбить вражеский самолет, расстроить боевой порядок группы и не допустить прицельного бомбометания.

А сколько раз наши истребители вступали в бой с превосходящими силами истребителей врага! Вот как происходил воздушный бой звена истребителей 5-го истребительного авиационного полка с десятью «мессершмиттами» над Ладожским озером.

Четверка наших истребителей сопровождала бомбардировщики. Вдруг из-за облаков вынырнули четыре «МЕ-109». Советские истребители пошли в лобовую атаку. Фашисты не выдержали и отвернули в сторону. В это время с задней полусферы в атаку устремилась вторая четверка «мессершмиттов», но и ее отбили. Наши истребители продолжали полет, прикрывая бомбардировщики. Тогда фашисты сгруппировались и все вместе устремились в атаку. Как только они стали приближаться, наши истребители развернулись все вдруг и ударили из своих пулеметов. Противник этого не ожидал: один «мессершмитт» был сбит, второй поврежден и вышел из боя. Фашисты растерялись. Но из-под облаков появилась еще пара «мессершмиттов». Летчику Еременцу удалось сбить второй самолет врага, и только тогда фашисты покинули поле боя.

Так четверка наших истребителей победила превосходящего по численности противника. Об этом бое рассказал в одном из бюллетеней ВВС КБФ его участник капитан К. Ф. Ковалев, летчик-истребитель. И таких случаев было много.

Летчики-балтийцы сражались с врагом не числом, а умением. За славные боевые дела в небе Ленинграда и Кронштадта, за защиту Дороги жизни 31 летчику-истребителю Краснознаменного Балтийского флота присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Десять наших летчиков-истребителей таранили самолеты противника. Герои Советского Союза подполковники А. Мироненко, П. Павлов, Я. Слепенков, майоры В. Абрамов, В. Голубев, К. Соловьев, Д. Шаров, капитаны А. Антоненко, А. Байсултанов, А. Батурин, Л. Белоусов, И. Кравцов, А. Кузнецов, Л. Ломакин, С. Львов, Д. Татаренко, Г. Цоколаев, Е. Цыганков, И. Цапов, В. Черненко, А. Шилков, старшие лейтенанты Т. Жучков, А. Селютин и лейтенант А. Михалев вместе со своими однополчапами в воздушных боях уничтожили 638 гитлеровских самолетов.

В боевых схватках с противником молодые летчики настойчиво перенимали опыт наших прославленных ма-

стеров воздушного боя, заслуживших высокую награду Родины — звание Героя Советского Союза.

Вот что писал в бюллетене ВВС КБФ летчик-истребитель Н. Давыдов о своем учителе Герое Советского Союза В. Абрамове: «У меня 155 боевых вылетов и 4 сбитых самолета противника. Это я отношу за счет моего учителя В. Абрамова. Мне часто приходится вылетать вместе с ним в качестве ведомого или ведущего второй пары, входящей в его группу. Майор Абрамов после каждого боевого вылета разбирает наш полет. Он подробно анализировал ход боя и объяснял, как он, ведущий, применял тот или другой маневр. Сейчас, когда я веду в бой группу, стараюсь действовать так, как, по моим предположениям, действовал бы в данной обстановке майор В. Абрамов».

Замечательное мужество и преданность Родине проявил летчик-балтиец Леонид Георгиевич Белоусов.

Во время боевых действий на Балтике в 1939—1940 гг. Л. Г. Белоусов был награжден орденом Красного Знамени. Великая Отечественная война застала его на полуострове Ханко в должности командира авиационной эскадрильи. Летчики его эскадрильи 24 июня 1941 г. сбили первый самолет врага — это был «Юнкерс-88».

После эвакуации Ханко капитан Белоусов защищал небо Ленинграда. Неожиданно у него заболела нога — он стал хромать, но продолжал летать. Врач поставил диагноз — спонтанная гангрена. Затем эвакуация в Алма-Ату, госпиталь. Лечение не дало положительных результатов. Пришлось ампутировать правую ногу. В конце третьего месяца после ампутации появилась язва на левой ноге. Была ампутирована и левая нога...

Леонид Георгиевич мужественно перенес две тяжелые операции, но не терял надежды снова сесть за штурвал самолета и продолжать бить фашистов. И он начал борьбу за право летать. После года, проведенного в госпитале, Л. Г. Белоусов вновь вернулся на аэродром, к своим друзьям и товарищам.

Затем непродолжительный отдых, учебный аэродром, практические полеты, и наконец боевой самолет «ЛА-5», который считался в те времена лучшим истребителем. Л. Г. Белоусов вновь стал мастером пилотажа и воздушной стрельбы. Потом возвращение в свой гвардейский полк и вылеты на боевые задания. Л. Г. Белоусов ходил

в разведку, сопровождал наши бомбардировщики, прикрывал корабли в море и участвовал в десятках воздушных боев. Герой Советского Союза майор Л. Г. Белоусов показал пример мужества, отваги и героизма в борьбе с фашистскими захватчиками. И ныне, находясь в отставке, он живет полнокровной жизнью.

Победа в воздушном бою была бы невозможна без самоотверженного труда тех, кто готовил самолеты к полетам на аэродромах. Инженеры и техники, мотористы и оружейники делали все, чтобы материальная часть действовала безотказно. Летчики смело шли на боевые задания, зная, что самолет не подведет.

У нас в полку большим уважением пользовались старший техник-лейтенант Захир Масуфранов и его моторист Корженков. Их «чайка» поднималась в воздух более 500 раз, на этой машине летчики сбили 29 вражеских самолетов. И не один раз истребитель возвращался с боевого задания с серьезными повреждениями. Дважды собирались списывать его «чайку», но Масуфранов сам восстанавливал самолет. Однажды случилось так, что «чайка» упала в залив, не дотянув до аэродрома. Бригада, руководимая Захиром Масуфрановым, подняла машину из воды и опять ввела ее в строй. «Ухаживайте за самолетом так, как это делает Захир!» — призывала газета «Летчик Балтики». Так же замечательно трудились и многие другие техники, механики, мотористы, оружейники. Они не жалели сил для того, чтобы как можно лучше и в срок подготовить самолеты к бою.

Успехи летчиков-балтийцев были результатом самоотверженного труда работников тыла инженерно-авиационной службы, политических работников и офицеров.

В январе 1943 г. войска Ленинградского и Волховского фронтов при содействии Краснознаменного Балтийского флота осуществили наступательную операцию по прорыву блокады Ленинграда. Большую роль в ней сыграли и летчики-истребители Краснознаменной Балтики. Полки истребительной авиации флота приняли участие и в разгроме гитлеровцев под Ленинградом в январе 1944 г., а затем, перелетев на аэродромы освобожденной Советской Прибалтики, продолжали громить врага. Их славные дела навсегда останутся в памяти советского народа.

Н. А. ГУБАНОВ,

майор.

*Летчик-истребитель 71-го Красно-
знаменного истребительного полка
ВВС КБФ в 1941—1942 гг.*

НА „ЧАЙКЕ“ В БОЙ

В конце августа 1941 г. на маленький, но уютный, обжитой таллинский аэродром стали падать вражеские снаряды. Наш 71-й истребительный авиационный полк ВВС КБФ (его основное ядро) перебрался на запасную площадку, буквально за несколько дней созданную на одном из полуостровов близ Таллина. Все это делалось в ходе непрерывных боев с наседавшими на Главную базу флота гитлеровцами. В те дни мы несколько поступились своим прямым назначением. Обстоятельства заставили истребителей стать разведчиками, штурмовиками, бомбардировщиками. Летали много. Вернемся, бывало, с очередной штурмовки, перекусим наскоро — пока техники, оружейники делают свое дело, а штаб отрабатывает очередное задание — и снова в бой, в гущу огня.

Но вот последовал приказ оставить Главную базу. Об этом личному составу полка сообщил вечером 27 августа командир полка Алексей Васильевич Коронец. Все понимали: приказ есть приказ. Выполнить его — наш воинский долг. А вот в душе такое решение каждый воспринял с болью.

«Чайка» моя стояла возле копны сена. Притомившись за день, присел я перед ужином отдохнуть. Тут и нашел меня инженер эскадрильи.

— После вашего отлета нам, техническому составу в авиабазе, велено грузиться на эсминцы. А мне не хочется.

— Тогда шагайте к Ленинграду пешком порядком, — пошутил я.

— Нет, Губанов. Ты возьмешь меня с собой.

— Вместо бомбы, что ли?

— Зачем вместо бомбы? За кабиной устроюсь.

— Там места нет. И потом центровка. Самолет на груз в хвосте не рассчитан. Рулей не хватит. Сорвемся в штопор.

— Все продумано. Бронеспинку снимем, я займу ее место.

— Командир разрешил?

— Что ты? Если он узнает — беда. Но не беспокойся. Я за все отвечу. Так возьмешь?

— Ладно. Семь бед — один ответ. Устраивайтесь.

К утру следующего дня обстановка осложнилась: к югу от Таллина враг пробил брешь в нашей обороне. Возле станции Кейла скопились танки. Нам предстоял не просто перелет. Следовало взять бомбы, на шести из восьми реактивных снарядов поставить ударные взрыватели и всеми силами полка нанести удар по танкам, а уж потом брать курс на восток, к Ленинграду.

Подумалось, как быть с инженером? Ведь на выходе из пикирования после бомбоудара как сядет он на тягу руля высоты, и... встречай земля героев! Угадав мои мысли, инженер сказал:

— Не беспокойся. Не оборвусь, даже если бы весил не шестьдесят, а все пятьсот килограммов.

Удар для врагов оказался неожиданным (они даже не маскировали танки) и крепким. От цели «чайки» уходили с победным гулом моторов. Благополучно обошлось и с моим «экипажем».

Почти час шли над морем. Видели наши подбитые, а иногда и горящие транспорты, возле которых сновали сторожевики, эсминцы, видели тонущие, потерявшие ход корабли...

Сели мы на аэродром уже в Ленинградской области. Оборудовали стоянку вдоль кромки леса, замаскировали кое-как самолеты. И тут вдруг, как из-под земли, перед Коронцом появляется мой инженер. Командир ничему никогда не удивлялся, а тут и заговорил-то не сразу:

— Как вы сюда попали?

- Самолетом, конечно.
- Кто привез? Говорите.

Инженер молчал. Коронец кинулся к «чайкам». По очереди осмотрел кабины. Заглянул и в мою. Мелькнула мысль: «Все. Накрыл. Держись теперь, Николай. Хорошо, если только трепка. Отчитает и погаснет. А если...» Даже холодно стало. Но нет! Пошел дальше. Я к инженеру. Тот лукаво улыбнулся:

— Бронеспинка уже на месте. Все в порядке.

— Летчиков ко мне!

Собрались.

— Кто привез инженера?

Все молчат.

— Ты? Ты? — по очереди спрашивал Коронец.

— Нет. Нет, — слышалось в ответ. Уж не знаю, хватило бы у меня духу соврать командиру, но он меня не спросил. Видно, не ожидал от своего ведомого такой дерзости.

— Рано или поздно, а дознаюсь я, кто этот извозчик!

Действовали мы с этого аэродрома всего пару дней. Зато побывали в таких воздушных боях, каких в ленинградском небе ни до того, ни после, пожалуй, не было. С утра и дотемна над районом Котлы—Колорье непрерывно кружилось одновременно до 200 самолетов. Земля вокруг была усеяна горящими обломками наших и чужих машин. В бой вонзались эскадрильями. Договаривались заранее о высоте, месте и времени выхода из боя.

Уже под вечер, в третий раз за день, капитан Николай Королев повел свою девятку на Котлы. Сразу же схватились с «юнкерсами», разбились по звеньям. Дрались расчетливо, оружие в ход пускали строго прицельно. Мишеней хватало. Небо вокруг полосовали цветные трассы пуль: наши — красно-зеленые, дымные — врага. Сновали «мессеры», «ЯКи», сверху прошивали смертельную карусель «МиГи».

Истекли отведенные для боя 20 минут. Пора на точку сбора. А тут смотрю, «сто девятый» зажимает «МиГ». Спешу на выручку. Дал «худому» — так авиаторы прозвали «Мессершмитт-109» — огонька — тот отскочил. Я в погоню — добить надо. В общем, увлекся. На месте сбора кружились «чайки». Пристраиваюсь к одной — на хвосте нет звездочки — значит, собирается армейская группа. Ясно. Наши ушли. Теперь я — одиночка. Как же

выбраться из этой каши? Крутой спиралью снизился до бреющего, взял курс на север. Пролететь бы зону отсечения — пять—десять километров!

Смотрел в оба, вел самолет змейкой — так облегчается круговой обзор. Уже уверовал я в свой нехитрый маневр: ведь проскочу, пролезу через игольное ушко! А как глянул вперед, признаюсь, оторопел. Прямо в лоб идет двухмоторный «Мессершмитт-110»! У него — четыре пушки, у меня — четыре пулемета. Подловил-таки! Машинально, не думая, нажал кнопку пуска и два последних реактивных снаряда — «эрэса», как мы их называли — огненными шарами вырвались из-под крыльев моей «чайки». Гитлеровец не выдержал, кинулся вверх и в сторону. Взял я упреждение, нажал общую гашетку пулеметов да и хлестанул его по животу. Враг, зацепив землю крылом, свалился.

Теперь давай бог ноги! Да не тут-то было: справа сверху валяются на меня еще два «Мессершмитта-109». Зажмут ведь, мерзавцы! Остается одно — стать в вираж, увертываться. И вдруг — вот здорово! — слева наперез вражеским самолетам кинулись два наших «И-16» — «ишачки». Гитлеровцы прекратили маневр для атаки, ретировались. Спасители мои пристроились вплотную, жестами выразили одобрение за схватку с «мессером». Так мы втроем и приземлились.

Сдал самолет, иду с докладом. Коронец меня слушать не стал.

— Знаю. С той стоянки звонили. Тоже мне ас! От группы оторвался.

— Так «мессер» «МиГа» съел бы.

— Я тебе дам съел бы!

— Я и не дал.

— Поговори мне еще. Пошли ужинать.

Все немало подивились, когда за общим, как всегда, столом собрались все летчики и командиры. За два дня тяжелейших боев мы не понесли никаких потерь!

На следующий день в небе над Котлами не оказалось ни одного вражеского самолета. Сражение на земле и в воздухе передвинулось ближе к Ленинграду. Нам дали наконец задание по прямому назначению: прикрывать корабли, отражать налеты «юнкерсов». Схваткам с врагом над сушей и над морем потеряли счет. «Мессеры» в прицел попадали не часто. Зато «юнкерсам» от нас доставалось крепко. Число сбитых нами самолетов

росло с каждым вылетом. Григорий Пушкин, например, сумел за один день сбить трех. Отменно дрались Николай Кропоткин, Павел Черваков, Александр Батулин — все летчики полка. Могли бы сбивать больше вражеских машин, да нельзя: погонишься за одним «юнкерсом», оставишь корабль без прикрытия на минуту, а его расклюют другие. Вот и приходилось прекращать преследование уже, казалось бы, обреченного врага и возвращаться к кораблям. Мы строго соблюдали закон флотского летчика-истребителя: прежде всего обезопасить от удара с воздуха корабль. А уж если обстановка позволит — дай налетчику испытать балтийской водицы.

Фронт под Ленинградом сужался день ото дня. На приморских аэродромах — теснота. Теперь даже на запасных площадках размещалось по два-три авиационных полка. Стартовые команды, спецслужбы — в общем, все, кто обеспечивал вылеты самолетов, сбивались с ног. Однако срывов в боевой деятельности флотских авиаторов не случалось. Об этом заботились наши командиры, комиссары, инженеры. От моториста до командира бригады полковника Героя Советского Союза И. Г. Ромащенко — каждый чувствовал сыновнюю ответственность за судьбу города Ленина, обязанности выполнял ревностно, без скидок на трудности, лишения, опасности.

Свои вводные внесла ранняя балтийская осень. Пошли дожди. Летное поле раскисло. Приземлишься, бывало, а колеса вязнут в грунте. Случалось, при посадке и ломали самолеты. И все же летали, дрались, отбивались от врага и сами нападали.

На этот раз нашим КП стал замшелый бревенчатый домишко. Здесь, в двух комнатухах, расположились все службы полка. Только оружейники со своим мудрым хозяйством выбрались под навес, огородившись ящиками из-под бомб и патронов. Ими руководил старшина Братанчук — бог огня. Уж если он отладит пулеметы, подвесит «эрэсы» — оружие не откажет.

Летный состав собрал комиссар П. П. Тимофеев. Он кратко объявил:

— Дано особое задание. Нужно сопроводить два десятка транспортных самолетов до Ладоги. Поведет майор Михайлов. Вылет по сигналу.

Майор Михайлов, коренастый ленинградец, много говорить не любил. Определил боевой порядок групп, назначил ведущих. В конце добавил:

— Из штаба ВВС только что звонил командир полка. Назвал задание чрезвычайно ответственным. Мы должны любой ценой обеспечить перелет «ЛИ-2». Нам придется эскадрилья армейских «чаек». Все же рассчитывайте на себя. Ясно? По самолетам!

Чем загружены транспортные «ЛИ-2» — мы их звали «божья коровки», — нам неизвестно. Возможно, враг знал. На подходе к озеру над нами появилось несколько групп «мессеров». Но с ними уже вели «крупный разговор» армейские «МиГи». Они огненными стрелами прокалывали сверху и снизу вражеский строй, дробили его, отсекали «мессерам» пути к «ЛИ-2». А в наших группах непосредственного прикрытия случилась неприятность. Приданные нам армейцы не решились лететь над озером. Вдруг пошли над берегом. Правда, такое предвидел дальновидный Борис Михайлов — тут же перестроил группу. Прорвалась было к нам четверка «сто девярых». Им наперерез кинулся капитан Соловьев, сбил их ведущего парой «эрэсов». Большого не потребовалось — гитлеровцы исчезли.

Так мы избежали жаркой схватки. В дело вступить не пришлось. Все «ЛИ-2» благополучно прошли над озером, миновали Ладогу и ушли на юго-восток. Истребители сели на ладожский аэродром. Пока заправлялись самолеты, успели поговорить с летчиками армейской эскадрильи. Их командир, молодежавый майор, объяснил свое поведение просто:

— Средств спасения на воде у нас нет. А вдруг сдест мотор, подобьют в бою? Ведь пропадешь!

До полудня 2 сентября в небе над сушей и заливом то и дело закипали и редко кончались вничью схватки с врагом. В одной из них неподалеку от аэродрома «мессер» сбил «чайку» Ивана Голосова. Летчик покинул горящий самолет, да поспешил раскрыть парашют. Два «мессера» как трусливые шакалы накиннулись на Голосова, чтобы расстрелять его. Добрых пять минут отбивал я их атаки. Убедившись, что летчик на земле и собрал парашют, — взмыл вверх, занял свое место в группе.

Приземлились на флотский аэродром, где находился штаб нашей бригады. Только вылезли из машин — налетели «Мессершмитты-110». Грохоту много, а толку никакого — все наши самолеты целы. Снова Коронец собрал нас вместе. Дал боевые задания звеньям и груп-

пам. Про меня же словно забыл. Пришлось напомнить о себе.

— Потерпи. На земле не оставлю.

Когда все ушли к самолетам, он снял почему-то шлемофон (хотя совсем было не жарко) и сказал:

— Полетим в Кронштадт. Посмотрим новый аэродром. «Эрэсов» не берем. Привяжись покрепче. Садимся на пятачок.

До Котлина — рукой подать. Три минуты, и мы на месте. Сделали круг, другой — нет аэродрома! Видим в южной части кладбища большую лужу, на ней человеческую фигурку с белым флажком в руках, подающую сигнал: «Садитесь!» Да это же Михаил Цаплин, в прошлом летчик, а сейчас «по велению» медиков наш бессменный и вездесущий комендант аэродрома. Майор подал команду: «Приземляйся первым». Понял. Сделал заход, выпустил шасси. Коснулся... воды, сел почти в центре лужи. Точно глиссер — из-под колес в стороны потянулись пенные усы — самолет пробежал пару сотен метров. Цаплин указал место, куда следовало зарулить. Выключил мотор, спрыгнул с крыла. Воды — по щиколотку, но под ногами земная твердь из утрамбованного кирпича. Следом за мной посадил свою «чайку» командир. Пробыл он на новом аэродроме с полчаса. Расспросил, о чем следовало, представителя авиабазы, осмотрел псдостроенные укрытия для самолетов, блиндаж для штаба полка, определил стоянки эскадрилий. Мне с Цаплиным дал наказ:

— К вечеру встречайте наших.

И улетел назад.

— Знаешь, Николай, кто строил аэродром? И не угадаешь. Школьники восьмых — десятых классов. В основном девчушки. На тележках, в детских колясках, а то и просто в ведрах носили сюда камни, кирпичи из разрушенных при бомбежках зданий, укладывали, деревяшками трамбовали. И смотри, площадка хоть куда! Даже воду держит.

Между тем с материка на остров стали прибывать наши труженики-техники, мотористы, оружейники. Безлюдные до того стоянки ожили. И откуда что бралось! Инструмент, стремянки, стеллажи, маскировочные сети и многое другое тут же шло в дело. Мою «чайку» закатали в ближайшую рейфугу — специальное укрытие для самолетов. Техник звена Александров (он же по

совместительству и хозяин моей «чайки») принялся за осмотр.

Незаметно подкрались сумерки. Цаплин то и дело поспатривал на небо. Потом замер, прислушался.

— Наши. Идем встречать.

И действительно, примчались вот уже вторую неделю не знавшие над собой крыши перкалиевые «И-153». Пример подал ведущий. Благополучно выкупавшись в луже, он зарулил свой истребитель к рейфуге рядом с КП полка. На второй круг редко кто уходил. Было приказано заходить с малой высоты и садиться с ходу. Спустя пять минут небо опустело. Последним умудрился приземлиться на сухой клочок земли старенький «У-2». Коронец выслушал мой краткий доклад о делах на аэродроме.

— Ступай на стоянку. Объяви: через полчаса летному и техническому составу собраться возле штаба.

Пошел напрямик через летное поле. Аэродром исчез, он принял вид летнего выгона для скота. Деревья, кустарник скрыли укрытия для самолетов, служебные неказистые на вид постройки. А на самом деле жизнь здесь кипела ключом. Новое место осваивалось добротное, с расчетом на длительный срок. Передав распоряжение командира по эскадрильям, направился тропкой через кладбище к летному домику — он же штаб полка, столовая и наше общежитие. Технический состав приспособабливал под жилье склепы кладбища.

Полк не строили. Собрались плотным кольцом вокруг командира и комиссара. Коронец начал тихо, как бы про себя:

— Вот мы и все тут. Нет многих техников, авиаспециалистов. Они шли на эсминце «Яков Свердлов», сопровождавшем крейсер «Киров». Корабль, говорят, принял на себя торпедный удар вражеской подлодки. Почтим память погибших товарищей минутой молчания.

— Погостили мы на чужих аэродромах, — продолжал Коронец, — и хватит. Есть теперь свой. Наша задача активно оборонять главную базу флота Кронштадт, Ленинград. Бить врага. Бить как можно крепче. Времени на устройство и отдых нет. Все нужно делать в ходе боев. И никаких ссылок на трудности. Преодолеть их нам придется немало...

Осень сорок первого. Сквозь низкие, сеющие мелкий дождь облака редко пробивалось солнце. Влагой про-

питалось всё и вся. Папиросы держали в нагрудных карманах. И хоть крепко притесняла погода, в небе мы проводили большую часть дня. Летали на разведку, на поиск и прикрытие кораблей. Не раз всем полком отражали воздушные налеты на Ленинград.

Гитлеровцы в ту пору, точно голодные волки, бродили над заливом в поисках легкой добычи. Находили редко, но беспокоили моряков. То посты, то корабли доносили: «„Юнкерс“, квадрат...» Пришлось установить дежурство истребителей, готовых к немедленному вылету. Обычно в «отсидку» назначались те, кто только что вернулся из боя. Считалось это отдыхом, а поиск «юнкерсов» — легкой задачей. В такой именно полет по тревоге отправился однажды Николай Кропоткин. К положенному сроку не вернулся. Мы решили, что он сел на дозаправку на Комендантском аэродроме. Запросили. Нет, не садился. Уже к вечеру катерники сообщили: подобрали нашего Николая в море, неподалеку от Толбухина маяка. В кратком донесении поста СНИС говорилось о том, что слышали за облаками рев моторов, взрывы снарядов, пулеметный огонь. Потом плашмя рухнул в километре от маяка двухмоторный фашистский бомбардировщик. Следом из облаков выскочила «чайка», развернулась к маяку, приводнилась. Самолет затонул. Летчика вскоре взял на борт катер. На теле Николая никаких ранений, если не считать ссадины на левом виске, но сердце его не билось.

Какие обстоятельства сложились в схватке дежурного истребителя с фашистским разведчиком, или «бродячим волком», никто не знал. Несомненно, что наш летчик преградил путь врагу, сбил его таранным ударом. На скромном памятнике кронштадтскому летчику Николаю Кропоткину простая надпись: «Погиб в боях за Родину»...

Упорно, день за днем, несмотря ни на что, добывали мы ратные успехи. Но таяли и наши ряды. Нет-нет да и опустеет, правда ненадолго, рейфуга вчерашнего боевого товарища. Оставшиеся в строю смыкались, собирались в еще более крепкий кулак и вновь разили врага. Приходилось решать сложнейшие боевые задачи, не свойственные легким истребителям.

Однажды из штаба флота поступили сведения: на одном из островов в районе Бьёрке противник создает базу торпедных катеров. Балтийская осень к тому вре-

мени сильно ограничила действия авиации. Вот враг и надумал похитрить в Финском заливе. Торпедные катера противник скрытно доставил по железной дороге и теперь готовил к разбойничьим рейдам. Сорвать эту затею поручили нам, кронштадтцам. Коронек собрал летчиков для совместного обсуждения задания, для выработки метода его выполнения. Особенность заключалась в том, что нельзя было вести разведку объекта — противник тотчас спрячется. Катера замаскируют, база притаится. Ищи потом ветра в поле. Значит, следовало нанести удар не мешкая и наверняка, располагая весьма скромными данными.

Группу из 12 «чаек» поручили возглавить капитану К. Соловьеву. Подвесили по четыре бомбы, в «эрэсы» ввернули ударные взрыватели. Для того чтобы побыстрее собраться, взлетали звеньями, сразу же брали курс на запад, потом в расчетной точке развернулись на север. Вот и острова. Они казались безлюдными. Но, видно, у фашистов не выдержали нервы, почувствовали недоброе. Один из островов ожил: пыхнули дымки — открыли огонь зенитки. Потянулись к нам красные шарики трасс. Искать цель нам не пришлось — враг сам указал. Хорошо видимые катера стояли у берега.

— В атаку! — подал команду Соловьев.

Ведомая шестерка вышла вперед для подавления зенитных точек. Ведущий группы тем временем атаковал катера и причалы. Через минуту группы поменялись ролями. Теперь ведущая шестерка атаковала заметно присмивевшие зенитки, а ведомая крушила бомбами и снарядами базу торпедных катеров.

Домой возвращались на победных крыльях. Нам удалось избавить корабли нашего флота от серьезной опасности, разгромить вражескую базу.

Коварный враг постоянно выдумывал разные уловки и хитрости. То с большой высоты сбросит связку закрученных в дугу рельсов или паровозный скат — грохот, свист невообразимый. То в облаках подкрадется тихо и уйдет незаметно, а после себя оставит засеянную «сувенирами» площадь: золоченые пудреницы, часы, авторучки. Каждый «сувенир» — мина. Нередко над островом повисали большие черные шапки взрывов шрапнельных снарядов. Всеми этими «фокусами» гитлеровцы стремились деморализовать защитников Ленинграда, подорвать их боевой дух.

Однажды километрах в двадцати севернее Гатчины в небе повис вражеский аэростат-корректировщик. Вначале ему не придали значения. Да и сбить аэростат, думалось, просто. Оценку эту пришлось изменить в первый же день его появления. «Колбаса» оказалась зловредной и живучей. Вражеские дальнобойки стали крепко досаждают кораблям и фортам, точнее начали ложиться снаряды. К вечеру в полк поступило задание: не мешкая избавиться от соглядатая.

— У тебя кой-какой опыт есть. Расскажи подробно, как сбивал такой же аэростат с корзиной под Кейлой,— потребовал от меня Коронец.

Рассказывать-то было почти нечего. Возвращались мы с Сергеем Боровских из разведки под Пяриу, заметили серо-зеленое веретено аэростата. Довернули, с ходу полоснули по нему снарядами и пулями. На месте аэростата возник большой огненно-дымный шар.

— Думаю, что с этим так просто не разделаешься. Но моряки требуют убрать корректировщик. Значит, надо. Ударишь звеном. Действуй по обстоятельствам.

Но на этот раз аэростат остался целым. Удар получился неудачным, честно говоря, по моей вине. Возле объекта атаки нас перехватили «мессеры». Следовало принять бой, сманеврировать так, чтобы поближе подойти к аэростату, и по очереди расстрелять его. Я же поторопился, обстрелял «колбасу» снарядами. Ударные взрыватели не сработали — тонкая оболочка не позволила наколоть детонаторы. И от пламени ракет аэростат не загорелся.

В общем, вернулись мы ни с чем. Командир меня не упрекал.

— Думай, как снять аэростат.

Утром следующего дня собрались мы на КП эскадрильи. Теперь на задание, ставшее очередным «крепким орешком», выделялись уже два звена. В основу боевого плана легли сведения, добытые во вчерашнем полете. Стало ясно: враг охраняет с воздуха своих наблюдателей специально выделенными истребителями. Вокруг объекта много зениток.

Аэростатов два, причем наполнены они не водородом, а негорючим инертным гелием. Их автофургоны с аппаратурой и площадки с лебедками стоят близко друг от друга. Решили не пытаться сбивать аэростаты, как это мы делали прежде: близ Гатчины аэродром забит «мес-

сершмиттами». Значит, удар нужно наносить быстро и предельно точно.

Над заливом приподнялся утренний туман. Команду на вылет должен подать сам корректировщик своим появлением. И вот в южной части горизонта отчетливо проступила сигара.

— По самолетам!

Настороженную кронштадтскую тишину прорезал гул моторов. Минута, и мы в воздухе. Впереди пошли «забияки» — звено легких «чаек». Следом, на малой высоте — тройка тяжелых (кроме восьми снарядов на каждой машине подвешено по четыре бомбы). «Забияки» играючи маневрировали в зенитном огне. Нам это делать труднее. До предела нагруженный самолет плохо слушался рулей. Но вот огонь прекратился. Смотри в оба! Вблизи аэростата на первое звено накиннулись «мессеры». Низкая облачность лишила их излюбленного вертикального маневра, заставила влезть в предложенную «забияками» карусель. А тут и мы подоспели, включились в общую свалку — нами продуманный, но врагом еще не понятый боевой маневр. Вражеские и наши самолеты по кривой петле гонялись друг за другом. А аэростат между тем спешно опускали. И вдруг одна из «чаек», вместо того чтобы гнаться за «мессером» по кругу, резко свалилась в пики. Вниз, на площадку швартовки аэростатов, на автофургоны посыпались бомбы, реактивные снаряды. Так, выскакивая из карусели и снова в нее включаясь, долбили площадку теперь уже все наши истребители. Должно быть, по команде с земли «мессершмитты» полезли к облакам, давая возможность включиться в бой своим зениткам. Поздно. Мы перешли на бреющий и ушли к Котлину. Так нам удалось покончить со зловредным корректировщиком.

Хороши балтийские вечера в сентябре. Теплые, безветренные. Докучали, правда, дожди. И небо вроде прояснится, звезды над головой поблескивают, а мелкий дождичек невесть откуда сыплет себе не торопясь. И не надо бы, да умоешься. И все же летчикам стало несколько легче. Дни, как и прежде, были наполнены боями, но вечера были наши. Где там думать об отдыхе! По неделям не раздевались. И тут же возле самолета постелешь чехол от мотора, парашют под голову, укроешься регланом, поспишь два-три часа, глядь — расвело. По коням! Запускай моторы и в полет. Теперь

отлетаем свое, отдежурим, да и в штабной домик. Хватало времени на то, чтобы привести в порядок форму, побриться, помыться, почиститься. Соберемся за столом — парни хоть куда, молодец к молодцу. И звания еще послеучилищные, на кителях — полный простор для награды, а по всему видать: калачи тертые, войны добротной закалки, балтийской. Разговорам, шуткам — нет конца. Ведь день-то целый мы молчуны. Патефону отдыхать не полагалось. Негромко звучали родные напевы, полюбившаяся всем музыка. Мало кто знал о том, что механизм старенького патефона в который раз заменялся новым и неведомо где добывались пластинки взамен заигранных или разбитых.

«Где ж ты, милый мой, веселой юности герой...»

И так явственно пахнет еще недавним и уже далеким Ейском, где было до войны авиационное училище. Там, над Азовским морем, впервые поднимали в воздух самолеты чуть ли не все мы, морские летчики.

«Когда я на почте служил ямщиком...» — загрустит, зальется соловьем Сергей Лемешев. И невольно в памяти встанут дни мирной учебы, вспомнятся погибшие друзья, красивые, молодые...

Прогоняя набежавшую тень, взорвется вдруг искрометная «Молдаванеска», Клавдия Шульженко споет в назидание «О любви не говори». А тут появятся и наши хозяйшечки-кормилицы накрывать на стол. Впереди бойкая, расторопная сверхкрыжая Катя. На голове — пламень, хоть прикуривай. Сама еще стоит, а ноги уже бегут. Другая, ростом повыше, всегда в черном платье, — Надя. Эта — вся теплота и предупредительность. Что бы ни подала — хоть не хочешь, а съешь. Пытался кое-кто из нас поухаживать за Надей, да где там.

Обычно хозяйки спрашивали каждого из нас, сыт ли, и никогда не отказывали в добавочной порции. Теперь мы тепло благодарили и добавок не просили. Начинала сказываться блокада. Приходилось подтягивать животы и нам.

«В тесноте, да не в обиде», — гласит народная поговорка. Она полностью отражала наше немудреное житье-бытье. Столовая, например, зачастую становилась классом тактики, местом подробного разбора выполненных или вновь затеваемых боевых операций. Посуда убрана. Мы раскладывали планшеты, карты, схемы и начинали изучать обстановку на фронтах, на театре воен-

ных действий. Технике и тактике противника — особое место и внимание. Кто что заметил новое — докладывай всем, поделись находкой, — обсудим, взвесим, учтем. Как поступать в случае вынужденной посадки вне аэродрома, на территории, занятой врагом, какое с собой брать оружие, неприкосновенный запас — все вопросы обсуждались подробнейшим образом.

Шли как-то такие занятия, когда домик наш ощутило потряс резкий удар. Оказывается, в комнату — кабинет командира полка угодил неразорвавшийся зенитный снаряд. Корюпец сидел тут же за столом, корпел над штабными документами. Когда вошли в кабинет, он встал, потянулся и буднично сказал:

— В потолке дыру заделать. В полу тоже. А то холодно, дует. Пойдемте на занятия. У меня есть новости.

Конечно же, у каждого, кому довелось вдоволь понюхать пороха, пройти через огонь войны, найдутся эпизоды, особенно запечатлевшиеся в памяти. Есть такие и у меня. Расскажу о некоторых.

В конце сентября угораздило меня попасть в кронштадтский госпиталь. Раздели, выкупали, конечно, осмотрели, анализы там всякие, перевязки — полдня прошло в заботах. Ничего. В палате люди хорошие, разговоры, обедик тощенький съел. Вроде и успокоиться надо бы. Так нет. Только прилег на койку — не та, лежать неловко, пахнет чем-то. Тишина какая-то неприятная, давит. В общем, сразу же затосковал. И зачем я сюда попал? Почему не воспротивился отправке. Как там мои и... без меня?

На другой день вздумалось мне разыскать в каменном лабиринте огромного здания летчика, товарища по беде. Расспросил о маршруте да и подался по полуподвальному коридорам, переходам искать нужную палату. Путешествие неожиданно прервалось: пролет лестницы, стены — все вдруг исчезло. Пыль, гарь, темень, — гитлеровцы сбросили на госпиталь несколько тяжелых фугасных бомб. Мне повезло. Не придавило, не ударило ничем, только закупорило в обломках стен. Добрый час выбирался на свет. Добрался до своей палаты. Тут узнал: разрушена четверть здания, погибло немало раненых и медиков. Часть госпиталя переводится в Ленинград. Пошел к комиссару госпиталя, убедил — отпустили меня в полк.

Кронштадт встретил настороженностью пустынных улиц. Дважды за короткий срок включались сирены воздушной тревоги. Зенитки молчали. Значит, наши летчики отогнали врага.

Напрямик, тропинкой, вышел к аэродрому. Стоянки пусты. Техник Александров встретил приветливо, но без обычного доклада о готовности самолета к полету и бою. Спрашиваю:

— Выходил подранка?

— Как видишь. Он у меня послушный. Дал себя осмотреть, заклепать, подклеить. Не облетан еще. Комэск хотел было включить сегодня в боевой состав, да Коронец не велел.

Подался на КП, благо рядом. Из склепа как раз вышел Коронец.

— Сбежал все-таки?

— Выписан в часть. Вот документы.

— Ну что мне с тобой делать? Побить, что ли? Ступай в штаб. Вечером разберусь.

Перечить Коронцу — себе дороже. Повернулся было, чтобы уйти, как вдруг слышу из склепа голос оперативного:

— С юга на Кронштадт пятьдесят «юнкерсов».

Рванулся, бегу к своей «чайке», кричу технику:

— Быстро! Воздух!

Накинул «капку», парашют, шлемофон (застегнувшись в воздухе), запустил мотор и — на взлет. Как только убрал шасси, сразу же положил машину в правый разворот. Поглядываю на юг. Пока небо чисто. Закрыв воздушный баллон, затяжелил винт, застегнул карабины парашюта, поясные ремни. А взгляд — в сторону Петергофа. Ищу врага.

Буквально за одну минуту добрый мотор в 1200 лошадиных сил поднял мой истребитель на полтора километра. За мной — Сестрорецк, впереди — Кронштадт в шапках разрывов зенитных снарядов. Сначала было похоже, что стреляют по мне. Потом понял: это артиллеристы острова и кораблей ставили огневую завесу перед «юнкерсами». У них строй — змея. Один за другим с некоторым превышением. Так ходили асы Рихтгофена.

Что делать? Решил: атакую в лоб и ни за что не сверну с курса. Зажег прицел, включил сбрасыватель «эрэсов», снял предохранитель с гашеток пулеметов. Прикинул дистанцию. Два... полтора километра. В при-

целе — тесно от «юнкерсов». Пора! Открыл огонь реактивными снарядами. Интервал — секунда. Первая, а за ней и другие вражеские машины резко свернули в стороны, сбрасывая бомбы в залив. Выпустил последний, восьмой снаряд — жаль, что их мало! Нажал общую гашетку пулеметов. В кабине запахло порохом. Четыре красные струи бронебойных пуль пошли встречать все еще наплывающих на меня «юнкерсов».

Врагов было много. Атаки в лоб не выдержал ни один. Разрозненными группами по три-четыре машины «юнкерсы» уходили в сторону Стрельны. Замечаю, что один вдруг развернулся к Котлину, к месту, где стоял уже раненый линкор «Марат». Кинулся следом. Вражеский стрелок отбизался, строчил из пулемета не переставая. В километре от корабля настиг врага. Дважды сработали мои «шкасы». Не выходя из разворота, «юнкерс» грохнулся в воду. Сам едва успел выправиться в горизонтальный полет и проскользнуть чуть ли не над башнями главного калибра «Марата».

Взмыл ввысь. Тут ко мне пристроился вернувшийся с задания Александр Батулин (я узнал его самолет по бортовому номеру). Он поднял левую руку — «видел, делаешь правильно». Вместе пришли на аэродром, приземлились. В конце пробега меня встретил командир полка и приказал остановиться. Подошел к кабине и сказал:

— У-у, сорванец. Рули осторожно. У твоей рейфуги начальство.

Подружил, выключил натруженный мотор. И верно. Чуть в стороне, что-то объясняя, стоял мой техник, а рядом, в черных кожаных регланах, — командующий Краснознаменным Балтийским флотом адмирал В. Ф. Трибуц и командующий ВВС генерал М. И. Самохин. Должно быть, после только что проведенного боя, непомерного напряжения — ослаб я. Никак не вылезу из кабины. Подхватили меня, посадили на ящик из-под бомб.

— Докладывай, сколько сбил? — спросил генерал.

— В конце боя до воды сопроводил одного. А в лобовой — не знаю. Оглядываться было некогда. Вы же видели!

— Видел. Молодец! Поправляйся. Боев еще много.

Другая половина дня прошла спокойно. Взлетали, садись «чайки». Меня же командир полка от себя не отпускал. Раз-другой подходил комиссар эскадрильи

старший политрук Пинягин. Коронец не дал нам поговорить.

— Потом, потом. Успеете.

А техник мой ходил козырем. Он гордился, что его самолет так здорово показал себя в критическую минуту в кронштадтском небе.

Стемнело. Собрались мы в летном домике. Сели, как всегда, на свои места в столовой. Коронец уронил уставшую голову на руки, задумался. А мы, летчики, вполголоса беседовали, шутили. Но вот на подносе зазвенели стаканы. Это Надя принесла нам фронтовые сто граммов. И мне поднесла. Даже показалось — с какой-то особой теплотой. Крякнул Коронец. Весь день сердитый, почти злой, а тут отодвинул стакан, улыбнулся:

— Все задания выполнены. Отличился Губанов. Так надо воевать. Ставлю в пример. Дрались сегодня мы неплохо — к Кронштадту шли пятьдесят «юнкерсов», вернулись — тридцать четыре.

После того боя командир полка дня два-три не давал мне летать. Говорил:

— Ты мой ведомый. Когда надо — позову.

...К зиме — уже снежком припорошивало — чуточку убавилось боевое напряжение. Упорядочились дежурства, вылеты на задания. Позвал меня однажды Коронец.

— Слетай-ка на «У-2» в Ленинград. На Петроградской стороне найди госпиталь, где лечат твоего комэска Королева. Передачу доставь.

Прилетел в Ленинград. Взял увесистую сумку на плечо. Вышел в город. На улицах тихо, безлюдно, настороженно. Иду, размышляю. Тороплюсь повидать Николая Королева: ведь мы с ним, крыло к крылу, штурмовали вражеские колонны под Таллином, горели, но не сгорели. И вдруг на крыльце дома — девочка. Годиков десяти. Опрятненькая. В платьице (а мороз!). Худенькая. Смотрит и, должно быть, ничего не видит. Голод. Прошел было мимо. Да вдруг так стало не по себе, что-то поднялось внутри. Да как же это? Вернулся. Снял сумку. Достал полкруга колбасы и хлеб. Подошел, положил девочке на колени.

Девочка запахла ручки, подняла головку, сказала тихо:

— Спасибо, дядя летчик.

Дяде тогда было девятнадцать лет...

Побывал я у Королева. Он рад был моему посещению, подаркам. Уже к вечеру вернулся я в Кронштадт. Доложил Королцу.

Наступил седой, злой декабрь. Вызвал меня командир полка.

— Задание тебе. Нужно разведать, сфотографировать участок фронта до Мги включительно. Твой самолет к тому приспособлен. С тобой пойдет Абрамов.

Иду первым. Главное — сфотографировать линию фронта, расположение войск и боевой техники врага. Это моя обязанность. Вышли в исходную точку. Абрамов — рядом. Включил фотоаппарат. Зенитки бьют немилосердно. Надо бы маневрировать. Нельзя! А тут еще появились два «Мессершмитта-109».

Должно быть, у Абрамова вышло ретивое. Ринулся к «мессерам», да и выпалил по ним все восемь «эрзсов». Промохнулся. А меня и себя выдал — нас, выкрашенных белой краской, враг сверху не видел. Отвлекая врага на себя, он пошел вниз. Остался я на курсе съемки один. Положение критическое. Надо снять еще два-три кадра — полминуты! А «мессеры» тут как тут. Счет на секунды. Увернулся от атаки. Снял еще кадр. Опять увернулся, и еще раз загорелась зеленая лампочка — есть снимок! Один, еще один нужен! Мга, самый важный кадр! Все-таки снял. Теперь можно драться. Положил «чайку» в крутой вираж со снижением, вышел из него, иду в лобовую то с одним, то с другим «сто девятым». Вот один «пустил пар» — должно быть, угодил я ему по мотору. Хочется добить, гонюсь следом. И вдруг — взрыв в кабине. Второй фашист — и был-то далеко! — попал в мой самолет. Горизонта не вижу. Понял — затуманились очки. Сбросил. Лечу, петляя, к Ленинграду. Ран еще не чувствую. Уже над городом пристроился Абрамов. От ранений осколками по лицу у меня лилась кровь. С прямой, чуть не поперек старта, приземлил я свой самолет, зарулил.

Комиссар полка П. П. Тимофеев обнял, сказал тихо: — Фотоаппарат цел. Задание выполнено.

Опять госпиталь. Чистенько, светло, тихо. Подошла сестра:

— К вам посетители.

В палату вошли Коронец и Тимофеев. Белые халаты внакидку. Присели. Один на табуретку, другой — в ногах, на койку.

— Не рвись. Врачи знают, что делают. Из госпиталя — ни шагу. Жди, когда я за тобой приеду. На-ка вот, возьми, — говорит командир полка.

Коронец достал большой кулек. Бутылка кагора, сало, хлеб, шоколад. И где он это добыл в голодном Кронштадте! Беседуем.

— А ведь дознался я, кто в конце августа прихватил из Таллина инженера.

— Кто же?

— Знаешь?

— Конечно знаю.

— Ну?

— Не мой секрет.

— Твой. Ты привез.

— Ну я.

— Почему тогда не признался?

— А вы меня не спрашивали.

— Ну и фрукт. По-отцовски бы тебя надо... Теперь, за давностью времени, вынужден простить. Ладно. Поправляйся. На днях награды вручать будут. Ты тоже представлен.

В кронштадтском Доме флота декабрьским вечером состоялось вручение боевых наград балтийским морякам. Были тут подводники, катерники, гангутцы. Трех летчикам нашего полка, в их числе и мне, командующий флотом вручил сразу по два ордена Красного Знамени.

Высшие курсы (и в войну мы учились) группа балтийских летчиков окончила в мае 1942 г. Так получилось, что мы не были назначены в родные полки, вошли в состав авиации Черноморского флота. Бились за ныне города-герои Керчь и Новороссийск. Бились с открытым забралом, крепко, зло. Правда, недосчитались в своих рядах добрых воинов. Смертью героев пали Григорий Пушкин, Дмитрий Плахута...

Балтийская закалка — крепчайшая. Чести балтийцев-кронштадтцев — о ней всегда помнили — мы не уронили.

НИКОЛАЙ ЧУКОВСКИЙ,

писатель.

*Член Оперативной группы писателей
при ПУ КБФ в 1941—1944 гг.*

Кто не знает об отважных летчиках-истребителях Краснознаменной Балтики? Со многими из них писатель-балтиец Николай Чуковский встречался сразу же после приземления на аэродроме — только что закончился воздушный бой... Летчики, еще возбужденные недавней схваткой с гитлеровцами, рассказывали о своих победах: короткими, рублеными фразами, показывая движениями рук, как шел бой («вот так шел я, вот так — он...»). Потом — беседы в землянках на аэродроме, во время короткого отдыха летчиков между вылетами. Так родилась книга рассказов летчиков-балтийцев. Вот один из них.

НАШИ БОИ*

*Рассказ Героя Советского Союза
балтийского летчика-истребителя
гвардии капитана Георгия Костылева*

Истребитель — сейчас это любимейшее слово в нашем языке. Есть истребители-танкисты, есть истребители-снайперы. Я счастлив, что я летчик-истребитель, и не променял бы свою специальность ни на какую другую. Чтобы стать хоро-

* Из книги: Чуковский Н. Рассказы летчиков КБФ. М., Восниздат, 1942.

шим летчиком-истребителем, нужно иметь совсем особый характер, который лучше всего определить словом «дерзкий». Воспитывая молодых летчиков, я стараюсь прежде всего привить им дерзость. Каберов, Сухов — вот летчики с подлинным характером истребителя. Таким же был и мой погибший друг Багрянцев.

1. На штурмовку

В первых числах июля 1941 г. мне много приходилось летать на разведку и штурмовку наступающих гитлеровских танковых колонн.

На первую штурмовку полетел я с майором Новиковым и с Сосединым. Впервые увидел я горящие деревни. Погода стояла удушливо жаркая, пылали подожженные бомбами леса, густой дым застилал землю. Мы нырнули в этот дым и пошли над шоссе. Тут впервые увидел я гитлеровские синевато-пепельные танки, их огромные автофургоны. В тот период войны враг не маскировался, не то что теперь. Меня взяло зло, я все забыл и поливал, поливал, поливал из всех пулеметов.

Когда кончились патроны, я почувствовал желание спуститься совсем вниз, выпустить шасси и уничтожить гитлеровцев колесами самолета.

2. Первый сбитый самолет

Во время одной из этих штурмовок я впервые сбил самолет.

С вражескими самолетами я встречался и раньше. Я уже однажды гонялся за ними в районе Кропштадта. Но тогда они были на страшной высоте — 8 тысяч метров — и ушли, прежде чем я успел набрать высоту.

15 июля пошли на штурмовку Новиков, Соседин и я. Когда подходили к гитлеровским танкам, заметили в стороне «Мессершмитт-110». Мы с Сосединым хотели было броситься к нему, но майор Новиков, помахав крыльями, приказал нам идти на штурмовку, чтобы прежде всего выполнить задание.

«Мессершмитт» скрылся. Мы отштурмовали и хотели уже было повернуть домой, как вдруг снова заметили его. «Мессершмитт-110» прятался от нас в дыму пожара.

Патроны у нас еще оставались. Мы тоже нырнули в дым и выскочили прямо к «мессершмитту». Нас стали обстреливать вражеские зенитки. Новиков принялся атаковать зенитки, а мы с Сосединым набросились на «Мессершмитт-110».

Соседин подошел к нему сзади сбоку и убил стрелка-радиста. Я подобрался прямо к хвосту «мессершмитта» и открыл стрельбу. Увидел, как мои трассирующие пули летят точно во вражеский самолет. Это была моя первая стрельба не по учебному конусу, а по самолету.

Соседин отошел в сторону и теперь помогал Новикову подавлять вражеские зенитные точки. Я один взялся за «мессершмитта» и стрелял не переставая. Мы неслись на высоте 400 метров. Я ожидал, что экипаж противника выбросится на парашютах. «Расстреляю их, пока они будут опускаться», — думал я. Они сбросили козырек, чтобы легче было выпрыгнуть. Но тут вдруг «мессершмитт» закачался, и я понял, что судьба его решена. Снизившись до 50 метров, он стал разворачиваться к своим танковым колоннам. «Нужно показать гитлеровцам, как он будет падать», — думал я.

Дал последнюю очередь из крупнокалиберного пулемета. Видимо, убил летчика. «Мессершмитт» повис носом, взорвался и рухнул.

Я сделал круг над местом его гибели, подстроился к своим и пошел домой.

3. Как я защищал аэродром

Меня с моим звеном в июле направили защищать один аэродром, где стояли наши бомбардировщики.

Гитлеровцы находились уже совсем близко. Налетали на аэродром много раз в день. В мое звено входили два молодых летчика — Сухов и Соседин. Кроме нас троих, ни одного истребителя здесь не было.

Нас направили на неделю, потом обещали сменить. Перед Суховым и Сосединым я поставил две задачи: первая — за эту неделю враг не должен тронуть аэродром; вторая — за эту неделю мы должны сбить не меньше двух вражеских самолетов на каждого. Они дали мне слово выполнить обе эти задачи.

Однажды мы втроем атаковали над аэродромом четыре «Мессершмитта-109». Несмотря на численное превосходство, они вызвали себе на помощь шесть «Хейнкелей-113». «Хейнкели» явились. Теперь против трех наших самолетов дрались девять вражеских. И все же мы победили. Не понеся никаких потерь, мы сбили один «мессершмитт» и один «хейнкель», остальные удрали.

Фашисты знали, что нас только трое, и стали за нами охотиться.

Эта охота научила меня, что никогда не надо успокаиваться после победы. Помню такой случай: атаковали мы втроем два «Мессершмитта-109». Один зажгли, другой подбили, и он еле ушел. Только хотели мы повернуть домой, как вдруг видим — снова летят на нас «мессершмитты». На этот раз целых четыре. Мы встретили их и опять победили: один «мессершмитт» был сбит, остальные ушли. Этот успех чрезвычайно поднял наш дух, мы возвращались в восторге, ликовали. Патронов у нас уже не было, оставалось только победоносно сесть на свой аэродром.

Случайно взглянул я на Сухова и вижу: он вертится, делает переворот за переворотом и вдруг понесся от меня прочь. Значит, сзади кто-то есть. Я оглянулся, а в меня уже летит сзади полоса трассирующих пуль. Три «мессершмитта» наседают на нас, а у нас — ни одного патрона. Что делать? Если уходить, они нас уничтожат. Мы соединились, повернулись и пошли прямо на противника — не имея патронов, имитировали атаку. И что же? У гитлеровцев нервы не выдержали, они повернули и ушли.

Я сделал вывод: когда нечем стрелять, ни в коем случае не следует выходить из боя, а, наоборот, нужно действовать еще увереннее. Этот урок принес пользу всем летчикам нашего гвардейского полка: расстреляв патроны, они из боя никогда не уходили.

Слово свос Сухов и Соседни сдержали — мы сбили семь самолетов, т. е. больше, чем по два на каждого.

4. О Багрянцеве

Попав на Балтику молодым летчиком, я оказался в звене у Багрянцева. С ним воевал в 1939—1940 гг. Встречался с ним и в начале Отечественной.

Мне нравился он, потому что у него был большой талант летчика-истребителя. Он был человеком высокой дисциплины, приказ командира для него — закон. Никогда не спросит, сколько самолетов противника, а спросит: где?

Был он из беспризорников, образования не получил, писал плохо, но авторитетом пользовался громадным, так как был человеком большой души, прекрасным бойцом и летчиком.

Когда в июле гитлеровцы подошли к Старой Руссе, туда, для усиления нашей авиации, перебросили несколько летчиков-балтийцев, в том числе Багрянцева с его звеном. В звено его в ту пору входили Халдеев и Михаил Федоров. Они наводили ужас на гитлеровцев. Багрянцев протаранил своим самолетом два «юнкерса» и был за это награжден орденом Ленина.

Он сменил мое звено на аэродроме. Тремя самолетами, как и мы, защищал наш аэродром от непрерывных нападений гитлеровских бомбардировщиков. В это время в его звено входили Каберов и Алиев. В первые три дня боев они сбили шесть самолетов.

В одном из боев — 11 сентября — Багрянцев погиб. Это был грандиозный бой. Бомбардировщики шли на Ленинград волнами — в каждой волне по 45 самолетов. Только отгоним — еще 45, и так без конца. Бой шел на всем пространстве от Лигова до Низина. Весь наш полк в полном составе принимал участие в этом бою. Разобраться в нем было очень трудно — в воздухе была каша из самолетов. Атакуешь один самолет и сразу приходится атаковать второй, третий, четвертый, так и не видя, что случилось с теми, кого атаковал раньше. С земли разобраться в этом бою было не легче.

Я сбил «Юнкерс-88». Когда я сел на аэродром, ко мне подбежал командир полка Герой Советского Союза подполковник Кондратьев.

— Это ты! — воскликнул он удивленно.

— Я.

— А я думал, что тебя сбили.

Помолчав, он прибавил:

— Ну, значит, сбили Багрянцева. Я его самолет принял за твой.

Он оказался прав: Багрянцев в этом бою погиб.

А в Ленинград гитлеровские самолеты мы в тот день не пустили.

5. Сыплются потроха

В начале войны я получил самолет типа «ЛАГГ». В списках полка он значился просто под номером 64, но я дал ему другое имя. Я назвал свою машину «Коломбиной». За красоту. А после того, как я сбил на ней десятый вражеский самолет, я переименовал ее в «Сказку». На «Коломбине-Сказке» я дрался весь первый год войны.

21 сентября летали мы над заливом невдалеке от Кронштадта. Нас было пятеро: Усаченко, Ткачев, Руденко, Львов и я. Внезапно над Кронштадтом мы заметили разрывы зениток и пошли прямо к ним. Гляжу — «юнкерс», а в стороне от него еще два. Мы с Руденко решили атаковать тот, который шел один, а остальные направились к тем двум.

Я открыл огонь по «юнкерсу» метров с четырехсот и сразу разбил ему левый мотор. Он стал, снижаясь, удирать в сторону Финляндии. До Финляндии было недалеко, и я торопился. Мне хотелось сбить его на нашей стороне. Я подходил к нему все ближе и стрелял. Руденко тоже стрелял. Верхнего стрелка мы убили. Но летчик на «юнкерсе» был опытный и повернул свой самолет так, что мы попали под огонь нижнего стрелка. Одна пуля угодила в фюзеляж моего самолета. Я решил уничтожить и нижнего стрелка. Дал очередь из пушки и всех пулеметов одновременно. И перебил крепления, на которых держалась люлька, где лежал нижний стрелок. Люлька оторвалась от «юнкерса» и вместе со стрелком упала в море.

Очевидно, я разворотил «юнкерсу» пузо, так как из него посыпались все потроха: парашюты, ящики, резиновая шляпка. Однако он упорно шел к финскому берегу. Я продолжал стрелять. Не дойдя до берега метров двести, он внезапно сорвался и нырнул в воду.

6. В облаках

16 октября вылетели мы шестеркой на охрану Кронштадта. Одним звеном командовал майор Никитин, другим — я. В мое звено входили летчики Ефимов, ныне Герой Советского Союза, и Львов.

Погода была своеобразная — несколько слоев облачности, один слой над другим. Приходилось все время просматривать промежутки между слоями.

И вот Никитин со своим звеном пробил первый слой облаков, и мы его потеряли из виду. Я решил их поискать и тоже пробил первый слой облаков. И только мы вышли из облаков, как видим — метрах в четырехстах от нас нам навстречу идет «Юнкерс-88». Словно в сказке: на ловца и зверь бежит. У нас троих руки всегда на гашетках пулеметов — такой уже инстинкт выработался. Я качнул крыльями, и все мы дали по очереди. 400 метров мы проскочили в несколько секунд и сразу же оказались позади «юнкерса». Мы развернулись и зашли ему в хвост. Он сделал попытку уйти под облака. Но мы сразу же оказались ниже его и стали гнать его вверх, ко второму слою облачности. Тогда он попытался уйти во второй слой облаков, но мы его и туда не пустили. Ему оставалось идти только прямо. К этому времени мы уже подбили ему один мотор, и он еле ковылял. Он знал, что находится над заливом, и упорно шел к берегу. До берега ему дойти удалось, но до территории, занятой гитлеровцами, он не дошел. На высоте 500 метров сорвался в пике и врезался в землю.

Когда мы вернулись домой и доложили о своей победе, нам сказали, что этот «юнкерс» за несколько минут до встречи с нами был над нашим аэродромом и производил разведку. Все были очень довольны, что разведка его кончилась так неудачно.

7. Неожиданное подтверждение

21 января 1942 г. мы с Львовым отправились на сопровождение и охрану наших штурмовых самолетов, которыми командовал капитан Челноков, ныне Герой Советского Союза. Наслаждением было наблюдать за работой наших славных штурмовиков. Мы любовались ими от всей души. Они неслись над самой землей, а мы несколько повыше.

Вдруг Львов заметил два «Мессершмитта-109». Львов сцепился с одним и завертелся с ним в карусели, а второй «мессершмитт» сделал попытку зайти мне в хвост. Но я развернулся и встретил его в лоб таким

мощным огнем, что он ушел в облака и более не возвращался.

Летчик «мессершмитта», который сражался с Львовым, увидев, что товарищ бросил его, пошел резко к земле, словно начал падать. Но я был недоверчив — гитлеровцы уже однажды меня так обманули. Как-то я атаковал «Мессершмитт-109». Он перевернулся, вошел в пики, притворяясь подбитым, дошел почти до самой земли и на высоте 100 метров удрал. Но этому обмануть меня не удалось. Я пикировал вслед за ним, а Львов вернулся к штурмовикам. Над землей враг выровнялся и стал удирать на свою территорию. Я мчался вслед за ним, давая очередь за очередью. После четвертой очереди «мессер» стал разваливаться на куски. Наконец он загорелся и упал в лес.

Одно огорчало меня: лес этот находился за линией фронта и победы моей никто не видел. Никто не мог подтвердить, что я действительно сбил второй «мессершмитт».

По моей просьбе запросили наши наземные части, находившиеся на этом участке фронта. Они ответили: «Да, видели, как советский истребитель гнался за „мессершмиттом“, но они ушли на вражескую территорию и скрылись за лесом». Так мне этот самолет и не засчитали.

И вдруг через несколько дней совсем неожиданно пришло полное подтверждение. В штаб одной из наземных частей явился летчик Чирков. Он протаранил «хейнкель» над территорией противника и выпрыгнул из своего самолета на парашюте. Пробираясь через фронт к своим, он проходил по тому самому лесу, где упал сбитый мною «мессершмитт», и присутствовал при его падении.

8. Меня сбили

К началу февраля за мной уже числилось 18 сбитых самолетов. Но 5 февраля я замечтался, увлекся разведкой и меня самого сбили. Я и не видел, как и откуда ко мне подошли. Я даже не обиделся, — рассеянных учат.

В этот день я единственный раз вылетел не на своей «Сказке», а на самолете товарища. И вот самолет этот

запылал. Захватив все данные разведки, я выпрыгнул на парашюте — высота была 3000 метров.

Я находился за линией фронта, над территорией, захваченной врагом. Но фронт был совсем недалеко, и ветер дул от противника к нам. Весь мой расчет строился на том, что ветер перенесет меня через линию фронта. Чтобы спускаться подольше и помедленнее, я постарался раскрыть свой парашют как можно раньше.

Я был ранен в левую руку и потому управлять парашютом не мог. Но я не особенно беспокоился — ветер сделает свое дело и отнесет меня к своим.

И вдруг, к своему изумлению, вижу: ветер несет меня к гитлеровцам. Дело скверное. А мне, признаться, жить хочется. Но плен хуже всего. И я стал доставать пистолет, чтобы застрелиться в воздухе.

И вдруг ветер переменялся. Меня понесло к своим. На душе у меня радость. И я спрятал пистолет.

Но недолго я радовался.

Ветер опять переменялся и понес меня к врагу.

Так менялся он три раза, и три раза я вынимал и прятал пистолет. И только когда я достиг 1500 метров, он окончательно установился. Меня понесло к своим и вынесло на передовые позиции.

Когда меня несло над окопами гитлеровцев, они стреляли в меня с земли, но не попали. Я упал в снег как раз позади наших окопов. Ко мне подбежал на лыжах боец и довольно недоверчиво оглядел меня. Но когда я заговорил по-русски, он отвел меня к своему командиру, и там я был встречен хорошо.

Я вернулся в свой полк. В госпиталь я не ложился, рука зажила па ходу. Мне не терпелось отомстить врагу — за погубленный самолет, за раненую руку.

Возможность скоро представилась.

9. Гитлеровские резервы

В десятых числах марта нам было поручено прикрывать наши наступающие войска. Каждый вылет в этот район непременно сопровождался воздушным боем. В воздухе шла непрерывная свалка — с утра до вечера.

В эти бои гитлеровцы вынуждены были бросить свои резервы.

Резервы эти были очень плохо обучены. В первом же бою я по почерку понял, что фашистские летчики — зеленень. Раньше это был хитрый, смекалистый воздушный боец, а сейчас враг стал не тот.

Мы их обычно прижимали к земле. Летя над самыми вершинами леса, неопытный гитлеровский летчик боялся делать резкие эволюции и повороты и благодаря этому никак не мог от нас уйти.

Много мы их там сбивали. За пять дней Ефимов, Сухов, Каберов и я сбили 11 самолетов. Не раз четверкой дрались мы там со многими «мессершмиттами» и не только не несли никаких потерь, но, бывало, пару из них сбивали.

10. Я получаю „харрикейн“

Меня вызвал к себе Герой Советского Союза гвардии полковник Кондратьев и сказал:

— Завтра отправляйтесь в город Н. изучать английский истребитель «харрикейн».

Я летал на всех типах наших отечественных истребителей, а с иностранными был незнаком. «Харрикейны» я видел лишь на фотографиях и знал о них только то, что слово «харрикейн» значит «ураган». Хорошее название для истребителя.

Я без особого труда овладел техникой пилотирования на «харрикейне». Труднее всего оказалось привыкнуть к английским мерам, которые были обозначены на всех приборах моей новой машины, — ко всем этим футам, галлонам и милям. Но и к ним я скоро привык. После нескольких испытаний над аэродромом я убедился, что «харрикейн» обладает рядом достоинств, которые с успехом могут быть использованы в бою.

11. Первый бой на „харрикейне“

И вот я снова на фронте.

Мы отправились сопровождать штурмовики, которые должны были нанести удар по базам вражеского флота.

Нас было шестеро. Над островами встретили мы группу истребителей «Фоккер-Д-21» и вступили с ними

в бой. «Фоккер-Д-21» — не слишком скорый, но очень маневренный, увертливый самолет.

Интересно было испытать «харрикейн» в бою с самолетами, обладающими такими свойствами. Мы разделились на два отряда — одно звено вело бой на виражах, другое на вертикалях. Бой был непродолжителен. Через несколько минут два «фоккера» рухнули в воду, остальные удрали.

После этого боя моя вера в «харрикейны» укрепилась.

12. За Петю Челелкина

В одном из воздушных боев погиб отважный летчик моей эскадрильи гвардии капитан Петя Челелкин. Сбил его вражеский летчик на итальянском самолете «капрони».

Все мы были потрясены его смертью и решили: за Петьку — дадим звону.

Мы вылетели группой. Ведущим был я. Глядим, на встречу нам идет шестерка «капрони». Как нарочно!

Погода была скверная — дождь, низкие облака. «Капрони» разделились — два пошли нам в лоб, а четыре поднялись, чтобы сверху зайти нам в хвосты.

Передним у нас шел капитан Хаметов. Не меняя курса, он с первой очереди сбил первый из идущих нам навстречу «капрони», и тот упал в воду.

Второй «капрони», ведомый упавшего, стал заходить на Хаметова, но на него сразу набросились два наших летчика — Каберов и Евграфов. Все это происходило низко, в 20 метрах от воды. Уходя от Каберова и Евграфова, «капрони» вошел в вираж. Я находился выше и наблюдал за ним. «Этот летчик, видимо, хорошо владеет машиной, — подумал я, — если на такой ничтожной высоте рискнул войти в вираж». И вдруг вижу: «капрони» зацепил крылом за воду, перевернулся, переломился и упал. Через мгновение на поверхности воды плавали только обломки.

Каберов в восторге кричит мне по радио:

— Гляди! Напился, напился!

— Игорь, — отвечаю я, — это уже второй напился. Через минуту я сбил третий. Он пикировал сверху на

один из наших самолетов, я налетел на него сбоку и со второй очереди зажег. Он вспыхнул и упал.

Еще минута — и рухнул четвертый «капрони». Его сбил летчик комиссар Косоруков. Остальные ушли. «Игра» закончилась со счетом 4:0 в нашу пользу.

Так отомстили мы «капрони» за Петю Чепелкина.

13. Штурмовка вражеского аэродрома

Наша разведка обнаружила на одном из аэродромов в глубоком тылу противника значительное скопление самолетов. Зная, что самолеты эти предназначены для бомбежки Ленинграда, командование приняло решение нанести по аэродрому штурмовой удар. Наносить удар по аэродрому отправились несколько штурмовиков, а мы небольшой группой, которую вел гвардии майор Мясников, вылетели их сопровождать для защиты от неприятельских истребителей.

Полет этот был мне особенно любопытен, потому что год назад я сам сажился на этот аэродром и хорошо его знал.

Мы перелетели линию фронта и увидели землю, захваченную фашистами. Когда в прошлом году я пролетал над этими самыми местами, здесь всюду чувствовался расцвет жизни — без конца тянулись засеянные рожью поля, цвели сады и огороды, паслись стада, бегали дети, уютный дымок тянулся из труб над крышами. Сейчас здесь запустение и смерть. Поля поросли бурьяном, черные пожарища вместо деревень.

Мы появились над аэродромом внезапно. Гитлеровцы не ожидали, что мы осмелимся совершить налет на такой далекий тыловой аэродром, и зенитная артиллерия открыла огонь только после того, как наши штурмовики сделали первый заход. Благодаря внезапности удара вражеские истребители не успели взлететь. После нескольких атак наших штурмовиков внизу под нами было море огня и множество исковерканных самолетов.

На следующее утро Советское Информбюро сообщило: «Летчики Краснознаменного Балтийского флота на одном аэродроме противника уничтожили 58 самолетов». А наши техники с величайшим любопытством рассматривали две фотографии — аэродром до штурмовки и аэродром после штурмовки.

14. „Морские охотники“

На один из участков Ленинградского фронта гитлеровцы пытались подтянуть резервы морем. Срыв этих операций был поручен группе штурмовиков под командованием знаменитого летчика-штурмовика Карасева. И перед нами снова поставили задачу: охранять наши штурмовики от вражеских истребителей.

Вечером, перед закатом, один из летчиков-разведчиков доложил, что в квадрате Н. курсом 180 градусов движутся три транспорта противника в охранении сторожевых кораблей. Мы вылетели на уничтожение этих транспортов — четыре штурмовика и десять истребителей.

Увидев нас, фашистские корабли заметались из стороны в сторону. Это был не маневр, это была паника.

Один из транспортов — самый крупный — был нагружен боеприпасами. Когда в него попала бомба, сброшенная Карасевым, произошел такой большой взрыв, какого я никогда прежде не видел. Столб воды и пламени поднялся метров на сто. В вечерних сумерках он был виден с замечательной отчетливостью. Когда столб этот рухнул, большого транспорта в 3 тысячи тонн на воде уже не было. Только несколько обломков плавало на поверхности моря.

Я по радио поздравил Карасева с чистой работой.

15. Я верю

Мать моя живет на Балтике, в городе Ораниенбауме. Фронт проходит совсем близко, гитлеровцы обстреливают город, но уезжать она не хочет. Она хочет видеть, как сражается ее сын. И я, вспоминая пристальный, требовательный взгляд матери, стараюсь сражаться как можно лучше.

Я получаю много писем. Мне часто пишут незнакомые люди. Строго, пристально и требовательно следят они за тем, как мы сражаемся, как я сражаюсь.

И, чувствуя на себе их внимательный взор, я стараюсь сражаться как можно лучше.

Много было боев, много боев еще будет. В этих боях мы научились прямо смотреть в лицо смерти. Мы научились побеждать. И мы победим.

МИХАИЛ ЛЬВОВ,

подполковник.

Корреспондент в авиационных частях ВВС КБФ в 1941—1945 гг.

КОРОНЕЦ И ЕГО УЧЕНИКИ

Впервые в Кронштадте мне довелось побывать весной тридцать девяти-того. Бывал я на Котлине и после войны. Но в памяти и в сердце он оставался опаленным войной, с частыми бомбардировками, с метким огнем его зенитных батарей. С летчиками Кронштадта я встречался на Ханко и в Ленинграде, на Дороге жизни и по всей Прибалтике, а на завершающем этапе Отечественной войны — на территории самой Германии. Их подвиг достоин отдельной книги. Я же предлагаю читателям короткие зарисовки — как бы эскизы к большому полотну о подвиге, совершенном летчиками Кронштадта.

Суровый Коронец

Прошло всего три дня после возвращения с Ханко, когда меня вызвал командир соединения Иван Георгиевич Романенко. Подозвал к окну своего кабинета и показал на «У-2», стоявший внизу, чуть ли не под окнами:

— Летите сейчас же в Кронштадт. Надо рассказать о командиру полка Коронце и его летчиках. Вопросы есть?

Вопросы-то крутились в голове, но не для начальства: надо успеть собрать чемоданчик, вычитать сданные в номер материалы и, пожалуй, главное — пообедать. Но ответил я — правда, неуверенно — «все ясно». Романенко — один из немногих тогда Героев Советского Союза — высокий, стройный полковник с глазами как безоблачное весеннее небо, улыбнулся и чуть насмешливо повторил:

— Все-все ясно? Ну, хорошо.

Он прошел в угол кабинета, где на вбитых в стену гвоздях висели два планшета, снял один, пустой, и протянул мне:

— Это лучше, чем ваш чемодан, и удобнее. Шлем у вас ведь есть?

Романенко знал, что шлем мне совсем недавно подарил Герой Советского Союза Петр Брипко, чем я безмерно гордился.

— Да, шлем есть, — ответил я, думая о том, что неплохо бы вспомнить комбригу о том, что через час — обед.

Что-то сунув в планшет, Романенко попросил передать привет Коронцу и посмотрел на часы, что я истолковал так: одна нога здесь, другая — в Кронштадте. Живо!

И вот «У-2» в воздухе. От нечего делать я стал перебирать нехитрые свои пожитки в романенковском планшете — теперь уже моем, — развернул сверток... там было два бутерброда с маслом. Вот ведь как! Комбриг подумал и об этом! Я, конечно, сразу принялся за еду, но тут летчик, обернувшись, закричал:

— Смотри, какая красотища!

Мы пролетали над фортами. Берег быстро приближался. Справа стоял знаменитый линейный корабль «Октябрьская революция», который балтийцы любовно называли «Октябриной». Потом под плоскостями проплыл Морской собор, потом какое-то поле.

— Через пару минут прилетим, — сообщил летчик.

«Ну и хорошо», — подумалось мне, и стало как-то спокойнее на душе. Мы пошли на снижение, и я увидел, что самолетная линейка находится справа по курсу. Здесь и располагался аэродром, но на поле было не видно ни одного самолета. Никто нас не встречал. Через несколько минут я шел в сопровождении летчика Александра Батурина на КП полка, петляя среди могил

и склепов, не без робости думая о встрече с Коронцом. Дело в том, что был я тогда молодым журналистом, младшим сержантом, летом 1941 г. по приказу Пубалта оказавшимся в должности «писателя-корреспондента политотдела 61-й авиабригады». Это был аванс, который я отработываю и сейчас, спустя более 30 лет. А Коронец — один из опытейших командиров-летчиков — не без оснований считался человеком суровым, резким. Быль о нем переплеталась с выдумками, но и они, выдумки, всегда подчеркивали одно: не дай бог попасть «Бате» под горячую руку. В этом мнении меня укрепил и Батуриц, который в ответ на вопрос: «Как ваш командир?» — лукаво усмехнулся и рассказал следующую историю.

Говорят, как-то Коронец сидел за картой, и к нему привязалась муха. То на лоб сядет, то на руку, то на нос. «Батя» гонял, гонял ее, а потом как пальнет в нее сердито глазами, и муха отдала концы...

Честно говоря, я чувствовал себя такой мухой.

Я раскрыл дверь КП и увидел за большим дощатым столом командира. На его кителе был орден Красного Знамени. Но не блеск ордена, а высокий лоб, изрезанный тремя бороздами морщин, и особенно глаза, сверлившие меня, привлекали внимание. Волнуясь, доложил о цели прибытия.

— Понятно, — сказал громовым басом Коронец и поднялся во весь свой богатырский рост. — Занимайте мой стол. Вам ведь беседовать надо, записывать. Или на память полагаетесь? Я вот что скажу: не люблю, когда враки пишут.

Я сказал, что это и мое кредо.

Коронец вдруг расплылся в улыбке:

— Кредо? Вот как! Слышишь, Михаил Георгиевич? — Это он говорил начальнику штаба майору Шаповалову. — Кредо!

Как я ругал себя за невпазд выскочившее «красивое» слово!

Смеясь, Коронец пошел к выходу, держа в руках исцарапанный шлем, служивший ему уже вторую войну.

— Командировка ваша пусть начнется как положено по флотским традициям, с обеда, — с порога сказал Коронец.

— Есть, понятно, — за меня ответил Шаповалов.

— А командир куда пошел? — спросил я.

— У него прогулка в Крым, — ответил Шаповалов.

Потом я узнал, что «прогулка в Крым» означает бомбоштурмовой удар с бреющего полета на южном берегу Финского залива.

Загудели моторы. В воздух ушли звенья «бисов» — стареньких «И-15» — и звенья «чаек» — тоже отживающих век истребителей «И-153». Да, полк Коронца имел в то время на вооружении далеко не новые стремительные машины, и только отвага кронштадтских летчиков делала «бисы» и «чайки» грозной для врага силой... Полк ушел в опасный рейд. Впереди — Коронец. Через час с небольшим истребители стали возвращаться. Подполковник сел на буквально изрешеченной машине. Затем смотрел, как приземлялись летчики. Вот совершает четвертый, последний разворот Батурин. Он не видит, что сзади приближаются два «мессершмитта».

— Батурин, обратно! — прокричал в микрофон командир.

Лейтенант развернулся, отогнал противника и вновь пошел на посадку. Но «мессершмитты», понимая, что горючее у кронштадтского летчика на исходе, повторили атаку. И снова сигнал Коронца:

— Батурин, обратно!

Батурин ударил по ближайшему гитлеровцу из всех пулеметов. «Мессер» задымил, планируя на юг. Повернул и второй. Коронец, сбросив шлем, скоандовал:

— Батурин, можешь идти на посадку.

Когда «чайка» делала последний разворот, летчик услышал командирский бас:

— Молодец, Батурин!

— Благодарю, товарищ командир, — радостно откликнулся лейтенант.

Коронец посмотрел на комиссара полка Сербина и на меня и, как мне казалось, недовольно пробурчал:

— Не подслушивай, Батурин, это я комиссару говорю, а не тебе.

Коронец больше всего ценил в летчиках верность долгу, смелость, дерзость, не выносил бахвальства, как и трусости. Однажды группа истребителей получила задание нанести штурмовой удар по гитлеровцам на отдаленных островах. Прошло всего 15 минут, когда Коронец и Сербин, находившиеся на старте, увидели возвра-

щавшийся самолет. Коронец побежал навстречу, думая, что «чайка» повреждена.

— Подбили? — спросил командир, когда летчик подрулил к рейфуге.

— Нет, мотор барахлит.

Коронец сел в кабину, опробовал мотор на всех режимах. Не говоря ни слова, поднялся над Котлином. Что он творил в воздухе! Вот когда все мы увидели настоящего аса. «Чайка» штопорила, делала бочки, устремлялась вверх, стремительно пикировала, теряя всю высоту, и снова взмывала вверх.

Приземлившись, Коронец, задыхаясь от гнева, выговаривал летчику:

— Если боишься летать, скажи прямо, а на «чайку» клеветать не позволю!

Знакомый гул возвестил о возвращении самолетов с боевого задания.

— Все, — сказал Сербин.

— Все, — подтвердил Коронец.

Началась подготовка к новому рейду. Коронец, посмотрев на незаслуженно опороченный истребитель, сказал комиссару:

— «Смельчак» пусть посидит на земле, подумает; ты, Иван Иванович, лети на моем самолете, а я — на этом.

Коронец летел на «барахлящем моторе», несколько не тревожась: он верил техникам, готовившим машину, как самому себе. Обернулся к Сербину, летевшему в правом пеленге:

— Жми быстрее!

Когда подполковник и летчики вернулись, провинившийся не знал куда деваться. Коронец, показывая на плоскости, пробитые во многих местах, говорил:

— Стреляют фашисты здорово... Но и я дал им прикурить. Бомбу сбросил как раз на батарею.

— А мотор как? — спросил техник.

— Мотор? Золото, а не мотор. Если бы не он, помняй как вашего командира звали.

И глаза командира смеялись.

Весь полк любил Коронца, несмотря на его строгость. За глаза летчики называли его ласково «Батя», «наш Батя» и с одинаковым удовольствием рассказывали, как он хвалил за смелость или разделял за минутную слабость. Да и летчик, о котором я сейчас

вспомнил, через некоторое время рассказывал молодым, как однажды ему показалось, что мотор дает перебои и что из этого вышло...

В полку росли настоящие асы. Вся Балтика знала имена учеников Коронца — Владимира Соловьева, Александра Батурина, Ивана Цапова, Владимира Абрамова. Все они стали Героями Советского Союза, а 71-й полк, которым командовал «Батя», стал 10-м гвардейским.

Многие кронштадтские летчики сложили голову в боях за Родину. Один из них — комсомолец Александр Шитов, мой товарищ с тридцать девятого года. Я был секретарем комсомольской организации авиачасти, а Саша — членом бюро. Он хорошо летал, был смел... и скромен до застенчивости. К нему тянулись друзья не только на старте, но и в часы затишья между боями. Он прекрасно играл на гитаре, пел. В один из дней, ожидая приказа о вылете, летчики сидели в душно натопленной землянке, и Шитов задумчиво перебирал струны. И вот вылет. Саша положил гитару на топчан и бросился к самолету.

...Штурмовали вражеский аэродром. Кронштадтским летчикам поставлена задача: предупредить бомбовый налет на Ленинград. Ведущий — комиссар Сербин — вывел истребителей прямо к стоянкам бомбардировщиков, к бензоцистернам. Самолет Шитова был подбит над центром вражеского аэродрома. И тут Саша показал себя настоящим героем: он пошел на таран. Горящий самолет Шитова врезался в «юнкерсы», стоявшие с подвешенными бомбами. Взрыв потряс аэродром...

Так погиб любимец полка, гитарист, парень с доброй улыбкой.

Долго никто не прикасался к Сашиной гитаре...

Братья

О кронштадтах иногда говорят: они превратили остров в неприступную крепость. Это правильно, но неполно. Кронштадт воевал не сам по себе, он стал ключевой позицией в битве за Ленинград. И воевали кронштадтцы не только у своего острова, небольшого по размеру, но и повсюду, где требовалась их ударная мощь —

торпедные залпы подлодок и катеров, главный калибр линкоров, штыки морских пехотинцев. Все это в полной мере относится к летчикам Кронштадта — участвовали они и в прорыве блокады, и в полном разгроме гитлеровцев под Ленинградом. Летчики многих национальностей сражались крыло в крыло, как настоящие братья.

О двух из них я расскажу: о русском асе Александре Батуристине и молодом летчике грузине Михаиле Мачабели. Было это в сорок четвертом, когда наша армия и наш флот наносили один за другим сокрушительные удары по врагу.

...Землю Батуристу видел плохо. Думал, мешает колпак, обтекающий кабину. Попробовал открыть — напрасные усилия, все разбито. Откинулся назад, дотронулся головой до бронеспинки и ощутил на шее кровь, теплую и липкую. Напряженно смотрел на землю сквозь забрызганное маслом лобовое стекло. Истребитель не слушался — управление перебито пушками «фокке-вульфов». И земля набегаёт как никогда быстро: тормозные щитки вышли из строя.

На земле волнуются. Герой Советского Союза Владимир Абрамов на старте первничает, как молодой пилот. Будто впервые видит избитую в бою машину. Резко машет флажком:

— Садись, садись, Александр!

Истребитель приземлился. Техники сорвали колпак и отпрянули, пораженные страшным видом кабины. Батуристу снял шлем. Струйка крови потекла по щеке.

— Бомбардировщики, которых мы сопровождали, пришли?

— Пришли, — ответил Абрамов.

— Все?

— Все, — кивнул Абрамов.

Лицо Батуристу оживилось, он попробовал даже улыбнуться, но не смог.

— А Мачабели не придет...

Чуть прихрамывая, Батуристу пошел по аэродрому к командному пункту. Этот путь вот уже полтора емких военных года совершал он после боя неизменно с Михаилом Мачабели. А теперь один. Может, слезы мешали видеть, но только он плохо разбирал дорогу, и унты его зачерпнули воду и стали непомерно тяжелыми.

Землю уже пригревало весеннее солнце, снег потемнел. Но солнце не радовало летчика. И аэродром казался пустынным. Одинокие трубы, стоявшие на месте прежней живой и красивой деревеньки, заставили Батурина вновь со всеми подробностями вспомнить прошедший бой в районе острова Нерва.

...Мачабели, как всегда, был весел в тот день. Когда шли к самолетам, он рассказывал Батурина о Тбилиси, приглашал после войны в гости.

— Товарищ капитан, — с мягким грузинским акцентом говорил Мачабели, — в моей семье будете родным, совсем родным!

— А мы и есть родные, — отвечал командир эскадрильи, — мы с тобой — братья...

Внизу пробегала земля, недавно освобожденная от оккупантов. Чернел лес, местами варварски вырубленный фашистами. На заливе уже не было сплошного льда — только отдельные льдины, на ребрах которых играло солнце.

Путь был недолгим: охраняемые гвардейскими истребителями, наши бомбардировщики обрушились на конвой гитлеровских транспортов и сторожевиков. Вниз полетели бомбы — пламя взметнулось над тремя кораблями. А когда «петляковы» стали выходить из пикирования, сверху напали «Фокке-вульфы-190». Их было восемнадцать.

Вражеские истребители бросились вниз. Это было излюбленным маневром фашистов: пикировать, затем сделать горку и снизу ударить по бомбардировщикам. Но Батурин крикнул в эфир: «За мной!» И стремительным маневром оказался позади атакующей шестерки врага. Расстояние быстро сокращалось. Александр догонял ведущий «фокке-вульф», не зная, что гитлеровцы изменили план атаки. Уже один самолет рванулся к Батурину, решив сбить его во что бы то ни стало, но Мачабели, выжав всю скорость из своей машины, догнал и расстрелял его. «Фокке-вульф» врезался в воду.

Это была мастерская атака, и Батурин радостно крикнул:

— Хорошо, брат!

Батурин был в это время на расстоянии, когда уже можно вести эффективный пушечный огонь. Летчик и нажал бы на гашетку, но противник сделал переворот. Капитан Батурин, сбавив скорость, повис над фаши-

стом. Положение врага стало безнадежным. Видимо, гитлеровский летчик смотрел назад, страх лишил его осмотрительности: его истребитель потерял на повороте высоту и плюхнулся в воду.

Еще один самолет Батурина и Мачабели сбили сообщая — их пушечные очереди слились, расстреливая противника.

В ту секунду, когда вода поглотила самолет гитлеровца, Мачабели, как вихрь, рванулся вверх: на хвосте Батурина висел «фокке-вульф». Александр сделал горку, скользнул на крыло, однако враг успел открыть огонь. Снаряды застучали по бронеспинке и фюзеляжу. Но вдруг кто-то прервал удары пушечной очередью.

— Саша, уходи на скорости! — услышал Батурина голос ведомого. Всегда Мачабели говорил: «Мой капитан!», «Я здесь, капитан!», а сейчас — «Саша».

Батурина не мог ответить, — за кабиной самолета болталась антенна, отбитая снарядом.

А Мачабели безудержно терял высоту. Когда над командиром нависла смертельная опасность, он принял решение, которое одно только могло оградить Батурина от непоправимого: Михаил Мачабели своим самолетом прикрыл ведущего. И весь шквал пушечного огня «фокке-вульфа» обрушился на истребитель Мачабели. И вражеские истребители, которые трое против одного не могли ничего сделать сто секунд назад, теперь расстреливали израненного летчика, скрытого низкими облаками от товарищей.

Истребитель загорелся. Но летчик-коммунист Мачабели был жив и еще пытался атаковать врага. Это был уже не самолет — одно пламя, огромный факел.

— Я «двадцатка», падаю на лес, — передал свою последнюю радиограмму Михаил Мачабели. — Прощайте, хлопцы...

Вдруг что-то затрещало в наушниках. Штаб передавал:

— Держись, «двадцатый», на помощь вылетела шестерка Абрамова.

Набегают сосны. Михаил инстинктивно потянул ручку управления на себя. Самолет со страшной силой ударился о деревья. Эхо прокатилось далеко вокруг...

Гвардейцы тяжело переживали гибель Мачабели. А Батурина, едва ему успели сделать перевязку, полетел на поиски. Но Мачабели не было.

Друзья открыли боевой счет за Мачабели. Немного времени прошло, и гвардейцы уничтожили 24 самолета врага.

— За нашего Мишу,— говорили балтийские летчики.

Никак не мог примириться с мыслью о гибели побратима Александр Герасимович Батуриин. Однажды, когда он барражировал над аэродромом, появились «фокке-вульфы». Батуриин стремительно пошел в атаку. В эфире зазвенел его боевой призыв:

— Мачабели, за мной!

И летчик-комсомолец Образцов, новый ведомый Героя Советского Союза Батурина, пристроился к капитану и ответил, как отвечал Мачабели:

— Иду, мой капитан!

В Тбилиси пошла горькая бумага военных лет — похоронная. Вера Александровна, мать Михаила, получила из полка оставшиеся вещи сына.

«Комсомольская правда» опубликовала мой очерк о подвиге Мачабели, спасшего командира. Но Мачабели не погиб!

...Когда изрешеченный снарядами самолет, руша деревья, упал на землю, Михаил потерял сознание. Он неподвижно сидел в кабине, уронив голову на искоренную приборную доску.

В таком состоянии его и двух партизан, пытавшихся спасти летчика, захватили гитлеровцы. Более трех месяцев израненного Мачабели держали в опоясанном колючей проволокой бараке лагеря близ Каунаса. Хотя барак назывался лазаретом, никакой медицинской помощи кронштадтец не получал. Он бы погиб здесь, как погибли многие советские воины, попавшие ранеными в плен. Мачабели спасло быстрое наступление наших войск.

Его вылечили. В марте 1945 г. Мачабели вернулся в родной полк и был радостно встречен друзьями. Снова крыло в крыло с Батуриным летал он в бой.

После войны Мачабели ушел в запас. Он возвращался в Грузию с сознанием выполненного долга. Вот его боевой счет: с октября 1942 г. по май 1945 г. младший лейтенант Михаил Захарович Мачабели совершил 204 боевых вылета; 120 раз прикрывал своим самолетом штурмовики и корабли флота; 40 раз вел разведку морских коммуникаций, аэродромов и укреплений врага в самых сложных условиях боевой обстановки и в 21 случае завершал разведку бомбовым ударом.

В воздушных боях Мачабели лично и вместе с товарищами-летчиками уничтожил 10 фашистских самолетов, потопил несколько боевых катеров, уничтожил зенитную батарею врага и дважды спас в бою командира.

В летных книжках нет такой графы — насколько высоко развито чувство советского воинского товарищества. Если бы она была, то командир наверняка написал бы, что Михаил Мачабели дважды шел на верную смерть, спасая ведущего. Впрочем, одна такая запись была в документах Мачабели: «4 апреля 1944 года прикрыл командира своим самолетом и погиб смертью храбрых...»

А вот что записано в «летней книжке» у Героя Советского Союза Александра Батурина. Боевых вылетов — 543. 23 раза Батурина сопровождал бомбардировщики в рейдах по военно-морским базам противника. 108 раз сопровождал «илы» и сам штурмовал укрепления врага и батареи, обстреливавшие Ленинград. 222 раза патрулировал на подступах к Ленинграду, над кораблями Балтийского флота, прикрывал войска, взламывавшие блокаду. 86 раз летал на разведку, под ожесточенным огнем фотографировал вражеские укрепления. 88 раз участвовал в бомбометании с пикирования. 16 раз вылетал на «свободную охоту», что поручалось лишь самым опытным и смелым истребителям. В 84 воздушных боях Александр Батурина лично и в группе уничтожил 38 самолетов противника. Главным образом это были бомбардировщики, пытавшиеся прорваться к Ленинграду.

Гитлеровцы недосчитались после встреч с Батуриным трех аэростатов наблюдения и сторожевого катера и многих сотен солдат, уничтоженных во время штурмовки.

Жаль, что нет в «летней книжке» графы: кого выпестовал, сражаясь за Родину. Штаб бы записал в нее десятки летчиков, которых вел в бой коммунист Батурина. Из учеников его ведомые быстро становились опытными, не знающими страха, такими, как Михаил Мачабели.

После увольнения в запас коммунист Батурина был и директором электросети, и парторгом ЦК на строительстве аэропорта, и на целине в Казахстане главным механиком совхоза, и начальником строительства теле-

центра в одном из городов Татарии, а с 1960 года — в Альметьевске инженером.

И никогда не забывал названного брата Мишу. Он наводил справки, писал письма во все концы, но ответа не получал.

Трудные времена пережил Мачабели. Думал, сразу получит любимую работу, а пришлось «ходить по инстанциям», доказывать, что здоров и может летать. В конце концов ему дали «ПО-2». Мачабели вернулся к летной работе. Он работал на сибирских трассах, затем в Грузии был десять лет командиром звена в Аэрофлоте, а теперь работает диспетчером в Тбилисском аэропорту.

Через двадцать с лишним лет после памятного боя, когда Михаил спас жизнь своего комэска, Батурин и Мачабели встретились в Ленинграде. Они дружат и ныне.

* * *

Экипажам воздушных лайнеров, летящих в столицу Грузии, хорошо знаком голос тамошнего диспетчера.

— Я Тбилиси, — слышится в наушниках, — посадку разрешаю.

— Вас понял, — отвечают командиры лайнеров как-то особенно тепло. — Здравствуй, Мачабели, здравствуй, Миша!

Летом семьдесят третьего года он прилетел ко мне в Москву. Мы проговорили до утра. И слово «Кронштадт» повторяли, как самое любимое.

Прорыв блокады

Кронштадт. Командный пункт... Стол, сплошь уставленный телефонными аппаратами. Карты на всех стенах — морские и сухопутные. В комнате, кроме связистов, группа командиров: П. В. Кондратьев, И. И. Сербин, П. Л. Ройтберг. Они внимательно изучают обстановку, обсуждают, как лучше решить поставленную командованием задачу.

— Товарищ командир, — говорит Ройтберг Кондратьеву, — все ждут приказа...

Кондратьев надевает наушники и вызывает командиров. Секунду-другую он медлит, словно еще

раз взвешивая правильность уже созревшего решения. И вот командир говорит:

— Мы долго ждали этого часа, друзья. На нас смотрит весь Ленинград. Начинаем...

— Все ясно, товарищ гвардии полковник, — слышится ответ в наушниках.

— Запомним этот день, Иван Иванович, — Кондратьев показал на календарь.

Было 12 января 1943 года.

...Аэродром затянуло утренней дымкой. Морозно. Ветер заметал дорожки. В ожидании вылета летчики обходили свои машины, принимали доклады техников.

Кондратьев смотрел на лейтенантов. Они спокойны лишь внешне. Полковника не проведешь. Он «проходил» это в сотнях боев и потому хочет сказать что-то теплое молодым истребителям.

— Я знаю, что вы волнуетесь, товарищи. — Кондратьев расстегивает шлем. — И это очень хорошо. Вы думаете, наши асы — Голубев, Мироненко, Костылев, Борисов — спокойны? Нет, конечно.

Кондратьев посмотрел на безусых хлопцев в форме морской авиации. Вот тот, справа, с блестящими глазами, на кого похож? Да, точно. Взгляд командира становится задумчивым, теплым.

— Я вспомнил сейчас, товарищи, об одном настоящем герое. Расскажу о нем перед тем, как нам лететь в бой...

Это был рассказ о сержанте Семене Горгуле, одном из летчиков дивизии Кондратьева.

Горгуля я близко знал, и не только как корреспондент, — жил с ним в одной избе, когда полк действовал близ Ладожского озера.

...Он был серьезный, прямой и честный парень. За это полюбили Горгуля в эскадрилье и выбрали секретарем комсомольской организации. Он не только на земле, но и в бою показывал пример. Крыло в крыло с Ефимом Дмитриевым, Кирилловым, Байдраковым защищал он Дорогу жизни Ленинграда — Ладожскую трассу, штурмовал гитлеровские войска.

В тот весенний день сорок второго года, когда имя Семена прозвучало на всю Балтику, он встал рано и разбудил нас. Умываясь ледяной водой, говорил Ефиму Дмитриеву:

— Сон видел — снова в забой спустился.

Горняк, он часто видел во сне родной Донбасс, шахту.

Уходя, спросил, буду ли я на комсомольском собрании эскадрильи.

— Даем, Михаил, рекомендацию Байдракову, приходи, — сказал Семен, махнул рукавицами, улыбнулся.

Не прошло и часа — тревога. Я видел, как взлетели гвардейцы-кронштадтцы Голубев, Цоколаев, Дмитриев. В воздух поднялся и комсомольский вожак Семен Горгуль.

В облаках над трассой скрывались «мессершмитты», и их первая атака оказалась неожиданной. «Мессершмитт» ударил по кабине и ранил летчика — об этом Семен сообщил по радио. Защищаемый друзьями, он пошел в лобовую атаку. В кабине истребителя разорвался снаряд — Семена ранило в обе ноги. Но и Горгуль не остался в долгу: подбитый им «мессершмитт» грохнулся об лед.

Горгуль планировал. Раненый гвардеец мог покинуть истребитель на парашюте, но решил спасти ястребок и посадил самолет на льдину. «Мессершмитты» стали расстреливать летчика, они сделали пять заходов и вновь ранили Семена. Истекающий кровью гвардеец достал блокнот. Карандаша нет, и летчик кровью написал:

«Прощайте, ленинградцы. Победа за нами...»

Снова пикируют «мессершмитты». Пулеметно-пушечная трасса идет по воде, приближаясь к летчику. Пуля навывлет пробил голову.

Так погиб Семен Горгуль.

Когда тело Семена доставили на аэродром, комиссар Степан Хахилев вручил мне для передачи в политотдел записную книжку гвардейца. Ту самую, в которой кровью он написал «...Победа за нами...»

Мы похоронили летчика на высоком кургане у села Выстав. В семьдесят втором году я побывал здесь. Прошло 30 лет. В селе выросло новое поколение, не знающее войны, но память о героях-летчиках берегут. На могилах свежие цветы...

В январе сорок третьего, когда Кондратьев перед прорывом блокады беседовал с молодыми летчиками, еще не исполнилось и года со дня героической гибели Горгуля, и многие из тех, кто слушал полковника,

сражались вместе со своим комсомольским секретарем.

— Он верил в победу, и мы добудем ее, — сказал Кондратьев.

Занимался рассвет первого дня нашего ленинградского удара. Кондратьев взглянул на часы и застегнул шлем:

— Сейчас начнется.

И точно, гул артиллерии взбудоражил землю: тысячи снарядов ударили по фашистским окопам, блиндажам, укреплениям. А чуть просветлело — кондратьевцы вылетели в бой. Губительный огонь по врагу вела эскадрилья Героя Советского Союза Василия Голубева. Над войсками, начавшими прорыв, дралась группа Героя Советского Союза гвардии капитана Евгения Цыганова. «Мессершмиттов» было с десятков. Недаром полковник Кондратьев учил своих летчиков бдительности. Цыганов мгновенно оценил обстановку: уходить из района, где ему поручено охранять войска, он не мог хотя бы и для боя. Но короткая атака была вполне возможна, и гвардеец ее стремительно провел. Пламя вырвалось из двигателя «мессершмитта». Вот оно перебросилось на плоскости, и ничем уже не сбить огня — ни пикированием, ни скольжением.

Это был восемнадцатый вражеский самолет на боевом счету капитана Евгения Цыганова.

Идущие в атаку войска приветствовали победителя. Ни один гитлеровский самолет не смог пробраться к обороняемому Цыгановым участку.

Снова удары, в которых отличились Голубев, Почуев, Кузнецов, Кожанов, Стрельников.

Вылет за вылетом — сокрушительные атаки. И всеми действиями балтийских истребителей руководил Петр Васильевич Кондратьев, его боевой штаб. По пять-шесть вылетов в день совершали наши штурмовики и бомбардировщики, и каждый раз их охраняли летчики Кондратьева.

Волна за волной, круто пикируя, обрушивали на врага смертельный груз наши бомбардировщики. Их также прикрывали кондратьевцы. В районе 1-го и 2-го Рабочих поселков, на станции Тосно и других опорных пунктах врага истребители сами штурмовали батареи и пулеметные гнезда гитлеровцев.

Над нашими войсками вспыхивало много воздушных

боев, но один из них особенно памятен гвардейцам. Отличился двадцатилетний капитан Герой Советского Союза Евгений Цыганов. Это был его пятисотый боевой вылет с начала войны. Крыло в крыло с капитаном вели бой Протасов и сержант Почуев. Фашистских истребителей было вчетверо больше, но Цыганова это не испугало. Он загнал в льды Невы «сто девятым», показав пример подошедшему звену гвардии капитана Лагуткина. Гвардейцы сбили еще один «мессершмитт». Кажется, бой стихал, однако внезапно ведущего вызвал по радио штаб.

— Будьте внимательны, — предупреждал полковник Кондратьев, — в воздухе группа «Фокке-вульф-190». Смотрите на солнце.

И точно: под прикрытием солнца шли новейшие по тому времени фашистские истребители. Гитлеровцы начали лобовую атаку. Цыганов приказал своим летчикам собраться, просигналил:

— Принимаю лобовую!

Шестерка гвардейских «ястребков» ринулась вперед, отсекая врага от наших пикирующих бомбардировщиков. Загорелся «фокке-вульф», пораженный огнем Цыганова и Протасова. Фашисты, сделав горку, вновь развернулись на бомбардировщиков. Ближе всех к врагу оказался молодой летчик Почуев. Сержант уничтожил один вражеский истребитель, отогнал своим огнем два других, но в этот момент в его кабине разорвался снаряд. Двадцать шесть осколков впелись в его грудь, повисла раздробленная правая рука. Шлем, очки, летная куртка, комсомольский билет — все покрылось горячей кровью. Летчик взглянул на землю: «фокке-вульф» лежал разбитый. Это придало гвардейцу сил.левой рукой он выпустил шасси и с изумительной точностью, будто это был выпускной полет в училище, посадил истребитель на своем аэродроме. Потом сам выбрался из кабины и сказал подбежавшим друзьям:

— Умираю, товарищи. А машину я вам... привел... Я верю, вы прорвете блокаду...

И упал...

Летчики обещали расплатиться за гибель друга, и слово свое сдержали. Два «мессершмитта» сбил Кожанов, девять вражеских самолетов сбили летчики Цоколаева, четыре уничтожил Протасов, три — Стрельников, по одному — Левченко и Бакиров.

Прорвана блокада Ленинграда. Летчики, прилетевшие с задания, видели встречу наших воинов, разорвавших кольцо окружения. Бои продолжались с нарастающей силой.

...Гвардии полковник Кондратьев передал:

— Тщательно разведайте укрепленные пункты до Ивановского включительно — там много тяжелых батарей, которые необходимо подавить.

Разведку поручили Анатолию Кузнецову, и он ответил коротко, любимым словом:

— Чудненько, чудненько!

Настроив приемник, Кузнецов спросил Голубева:

— Василий? Как меня слышишь?

— Очень хорошо, Толя.

Кронштадт по-настоящему сдружил Кузнецова и Голубева, и их дружба была не раз проверена в боях. Гвардии капитан Анатолий Кузнецов устроился в кабине, застегнул ремни и, улыбаясь, шепнул в микрофон:

— А сейчас слышишь, Вася?

— Слышу, дорогой.

— Чудненько, Василий. Настраиваю приемник на волну штаба.

Было яварское утро 1943 г. Над укрепленным пунктом стоял дым: гитлеровцы грелись в домах. Тяжелые батареи отлично видны на позициях. Кузнецов радировал Кондратьеву:

— Товарищ полковник, слушайте меня.

— Слушаю, слушаю, Кузнецов, — отвечал полковник.

— Товарищ полковник, батарея на берегу у двухэтажного здания...

Огонь зениток застлал все небо.

— Зенитная батарея у школы справа...

Разрывы все ближе и ближе.

— Батарея у моста, — передал Кузнецов.

Навалились два «мессершмитта». Но задача Кузнецова — разведать вражеские укрепления, а «мессеров» встретит ведомый.

И Гурьянов — ведомый — всадил в «мессершмитта» порцию снарядов. Гитлеровский истребитель упал на лед Невы. Второй «мессер» отвернул. Кузнецов кивнул:

— Чудненько, чудненько!

Он был над центром укрепленного пункта. Еще злее

стрелял враг. Снаряд угодил в левую плоскость. Кузнецов кричал в микрофон:

— Товарищ полковник, батарея на южной стороне кургана...

Снаряд ударил в хвостовое оперение. Кузнецов озабоченно попробовал управление: оно действовало. И в микрофон:

— Батарея в пятом квадрате, два орудия левее фабрики в ста метрах.

Всюду, где указывал разведчик, Кондратьев ставил на карте точки. Он не знал, как трудно сейчас Кузнецову. Два снаряда исковеркали правую плоскость...

— Товарищ полковник... зенитная батарея рядом с тяжелой.

Осколки ранили его в голову, и очки залило кровью. Кузнецов стер кровь. До боли стиснув челюсти, он смотрел на землю:

— Ага, вот она, тяжелая батарея... Она стреляет по Ленинграду...

Зенитный снаряд вырвал люк, разорвался в самой кабине и осколки вонзились в грудь и лицо летчика.

Очевидно, Анатолий захлебывался кровью.

— Что случилось, Кузнецов, что случилось? — кричал Кондратьев.

Никто не знает, что произошло в эти последние минуты разведки. Может быть, Кузнецов терял сознание. Не потому ли так неестественно громко и торопливо, что боялся не успеть, передал в последний раз:

— Батарея у городских ворот... она бьет по Ленинграду... Она... Прощайте...

И умер. А истребитель еще жил. Он рванулся вверх, набрал высоту — много тысяч метров, перевалился через крыло и пошел к земле, ускоряя свой полет. Работал мотор. Его рокот слышали Кондратьев, Сербин и Ройтберг. И вдруг страшный звук вырвался из телефона: это взорвалась боевая машина Кузнецова.

Кондратьев напрасно звал разведчика:

— Анатолий, Анатолий, что с тобой, Анатолий!

Закашлялся, прогояя комок в горле. Сербин сорвал трубку полевого телефона, вызвал командный пункт артиллеристов:

— Примите данные разведки.

Земля задрожала... Сотни орудий открыли огонь по квадратам, указанным Кузнецовым.

Но и противник яростно противодействовал. Из штаба флота сообщили: гитлеровцы бросили против наших войск эскадру «юнкерсов», «мессершмиттов» и «фокке-вульфов».

— Остаешься за меня, — бросил Кондратьев Ройтбергу, на ходу застегивая шлем.

Больше ни слова. Но не успел полковник выйти, как на стоянку поступило распоряжение:

— Истребитель командира — расчехлить!

«Ястребки» уходили на прикрытие войск и ударной авиации, штурмовку противника и воздушные бои. На самых опасных участках, там, где пужны были железная воля и тактический талант командира, неизменно появлялся Петр Васильевич Кондратьев...

Вскоре кондратьевцы стали гвардейцами. Кронштадт торжественно отметил это событие. Летчики выстроились на аэродроме. Преклонив колени перед гвардейским знаменем, авиаторы принимали гвардейскую клятву. Вместе с летчиками ее принимали и мы, политработники, журналисты. Рядом со мной — Михаил Фридман. Михаил волновался больше, чем все другие, — ведь это он написал текст гвардейской клятвы.

— Родина, слушай нас, — вибрирующим голосом произнес Кондратьев, и все летчики повторили:

— Родина, слушай нас.

— Сегодня мы приносим тебе святую клятву на верность, сегодня мы клянемся тебе еще беспощаднее и яростнее бить врага.

Родина! Пока наши руки держат штурвал самолета, пока глаза видят землю, пока в нашей груди бьется сердце и в жилах течет кровь, мы будем драться... не зная страха, презирая смерть во имя полной и окончательной победы над фашизмом. ...Гвардейцы не отступают, гвардейцы не знают поражений. Гвардеец может умереть, но должен победить.

Красное знамя советской гвардии мы будем хранить и беречь как зеницу ока... Мы пронесем его сквозь бурю Отечественной войны к светлому дню Победы...

— Вы с честью завоевали и с честью несете свое гвардейское знамя, — говорил командующий флотом. — Вы — герои битвы за Ленинград. Однако помните: блокада прорвана, но не снята. Бои продолжаются...

Командир дивизии страстно мечтал о победе, но увидеть смог лишь прорыв блокады. В начале лета сорок третьего года он погиб над Финским заливом. Погиб, крепко сжимая ручку управления «И-16».

Рабочие Кронштадта, военные моряки, авиаторы пришли отдать последние почести славному балтийскому летчику.

— Мы будем бить врага по-кондратьевски, — говорил на митинге Герой Советского Союза Василий Голубев.

Матросский поэт Николай Рознатовский писал о своем командире Петре Кондратьеве:

Он рядом с нами,
он сидит в кабине,
он управляет боем,
как живой.

Он смотрит вдаль,
где горизонт не синий,
где битв огонь
и дым пороховой.

Во всех боях до конца войны имя Кондратьева всегда было с гвардейцами.

* * *

Я рассказал лишь о нескольких десятках авиаторов Кронштадта. А подвиг совершили многие сотни. Пусть простят меня однополчане — летчики, техники, мотористы, оружейники, имена которых я не назвал. Одно скажу в «оправдание»: черты Алексея Коронца, Петра Кондратьева, Ивана Сербина, Василия Голубева, Анатолия Кузнецова, Евгения Цыганова — это и черты всех других героев-летчиков, славных защитников острова Котлин. Нередко в Москве и Ленинграде мы встречаемся — генерал-лейтенант авиации Герой Советского Союза Василий Голубев, Герой Советского Союза Геннадий Цоколаев, Михаил Мачабели. Вспоминаем гулкие камни площади у Морского собора, Морской завод, наш аэродром. И я горд, что вместе с боевыми друзьями могу, как пароль, сказать:

— Мы — из Кронштадта.

Из огневого Кронштадта, в котором прошла наша молодость.

Г. Г. ЧЕРНУХ,
капитан 2-го ранга.

Редактор газеты „Летчик Балтики“ в 1941—1945 г.

НАД ФИНСКИМ ЗАЛИВОМ

В газете «Летчик Балтики» мы часто публиковали материалы о боевых успехах 71-го и 5-го истребительных авиационных полков (ИАП). 71-й полк охранял небо над островом Котлин, рейдами, фортами, над заливом. Истребители 5-го полка прикрывали корабли флота, били врага в небе Ленинграда, охраняли Дорогу жизни.

О первом бое летчиков 71-го полка в 1941 г. газета сообщала: «4 июля лейтенант Мурашев, охраняя аэродром, встретил звено гитлеровских бомбардировщиков „Ю-88“. Смелой атакой на встречных курсах он привел врага в состояние растерянности. „Юнкерсы“ рассыпались, и лейтенант выбрал одного из них и уничтожил двумя очередями».

Так был открыт боевой счет полка. В эти же июльские дни лейтенант Г. И. Пушкин нагнал и сбил «юнкерс» в 30 километрах от аэродрома.

71-й полк топил вражеские катера, штурмовал танковые колонны, бомбил пехоту, охранял боевые корабли флота...

О боевых делах полка писал в своем дневнике батальонный комиссар Захар Лазарев, комиссар одной из эскадрилий этого полка.

Раскрываю тетрадь с пожелтевшими от времени страницами...

Вот далеко не полный перечень боевых дел его эскадрильи всего за один летний день 1941 г.

«6.00. Разведка.

9.35. Штурмовали избы, в которых засели гитлеровцы. На пути попался обоз. Уничтожили.

9.50. Зажгли деревню, в которой базировался штаб гитлеровского соединения, а в домах жиды штабисты.

12.05. В деревне большое скопление автомашин с грузами. Уничтожили груз, истреблено свыше 60 гитлеровцев.

14.25. Воздушный бой. Сожгли «хейнкель».

16.05. Уничтожили шесть зенитных точек.

18.45. При штурмовке истреблено до 200 солдат, уничтожено 10 автомашин с боезапасом».

Я видел летчиков, когда они возвращались с полетов: снимали шлем, вытирали пот с лица и валились обессиленные у самолета.. Но через несколько минут снова садились в машину и снова бились с врагом. О замечательных боевых делах летчиков-балтийцев 71-го полка я и хочу рассказать.

* * *

К осени 1941 г. на подступах к городу Ленина через каждые три-четыре часа стали появляться четыре гитлеровских истребителя-«охотника».

По всем признакам это были опытные летчики. В их задачи не входили воздушные бои с равными или превосходящими силами наших истребителей. Они действовали скрытно, в облаках, выслеживая наши отставшие самолеты и внезапно набрасываясь на них.

Но иногда они вступали в бой и с нашими самолетами, превосходящими их числом. Это было необычно для гитлеровцев. Поэтому были известны даже номера гитлеровских «охотников».

Как-то Константин Соловьев возвращался на своей «чайке» с боевого задания.

Он уже приближался к Кронштадту, когда из облаков высочили подстерегавшие его четыре «мессершмитта».

Первую атаку Соловьев принял в лоб, развернувшись на 180 градусов. По нему открыли огонь все четыре «мессершмитта»: 4 пушки и 12 пулеметов против 4 пулеметов Соловьева. После нескольких безуспешных атак

фашисты разделились на пары. Когда одна пара шла в атаку, вторая уходила в облака и, выбрав удобный момент, набрасывалась на «чайку».

Соловьев разгадал план врага и вел бой осмотрительно, стремясь все время держать все четыре гитлеровских самолета в поле зрения.

В этом бою победила неустрашимость и находчивость нашего летчика. Меткими очередями он повредил два «мессершмитта». Гитлеровские асы впервые встретились с таким сопротивлением — не смогли одержать победу вчетвером против одного.

Через несколько дней Герой Советского Союза Петр Бринько поднялся в воздух, когда вражеские «охотники» подходили к нашему аэродрому. Бринько сбил одного из них и нанес повреждения другому.

Второй ас попался на волховской воздушной заставе комиссару Ивану Сербину. Сорок минут длился бой. Сорок минут гитлеровец яростно бросался в атаки на советскую машину, стремясь зайти в хвост. Но Сербин удачно отражал его атаки и, выбрав момент, прижал врага к земле. «Мессершмитт» врезался в линии проводов высокого напряжения.

Третий ас был сбит под Ленинградом, а четвертый уже больше не появлялся.

Воздушные схватки летом 1941 г. многому научили балтийских летчиков. Это была тяжелая и кровавая наука. Исход боя решали осмотрительность, внезапность удара, взаимная выручка, превосходство в высоте, рациональное использование своего самолета и непоколебимая решимость навязать врагу свою волю, заставить его драться в невыгодных для него условиях. Такие принципы легли в основу тактики наших истребителей.

Отважно сражались с гитлеровцами и летчики 5-го полка. Родина высоко оценила их мужество и воинское умение — в 1943 г. полк получил звание гвардейского и стал именоваться 3-м гвардейским истребительным авиационным полком. В том же году и 71-й полк стал называться 10-м гвардейским истребительным авиационным полком.

В 1941 г. в одном из воздушных боев истребители 5-го полка Г. Костылев, С. Сухов и Н. Соседин встретились с десятью вражескими самолетами. Фашисты напали на тройку со всех сторон. Тогда летчики поняли,

что, если противнику удастся разъединить наше звено, их собьют. В бою тройка держалась плотно, постоянно прикрывая хвост друг друга. Враг не добился победы. Может быть, именно тогда летчики впервые подумали о том, что бой надо вести парами.

Через некоторое время шестерка, ведомая Н. Никитиным, встретила с 18 «мессершмиттами», и пары определились как-то сами собой. Но на первых порах, кроме Никитина — участника воздушных боев в Испании в 1937—1939 гг., большинство летчиков еще не понимало преимуществ пары в бою, чаще держались тройками. С появлением на фронте фашистских истребителей «охотников» наши летчики поняли, что пара имеет больше преимуществ, и они прочно вошли в боевые порядки истребительной авиации.

Летчики Матвей Ефимов, Семен Львов, Сергей Сухов, Дмитрий Буряк, Василий Черненко и Алексей Руденко барражировали над Кронштадтом и на высоте 1000 метров заметили группу наших истребителей, преследуемых четырьмя «мессершмиттами».

Зная, что у самолетов товарищей горючее на исходе, Матвей Ефимов поспешил им на помощь. Меткой очередью он сразу сбил один гитлеровский самолет, остальные спаслись бегством. Наши истребители благополучно вернулись на свой аэродром.

Продолжая барражировать, Львов увидел, что со стороны солнца на одной высоте с группой наших самолетов идут восемь «мессершмиттов». Львов сделал резкий разворот и пошел в лобовую атаку, его ведомый последовал за ним. Это же сделали и остальные пары наших истребителей. На расстоянии прицельного огня Львов дал очередь из пушек и пулеметов и подбил вражеский «мессершмитт». Ефимов короткой очередью добил его. Остальные семь истребителей противника набрали высоту и стали ходить над нашей шестеркой, не решаясь на атаку.

Через несколько минут появилось еще восемь «мессершмиттов». Таким образом, против шести советских истребителей стало пятнадцать вражеских.

Почувствовав свое численное превосходство, гитлеровцы атаковали шестерку. Положение становилось критическим: силы противника превосходили наши более чем вдвое. Но Ефимов решил во что бы то ни стало не дать возможности гитлеровским бомбардировщикам

сбросить бомбы на Кронштадт и корабли. Он смело врезался в группу вражеских самолетов и подбил еще один «мессершмитт».

В ходе боя были повреждены самолеты Буряка и Черненко. Ефимов по радио приказал летчику Руденко прикрывать их до тех пор, пока они не сядут на один из ближайших аэродромов.

После выхода из боя Буряка, Черненко и Руденко остались три наших истребителя против четырнадцати вражеских. И все же бой продолжался.

При отражении атаки, предпринятой гитлеровцами на машину Львова, Сухову удалось сбить еще одного «мессершмитта». И только после этого группа Ефимова взяла курс на свой аэродром.

17 июля 1941 г. Владимир Михалев, патрулируя на истребителе вдоль железной дороги, заметил приближающийся корректировщик «Хеншель-126» и пошел на сближение с ним. Но вражеский летчик сразу же скрылся в облаках. Через час вражеский корректировщик появился в том же районе, и снова Михалева постигла неудача.

Вернувшись на аэродром, Михалев сказал товарищам, что больше гитлеровец от него не уйдет.

Утром 18 июля Михалев вылетел на свой «пост». «Хеншель» был уже там. Наш летчик зашел со стороны солнца и обстрелял корректировщика. Но бронированный «хеншель» увернулся. Михалев зашел с другой стороны — опять неудача. Так продолжалось несколько раз. Наконец Михалеву удалось точной очередью подавить пулеметы «хеншеля». Теперь надо было добить самолет врага. Но у Михалева кончились патроны. «Хеншель» попытался опять спрятаться в облака, но Михалев висел у него на хвосте. Вот что рассказал после боя Михалев: «Решаю: буду рубить винтом. Рублю хвост. Раздается глухой треск. Чувствую, как плоскость моего самолета врезается в плоскость. На мои плечи падают мелкие обломки фюзеляжа».

Удар был очень силен. Обе машины, советская и фашистская, падали на землю. Через несколько секунд «хеншель» стал разваливаться. «Чайка» вошла в штопор. До земли оставалось лишь метров пятьдесят. В последние секунды Владимиру Михалеву удалось вывести машину из штопора, набрать высоту и дотянуть до своего аэродрома.

Через четыре дня, 22 июля, командир другого звена этого же полка Дмитрий Зосимов на истребителе «МиГ-3» также таранил вражеский самолет. Возвращаясь вместе с лейтенантом Василием Бухтеевым на свой аэродром, старший лейтенант Зосимов увидел два «юнкерса», которые шли на бомбежку наших войск, и атаковал их. Гитлеровцы открыли яростный огонь, пытаясь увернуться от очередей советского истребителя. Мотор одного «юнкерса» задымил. Но другой вражеский самолет уже лег на боевой курс для нанесения удара по колонне наших войск. Медлить было нельзя, и Зосимов решил его таранить. Удар пришелся по плоскости и правому мотору «юнкерса». Он упал и взорвался на собственных бомбах.

У нашего «ястребка» от удара отлетели концы лопастей винта, но мотор работал. Зосимов повел самолет на свой аэродром. Внезапно он был атакован пятью «мессершмиттами». Зосимов был ранен, при посадке ударился о приборную доску и потерял сознание. Но самолет он сохранил. Из госпиталя Зосимов вернулся в родной полк, снова поднялся в воздух и бил врага.

10 августа на самолет командира эскадрильи капитана И. И. Горбачева напали шесть гитлеровских истребителей. Разбившись на пары, гитлеровцы атаковали его с разных направлений. Но Горбачев энергичным вертикальным маневром уходил из-под удара и нападал сам. Он зашел в хвост одному из «мессершмиттов», с короткой дистанции дал очередь из пулеметов и сбил его. Двадцать долгих минут длилась эта схватка. Врагам удалось поджечь наш истребитель. Вдобавок у Горбачева кончились боеприпасы. Но он направил свою горящую машину на атакующего врага и таранил его; четыре уцелевших «мессершмитта» струсили и ушли к югу.

В небе Ленинграда шли непрерывные бои. Но не легче было и в небе Кронштадта. Вражеские самолеты бомбили Кронштадт, рейд и корабли.

21, 22 и 23 сентября 1941 г. гитлеровская авиация совершила массированные налеты на Кронштадт.

21 сентября шестерка наших истребителей под командованием капитана Н. Никитина, барражируя над Кронштадтом, обнаружила большую группу гитлеровских бомбардировщиков, их сопровождали истребители. Вражеские самолеты летели к Кронштадту с юга, чтобы нанести удар по кораблям флота и заводам. Наши лет-

чки внимательно следили за самолетом командира. Что он предпримет?

Сигнал — атаковать! Шестерка встретила врага над Петергофом, врезалась в строй бомбардировщиков и нарушила их боевой порядок. Почти сразу же загорелись и упали два «юнкерса», затем загорелся еще один.

В это время четыре «мессершмитта» набросились на ведущего. Им удалось поджечь машину Никитина. Но он продолжал неравный бой.

Не выдержав натиска советских истребителей, гитлеровцы беспорядочно сбросили свои бомбы в залив и повернули назад.

Наши истребители преследовали их. Никитин летел на горящей машине. Пламя уже подбиралось к бензобакам, еще мгновение — и мог произойти взрыв. Видя, что самолет спасти нельзя, Никитин выбросился на парашюте. Он благополучно приземлился и вскоре вернулся в полк.

21 сентября было отражено пять налетов гитлеровской авиации. 22 и 23 сентября налеты также следовали один за другим. За 21 и 22 сентября наши летчики и зенитчики сбили в районе Кронштадта свыше 30 вражеских бомбардировщиков.

* * *

— Ты уж извини, комиссар, но пойми, это нужно сделать. Отряду моряков никто, кроме нас, не поможет. Лучше и быстрее никто, кроме тебя, не справится. Будь только осторожнее, не рискуй...

Они стояли друг против друга — уставшие, измотанные беспрерывными вылетами — командир 71-го полка Алексей Коронец и его комиссар Иван Сербин.

...31 декабря 1941 г. отряд под командованием полковника А. А. Барина, состоявший из 170 моряков гарнизона острова Лавенсари, совершив за ночь тяжелый 48-километровый переход по льду Финского залива, занял остров Большой Тютерс. На рассвете 2 января отряд при сильном ледящем ветре и 25-градусном морозе снова произвел ночной бросок по тонкому льду, покрытому слоем воды, с трещинами и промоинами, и внезапно ворвался на остров Гогланд.

В ожесточенном бою балтийцы разгромили гарнизон острова, захватили большие трофеи.

Враг не оставлял попыток вернуть утраченные позиции. Почти ежедневно Гогланд и Большой Тютерс обстреливала артиллерия, бомбила авиация противника.

27 марта 1942 г., сконцентрировав крупные силы, поддерживав их артиллерией и авиацией, гитлеровцы атаковали Гогланд. Для островного гарнизона сложилась очень тяжелая обстановка. Командир гарнизона просил поддержать авиацией.

С Кронштадтского аэродрома поднялись «чайки». До войны, пожалуй, сочли бы погоду нелетной: по небу ползли низкие, тяжелые облака, то и дело шел снег, видимость по горизонту не превышала километра.

Три раза истребители пытались пробиться к острову, и три раза из-за непогоды возвращались, не достигнув цели.

— Пробиться, помочь отряду! — требовал приказ.

В четвертый раз ведущим группы шел комиссар полка Иван Сербин. Почти касаясь друг друга плоскостями, за ним летели Константин Соловьев, Владимир Абрамов, Александр Груздев, Николай Кучерявый.

Тяжелым и длительным был этот полет. Под крыльями мелькали, сливаясь в белое полотно, торсы и промоины. На козырьке намерзал лед. Видимость все ухудшалась. Но Сербин точно вывел свои самолеты к острову.

Увидев советские самолеты, гитлеровцы бросились в укрытия. «Чайки» спикировали на позиции врага и сбросили бомбы. Еще атака, и десятки реактивных снарядов полетели в гитлеровцев. Летчики поливали врага пулеметным огнем.

Когда лагерь гитлеровцев был уже разгромлен и «чайки» вышли из атаки, появилось восемь вражеских истребителей.

Горючего в баках наших истребителей осталось только на обратный рейс. До аэродрома больше сотни километров. Но надо драться.

Несмотря на численный перевес врага, инициативу сразу же захватили наши летчики. Соловьев и Абрамов повисли на хвосте одного из гитлеровских истребителей.

Груздев и Кучерявый умело отражали атаки остальных вражеских самолетов. Сербин заметил, что один из «мессершмиттов» заходит в хвост самолета Кучерявого. Он бросился на помощь. Сербин открыл огонь и увидел еще одну трассу, бьющую по самолету врага, — атако-

вал Абрамов. Совместная атака Абрамова и Сербина принесла успех — вражеский самолет врезался в лед и взорвался. Гитлеровские истребители не выдержали стремительной атаки и спаслись бегством.

Пятерка «чаек», ведомая комиссаром, возвратилась в Кронштадт, отлично выполнив задание.

* * *

Нелегким был этот день — 9 февраля 1942 г. — для летчиков полка. Истребители сделали уже семь боевых вылетов, сбили семь вражеских самолетов, успешно атаковали колонны автомашин с пехотой. Бои шли один тяжелее другого.

Сбили Василия Мазуренко, но он успел оставить самолет, опустился на парашюте на лед Финского залива и вернулся в часть.

В этом же бою были сбиты самолеты молодого истребителя Григория Шахбазьяна и командира полка подполковника Алексея Коронца.

Комиссар полка Иван Иванович Сербин с группой истребителей вылетел на место недавно закончившегося боя. Искали погибших.

Южнее острова Пенисари истребители обнаружили на льду сгоревший самолет. Невдалеке от него лежал летчик. Кто это — Коронец или Шахбазьян?

Произвести посадку днем на вражеской территории, на глазах у противника было невозможно.

Сербин обратился к командующему военно-воздушными силами Краснознаменного Балтийского флота генералу М. И. Самохину с просьбой разрешить ночной вылет для поиска Коронца и Шахбазьяна. Разрешение было получено. На «У-2» Сербин в сумерках поднялся в воздух. Вдруг он увидел пятно на снегу. Летчик повел «У-2» над торосами. До боли в глазах вглядывался в темноту, искал место, где можно было бы незаметно посадить машину — рядом враг. Толчок, еще один толчок — колеса самолета коснулись снега.

Не выключая мотора, Сербин выскочил из самолета и подбежал к лежащему на снегу человеку. Наш летчик! Приложил ухо к груди, прислушался: сердце билось. Сербин всмотрелся в летчика: это был Шахбазьян.

Комиссар разжал Шахбазьяну стиснутые зубы, влил в рот несколько глотков водки. Тот захлебнулся, закашлялся, пришел в себя и, узнав Сербина, прошептал:

— Поскорее улетайте отсюда, товарищ комиссар, здесь фашисты.

И снова потерял сознание. Сербин поднял его на руки и понес к самолету.

Вдали забегали лучи прожектора, но «У-2» уже поднялся в воздух. Шахбазьян был спасен. Сорок один час пролежал он на снегу.

Поиски Алексея Коронца не увенчались успехом...

* * *

Замечательные командиры возглавляли полки гвардейской дивизии истребителей-балтийцев. Помню, как легко и весело отдавал приказания, шутил командир 5-го полка Герой Советского Союза Петр Кондратьев. От всей его небольшой фигуры веяло здоровьем, уверенностью. Кондратьев был прирожденным истребителем. Вся его сознательная жизнь прошла в летных частях. После окончания училища он длительное время был инструктором, готовил летчиков. В авиации КБФ проявился его летный талант.

В 1939 г., когда Кондратьев служил в 13-м истребительном авиационном полку, его по праву называли воздушным следопытом. На одном из островов долго не могли обнаружить хорошо замаскированную зенитную батарею противника. Кондратьев, умело используя рельеф местности, на бреющем полете прошел над лесом и выяснил ее местонахождение. В другой раз нашел береговую батарею. Он штурмовал вражеские корабли и колонны пехоты, сбивал вражеские машины в воздухе и уничтожал их на земле. Здесь, на Балтике, в числе первых 18 летчиков Военно-Морского Флота Кондратьев получил высокое звание Героя Советского Союза.

Его назначили командиром полка. Он идеально владел машиной и выжимал из нее все, что она могла дать.

В пужный момент командир полка всегда появлялся в самых опасных местах боя. Своим спокойствием, а когда требовалось, то и собственным примером Кондратьев поднимал боевой дух летчиков. Летчики, техники, матросы не только глубоко уважали своего командира за абсолютное бесстрашие, но и любили за подкупающую простоту обращения, за заботу о людях, за душевность и чуткость.

Это был опытный воздушный боец. Когда он появлялся в воздухе, гитлеровская служба оповещения предупреждала своих летчиков, что в воздухе «альтер кэмпфер» (старый вояка) и от него лучше уходить.

...Замечательным летчиком был Алексей Васильевич Коронец, командир 71-го авиационного полка. Вспоминаю его удивительное самообладание, покрасневшие от бессонницы глаза — работал сутками, непонятно, когда и отдыхал.

В первые тяжелые месяцы войны полк Коронца уничтожил при штурмовках тысячи гитлеровцев, сбил в воздухе десятки вражеских самолетов. Отважно сражались в небе Кронштадта истребители его полка.

Высокий, широкоплечий, подвижной, строгий, даже суровый, с умными живыми глазами — таким остался у меня в памяти командир полка Алексей Васильевич Коронец. На Балтике все знали майора Алексея Коронца. Был он неумолимо строг, когда дело касалось боевых заданий, но и заботлив, сердечен.

Он успевал быть всюду: на командном пункте, в кубриках, в самолетных рейфугах; без его наблюдения не пробежит по линейке ни один самолет, ни один не поднимется в воздух, не пойдет на посадку.

Коронец отлично знал достоинства и недостатки каждого летчика. Провинившегося наказывал по-своему: отстранял от боевых вылетов. Он знал, что такое наказание очень тяжело для настоящего летчика.

Он всегда сам проводил занятия с летчиками. Учил их тактике боевых действий над морем, учил ориентироваться над водными просторами, определять классы кораблей.

Коронец создал в полку рационализаторское бюро и сам руководил его работой. Много было тогда придумано замечательных усовершенствований. Как истый истребитель, командир полка глубоко изучил боевые возможности своих самолетов. Он пришел к заключению, что можно увеличить боевой груз «чайки». После соответствующих изменений в бомбодержателях Коронец сам вылетел на испытания. Пробив облака над Петергофом, сбросил бомбовый груз на гитлеровские казармы.

Вернувшись, сказал:

— Всем делать, как я!

На самые ответственные, сопряженные с наибольшей опасностью задания Алексей Коронец всегда сам вел свои эскадрильи.

— Когда мы, молодые летчики, — рассказывал Герой Советского Союза Александр Батулин, — пришли в полк, наш командир майор Коронец сказал: «Я прощу ошибку, прощу даже зазнайство, но никому не позволю запятнать честь полка».

Коронец делал все, чтобы его полк был лучшим на Балтике. Этому же добивался и комиссар Сербин. И полк стал краснознаменным, гвардейским.

* * *

В том, что самолеты были всегда в строю, не подводили летчиков в воздухе, была немалая заслуга таких специалистов 71-го полка, как инженеры Андрей Зырянов и Сергей Свиринов, техники Алексей Гуськов, Николай Тестов, Георгий Головкин, Захир Масуфранов и многие другие.

Техник-лейтенант Алексей Гуськов построил шалаш из чехлов самолета и в жестокие морозы, ночью, при тусклом свете, «лечил» мотор своей «чайки». И мотор — специалисты считали, что восстановить его невозможно, — заработал.

В стороне от летного поля лежал разбитый при вражеской штурмовке истребитель. Казалось, что машина уже ни к чему не пригодна. Техник Г. Федоров трудился день и ночь, работал за клепальщика и слесаря, за токаря и электрика и отремонтировал самолет. Истребитель вновь поднялся в воздух.

Заслуженной славой мастера на все руки пользовался техник Захир Масуфранов. Трижды вводил он в строй свою «чайку», причем в последний раз сам руководил подъемом ее со дна залива.

На этой вошедшей в историю полка машине наши летчики сбили 29 самолетов противника, провели немало штурмовок. На этой машине сражался и Герой Советского Союза Александр Батулин.

* * *

Балтийская авиация росла и крепла в боях. Ширился фронт боевых действий авиации флота. И тогда Военный совет Краснознаменного Балтийского флота принял

решение о создании еще одного аэродрома для летчиков-балтийцев.

Песок, валуны — и ни одного метра ровной поверхности... Как здесь построить взлетно-посадочную площадку?

Матросы трудились круглосуточно. Пилили деревья, корчевали пни, зарывали в землю огромные валуны. Когда площадка была почти готова, стало ясно, что для взлета и посадки самолетов она не годится. Но бетонировать ее или асфальтировать не было возможности. Для этого требовались механизмы, специалисты, материалы, а самое главное — время. Решили всю площадку выложить плитами из твердого лесного грунта. Закрепили их деревянными колышками. Построили землянки для летного состава и укрытия для самолетов.

В мае 1942 г. из Кронштадта сюда перебазировалась 2-я эскадрилья «чаек» майора Николая Королева. Началась боевая страда..

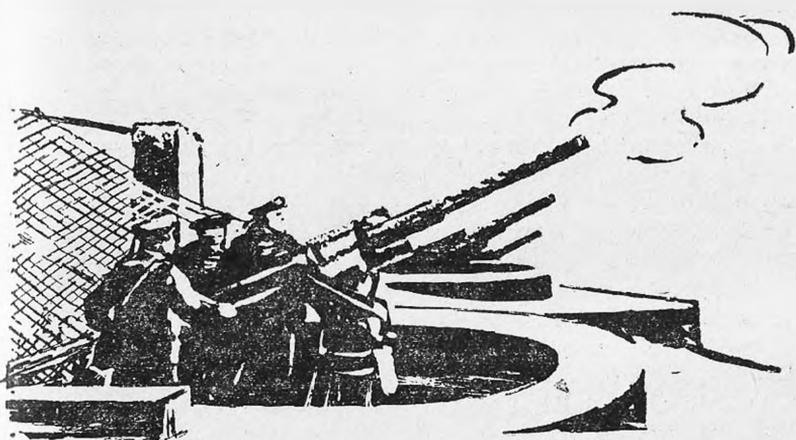
Эскадрилья прикрывала наши корабли и подводные лодки, наносила штурмовые удары по островам в Финском заливе, занятым противником. За полгода балтийские истребители эскадрильи Королева сбили 26 самолетов, потопили 8 кораблей и катеров врага.

На острове Пенисари гитлеровцы создали базу катеров и большой склад боеприпасов. Противник рассчитывал действовать отсюда против наших подводных лодок. Уничтожить базу поручили эскадрилье Королева. Рано утром 7 мая 1942 г. в воздух поднялись «чайки». Истребители преодолели плотный огонь кораблей и многочисленных зенитных батарей, установленных на острове, и разгромили базу противника. В этом бою в самолет молодого летчика И. Тристана попал зенитный снаряд. Огонь быстро охватил машину. У летчика оставался один выход — немедленно прыгать с парашютом, но тогда он неминуемо попал бы в плен. И. Тристан предпочел героическую смерть и направил горящую «чайку» на склад боеприпасов. Полсуток потом рвались боеприпасы, уничтожая все вокруг...

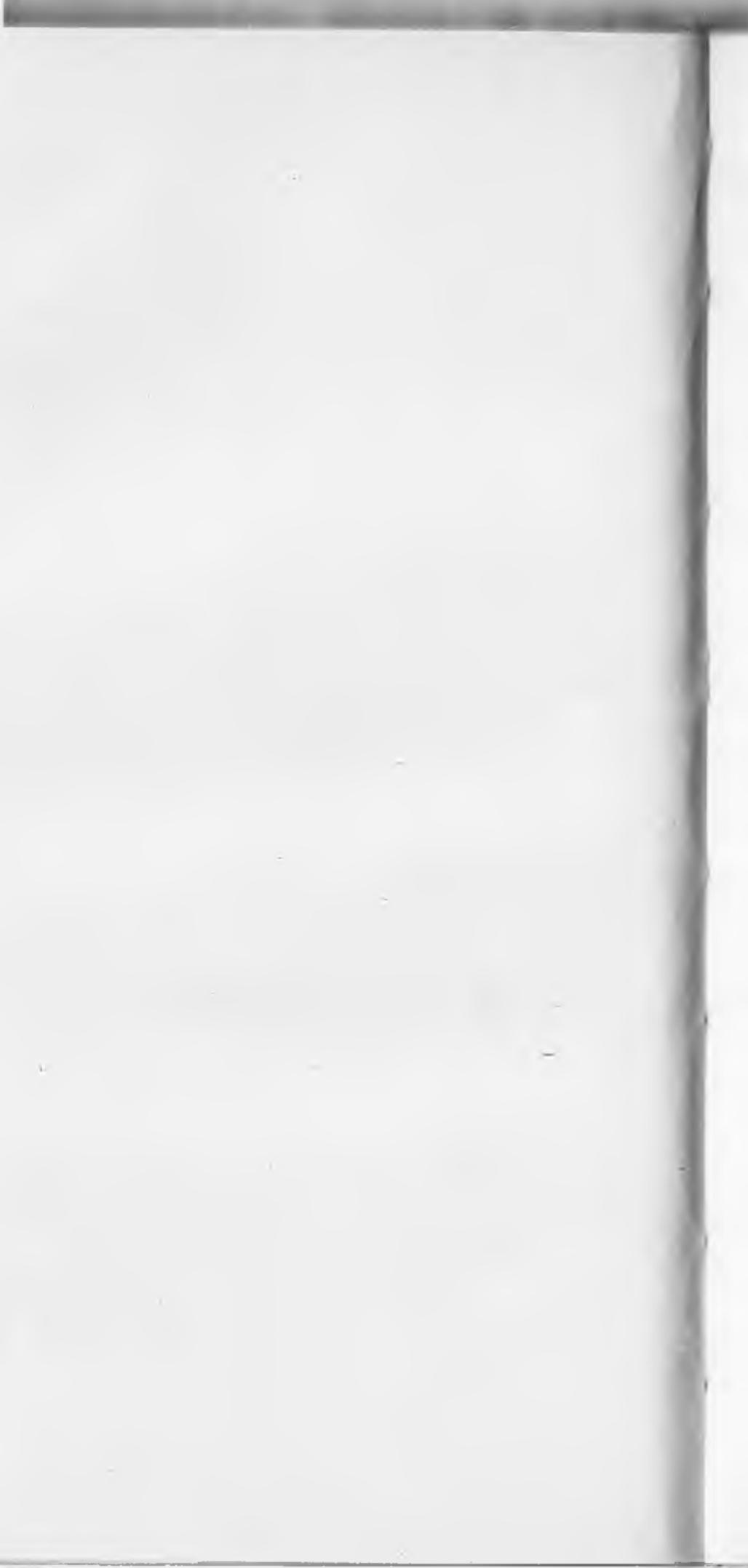
Так защищали Советскую Родину летчики 10-го и 3-го гвардейских полков 1-й гвардейской истребительной авиационной дивизии ВВС КБФ.

Где ветры бушуют сердито,
Где волны залива шумят,
Стоит наш родной, знаменитый,
Прославленный в битвах Кронштадт...

Николай Браун,
поэт-балтиец

**КРЕПОСТЬ
И ГОРОД**

Вторая половина июля 1941 г. После тяжелых боев с превосходящими силами гитлеровцев в Прибалтике части Красной Армии отходили к Копорью. Враг намеревался отрезать, а затем пленить или сбросить в море наши войска, захватить форты на южном берегу Финского залива. Противник подходил к Сестре-реке, рвался к Ленинграду...

Врагу не удалось осуществить свои планы. На помощь частям Красной Армии пришли бригады морской пехоты. Мощные удары нанесла артиллерия Краснознаменного Балтийского флота. Месяц, считая с первого дня войны, понадобился гитлеровцам, чтобы выйти к Копорью, на подступы к Ленинграду. Еще месяц враг пытался сломить сопротивление армейских и флотских частей, прорваться к заливу в районе Ижор — ведь оставалось каких-то 20—30 километров, — не вышло. Фронт на южном берегу Финского залива и на Карельском перешейке стабилизировался, враг был остановлен на рубеже зоны огня нашей береговой артиллерии.

Все 900 дней битвы за Ленинград береговая артиллерия — стационарная и железнодорожная — вела контрбатарейную борьбу. Почти одновременно с первыми залпами врага в ответ гре-

мели орудия батарей Кронштадтской крепости. Артиллерия противника не смогла перекрыть морские дороги от Кронштадта к острову Лавенсари и тем самым закрыть нашим подводным лодкам путь в Балтику, помешать движению кораблей по Невской губе.

Ленинград защищали на суше десятки тысяч моряков-балтийцев. Сформированные в считанные дни, пройдя ускоренную боевую подготовку, бригады, полки и батальоны морской пехоты направлялись на самые трудные участки фронта. В октябре 1941 года моряки из Кронштадта проявили массовый героизм в десантах, высаженных в тыл штурмующим Ленинград гитлеровцам. Десанты морских пехотинцев в районе Петергофа, Урицка и Стрельны отвлекли значительные силы врага, вынудили его ослабить наступление на Ленинград.

Отважно действовали в боях за Ленинград и Кронштадт зенитные батареи частей ПВО.

С первых дней войны и до окончательного разгрома врага под Ленинградом в одном ряду с воинами-балтийцами сражались граждане Кронштадта. Не размеры города, не численность его населения определяют славу города. Невелик Кронштадт, но трудно, наверное, встретить на земле уголок, где не было бы известно его имя. В честь Кронштадта названы улицы во многих городах мира. Слово «Кронштадт» звучит в стихах поэтов на многих языках.

Славные страницы вписал город Кронштадт в замечательную историю Великой Отечественной войны. Граждане города — рабочие прославленного Морского завода и других предприятий, служащие, интеллигенция — стояли на своих боевых постах под вражескими бомбами и снарядами. Это были именно боевые посты: рабочий у станка, медицинская сестра и врач в госпитале, инженер и партийный работник активно помогали фронту, находясь в двойном кольце блокады, по существу на передовой. Ведь для того, чтобы добраться из Ленинграда до Кронштадта, нужно было прорваться сквозь огневую завесу гитлеровской артиллерии. Но как бы ни было

трудно, в суровую пору первой блокадной зимы рабочие и инженеры ремонтировали боевые корабли, выпускали продукцию для фронта.

Наблюдатели врага просматривали с Петропавловского собора даже улицы Кронштадта. Как только перед сменой или после нее на улице Аммермана показывались группы рабочих Морского завода, гитлеровская артиллерия немедленно открывала огонь. Но город жил. Не только работали заводы, пекарни, бани, водопровод — в клубах, на кораблях и батареях выступали артисты флотских ансамблей и театра, самодеятельные коллективы. Артисты и писатели приезжали из Ленинграда. Работали библиотеки.

Ушли на фронт — во флот, в морскую пехоту и в народное ополчение — тысячи трудящихся Кронштадта. К станкам встали женщины и подростки. И под руководством немногих ветеранов они вводили в строй боевые корабли, выпускали снаряды и мины, переоборудовали суда для перевозки войск и боевой техники, приближая тем самым час разгрома врага у стен Ленинграда. И он настал.

Пришел январь 43-го. Войска Ленинградского фронта при поддержке морской артиллерии, морской пехоты и авиации Краснознаменного Балтийского флота прорвали блокаду города Ленинграда.

Начиная с ноября этого же года, скрытно от врага, началась переброска войск Ленинградского фронта на Ораниенбаумский плацдарм. Из Ленинграда, из Лисьего Носа кронштадтские буксиры и баржи, тральщики и речные суда перевозили более 50 000 бойцов, автомашины и танки, орудия и минометы, десятки тонн боеприпасов и других грузов.

В январе 1944 г. 125 орудий береговой стационарной и железнодорожной артиллерии калибром от 406 до 100 миллиметров нанесли сокрушительные удары по гитлеровским войскам. Вместе с войсками Ленинградского фронта громила врага флотская авиация. Стремительным ударом на юго-запад с Ораниенбаумского плац-

дарма бригады морской пехоты прорвали оборону гитлеровцев и после недели успешного наступления в первые дни февраля вышли к реке Нарве.

И вот артиллерия Кронштадтской крепости замолчала, — противник отступил за пределы досягаемости огня стационарных батарей. Только железнодорожные батареи продолжали свой путь на запад, и их залпы гремели у Кенигсберга и Пиллау.

В июле 1944 г. артиллерия Кронштадтской крепости в последний раз вела огонь, сокрушая укрепления противника на Карельском перешейке. Морская пехота в эти дни при поддержке кораблей и авиации флота освобождала от врага острова, открывая путь на Выборг. Началось перебазирование на запад и многих береговых батарей.

В 1944 г. кронштадтцы вместе с ленинградцами праздновали разгром врага у стен города, — фронт ушел далеко на запад. Выстоял Ленинград, выстоял, выполнил свой долг его форпост, его огневой щит — Кронштадт.

И. Н. ФЕДЬКОВ,
генерал-майор артиллерии.

*Начальник штаба Кронштадтского
укрепленного сектора Береговой обо-
роны КБФ в 1941—1944 гг.*

ЗАЛПЫ ФОРТОВ КРОНШТАДТА

Война застала меня в Выборге, где я служил начальником оперативного отделения штаба Выборгского сектора Береговой обороны КБФ. В последних числах июня 1941 г. меня вызвали к командующему флотом. В приемной я встретил полковника Д. И. Терещенко. Дмитрия Ивановича я знал до войны — он был инспектором управления боевой подготовки штаба ВМФ и не раз проверял части Береговой обороны КБФ, где я служил. Опытного артиллериста незадолго до начала войны назначили командиром форта Красная Горка.

Мы вошли в большой светлый кабинет командующего флотом, и вице-адмирал В. Ф. Трибуц кратко ознакомил нас с положением дел и сказал, что нужно срочно укреплять береговую оборону Кронштадта, сделать его неприступной крепостью. Военный совет флота уже принял решение по укреплению обороны восточной части Финского залива; в частности, существующая Береговая оборона разворачивается в три артиллерийских соединения: Кронштадтский укрепленный сектор (КУС), Ижорский укрепленный сектор (ИУС) и Лужский укрепленный сектор (ЛУС). Полковник Терещенко назначен командантом КУС, бригадный комиссар П. Е. Дорофеев — комиссаром, а капитан Федьков — начальником штаба. Необходимо в кратчайший срок сформировать

штаб и подготовить артиллерию фортов к боевым действиям. Об окончании реорганизации нужно доложить командиру Кронштадтской военно-морской базы к 7 июля.

Штаб свой мы укомплектовали командирами из наших же частей. Капитан К. А. Генисарецкий, старший лейтенант Н. П. Виноградов, старший лейтенант В. С. Кайда, старший лейтенант П. А. Тищенко, старший лейтенант Н. В. Кочеров, майор Н. И. Никитин — вот первоначальный штаб КУС.

Формировался и отдел политпропаганды КУС. Начальником его стал полковой комиссар П. О. Новиков, а инструкторами — Н. Е. Данилов, И. П. Козловский, М. П. Коновалов и С. М. Федоренко.

Начальником артиллерии к нам назначили полковника Н. Н. Зевельта.

До 1940 г. Кронштадт располагал мощной береговой обороной. Три его укрепленных района — Кронштадтский, Ижорский и Западный — были вооружены стационарной и железнодорожной артиллерией калибром от 45 до 356 миллиметров. Береговая артиллерия, корабли флота, минные заграждения надежно защищали Кронштадт и подступы к Ленинграду. Стационарная артиллерия дислоцировалась на морских и береговых фортах, а железнодорожная — на специальных железнодорожных позициях. Морские форты — искусственные инженерные сооружения, построенные в восточной части Финского залива, перед Кронштадтом, из насыпного грунта и железобетона, — по своей мощи были неодинаковы: «северные» и «южные» имели на вооружении орудия калибром от 45 до 120 миллиметров, а так называемые литерные — «П», «О» и «Р» — от 45 до 254 миллиметров.

Особенно мощными были форты Первомайский («П») и Обручев («О»), вошедшие в строй перед началом первой мировой войны. Вся их боевая техника, боезапас, командные пункты командиров дивизиона и батарей, все складские и жилые помещения находились в железобетонных укрытиях, способных выдержать попадания крупных снарядов и авиабомб.

В 1940 г. флот ушел в Прибалтику на новые базы, отодвинулась граница и на Карельском перешейке. Кронштадт оказался в глубоком тылу. Вся железнодорожная артиллерия была отправлена на оборону новых военно-морских баз, а стационарную артиллерию объ-

единили в одно соединение — КУС — Кронштадтский укрепленный сектор со штабом в Лебяжьем. Кроме того, половину всей артиллерии законсервировали.

Вот в таком состоянии оказалась береговая оборона Кронштадта в первые дни войны. Теперь предстояло в короткий срок не только восстановить мощную береговую оборону Кронштадта до уровня 1940 г., но и усилить ее.

В состав КУС, где я был начальником штаба, входили все морские форты. На них дислоцировались отдельные артиллерийские дивизионы (ОАД).

В первые дни войны на фортах сменились все командиры дивизионов, начальники штабов и почти половина командиров батарей. Новые командиры дивизионов майор П. С. Резников, капитан М. И. Алексеев, капитан А. Ф. Акимов, капитан Г. А. Астахов имели хорошую подготовку.

В это же время на форты стали приходиться из запаса командиры, сержанты и краснофлотцы. Для них сразу же организовали боевую подготовку по сокращенным программам из расчета по 10—12 часов в сутки, и те задачи, которые в мирное время отрабатывались месяцами, теперь осваивались в недельные сроки.

Коммунисты и комсомольцы в боевой учебе были впереди. В те дни очень много поступало заявлений от личного состава о принятии в партию. Наши политработники, парторги и комсорги проводили большую работу, мобилизуя бойцов на выполнение поставленных задач. Особенно хорошо в первые дни войны была организована боевая и политическая подготовка на форту Обручев. Там командир дивизиона М. И. Алексеев и заместитель по политической части Н. Н. Дорменко сумели в короткое время подготовить дивизион к боевым действиям.

Шла работа и по оборудованию командного пункта — КП — штаба, для которого приспособили железобетонное помещение старинной постройки. Позднее, летом 1942 г., авиация противника бомбила наш КП. Две бомбы по 500 килограммов упали в 5—7 метрах от него, не причинив вреда, если не считать сбитых радиантенн.

29 августа 1941 г. из Таллина в Кронштадт перебазировался штаб флота. Кронштадтскую военно-морскую базу переименовали в крепость Кронштадт, которой

стал командовать генерал-майор Г. С. Зашихин. Комиссаром был назначен бригадный комиссар П. В. Боярченко, начальником штаба — полковник П. Д. Николаев.

В середине августа к нам на КП прибыл начальник штаба флота контр-адмирал Ю. А. Пантелеев. Заслушав доклад Д. И. Терещенко и мой о боевой готовности артиллерии фортов, он дал указание готовиться к отражению не только морского противника, но и сухопутного. Адмирал приказал также подготовить артиллерию фортов к поддержке наших войск на Карельском перешейке.

Через некоторое время комендант КУС и с ним командиры фортов Резников, Алексеев и Астахов выехали на Карельский перешеек и решили все вопросы по использованию артиллерии фортов. Противник уже входил в зону их стрельбы.

При хорошей видимости с фортов просматривалась Приморская шоссеиная дорога. Наши артиллеристы готовились дать бой врагу. С этой целью на фортах Первомайский и Обручев было организовано наблюдение, которое позволяло корректировать огонь артиллерии.

В первых числах сентября противник на Карельском перешейке с боями подошел к Териокам (ныне Зеленогорск). Командование 23-й армии потребовало от флота оказать артиллерийскую поддержку нашим частям. Чтобы установить контакт с командованием сухопутных частей, мы направили в штаб 23-й армии начальника артиллерии полковника Н. Н. Зевельта.

6 сентября Н. Н. Зевельт сообщил, что в районе Териок ожидается наступление противника и командование армии просит поддержать наши войска артиллерией.

Д. И. Терещенко решил поехать на форт «П» и отсюда управлять артиллерией, а мне велел ехать на форт «С». Ночью на маленьком катере я и начальник связи В. С. Кайда отправились на форт.

На пристани нас встретил командир форта М. И. Алексеев. Это был хороший артиллерист, прекрасный организатор, пользующийся авторитетом у подчиненных и командования.

Пока я проверял боевую готовность батарей, начальник связи организовал прямую телефонную связь со штабом 23-й армии. Позвонил Н. Н. Зевельт и взволнованным голосом сообщил, что противник начал наступать в районе Териок, наши части отходят по Приморскому

шоссе и командование армии просит артиллерию фортов задержать противника. В это же время наблюдатели форта заметили в районе Териок движение техники и войск, но кто это — наши или противник — определить не смогли.

После того как Зевельт уточнил местонахождение войск противника, я приказал командиру дивизиона М. И. Алексееву открыть огонь по развилке дорог в Териоках и доложил коменданту КУС о принятом решении. Д. И. Терещенко одобрил мои действия и сообщил, что по дороге южнее Териок будут вести огонь форт «П» и форты «северные». Связь со штабом 23-й армии работала хорошо, и оттуда постоянно нам сообщали координаты целей.

Вот так и к нам пришла война.

В стереотрубу мы с командиром дивизиона наблюдали огромные взрывы наших тяжелых фугасных снарядов в районе дороги. Вскоре там вспыхнули пожары, и всякое движение прекратилось.

Вели огонь и соседние форты. Мощный артиллерийский удар заставил противника остановить наступление.

Во второй половине дня наблюдатели вновь заметили большое движение вражеских войск по дороге. И снова заработали наши батареи. Теперь точность огня стала выше, дорога была уже пристреляна. Но когда сгустились сумерки и наша артиллерия не могла вести прицельный огонь, противник возобновил наступление и вскоре вышел к старой государственной границе на реке Сестре. Продвинуться дальше к Ленинграду врагу не удалось. Прошло еще несколько суток. Мне позвонил Н. Н. Зевельт и сообщил, что, по данным разведки, противник в районе реки Сестры сосредоточивает технику и пехоту для наступления на Ленинград. Командование армии планирует нанести массированный удар по врагу сухопутной и флотской артиллерией.

И вот в назначенный час загремели залпы десятков мощных орудий. Только батареи фортов израсходовали 1860 снарядов крупного и среднего калибров. В результате противник вынужден был отказаться от наступления.

В первых артиллерийских ударах по врагу отличились бойцы майора П. С. Резникова, капитана М. И. Алексеева и капитана Г. А. Астахова.

После упорных боев за Белоостров и Сестрорецк, в которых также активно участвовала артиллерия фортов, к концу сентября 1941 г. наши войска закрепились на реке Сестре. Фронт здесь стабилизировался до 1944 г.

Пока артиллеристы фортов помогали частям 23-й армии сдерживать наступление противника на Карельском перешейке, гитлеровцы вплотную подошли к Ленинграду с юго-запада. В середине сентября, прорвав нашу оборону, две вражеские дивизии вышли на побережье Финского залива в районе Петергоф — Стрельна. Но войска 8-й армии и морская пехота при мощной поддержке береговой артиллерии, кораблей и авиации флота удержали Ораниенбаумский плацдарм, сыгравший в дальнейшем большую роль в разгроме врага под Ленинградом. Кронштадт сразу уже оказался на переднем крае.

Подтянув артиллерию ближе к побережью, во второй половине сентября враг начал обстреливать Кронштадт, форты и корабли, стоящие на рейде. Только за три последних месяца 1941 г. на территории кронштадтского Морского завода разорвалось более 1200 снарядов. Рвались снаряды и бомбы и на улицах города.

Несколько артиллерийских батарей «южных» и «северных» фортов, а также корабли, стоявшие в Кронштадте, в том числе и линейный корабль «Марат» с 305-миллиметровыми орудиями, могли вести борьбу с артиллерией противника, но этого было недостаточно. К тому же мы, естественно, не могли знать, какие действия предпримут гитлеровцы: ограничатся обстрелами и бомбежками или попытаются захватить Котлин и морские форты. Поэтому командование флота решило в кратчайшие сроки создать артиллерийскую противодесантную оборону Кронштадта. Командующий флотом приказал коменданту КУС полковнику Д. И. Терещенко совместно с инженерным и артиллерийским управлениями флота сформировать и установить в черте города тринадцать артиллерийских береговых батарей. Потом их свели в три отдельных артиллерийских дивизиона: 160-й, 170-й и 190-й. Одновременно также формировался и строился 18-й отдельный артиллерийский дивизион.

Батареи установили на позициях, выбранных полковником И. Ф. Кустовым и майором Н. И. Скородумовым в районах Морского завода, госпиталя, Ленинградской

пристани, Якорной площади и Петровского парка. Командирами новых дивизионов назначили капитанов А. В. Будкевича, И. А. Корсаева и С. Ф. Кудряшова. Позже, после эвакуации гарнизона острова Бьёрке, командиром одного из дивизионов стал Л. П. Крючков.

С середины сентября 1941 г. связь Кронштадта и Ораниенбаумского плацдарма с Ленинградом осуществлялась по Морскому каналу или через Лисий Нос. По этим коммуникациям проходили боевые корабли и снабжались войска.

Гитлеровцы неоднократно пытались заминировать фарватеры с воздуха, но корабли Охраны водного района вытраливали мины. Противник выделил также специальную группу артиллерии и неоднократно пытался уничтожить наши конвои.

Командование флота стало планировать и осуществлять переходы в ночное время, когда артиллерия противника не могла вести прицельный огонь. Гитлеровцы разгадали нашу тактику и сосредоточили на южном берегу Финского залива группу прожекторов. С наступлением темноты они освещали фарватеры.

Для борьбы с прожекторами и батареями врага использовалась корабельная и железнодорожная артиллерия, стационарные батареи. От КУС для этих целей мы выделили следующие батареи: 775-ю (командир батареи старший лейтенант Б. Б. Дементьев), 776-ю (командир батареи старший лейтенант А. А. Канаев), 777-ю (командир батареи капитан Н. А. Скнар), 143-ю (командир батареи старший лейтенант Г. П. Строганов), 343-ю (командир батареи старший лейтенант И. И. Тешков). Особенно успешно выполняли эту задачу батареи, расположенные в южной части Кронштадта.

Чаще других вела огонь по противнику в районе Петергоф — Стрельна 776-я батарея. За ней числилось немало побед — к концу войны на стволах орудий было нарисовано по 10—12 красных звезд. Мне довелось не раз быть на батарее, когда ее орудия вели огонь. Но и враг обрушивал на нее сотни снарядов. Случались потери в людях, выходила из строя техника, но батарея жила. Командовал ею старший лейтенант А. А. Канаев, помощником у него был лейтенант В. П. Герасимов, замполитом — капитан Н. А. Андреев.

А. А. Канаев — в прошлом инженер научно-исследовательского института — с начала войны добровольно

пришел на флот. Человек высоких духовных качеств, скромный, даже застенчивый, он обладал хорошими организаторскими способностями, четко и умело выполнял свои нелегкие обязанности. В настоящее время А. А. Канаев — доктор технических наук, профессор.

С наступлением темноты и до рассвета орудия этой батареи находились в готовности к немедленному открытию огня. Как только появлялся луч прожектора, Канаев четко и уверенно подавал команды и батарея открывала огонь фугасно-осколочными снарядами. Разрыв снаряда вблизи прожектора выводил его из строя. Но тут же темноту ночи прорезали лучи других прожекторов. Тогда вступали в бой другие наши батареи и не давали противнику освещать наши козволы, а значит и обстреливать их. Так проходила борьба за «малую дорогу жизни». Борьба с прожекторами противника нередко перерастала в артиллерийский бой, в котором с обеих сторон участвовали десятки батарей разного калибра.

Такие артиллерийские дуэли не только обеспечивали переходы наших кораблей и транспортов, но и отвлекали артиллерию противника от обстрела Ленинграда.

С наступлением зимы, когда установился прочный лед на заливе, все снабжение Кронштадта осуществлялось по льду на автомашинах и гужевым транспортом. Пришлось и мне проехать по этой дороге поздней осенью 1941 г. Нам с бригадным комиссаром П. Е. Дорофеевым нужно было попасть в Лисий Нос. Автотранспорт еще не ходил, разрешалось движение только на лошадях и пешеходам. Мы поехали на санях. Погода была нелетная — значит, можно не бояться нападения авиации противника, которая часто производила налеты на эту дорогу. Дул сильный встречный ветер, но на гладком льду снега почти не было, изредка попадались большие торосы. Мы проехали полпути, когда вдруг впереди нас на дороге разорвалось несколько снарядов. Пробив тонкий лед, они подняли огромные столбы воды. Наша лошадь погибла от осколков, но мы уцелели и пешком добрались до Лисьего Носа.

Для наблюдения за противником и корректировки артиллерийского огня в полосе 42-й армии, на Петергофско-Урицком направлении, мы организовали несколько постов. Главный пост оборудовали в Кронштадте на вышке Морского собора, второй — на одном из «север-

ных» фортов и третий — в Лисьем Носу. Все посты имели между собой связь по телефону и радио.

Артиллерийские разведчики вели непрерывно наблюдение за действиями противника, и, как только вражеские батареи открывали огонь, их немедленно засекали со всех постов. Все данные передавали на вышку Морского собора, где их обрабатывали и таким образом определяли координаты стреляющих батарей гитлеровцев. После этого наша артиллерия вступала в контрбатарейную борьбу с противником.

С самого начала пост наблюдения на соборе возглавлял лейтенант Л. Л. Шретер. Это был трудолюбивый и спокойный офицер. Его помощник — сержант В. И. Прохоров — войну начал на Ханко и к нам прибыл уже обстрелянным. На вышке собора круглосуточно несли вахту младший сержант П. П. Колпаков, краснофлотцы Ф. П. Логинов, К. Н. Федоров и Л. А. Леонов. Это был наш лучший пост. Его данные использовала и береговая, и корабельная артиллерия. При хорошей видимости с него можно было наблюдать весь передний край противника, его стреляющие батареи. Поэтому на этом посту часто бывали и командиры артиллерийских дивизионов, и начальники артиллерии секторов.

Зима 1941/42 г. была не только длинная, но и морозная, как говорится, лютая. Уже в середине ноября восточная часть Финского залива замерзла. Мороз с каждым днем усиливался, лед становился толще — возникла реальная опасность наступления противника по льду.

До войны в Кронштадте дислоцировались Кронштадтский крепостной стрелковый полк и 42-й отдельный батальон, но они ушли на фронт и в критический момент остров Котлин остался без сухопутных войск. Поэтому в сентябре 1941 г. из личного состава флота срочно сформировали несколько батальонов морской пехоты.

С наступлением ледостава противник мог попытаться захватить Кронштадт, наступая с Карельского перешейка и с Петергофско-Стрельнинского направления. Осенью 1941 г., с приближением зимы, комендант крепости генерал-лейтенант А. Б. Елисеев поставил задачу КУС: не допустить противника с Карельского перешейка к Кронштадту и не дать ему обойти по льду левый фланг 23-й армии, державшей фронт на Карельском перешейке. Наша линия обороны на льду от Сестрорецка до Толбухина маяка требовала чуть ли не двух стрелко-

вых дивизий. Правда, нам обещали в случае наступления противника два стрелковых полка 23-й армии — они должны были по нашему сигналу прибыть в районы фортов. Но расчеты показывали, что помощь запоздает и надеяться на нее не следует.

Мы решили выставить между фортами 45-миллиметровые пушки и минные поля из противопехотных и противотанковых мин.

Я предложил в ночное время от каждого форта высылать на лед разведку, дозоры и боевое охранение. Для этого нужно было каждую ночь выделять от фортов по крайней мере по 200—250 человек за счет сокращения артиллерийских расчетов. Это, конечно, ослабляло мощь нашей артиллерии, но другого выхода не было.

Мы доложили наши предложения коменданту крепости генералу А. Б. Елисееву, и он утвердил наш план обороны на льду.

В конце ноября этот план был приведен в действие. С наступлением темноты и до рассвета, при любой погоде, на лед выходили в дозоры и боевое охранение сотни людей.

В январе 1942 г. наш штаб решил проверить организацию обороны на льду. С группой офицеров штаба и политотдела я вечером на аэросанях выехал на форт Обручев. Там нас встретил командир форта М. И. Алексеев, и мы все пошли по льду в район боевого охранения. Ночь была холодная, дул пронизывающий ветер. Идущий впереди матрос-автоматчик держал в руке провод, проложенный между фортом и боевыми охранениями. Это был уже отработанный способ ориентировки при ночном передвижении по льду. В кромешной тьме мы шли около часа. Вдруг: «Стой! Пароль!» — мы у боевого охранения.

Лейтенант М. И. Божков коротко доложил обстановку и предложил отдохнуть и погреться. Пройдя немного в сторону, он открыл дверь. Мы вошли в низкое помещение — сборную щитовую будку. Их устанавливали на льду для отдыха личного состава, засыпали снегом и заливали водой. Ледовый панцирь, присыпанный свежим снегом, служил маскировкой и одновременно хорошей защитой.

В будке стояла раскаленная печурка, тускло светила электрическая лампочка от аккумулятора. Немного от-

дохнув и отогревшись, мы пошли вдоль боевого охранения, где в окопах из льда и снега размещались пулеметчики. Между будками ходили парные дозоры, а еще дальше, в сторону противника, уходили в поиск разведчики.

Вскоре мы убедились, что оборона на льду создавалась не напрасно. В январе 1942 г., ночью, в полосе обороны форта «П» противник силою до батальона пытался вести наступление, но своевременно был обнаружен нашими дозорами и благодаря умелым и решительным действиям командира форта П. С. Резникова отброшен с потерями.

Так действовала оборона на льду в первую суровую военную зиму. В апреле снег начал быстро таять, обнажая наши многочисленные минные поля. С каждым днем лед становился слабее. И нас это радовало: противник теперь уже не мог наступать ни с южного, ни с северного берега залива.

В конце апреля к нам на КП стали поступать с фортов донесения о многочисленных взрывах на льду. Начальник инженерной службы М. Ф. Чернышов разъяснил, что это рвутся мины от движущегося льда.

Летом 1942 г. был создан КМОР — Кронштадтский морской оборонительный район, которым стал командовать Г. И. Левченко, в то время капитан 1-го ранга. Начальником штаба КМОР назначили капитана 1-го ранга Н. Э. Фельдмана, начальником политотдела — полкового комиссара М. С. Родионова.

Произошли изменения и в командовании КУС. Начальником политотдела был назначен полковой комиссар Л. Е. Копнов, прекрасный организатор, человек большой душевной чистоты, глубоко идейный и принципиальный.

Всю работу политотдела, замполитов, пропагандистов, партийных и комсомольских организаций частей и подразделений Лаврентий Егорович подчинял одной цели — выполнению боевой задачи. Был назначен и новый начальник артиллерии подполковник В. С. Волин.

Прибытие В. С. Волина совпало с передислокацией к нам из Ленинграда железнодорожной 180-миллиметровой батареи и установкой 152-миллиметровой и 130-миллиметровой батарей. Эти мощные и дальнбойные орудия усилили возможности контрбатарейной борьбы как на северном, так и на южном направлениях.

Разумеется, централизованное управление артиллерией КУС шло через штаб. На нашем КП круглые сутки находилось командование КУС и офицеры штаба, очень много работы было у операторов и связистов. Все, и офицеры, и рядовые, отдыхали и спали урывками. Особенно трудно было в первые месяцы войны и в первую блокадную зиму. Мы опасались тогда ночной атаки противника, а поэтому с наступлением темноты все приводилось в боевую готовность и на КП ночь превращалась в день. Сутками работали майор С. М. Кузнецов, подполковник В. С. Волин, капитан К. А. Генисарецкий, майор Л. И. Левицкий, капитан Б. В. Бударин, старший лейтенант М. Е. Поляков, старший лейтенант Н. П. Виноградов, старший лейтенант В. С. Кайда.

В октябре 1943 г. Ставка Верховного Главнокомандования утвердила план проведения операции по разгрому гитлеровцев под Ленинградом. Оперативный замысел этой операции заключался в том, чтобы нанести по врагу двойной удар: 2-й ударной армией и 42-й армией во взаимодействии с флотом. Обе армии наступали с разных направлений и должны были соединиться в районе Ропши, окружив и разгромив Стрельнинско-Петергофскую группировку.

Было решено сосредоточить до трех четвертей всей артиллерии фронта на направлении главных ударов. Большая роль отводилась флотской артиллерии. Благодаря этому Ленинградский фронт получал трех-четыре-кратное превосходство в артиллерии на Гостилицком и Пулковском направлениях. В ноябре 1943 г. командующий флотом в общих чертах определил задачу береговой и корабельной артиллерии, но конкретно сроков проведения предстоящей операции не указал.

Перед началом наступления с Ораниенбаумского плацдарма планировалось провести мощную артиллерийскую подготовку, пробить дорогу в обороне противника для пехоты и танков.

Всю артиллерию флота свели в пять артиллерийских групп. В первую, которой командовал подполковник Е. А. Проскурин, входила артиллерия КУС, ИУС и несколько кораблей флота. Всего в этой группе имелось 84 орудия среднего и крупного калибра, 17 из них — 305-миллиметровых.

С октября 1943 г. началась подготовка артиллерии КУС к участию в операции. Большую помощь в подго-

товке к операции нам оказали начальник штаба Береговой обороны Краснознаменного Балтийского флота полковник Т. М. Зубов и подполковник Н. И. Скородумов.

Перевозка 2-й ударной армии из Ленинграда в Ораниенбаум, которую прикрывали наши артиллеристы, и подвозка большого количества боезапаса на батареи свидетельствовали о том, что день наступления близок.

На выполнение поставленных задач нам потребовалось очень много артиллерийского боезапаса. Одна только 130-я батарея (командир капитан Н. П. Бакшин, заместитель лейтенант Н. А. Смирнов) за двое суток израсходовала 1240 снарядов. Командование флота решило снарядов не экономить, лишь бы лучше выполнить поставленную задачу.

Наконец-то наступило долгожданное время — ночь с 13 на 14 января 1944 г. Все мы, от командира сектора до матроса, ждали этого дня. Для участия в артиллерийском ударе все было подготовлено, все знали свои задачи. Командование КУС находилось на КП, и, хотя начало удара назначили на утро, никто ночью не спал — так велико было напряжение.

В ту ночь волновались и не спали и наши начальники — контр-адмирал Г. И. Левченко, генерал Н. В. Кустов, полковник Т. М. Зубов.

И вот в 9.35 дан сигнал. Почти одновременно ударили десятки батарей армейской и флотской артиллерией по вражеской обороне в районе Гостилиц и Дятлиц. Здесь приготовился наступать 43-й стрелковый корпус генерала А. И. Андреева. 65 минут продолжался этот ураганный огонь, поднимая в воздух промерзшую землю, разрушая оборонительные сооружения, уничтожая живую силу и технику противника. А затем, когда войска 2-й ударной армии пошли в наступление, наши снаряды полетели в глубину обороны гитлеровцев. В ходе наступления от штабов наступающих соединений поступали заявки на открытие огня по различным целям. И сразу же гремели орудия батарей.

За первые сутки наступления орудия первой артиллерийской группы провели более 130 стрельб, израсходовав тысячи снарядов среднего и крупного калибров. В тот день особенно хорошо стреляли батареи капитана Н. П. Ваганова, капитана Н. П. Бакшина и старшего лейтенанта Н. А. Новицкого.

Наступил второй день битвы за освобождение Ленинграда.

15 января стояла тихая морозная погода, видимость хорошая. Вместе с начальником артиллерии подполковником В. С. Волиным я рано утром приехал на наблюдательный пункт на вышке кронштадтского Морского собора, — отсюда нам предстояло управлять артиллерией. Еще раньше поднялся сюда командир 12-го ОАД подполковник М. И. Алексеев — он руководил в эти дни артиллерийскими разведчиками и корректировщиками.

Я доложил коменданту КУС полковнику Д. И. Терещенко и начальнику штаба Береговой обороны КБФ полковнику Т. М. Зубову о готовности к бою.

Стрелка часов медленно подходила к назначенному времени. И вот в 9.25 со всех сторон грянули залпы орудий. Картина была впечатляющая! Грохотали залпы 305-миллиметровых пушек линкора «Марат», стоявшего в гавани Кронштадта. Из района кладбища вела огонь 254-миллиметровая батарея старшего лейтенанта Я. И. Корсунского, недалеко от нее виднелись длинные стволы 180-миллиметровой батареи капитана Н. П. Ваганова — она также вела огонь. Ветер не доносил звука залпов стреляющих батарей «южных» и «северных» фортов и батарей в Лисьем Носу, но по то и дело появляющимся облачкам порохового дыма было ясно, что орудия стреляют в хорошем темпе. А внизу, вокруг собора, залпами вели огонь батареи 160-го и 170-го отдельных артиллерийских дивизионов.

От залпов стоял оглушительный грохот. В районе полосы обороны противника, по которой била сухопутная и флотская артиллерия, пылало море огня. 254-миллиметровые снаряды со взрывателем замедленного действия глубоко проникали в мерзлый грунт и, взрываясь, поднимали огромные фонтаны земли. Такие снаряды — вес каждого 225 килограммов! — уничтожали самые прочные укрепления врага.

1 час 40 минут длилась артиллерийская подготовка, сокрушая вражескую оборону. В начале боя несколько батарей противника открыли огонь по нашим батареям, но артиллерийские разведчики быстро их засекли. Начальник артиллерии В. С. Волин подал команды, ударили залпы, и батареи гитлеровцев замолкли одна за другой.

На второй день после освобождения Петергофа я побывал там с группой офицеров. Мы увидели плоды работы наших артиллеристов: разрушенные укрепления, разбитую технику...

21 января были освобождены Пушкин, Тосно, Гатчина; гитлеровцы яростно огрызались, пытались удержаться, но под ударами наших войск отступали все дальше и дальше.

Командующие 42-й и 2-й армиями, командиры корпусов и дивизий неоднократно благодарили наших артиллеристов за отличную стрельбу. После завершения разгрома гитлеровцев под Ленинградом 335-я батарея капитана Н. А. Новицкого была награждена орденом Красного Знамени, на стволах многих орудий прибавились красные звезды. 542 воина КУС получили правительственные награды.

27 января 1944 г. Ленинград салютовал из 324 орудий в ознаменование одержанной победы.

Теперь войска Ленинградского фронта стали готовиться к разгрому противника на Карельском перешейке. К проведению операций по разгрому врага на Карельском перешейке привлекались 21-я и 23-я общевойсковые, 13-я воздушная армия и Краснознаменный Балтийский флот. По решению командующего фронтом главный удар планировалось нанести частями 21-й армии при поддержке флотской артиллерии из районов Сестрорецк, Белоостров и, развивая наступление вдоль Финского залива, овладеть Выборгом.

9 мая командующий флотом приказал начать подготовку к предстоящей операции, а немного позже командующий артиллерией 21-й армии и начальник Береговой обороны флота генерал-майор артиллерии Н. В. Арсеньев конкретно уточнили задачи, стоящие перед нашей артиллерией.

Вновь, как и в январской операции, решающая роль в прорыве обороны противника отводилась флотской и армейской артиллерии и авиации. Артиллерия морских фортов могла вести огонь по боевым порядкам противника от переднего края обороны до Териок, по Приморской дороге. С учетом этого поставили задачу артиллерии: на первом этапе боя разрушать оборону, подавлять тяжелые батареи в глубине обороны, а затем парализовать Приморскую шоссеиную и железную дороги, разрушать узлы сопротивления и узлы связи противника,

обеспечивать артиллерийским огнем продвижение наших войск.

13 мая начальник артиллерии КУС подполковник В. С. Волин и я уточнили все необходимое для четкого взаимодействия войск и флотской артиллерии. С этого времени и началась тщательная подготовка штаба и частей КУС к участию в операции.

В середине мая под руководством коменданта КУС мы провели командно-штабную игру на картах с командирами частей и их штабами. Полковник Д. И. Терещенко требовал от командиров ясного понимания предстоящих действий. Одновременно штаб провел несколько учений по связи, для отработки боевого управления.

Тщательно проверял свое сложное хозяйство наш начальник связи подполковник Н. С. Гришин. В штабе КУС разрабатывались документы по использованию артиллерии на всех этапах боя. Эту большую работу выполняли майор К. А. Генисарецкий, капитаны Н. П. Виноградов и Л. В. Алемасов.

Комендант КУС решил также усилить посты артиллерийской разведки и корректировки, а для лучшего взаимодействия с частями 109-го стрелкового корпуса, который наступал от Сестрорецка вдоль побережья Финского залива, мы выделили группу офицеров-артиллеристов под руководством старшего лейтенанта М. О. Букчина. Во время наступления группа очень хорошо выполнила свои задачи, дошла с войсками корпуса до Териок и последний раз корректировала огонь батарей фортов с териокского собора.

Большая подготовка проводилась на фортах. На батареи завезли большое количество боезапаса, причем не баржами, как это делалось в мирное время, а на небольших разъездных катерах, даже на шлюпках — фарватеры заминировал противник. Одновременно бригады рабочих из Кронштадта совместно с личным составом батарей ремонтировали и готовили артиллерию к бою.

В первых числах июня генерал Н. В. Арсеньев с подполковником Н. И. Скородумовым тщательно проверили готовность к операции, начиная от штаба КУС и кончая батареями.

Перед началом операции для лучшего взаимодействия с частями 21-й армии подполковник В. С. Волин с группой офицеров штаба выехал на ВПУ (выносной пункт управления) в район Сестрорецка.

8 июня 1944 г. вечером на форт «П» прибыли командующий КБФ адмирал В. Ф. Трибуц, член Военного совета вице-адмирал Н. К. Смирнов. К нам на КП пришли командующий КМОР вице-адмирал Ю. Ф. Ралль и начальник политотдела КМОР генерал-майор Г. Ф. Быстриков. Полковник Д. И. Терещенко коротко доложил адмиралу о готовности артиллерии и предложил ему подняться на вышку нашего КП, откуда хорошо просматривались все морские форты и побережье Карельского перешейка. Но адмирал потребовал от меня, как от начальника штаба КУС, подробного доклада об использовании артиллерии в предстоящей операции. Его интересовало, как мы будем выполнять боевые задачи, как распределены цели между батареями, какова организация корректировки огня, целеуказания и взаимодействия с сухопутными войсками. Словом, адмирал учинил мне настоящий экзамен по предстоящему бою. И хотя я знал, что он опытный моряк, хорошо знает штабную службу, но никогда не предполагал, что он отлично разбирается и в артиллерийских вопросах. Если я пытался ограничиться общими фразами или опустить детали, Ю. Ф. Ралль тут же меня останавливал и требовал доложить подробно. За время моего доклада с меня сошло «семь потов». Урок этот я запомнил навсегда и в душе часто благодарил Юрия Федоровича за науку.

Убедившись, что у нас все готово к бою, адмирал позвонил командующему флотом, долго с ним о чем-то говорил, а потом ушел на вышку. Так накануне операции незаметно прошла ночь.

9 июня в 8.00 по сигналу сотни стволов флотской и сухопутной артиллерии начали ломать оборону противника. Передний край врага скрылся в дыму и огне, в воздухе плыли большие облака пыли и дыма. Во многих местах возникли пожары. Но мощные взрывы снарядов 123-й батареи старшего лейтенанта Я. И. Корсунского, 122-й батареи старшего лейтенанта Д. А. Варфоломеева и 113-й батареи старшего лейтенанта С. Г. Гуревича наблюдались хорошо. В тот день только батареи фортов провели около 70 стрельб и выпустили тысячи снарядов. Об этом свидетельствует «Журнал боевых действий КУС».

За день в полосе наступления 21-й армии было разрушено около 180 крупных инженерных сооружений и

уничтожено около трех десятков тяжелых батарей. Так закончился первый день битвы. Под вечер артиллерия замолкла, и сразу стало очень тихо.

Через день, 10 июня, ровно в 6.00 по плану командующего 21-й армией началась артиллерийская и авиационная подготовка для прорыва обороны противника. Наши батареи крупного калибра разрушали укрепления врага, узлы связи, били по Приморской железной дороге.

С утра погода была тихая, солнечная, видимость отличная. Это особенно радовало наших артиллеристов. Около 7 часов наблюдательные посты фортов обнаружили большое движение техники и живой силы по Приморскому шоссе. Полковник Терещенко сразу же приказал командирам фортов сосредоточить огонь батарей по этим целям. Буквально через несколько минут по всей видимой части дороги начали рваться снаряды. С вышки нашего КП адмирал Ю. Ф. Ралль наблюдал за стрельбой. Он дал высокую оценку артиллеристам и приказал после боя представить лучших к правительственным наградам.

Около 11.00 командир форта «О» доложил нам, что наблюдатели обнаружили движение эшелонов по железной дороге в районе Териоки — Райвола. Об этом я сразу же сообщил адмиралу Раллю, но он сказал, что артиллерией командует комендант КУС — пусть он и решает этот вопрос. Д. И. Терещенко тут же приказал командирам фортов П. С. Резникову, М. И. Алексееву и А. Ф. Акимову заняться железной дорогой противника, не выпуская из виду Приморское шоссе. В это время подполковник В. С. Волин позвонил к нам на КП и передал просьбу командующего артиллерией 21-й армии произвести артиллерийский налет на железнодорожную станцию Райвола, где воздушная разведка обнаружила большое скопление подвижного состава и войск противника. И вот пошли залпы 180-миллиметровой железнодорожной батареи капитана Н. П. Ваганова. Стрельбу батарей корректировал самолет-корректировщик, пилотируемый капитаном Н. И. Крестининым. До этого он неоднократно корректировал огонь наших крупных батарей и был к этому хорошо подготовлен.

20 июня 1944 г. войска Ленинградского фронта освободили Выборг. Наш КУС оказался в тылу, за линией фронта...

Г. М. ЯИЧНИКОВ,

полковник.

Военный комиссар Ижорского укрепленного сектора Береговой обороны КБФ в 1941 г.

ВРАГ НЕ ПРОШЕЛ

Перед началом Великой Отечественной войны я был начальником отдела политпропаганды Кронштадтского сектора Береговой обороны. В состав этого мощного артиллерийского соединения входили «северные» и «южные» форты, расположенные на искусственных островах в заливе, форты на острове Котлин, Краснофлотский (Красная Горка), Красногвардейский (Серая Лошадь), отдельные артиллерийские дивизионы и другие береговые части. Командовал сектором комбриг П. И. Лаковников.

В июле 1941 г. решением Военного совета КБФ наш сектор разделили на три: собственно Кронштадтский, Лужский и Ижорский (комендант комбриг П. И. Лаковников; в конце августа его сменил генерал-майор Г. Т. Григорьев). Комиссаром Ижорского сектора (позже одно время он назывался укрепленным районом) назначили меня.

В наш сектор вошли наиболее мощные артиллерийские части бывшего Кронштадтского сектора, находившиеся на южном берегу Финского залива: 31-й и 33-й отдельные артиллерийские дивизионы, 49-й зенитный артиллерийский полк, бронепоезда «Балтиец» и «За Родину», база железнодорожной артиллерии, Объединенная школа береговой и противовоздушной обороны (БО и ПВО), запасный артиллерийский полк и другие части.

В первые недели войны, после расформирования Западного укрепленного района, в подчинение нашего Ижорского сектора перешли отдельные морские железнодорожные артиллерийские батареи № 11, 12, 18 и 19 и 2-я бригада морской пехоты, а с начала сентября — 5-я бригада морской пехоты.

Командование, штаб и политотдел Ижорского сектора с первого дня развернули работу по подготовке к предстоящим боям. Бойцы и командиры готовились встретить врага по-балтийски. В конце июля и в августе спешно устанавливались новые артиллерийские батареи. Командиры из штаба нашего сектора — полковник А. Ф. Ярыгин, майоры Т. М. Зубов и А. Т. Яременко, капитаны А. А. Ильин, М. Д. Филимонов, М. А. Соловьев и В. М. Москвин, интендант 1-го ранга А. П. Иванов, военинженеры 2-го ранга Ф. С. Зверев и Ф. А. Баширов — работали с большим напряжением, отдыхали урывками — два-три часа в сутки. С признательностью вспоминаю помощь — и советом, и консультацией — коммунистов начальника артиллерии Е. А. Проскурина, начальника оперативного отдела Т. М. Зубова. Тесный контакт с коммунистами штаба позволял мне как комиссару сектора своевременно учитывать изменения обстановки, вместе с комендантом сектора принимать грамотные решения, относящиеся к боевой деятельности частей.

В первые дни войны органы политической пропаганды были преобразованы в политотделы, их права по организации партийно-политической работы расширены. Одновременно был введен институт военных комиссаров.

Положение о военных комиссарах, утвержденное Президиумом Верховного Совета СССР, возлагало на них ответственные задачи. Военком являлся представителем партии и правительства и вместе с командиром полностью отвечал за выполнение личным составом боевой задачи, за поведение бойцов в бою. Военком должен был воспитывать воинов так, чтобы они дрались с врагами Родины до последней капли крови и отстаивали каждую пядь советской земли. «Если командир является главою полка, то комиссар должен быть отцом и душой своего полка», — говорилось в этом положении. Комиссары руководили политической работой, сплачивали личный состав и помогали командирам в решении боевых задач.

В начале войны политотдел Ижорского сектора представлял собой хорошо подготовленный и крепко спаянный коллектив политработников.

Начальником политотдела был полковой комиссар А. В. Медведков, его заместителем — батальонный комиссар М. Е. Белов. В политотделе также работали батальонные комиссары В. Г. Самсонов, Н. А. Краснов, старшие политруки В. А. Беляев, С. З. Ратницкий, В. В. Галинский, В. В. Шуленко, политруки С. Л. Березняков, А. С. Пухов и К. Л. Митрошин. Политические работники сыграли особенно большую роль в повышении боеспособности частей в первые месяцы войны. Наши комиссары Г. И. Шинкаренко, Г. Ф. Гош, В. Л. Аблин, И. А. Заигров, П. А. Каменский, М. И. Марфин, К. Н. Кудзиев, И. И. Новиченко, Кудрявцев, Т. Д. Никандров всегда служили примером мужества, образцово выполняли воинский долг.

Одним из лучших комиссаров был военком 196-го отдельного артиллерийского дивизиона старший политрук Г. И. Шинкаренко. Я хорошо знал его по совместной службе в Балтийском флотском экипаже. Во время артиллерийской стрельбы комиссар всегда находился на огневых позициях и, когда требовалась обстановка, сам помогал орудийным расчетам.

Большую роль в жизни, боевой деятельности наших частей играли партийные организации. Они помогали командирам и комиссарам воспитывать стойких, храбрых, мужественных и дисциплинированных воинов, преданных своей Родине.

В тех случаях, когда позволяла обстановка на фронте, в частях и подразделениях проводились партийные собрания. Командиры и комиссары говорили о задачах партийных организаций по обеспечению боевых операций, о состоянии воинской дисциплины, об авангардной роли коммунистов и комсомольцев, подводили итоги боев, обсуждали политико-массовую работу в подразделениях и частях.

Если же собрание первичной парторганизации провести было невозможно, собирали коммунистов на делегатское партийное собрание. Помню, такое собрание провели в Объединенной школе БО и ПВО.

Предварительно члены партийного бюро беседовали с секретарями низовых партийных организаций и с отдельными коммунистами. На собрании присутствовало

66 коммунистов. Доклад об авангардной роли коммунистов в выполнении боевых заданий сделал военком старший политрук П. А. Каменский.

Но особенно большое значение имела индивидуальная работа с коммунистами. Лучшие бойцы вступали в ряды партии. Специальным постановлением ЦК ВКП(б) порядок приема в партию командиров и бойцов, особо отличившихся в боях, был упрощен. Краснофлотцы и командиры получали боевые характеристики и при вступлении в партию представляли рекомендации трех членов партии с годичным партийным стажем, знающих их по совместной работе. Только за пять месяцев 1941 г., с 1 августа по 30 декабря, мы приняли в кандидаты партии в 31-м отдельном артиллерийском дивизионе 58 человек, а на бронепоезде «Балтиец» — 17 человек.

В сентябре 1941 г. в одной из парторганизаций 3-го полка морской пехоты, где секретарем был Терещенко, принимали лучших моряков в члены и кандидаты партии по боевым характеристикам.

Первым разбирали заявление о приеме в партию комсомольца командира отделения разведки сержанта Винкусова. 8 сентября группа разведчиков под его командованием проникла в тыл противника и захватила гитлеровского ефрейтора, который дал нашему командованию ценные сведения.

Сержант Винкусов был единогласно принят в партию. На этом же собрании в ряды партии приняли краснофлотцев Карандашова, Банькова, Ильина, Гусева, Полуднева и Любченко.

Наши политработники и руководители партийных организаций помогали комсомольским организациям воспитывать бойцов так, чтобы каждый комсомолец мужественно и стойко защищал свою Родину.

Комсомольские собрания в частях были короткими, решения — лаконичными: краснофлотцы клялись следовать революционным и боевым традициям балтийцев, сражаться насмерть, но не отступать.

Мы широко пропагандировали боевые дела особо отличившихся комсомольцев. Одним из них был младший лейтенант С. А. Филипченко. Он хорошо владел немецким языком и не раз добровольно во главе группы разведчиков ходил во вражеский тыл. Разведчики получали ценные сведения о расположении войск противника,

системе обороны и численности частей, добывали важные документы, совершали диверсии в тылу врага.

Активное участие в политической работе в Ижорском секторе в это время принимали писатели Лев Успенский и Александр Яшин. Они оказывали нам большую помощь: составляли для политотдела листовки и обращения, писали очерки и статьи о лучших командирах и краснофлотцах для газеты Ижорского сектора. Л. В. Успенский часто выступал с лекциями.

Лев Васильевич почти все время находился на бронепоезде «Балтиец», а А. Яшин — в бригадах морской пехоты. Однажды Яшин обратился ко мне с просьбой разрешить ему принять участие в разведке во вражеский тыл. Я ему отказал, но вскоре узнал, что в разведку он все же ходил.

В конце сентября 1941 г. прибыл к нам писатель Александр Зонин. Он также сразу включился в работу политотдела: писал для нашей газеты интересные очерки и статьи, редактировал листовки и обращения.

Редактор Е. Е. Кириллов и сотрудник редакции Г. М. Мажанет делали все для того, чтобы газета была интересной, содержательной, поднимала воинский дух бойцов.

В первые же дни войны перед нами встала очень серьезная задача: разъяснить всем нашим воинам характер войны, чтобы они глубоко поняли, какая опасность нависла над Советской Родиной.

Партийно-политическая работа среди воинов была направлена на воспитание их в духе советского патриотизма, беззаветной преданности Коммунистической партии и Советскому правительству, на образцовое выполнение боевых задач.

Большую роль в политической работе сыграло январское обращение Главного командования Северо-Западного направления и Ленинградского обкома и горкома ВКП(б). В нем говорилось: «Враг пытается проникнуть к Ленинграду. Он хочет разрушить наши жилища, захватить фабрики и заводы, разграбить народное достояние... Но не бывать этому. Ленинград — колыбель proletарской революции, мощный промышленный и культурный центр нашей страны — никогда не был и не будет в руках врагов...»

Обращение заканчивалось призывом:

«Вооруженные железной дисциплиной, большевистской организованностью, мужественно встретим врага и дадим ему сокрушительный отпор...»

Это обращение зачитывали в подразделениях, обсуждали на митингах и собраниях.

С волнением было встречено также в те дни письмо рабочих Кировского завода, адресованное бойцам, командирам и политработникам, защищающим город Ленина. Оно было зачитано и на митинге личного состава 196-го отдельного артиллерийского дивизиона. На нем выступили командиры, политработники и краснофлотцы. Единодушно была принята резолюция, в которой воины дивизиона поклялись выполнить наказ рабочих и не допустить фашистских захватчиков к Ленинграду. Такую же клятву дали балтийцы и в других частях.

В конце августа части 8-й армии и Ижорского сектора уже вели ожесточенные бои у Котлов и Копорья.

23 августа Ижорский укрепленный сектор перешел в оперативное подчинение командующего 8-й армией. Это положительно сказалось на взаимодействии наших и армейских частей.

Ослабленным в боях частям 8-й армии большую помощь оказала 2-я бригада морской пехоты (командир Н. С. Лосяков, военком батальонный комиссар С. Д. Антонченко). Бригада была укомплектована краснофлотцами и командирами кораблей и частей Краснознаменного Балтийского флота. После упорных боев наши части под давлением превосходящих сил врага были вынуждены отойти в район железнодорожной станции Котлы. Части 2-й бригады несли большие потери, но дрались стойко.

Политотдел бригады приложил много сил для создания в ходе боев полнокровных ротных партийных организаций, обеспечив правильную расстановку коммунистов и повышение их роли. Работники политотдела организовали политическую работу и в бою сами показывали примеры стойкости и мужества.

Командир бригады майор Н. С. Лосяков, военком батальонный комиссар С. Д. Антонченко и начальник политотдела полковой комиссар А. Г. Алексеев и другие командиры и политработники находились среди бойцов на самых опасных участках боев.

После ранения майора Лосякова в командование

бригадой вступил капитан 3-го ранга Н. Л. Луцкий. В бою погиб комиссар бригады С. Д. Антонченко. Его заменил начальник политотдела бригады полковой комиссар А. Г. Алексеев. Вскоре и его ранили.

По приказанию командования района к временному исполнению обязанностей комиссара бригады приступил батальонный комиссар М. Е. Белов — заместитель начальника политотдела Ижорского сектора.

Наши части были вынуждены оставить Котлы и отступить к Копорью. Морские пехотинцы вместе с частями 268-й стрелковой дивизии не раз переходили в контратаки, даже выбили противника из поселка Копорье, но гитлеровцам удалось удержать старинную крепость.

Части 8-й армии и бригаду морской пехоты поддерживали артиллерийским огнем форт Красная Горка, морские железнодорожные артиллерийские батареи, бронепоезда «Балтиец» и «За Родину». Но и у Копорья нашими частям не удалось закрепиться — в первых числах сентября линия фронта пролегла по реке Воронке.

На смену 2-й бригаде морской пехоты в район реки Воронки в начале сентября прибыла 5-я бригада морской пехоты (командир полковник В. К. Зайончковский, военком полковой комиссар И. М. Соколов). Позже ее переименовали в 71-ю морскую стрелковую бригаду.

Вместе с частями 8-й армии 5-я бригада продолжала вести упорные бои.

2-ю бригаду морской пехоты отвели на отдых и пополнение, а потом перебросили в район Гостилиц. В командование бригадой вступил полковник В. М. Ржанов, комиссаром стал бригадный комиссар Г. Т. Земляков. Она также позже была переименована и стала именоваться 48-й морской стрелковой бригадой.

Гитлеровцы предприняли многочисленные атаки, но им не удалось прорваться за реку Воронку.

На участке фронта в районе Усть-Рудицы—Коваши вела бои с 15 августа Объединенная школа береговой и противовоздушной обороны (начальник школы майор Н. Я. Кантович, комиссар старший политрук П. А. Каменский).

Итак, фронт на участке Ижорского сектора держали изможденные боями части 8-й армии, бригады и полки морской пехоты, потерявшие в боях значительную часть

своих бойцов. Противник был остановлен благодаря мужеству и стойкости советских воинов и мощи балтийской береговой и корабельной артиллерии.

Вот как выглядят события тех дней по оперативным сводкам.

1 сентября. Шли бои в районах Кесколово, Котлы, Ламоха и Брызгово. Канонерская лодка «Красное знамя» и 305-миллиметровая батарея Красной Горки вели огонь по войскам противника, находящимся на побережье Копорского залива.

7 сентября. Батареи Красной Горки, линкор «Октябрьская революция» и крейсер «Киров» нанесли артиллерийский удар по скоплению войск противника в районах Верхние Рудицы, Заостровье и Дятлицы.

8 сентября. Канонерская лодка «Красное знамя» при обеспечении двух тральщиков и двух катеров «МО» вела огонь по противнику в районе реки Воронки.

Линкор «Октябрьская революция», крейсер «Киров» и батареи Ижорского укрепленного сектора обстреляли скопление войск противника в районах Заостровье, Дятлицы, Готовужи.

9 сентября. Крейсер «Киров» вел огонь по врагу южнее шоссе Дятлицы.

10 сентября. Крейсер «Киров» вел огонь по врагу южнее шоссе Дятлицы. Линкор «Октябрьская революция», крейсер «Киров» нанесли удар по противнику в районе Дятлицы, а линкор «Марат» и крейсер «Максим Горький» — в районе Кипень.

И так — день за днем.

В крушении планов гитлеровского командования выйти к заливу у наших фортов, сбросить в воду части 8-й армии и морскую пехоту особенно велика роль фортов Красная Горка и Серая Лошадь.

Фортом Красная Горка командовал капитан Г. В. Коптев. После ликвидации Выборгского сектора его заменил полковник В. Т. Румянцев.

В эти дни особенно большое значение для успеха артиллерийских ударов имела работа артиллерийских разведчиков — корректировщиков огня. Одним из лучших разведчиков был старшина Токарев. Он точно засекал огневые точки, скопления танков и живой силы и передавал их координаты на командный пункт. И тяжелые снаряды метко обрушивались на врага.

В начале декабря артиллерия форта успешно при-

крывала наши корабли, перевозившие бойцов с Ханко в Кронштадт. Не успели батареи противника с северного берега Финского залива открыть огонь, как меткие выстрелы артиллерии форта заставили их замолчать.

Старшина Филиппов, сержант Прокофьев, младший сержант Самородов, краснофлотцы Корниенко, Каршин, Василенко — вот имена особенно отличившихся артиллеристов форта Красная Горка.

С наступлением зимы форт начал засылать в тыл врага разведывательные группы. 19 ноября вышел в тыл гитлеровцев отряд из 60 лыжников под командованием политрука П. И. Ковалева.

10 декабря отряд из 152 лыжников под командованием капитана Г. В. Комова и военкома политрука М. Н. Кошкина проник во вражеский тыл у деревень Керново и Систопалкино. Балтийцы истребили около 200 солдат и офицеров противника, уничтожили 5 дозов, 5 противотанковых орудий, склад боеприпасов и захватили пленных.

На Красной Горке была сильная, крепко сплоченная партийная организация. Комиссар форта старший политрук И. Ф. Крылов и затем сменивший его батальонный комиссар Г. Ф. Гош умело руководили партийно-политической работой. Инициативно работали секретари партийных организаций Чуев, Филиппов и Крищенко, секретари комсомольских организаций Дибровенко, Котеничев и Самородов. В конце 1941 г. на форту с большой пользой для дела провели слет боевого актива, на котором присутствовали лучшие воины-коммунисты. На слете обсудили меры по дальнейшему повышению качества боевых стрельб и укреплению дисциплины.

В начале августа в 33-м отдельном артиллерийском дивизионе сформировали 341-ю батарею 100-миллиметрового калибра. Позже она вошла в состав 197-го артиллерийского дивизиона. Командиром батареи был назначен лейтенант В. И. Лачин, военкомом — политрук Г. Д. Никандров. Материальную часть для нее взяли из учебного кабинета Объединенной школы БО и ПВО.

Коммунистов на батарее было немного, но зато больше трети комсомольцев. Командир, комиссар и партийная организация сумели в короткий срок создать дружный боевой коллектив.

Новая батарея сразу же поддержала огнем части 11-й дивизии 8-й армии и 5-ю бригаду морской пехоты, занимавших рубежи на реке Воронке. Только за первые две недели сентября батарея провела 67 боевых стрельб и уничтожила 10 танков, 57 автомашин, подавила 12 артиллерийских батарей.

Высокое мастерство показали командир огневого взвода старший сержант Ф. Н. Куприенко, командиры орудий младшие сержанты А. И. Кудрявцев, Н. И. Воронцов, краснофлотцы Егоров, Ешин, Шмарев, Валяев, Коробочкин, Овсянников и другие балтийцы.

Я не раз бывал на батарее, поздравлял ее личный состав с боевыми успехами. Много раз батарея подвергалась обстрелу вражеской артиллерии и налетам авиации. Но отличная маскировка, высокая дисциплина личного состава и его умелые действия помогли сохранить орудия.

Осенью 1941 г. состоялось открытое партийное собрание 197-го артиллерийского дивизиона (командир капитан А. Ф. Шакура, военком старший политрук И. А. Заигров).

На нем присутствовали почти все бойцы. После доклада капитана А. Ф. Шакуры коммунисты и беспартийные выступили с дельными предложениями по ускорению установки пушек. Собрание сыграло свою роль: новые артиллерийские батареи дивизиона вошли в строй раньше срока, установленного командованием.

В решающие дни боев на Ораниенбаумском плацдарме неоценимую помощь частям 8-й армии и бригадам морской пехоты оказали батареи морской железнодорожной артиллерии и бронепоездов «Балтиец» и «За Родину».

В ходе боев мне не раз приходилось встречаться с командиром 11-й железнодорожной батареи капитаном М. И. Мазановым, его заместителем старшим лейтенантом С. И. Жуком и комиссаром батареи старшим политруком И. И. Новиченко. Это были отлично подготовленные боевые командиры.

Хорошо помню капитана М. И. Мазанова, великолепного мастера артиллерийского огня. К сожалению, Михаилу Ивановичу недолго пришлось командовать батареями. 27 сентября под Красным Селом он был смертельно ранен.

Активно участвовали в боях также морские желез-

подорожные батареи: № 12 — старшего лейтенанта Г. И. Барбакадзе, № 18 — майора Н. Н. Крайнева и № 19 — старшего лейтенанта В. Н. Меснянкина. Их орудия 180-миллиметрового калибра стреляли на дальность около 40 километров. Противник, испытав сокрушительные удары этих батарей, пытался неоднократно уничтожить их с воздуха, но каждый раз терпел неудачу.

* * *

Артиллеристы и морские пехотинцы Ижорского сектора, бойцы 8-й армии сорвали планы гитлеровского командования: враг не вышел к Финскому заливу, вынужден был остановиться и перейти к обороне. Путь из Ленинграда и Кронштадта на запад, в Балтику, остался в наших руках. В январе 1944 г. вместе с войсками 2-й ударной армии, прибывшей на Ораниенбаумский плацдарм, нанесли сокрушительный удар по гитлеровцам и части Ижорского сектора. Враг был разгромлен... Я рад был узнать о замечательных боевых делах бывших своих сослуживцев. Вместе с мощной артиллерией Ижорского сектора били по врагу в те дни и орудия 1-й гвардейской артиллерийской железнодорожной бригады, комиссаром которой я стал с февраля 1942 г.

В. М. МОСКВИН,

подполковник.

Командир оперативной части Лужского укрепленного района Береговой обороны КБФ в июле — августе 1941 г.

БАЛТИЙЦЫ ВЫСТОЯЛИ

В июле—августе 1941 г. я служил в оперативном отделе штаба Лужского укрепленного сектора (ЛУС), который предназначался для артиллерийского прикрытия стоянок и переходов наших кораблей в районе островов Сескар и Лавенсари и в Лужской губе, а также для отражения морских десантов на побережье Нарвского залива и Лужской губы.

Командование, штаб и политотдел ЛУС размещались в поселке на берегу озера Бабинское и в ближайших деревнях.

Комендантом ЛУС был генерал-майор Н. Ю. Денисевич. Ветеран гражданской войны, Николай Юлианович командовал Береговым отрядом сопровождения зимой 1939/40 г. Генерал был человеком строгим и требовательным, но заботливым и душевным, с юмором — слушать с ним было хорошо.

В состав нашего района входили две батареи 21-го артиллерийского дивизиона (одна из них находилась на мысе Курголоцкий, вторая — на мысе Колгомпя), артиллерийские дивизионы и гарнизоны на островах Лавенсари и Сескар, 2-я бригада морской пехоты. Бригада имела три стрелковых батальона, танковый батальон, артиллерийский дивизион и несколько мелких специальных подразделений. В начале июля в оперативное подчинение коменданта прибыли три отдельные железнодорожные артиллерийские батареи — 11, 12 и 18-я. 11-я

имела 356-миллиметровые пушки, две другие — 180-миллиметровые. Батареями командовали капитан М. И. Мазанов, старший лейтенант Г. И. Барбакадзе и майор Н. Н. Крайнев. Мощные орудия обслуживал прекрасно подготовленный личный состав.

Военные события развивались стремительно. Противник приближался к границам Ленинградской области. Его авиация бомбила наши объекты, транспорт на дорогах, выбрасывала диверсионные группы парашютистов. По дорогам шли к фронту подкрепления. В обратном направлении тянулись беженцы с малыми детьми и домашним скарбом — пешком, на повозках, велосипедах. Колхозы увозили в тыл имущество, сельскохозяйственные машины.

Боевые действия наших частей начались с отражения налетов авиации противника, поиска и уничтожения парашютистов.

14 июля 1941 г. мы получили сообщение из штаба Кингисеппского укрепленного района о том, что противник форсировал реку Лугу, в районе села Ивановское идут бои. Нас просили оказать помощь. Генерал Н. Ю. Денисевич спешно направил к Ивановскому стрелковый батальон морской пехоты и вместе с командирами железнодорожных батарей выехал к начальнику артиллерии Кингисеппского укрепленного района полковнику Тынянову. После уточнения обстановки транспортеры вышли на позиции, и наши орудия впервые открыли огонь по врагу. Морские артиллеристы нанесли удары по скоплениям войск гитлеровцев, по их переправам через реку Лугу и другим важным целям. Управление стрельбой и корректировку огня вели командиры батарей Г. И. Барбакадзе, М. И. Мазанов и Н. Н. Крайнев с переднего края, находясь в боевых порядках частей Кингисеппского укрепленного района.

19 июля общими усилиями удалось остановить противника. Но на правом берегу Луги гитлеровцы удержали плацдарм с населенным пунктом Ивановское. Враг перешел к обороне и стал ожидать подхода подкреплений.

В эти дни отдельные транспортеры и батареи железнодорожной артиллерии не раз вели огонь по переправам и скоплениям войск в районе поселков Ивановское, Поречье, Муревейно и других. Позиции для стрельбы занимали, как правило, ночью. После отстрела батареи

немедленно свертывались, и паровозы уводили транспортеры в лес. Благодаря четкой организации удавалось избежать ударов авиации и артиллерии противника.

Железнодорожные батареи наносили гитлеровцам большой урон. Ведь снаряды 356-миллиметровых орудий весили 749 килограммов! Эти орудия предназначались для стрельбы по линейным кораблям и крейсерам со специально оборудованных железобетонных позиций. Но обстановка вынуждала использовать их по сухопутным целям, причем орудия стреляли непосредственно с железнодорожного полотна. Были случаи, когда грунт при стрельбе не выдерживал, оседал и транспортеры могли опрокинуться. Только благодаря умению и опытности командиров и личного состава не происходило аварий.

Обстановка с каждым днем становилась все тревожнее. ЛУС готовился к боевым действиям. Мы совершенствовали оборону, строили укрепления, окопы, блиндажи, рвы, щели и т. д.

На оборонительные работы прибыл отряд ленинградских рабочих, который возглавлял начальник цеха Берлинский. Оборонными работами в зоне ЛУС руководил наш начальник инженерной службы военинженер 2-го ранга Калмыков. Мины изготовляли на месте, закладывая взрывчатку в деревянные ящики. В общей сложности изготовили и заложили больше десятка тысяч противопехотных и противотанковых мин, которые ставили на танкоопасных направлениях, перекрестках дорог и на развилках. В районе Котлов и на некоторых других наиболее опасных направлениях выставили управляемые минные заграждения, несколько помню, из морских мин.

Весь командный состав ЛУС работал не считаясь со временем. Генерал-майор Н. Ю. Денисевич, начальник штаба полковник Н. И. Савельев и начальник политотдела полковой комиссар Д. В. Якобсон находились в частях, проверяя ход строительства линий обороны и подготовку к предстоящим боям. Конечно, и я, и другие командиры штаба и политотдела систематически бывали в батальонах и на батареях и оказывали необходимую помощь.

8 августа противник перешел в наступление с Ивановского плацдарма.

Все части ЛУС были немедленно приведены в боевую готовность. Комендант генерал-майор Н. Ю. Денисевич,

начальник артиллерии полковник А. З. Шилкин, заместитель коменданта по сухопутной обороне капитан 3-го ранга Н. Л. Луцкий, командиры 12-й и 18-й батарей Г. И. Барбакадзе, Н. Н. Крайнев, командир только что прибывшего к нам бронепоезда № 7 капитан В. Д. Стукалов выехали на командный пункт Кингисеппского укрепрайона и договорились с его командованием о взаимодействии. 12-я и 18-я батареи и бронепоезд тут же вышли на огневые позиции и открыли огонь по наступающим гитлеровцам. 9 и 10 августа «юнkersы» бомбили и штурмовали гарнизон и базу железнодорожной артиллерии, но сразу уходили, как только появлялись в воздухе наши истребители.

Бронепоезд обеспечивал противовоздушную оборону железнодорожных батарей и поддерживал огнем батальон моряков капитана Богомолова, части 2-й дивизии народного ополчения, которые вели бои в районе южнее станций Веймарн, Молосковицы. Моряки и ополченцы мужественно сражались с превосходящими силами врага, контратаковали и сходились врукопашную.

В середине августа противник овладел Нарвой и Кингисеппом и начал развивать наступление на Ленинград вдоль шоссе. Часть сил гитлеровцы направили на север, к Финскому заливу — в тыл частям 8-й армии, которые с боями отходили за реку Лугу. С армейцами отступали и отдельные команды моряков с затопленных кораблей Чудской флотилии и подразделений береговой обороны. Чтобы не допустить окружения частей 8-й армии, командование ЛУС выдвинуло 2-ю бригаду морской пехоты и отдельные батальоны моряков под Кингисепп, в район берега Луги. Балтийцы вступили в бой при поддержке железнодорожных батарей и бронепоезда. В эти тяжелые дни по приказанию коменданта на передовой находилась и значительная часть командиров штаба и политотдела ЛУС. Мы помогали командирам батальонов организовать взаимодействие с соседними частями и артиллерийскими батареями. Морская пехота вела упорные бои, удерживая населенные пункты Майли, Горки, Заполье, Алексеевку, Новоселки и другие.

В это время состояние здоровья генерала Н. Ю. Денисевича ухудшилось, открылись старые раны, и его пришлось отправить в госпиталь. Обязанности коменданта сектора принял на себя капитан 3-го ранга Н. Л. Луцкий. Вскоре на поле боя был убит начальник

политотдела полковой комиссар Д. В. Якобсон и ранен военком ЛУС бригадный комиссар Г. М. Фомин. Их обязанности принял на себя батальонный комиссар Н. В. Краснов.

В середине августа ЛУС был ликвидирован, и наши части перешли в подчинение Ижорского укрепленного сектора, которым командовал генерал Г. Т. Григорьев.

День за днем батальоны морской пехоты, поддерживаемые огнем железнодорожных батарей и бронепоездов, сдерживали врага. Балтийцы контратаковали противника, некоторые позиции по нескольку раз переходили из рук в руки. Бронепоезд громил пехоту и танки гитлеровцев у деревень Алексеевка, Горки, Ополье и Ямско-вичи. Батарея бронепоезда, которой командовал старший лейтенант С. А. Пермский, в день выпускала по 150 и более снарядов. По семь-восемь раз в сутки открывали огонь батареи старшего лейтенанта Горшкова и лейтенанта Залетова. Не раз капитан Стукалов выводил свой бронепоезд на передовую и прямой наводкой уничтожал врага.

12-я и 18-я батареи также активно поддерживали пехоту, но мы старались использовать мощные орудия для стрельбы по наиболее важным целям и делали все возможное, чтобы защитить их от авиации противника. Один раз группе «юнкерсов» удалось нанести удар по транспортеру лейтенанта Косякова. Бомбы разрушили железнодорожный путь, повредили транспортер, несколько матросов получили ранения. На огневой позиции возникли пожары, что грозило взрывом погребов с боеприпасами. В трудных условиях, под бомбежкой, матросы потушили пожары, восстановили поврежденный путь и отремонтировали транспортер. Паровоз вывел орудие из-под удара.

23—24 августа бои достигли наибольшего напряжения. Противник сопровождал каждую атаку длительной артиллерийской и авиационной подготовкой. Матросы и командиры переживали в окопах вражеский огонь, а затем снова отражали атаки пехоты и танков.

Превосходящие силы противника вынудили наши батальоны начать отход в направлении Войносолово — Котлы. Опасаясь за железнодорожные артиллерийские батареи, генерал Г. Т. Григорьев приказал им отходить к станциям Краснофлотск—Калище. Противовоздушную оборону батарей обеспечивал бронепоезд Стукалова.

Вражеская авиация буквально висела в воздухе — бомбила Котлы, железнодорожную станцию и населенные пункты. Бронепоезд сбил два «юнкерса», но и сам получил повреждения. Были убиты матросы Колесников и Андреев, ранены командир батареи старший лейтенант Горшков и политрук Каленов. Пришлось вывести бронепоезд из боя и отправить в Ленинград на ремонт.

25—26 августа батальоны 2-й бригады и только что прибывший батальон морской пехоты капитана Н. Н. Салищева вели бой на рубеже Войносолово—Большое Рудилово. Противник бросил в наступление танки при поддержке авиации. Под давлением превосходящих сил врага наши батальоны начали отходить. Генерал Г. Т. Григорьев 26 августа прибыл на командный пункт бригады с группой командиров. Среди них были начальник оперативного отдела штаба ИУС майор Т. М. Зубов и заместитель начальника политотдела ИУС батальонный комиссар М. Е. Белов. Но командира бригады майора И. С. Лосякова здесь уже не было. Его, раненого, нашли только к вечеру у насыпи шоссе. Генерал Г. Т. Григорьев приказал принять командование бригадой капитану 3-го ранга Н. Л. Луцкому, а Лосякова отправили в лазарет. Ранен был также и начальник политотдела бригады полковой комиссар А. Г. Алексеев. Военком бригады батальонный комиссар С. Д. Антонченко погиб два дня назад, и его временно заменил батальонный комиссар М. Е. Белов. К утру 27 августа бригада заняла оборону юго-западнее окраины Котлов.

До 22 августа батареи 21-го арtdивизиона боевых действий не вели — враг еще был за пределами досягаемости орудий. 212-я батарея этого дивизиона впервые открыла огонь 22 августа, поддерживая 48-ю стрелковую дивизию. Но части 8-й армии отступали, и 26 августа пришлось спешно эвакуировать: 211-ю батарею с мыса Колгомпя — на форт Красная Горка, 212-ю и управление дивизиона — в деревню Ручьи, откуда их погрузили на баржу и перевезли на остров Сескар. Часть личного состава дивизиона ушла на фронт на пополнение 2-й бригады морской пехоты.

В боях под Кингисеппом и в районах Керстова, Войносолова, Большого Рудилова, Котлов батальоны морской пехоты, в особенности те, которыми командовали капитаны Полозов, Боковня, Куликов и Совков, сражались мужественно, дрались врукопашную с превосходя-

щими силами противника. Танкист капитан Совков близ Котлов вступил в неравный бой, давил врага гусеницами танка и погиб от прямого попадания в танк вражеского снаряда. 2-я бригада морской пехоты и батальоны моряков потеряли больше половины своего состава. Все танки были подбиты, в строю осталось лишь несколько орудий, но они продолжали стрелять.

Мужество балтийцев вдохнуло новые силы в измотанные боями части 8-й армии.

Каждая сотня метров продвижения стоила гитлеровцам больших жертв. С 8 по 28 августа, несмотря на превосходство в силах, враг продвинулся от реки Луги всего лишь на 50 километров.

Противнику не удалось отрезать и окружить части 8-й армии — помогли морская пехота, береговая и корабельная артиллерия. На рубеже реки Воронки части Ижорского укрепленного сектора и 8-й армии остановили врага — дальше он не продвинулся ни на шаг. Батальоны моряков не пустили гитлеровцев к фортам. Балтийцы выстояли!

С. И. БОКОВНЯ,

полковник.

Командир батальонов 2-й и 5-й бригад морской пехоты НБФ в 1941—1942 гг.

МОРСКИЕ ПЕХОТИНЦЫ

Великая Отечественная война застала меня в Таллине. 11 июля я получил направление во 2-ю бригаду морской пехоты начальником штаба батальона. День пути, и вот я уже представляюсь генерал-майору Н. Ю. Денисевичу, командиру Лужского укрепленного сектора. Он помнил меня еще по 1939—1940 гг.

— Ну какой из тебя начальник штаба? — сказал генерал. — Только что прибыла в бригаду группа моряков с кораблей, принимай ее и обучай воевать на суше. Согласен?

Я не отказывался.

Штаб 2-й бригады находился в трех километрах северо-западнее Котлов. Командира бригады майора Н. С. Лосякова я хорошо знал: с 1933 г. по 1940 г. вместе с ним служили в Кронштадте в 42-м отдельном стрелковом батальоне. Зимой 1939/40 г. Лосяков командовал лыжным отрядом, а я в нем — ротой. Сослуживцы уважали Николая Степановича за трудолюбие, за смелость в бою, заботливое отношение к подчиненным.

Ко времени моего прибытия в бригаду ее батальоны занимали рубеж обороны юго-западнее Котлов.

13 июля я познакомился со своими бойцами, крепкими, жизнерадостными моряками. Они ввалились в бой.

В тот же день была сформирована рота из трех стрелковых и одного пулеметного взвода. Наше подразделение назвали истребительным отрядом. Мы сразу же получили задание охранять по ночам близлежащий аэродром на случай высадки воздушного десанта противника, а днем, не жалея сил, занимались боевой подготовкой.

В конце июля отряд проверял генерал-майор Н. Ю. Денисевич. Я доложил, что отряд к боям готов, и просил не держать нас в тылу. На следующий день, с наступлением темноты, отряд на автомашинах перебросили в дивизию генерал-майора В. В. Семашко, занимавшую оборону по правому берегу реки Луги, северозападнее Кингисеппа. Командир дивизии приказал нам занять позиции на правом берегу Луги, в 500 метрах от шоссе Кингисепп—Ленинград.

В штабе дивизии мне рассказали, что гитлеровцы настолько обнаглели, что ежедневно в обеденный перерыв купаются в Луге. Если же по ним начинают стрелять, то они обрушивают на подразделения дивизий ураган мин и снарядов.

Наш истребительный отряд занял позиции на рассвете. Противник неоднократно открывал артиллерийский и минометный огонь, несколько человек было убито и ранено. Бойцы быстро зарывались в землю. Отрыли себе окопы и пулеметчики: у нас в роте имелось четыре станковых пулемета и шесть ручных.

Вдруг видим — чуть ли не целая рота гитлеровцев полезла в реку купаться. По моему сигналу заработали все наши пулеметы, винтовки и автоматы. Мало кому из фашистов удалось выбраться на берег... Противник открыл ответный огонь, но снаряды и мины рвались позади наших позиций. На вторую ночь был получен приказ командира дивизии отвести наш отряд в тыл. Командир из штаба дивизии сообщил мне, что генерал-майор В. В. Семашко остался доволен моряками.

Следующей ночью отряд по приказу командования вернулся в район Котлов.

В конце августа 1941 г. противник перешел в наступление. Вблизи Котлов был создан крепкий рубеж обороны, поэтому имелась возможность приостановить продвижение противника. Но батальоны 2-й бригады были измотаны в боях предшествующего месяца. Им в помощь направили наш отряд.

В ночь с 21 на 22 августа, выполняя приказ коменданта Ижорского сектора, форсированным маршем отряд прибыл в район Керстова и к 8.00 занял оборону по правому берегу реки Малли. Мы с ходу выбили мелкие группы противника из южной окраины Керстова. Перед переброской отряда мне сообщили, что положение на фронте тяжелое: противник прорвал оборону в стыке между частями 8-й армии, занял деревни Ополье, Алексеевку, Алексеевский Рудник, Заполье, Горки, Малли.

К середине дня связисты бригады установили телефонную связь с бронепоездом «Балтиец», который занимал огневую позицию южнее Котлов. Я сообщил командиру бронепоезда координаты обстреливавшей нас батареи противника. Огонь бронепоезда заставил ее замолчать. Кроме того, по сообщенным нам координатам залпами бронепоезда была накрыта и почти полностью уничтожена рота врага.

23 августа, в полдень, в расположение отряда на легкой автомашине прибыл капитан 3-го ранга Н. Л. Луцкий и передал приказ: нашему отряду вместе с батальоном 2-й бригады, батальоном Ленинградского пехотного училища сержантского состава и батальоном танков, при поддержке артиллерийского дивизиона 2-й дивизии народного ополчения в ночь с 23 на 24 августа выбить противника из деревень Малли, Горки, Заполье, Алексеевский Рудник, Алексеевка, Ополье и перерезать шоссейную дорогу Кингисепп—Ленинград. Всю эту ударную группу должен был возглавлять я.

С наступлением темноты все приданные подразделения подтянулись на исходные рубежи к юго-западной окраине Керстова.

В 23.00, как только взлетели в небо красные ракеты, танки форсировали реку Малли. Вслед за ними в атаку пошла пехота, на правом фланге кто-то крикнул: «Ура!», его подхватили цепи наступающих. Из деревни Малли гитлеровцы открыли сильный пулеметный и автоматный огонь, но танки с ходу уничтожили пулеметные точки, а наступающие за ними моряки капитана Мохрякова и моего истребительного отряда ворвались в деревню и в рукопашной схватке уничтожили больше роты гитлеровцев. Такая же участь постигла фашистов в деревнях Горки и Заполье.

К рассвету мы выполнили поставленную в приказе задачу — освободили деревню Алексеевку и перерезали

шоссейную дорогу Кингисепп—Ленинград. Орудия, минометы, станковые и ручные пулеметы и боезапас, собранные бойцами на поле боя, свидетельствовали, что враг отступал в панике.

Почти трое суток балтийцы держали оборону на шоссе. Противник стремился отбросить нас во что бы то ни стало, много раз переходил в контратаки, в том числе и психические. Но балтийцы стояли непоколебимо.

В бою, о котором я только что рассказал, отлично проявили себя многие командиры и бойцы. Скажу несколько слов лишь о некоторых из них. Умело руководил батальоном морских пехотинцев капитан Мохряков. Комиссар его батальона Лебедев во время атаки уничтожил несколько гитлеровцев. Командир роты Салаяев, исключительно смелый командир, в рукопашной схватке истребил десяток солдат врага. Пулеметчик Тонышев меткими очередями уничтожил до 20 фашистов. Отличились пулеметчики и нашего истребительного отряда Г. И. Голованов и С. Т. Тараненко, станковые пулеметы которых находились на флангах нашей обороны. Голованов и Тараненко подпускали идущих в атаку гитлеровцев на 150—200 метров и уничтожали их перекрестным огнем.

25 августа в 4.00 меня позвали к телефону: звонил комендант Ижорского сектора генерал-майор Г. Т. Григорьев. Он приказал немедленно отойти всем подразделениям на передний рубеж в район Керстова. Как только подразделения снялись со своих позиций, в воздухе появилось около полусотни «юнкерсов». Вокруг рвались бомбы. Одновременно противник перешел в наступление и стал преследовать наши отходящие части. Отступать пришлось под бомбами, под минометным и артиллерийским огнем. Мой истребительный отряд шел в арьергарде, пытаясь сдержать атаки врага.

Большие потери не позволили нам закрепиться юго-западнее деревни Керстова. После уличных боев к 18.00 мы остановили гитлеровцев на северной окраине деревни. Бой был очень тяжелым, и, если бы не умелые действия пулеметчиков Г. И. Голованова и С. Т. Тараненко, два часа прижимавших гитлеровцев к земле на юго-западной окраине Керстова, наша оборона была бы прорвана.

26 августа утром командир 2-й бригады майор Н. С. Лосяков приказал мне отвести отряд в лес северо-

восточнее деревни Кикерицы для отдыха и пополнения боезапаса. Участок обороны у нас приняли батальоны 2-й бригады. В это утро мне представился новый комиссар отряда старший политрук Б. Н. Андреев (прежний комиссар был тяжело контужен и отправлен в госпиталь). Старшина отряда Кошкин доставил в отряд горячую пищу, которую мы не получали уже несколько дней. Я отвел отряд метров на триста от дороги в лес.

Расстелили плащ-палатку, поставили котелки. Только поднесли ложки ко рту, как услышали гул моторов вражеских самолетов. Один за другим раздалась взрывы бомб. Едва я успел крикнуть «Ложись!» и сам броситься на землю — взрыв. Разметало в разные стороны и наш завтрак и плащ-палатку. Меня и комиссара засыпало землей. Поднялся, встряхнулся — сильная боль в плечах и пояснице. Комиссар не встает.

— Андреев, ты жив? — спрашиваю.

Молчит, но глаза открыл, — видимо, контужен. Через четверть часа комиссар очнулся...

Слышу — по дороге из Кикериц на Котлы идут какие-то автомашины. Знаю, что впереди наших автомашин нет. Неужели гитлеровцы? Посылаю связных уточнить обстановку. Через четверть часа возвращаются:

— Товарищ командир, гитлеровцы едут на автомашинах по направлению к Котлам.

Через полчаса связные обнаружили гитлеровских солдат, устанавливающих минометы. Мне сразу все стало ясно: бригада не удержала рубеж на северной окраине Керстова и отошла в район Котлов, а я с группой — нас оказалось 38 человек — остался в полуокружении. Смотрю на карту. Выход один — идти через болотистую местность, через реку Систу, на Коростовцы — Местаново. Там должны быть части 2-й дивизии народного ополчения. Потребуется для этого не менее трех суток, идти придется только по ночам, — рядом дороги, по которым, конечно, движутся вражеские части, транспорт.

Собрал группу, посоветовались, подсчитали, сколько у нас боеприпасов и продовольствия — маловато. Двинулись в путь.

Первую и вторую ночь шли довольно быстро. А вот третья ночь выдалась дождливая, непрерывно моросил дождь. Бойцы завязали в болоте, да и голод давал себя знать. Чувствую — не пройти нам болотом. Собрал на-

значенных еще перед выходом в путь командиров отделений и объявил, что пойдём по дороге. Встретим гитлеровцев — будем пробиваться с боем. Вышли на дорогу. Бойцы повеселели:

— Лучше, товарищ командир, погибнуть в бою, чем в этом проклятом болоте.

В бой, конечно, вступить пришлось. В двух деревнях уничтожили боевое охранение гитлеровцев, но сами потери не имели. 31 августа, на рассвете, вышли к передней линии обороны 2-й дивизии царского ополчения у деревни Местаново.

В полдень мы уже были у станции Копорье, где размещался штаб 2-й бригады. Здесь же находился генерал-майор Г. Т. Григорьев. Я доложил о прибытии и попросил как можно быстрее накормить людей и дать возможность хотя бы немного отдохнуть. Но долго отдыхать не пришлось. В 16.00 меня разбудили — срочно вызывал генерал-майор Григорьев.

— Ну как, отдохнул?

— Так точно, отдохнул, — отвечаю.

— Из оставшихся подразделений второй бригады мы только что сформировали батальон. Так что, Боковня, принимай батальон и слушай боевой приказ. — Генерал взял в руки лист бумаги: — «Немедленно атаковать противника и выбить его с северной окраины Копорья, захватить стык шоссе на дороге Копорье — Копорский залив и Копорье — Лебяжье, сковать противника и удерживать его не менее суток». От выполнения тобою этой задачи зависит судьба многих частей 8-й армии, гитлеровцы хотят отрезать им пути отхода, — сказал Григорьев.

Генерал информировал меня, что артиллерия форта Красная Горка в 13.45 нанесла сильный удар по скоплению танков и пехоты врага на юго-западной окраине Копорья. Противник понес большие потери.

В 17.00 батальон пошел в первую атаку. Начался дождь. Противник встретил балтийцев сильным артиллерийским и минометным огнем. Эта наша атака успеха не имела, но противник, по донесениям разведки, начал окапываться. Более десяти раз ходил в атаку батальон в ночь с 31 августа на 1 сентября...

Только на рассвете небольшой группе смельчаков-матросов удалось зайти гитлеровцам в тыл и уничтожить два противотанковых орудия и минометную батарею

у стыка дорог, выбить противника из трех домов на северо-западной окраине Копорья. Захваченный район мы удерживали, несмотря на атаки противника, до полудня 1 сентября. За это время части и тылы 8-й армии успели выйти к реке Воронке. Угроза окружения миновала, союю задачу мы выполнили.

Батальон получил приказ отойти в район станции Копорье, а затем к реке Воронке. 3 сентября к 17.00 мы прибыли к Воронке и заняли оборону у деревни Ракопежи.

4 сентября здесь был сформирован 3-й стрелковый батальон, меня назначили его командиром. Батальон вошел в состав также вновь сформированной 5-й бригады морской пехоты майора В. Ф. Райкова. За бои в районе Копорья и обеспечение тем самым отхода частей 8-й армии ее командующий генерал-майор В. И. Щербаков объявил благодарность 2-й бригаде.

5 сентября наш батальон получил приказ выбить врага из деревень Елизаветино и Слобода Фабричная. Разведка боем, проведенная силами одной роты, показала, что противник сильно укрепился и выбить его будет нелегко.

В ночь с 9 на 10 сентября мы отвели подразделения на 500 метров от переднего края. После этого грянули мощные залпы тяжелых орудий Красной Горки. После такой мощной артиллерийской подготовки пехоте идти в наступление значительно легче — утром 10 сентября наш батальон почти без потерь захватил обе деревни. Теперь мы занимали оборону по правому берегу Воронки и у деревень Нижние Лужки, Елизаветино и Слобода Фабричная.

1 октября утром меня неожиданно вызвали в штаб бригады. Полковник В. К. Зайончковский (в то время он командовал бригадой) приказал немедленно передать батальон прибывшему из госпиталя майору Н. С. Лосякову и на следующий день утром прибыть в отдел кадров в Кронштадт.

Я быстро передал батальон едва оправившемуся после ранения Лосякову и на машине комбрига выехал в Ораниенбаум.

Ораниенбаумская пристань просматривалась противником, и, как только я подошел к ней, над головой раздался знакомый вой вражеских мин. Взрыв — перелет метров сто! Я быстро спрятался под мост. И впрочем:

на то место, где я только что находился, упали мины. Еще несколько взрывов, и обстрел стих. Оказывается, противник здесь стрелял даже по одному человеку.

В ожидании какой-либо оказии в Кронштадт больше суток просидел в бомбоубежище. Только на рассвете 4 октября мне удалось попасть на катер и добраться на нем до Кронштадта.

Из отдела кадров меня направили к генерал-майору А. Н. Татаринovu, а потом к командующему флотом. После краткой беседы адмирал спросил, где я хочу дальше воевать. Я попросил отправить меня обратно в 5-ю бригаду.

После возвращения из Кронштадта мне поручили сформировать 1-й стрелковый батальон 5-й бригады, которым я и командовал до конца ноября 1942 г.

Многое я пережил в те годы, но более всего памятна мне зима 1941/42 г. В это трудное время особенно большое значение имело живое слово наших политработников, опиравшихся в своей деятельности на членов партии и комсомольцев. Комиссар батальона И. Ф. Платонов в любое время суток бывал на переднем крае, беседовал с бойцами. Помогал ему и наш секретарь партийной организации М. О. Иванов.

Тепло вспоминаю я командира роты старшего лейтенанта А. П. Чистякова, заместителя командира пулеметной роты Л. Н. Лаврова, политрука С. В. Буцких, капитана Андрея Зотова, воспитавшего отличных разведчиков — лейтенанта Арсаева, старшину Гудовича, сержанта Шапина, сержанта Квиткевича.

До сих пор не теряю связи с замечательным разведчиком нашего батальона Г. Н. Лермонтовым. Вместе мы прошли через все испытания, когда с боями отходили от Кингисеппа до Воронки. Я дал ему рекомендацию в партию.

Три десятка лет минуло с тех пор, как мы в первый раз встретили День Победы. Но память о боевых друзьях — морских пехотинцах жива.

В. К. МУСТАФАЕВ,

гвардии подполковник.

Командир 311-й батареи форта Красная Горка в 1941 г. и 318-й батареи в 1942—1944 гг.

КРАСНАЯ ГОРКА ИЩЕТ РАБОТЫ

Полдень 22 июня 1941 года... По радио только что передано правительственное сообщение о нападении гитлеровской Германии. Личный состав 311-й батареи форта Красная Горка, которой в те дни я командовал, собран на митинг. Присутствуют командир дивизиона капитан Г. В. Кропачев и его заместитель по политчасти И. Ф. Крылов.

Выступает замполит батареи старший политрук К. Н. Кудзиев. Он призывает краснофлотцев и командиров отдать все свои силы защите Советской Родины от фашистских захватчиков. Один за другим встают балтийцы. Наводчик краснофлотец В. Николаев сказал: «Буду бить врага жестоко, сил у меня для этого достаточно. Грудью постою за землю русскую, за любимый Ленинград; сделаю все, что в моих силах, для разгрома ненавистного врага!» Такая же уверенность в победе, воля к борьбе звучат в коротких речах и других выступающих.

Быстро проходят дни в упорной боевой учебе, подготовке к предстоящим боям. Из скурых сообщений сводок Информбюро нам ясно, что гитлеровцы хотя и несут большие потери, но пока что приближаются к Ленинграду.

Все мы — командиры-артиллеристы — понимаем, что придется драться против врага на суше. Поэтому раз-

вертываем наблюдательные посты, готовим крупномасштабные планшеты для стрельбы в сторону суши. Кто из нас мог предположить такое даже неделю тому назад?..

К югу от Красной Горки спешно оборудуют позиции для обороны части 125-й стрелковой дивизии генерал-майора П. П. Байчука — 657-й и 466-й полки. Мы устанавливаем с ними связь, договариваемся о взаимодействии. Готовятся к предстоящей боевой работе наши артиллеристы-корректировщики — старший сержант Н. П. Пушкарев, сержант К. И. Алексеев и краснофлотец В. З. Бондарев. Это наши лучшие специалисты, отбирали их самым тщательным образом. И, забегая вперед, скажу, что мы не ошиблись, — корректировщики во многом обеспечивали высокую точность огня наших мощных орудий.

К 1 сентября отступавшая под сильными ударами превосходящих сил противника 8-я армия заняла рубеж обороны на линии Копорский залив — Ропша. Передний край гитлеровцев находился в среднем в 30—35 километрах от Красной Горки: на юг до Гостилиц — 30—35, на юго-запад до берега Копорского залива — 27—30, на восток до Старого Петергофа — 34—36 и на север до форта Ино на Карельском перешейке — 21—23 километра. Таким образом, передний край врага был в пределах досягаемости дальнобойных 305-миллиметровых орудий форта.

Помню, 31 августа 1941 г. меня и Кудзиева вызвали на командный пункт 31-го дивизиона. Командир дивизиона капитан Г. В. Коптев поставил нам задачу — поддержать огнем дивизию генерал-майора В. В. Семашко.

Уже в 13.45 дали первые залпы. Прошли десятки томительных секунд — до цели было больше 30 километров, — прежде чем корректировщики В. Д. Тоболовский и Н. П. Пушкарев доложили по телефону, что цель накрыта и противник в панике бежит. Вводим корректуры, и батарея дает еще несколько залпов. Отбой! Из штаба Копорской группы сообщают результаты стрельбы: уничтожено несколько танков, автомашин, орудий и десятки солдат врага. Сведения о наших успехах подтвердил и майор Е. А. Проскурин, начальник артиллерии Ижорского сектора.

Спешу к своим артиллеристам, чтобы рассказать, как прошла стрельба. Благодарю за службу старшину

группы артиллерийских электриков А. Б. Чуева, командира орудия сержанта В. П. Прокофьева, краснофлотцев наводчика Владимира Николаева, замкового А. Г. Яковлева, снарядных В. Е. Тимофеева и А. Ф. Александрова, командира центрального поста сержанта Владимира Белоусова и других бойцов. Все рады, спрашивают, когда снова загремят наши пушки.

Долго ждать не пришлось — 1, 2 и 6 сентября пушки нашей батареи снова били по врагу в районе Конорья. При чем 1 сентября мы стреляли в присутствии прибывших на форт и к нам на батарею народного комиссара ВМФ адмирала Н. Г. Кузнецова, командующего КБФ вице-адмирала В. Ф. Трибуца, адмирала И. С. Исакова — тогда заместителя главнокомандующего Северо-Западным направлением — и сопровождавших их командиров. Перед открытием огня Н. Г. Кузнецов выслушал мой доклад об организации стрельб на суше, о готовности батареи, побеседовал с личным составом батареи. С Н. Г. Кузнецовым, пользовавшимся на флоте исключительным уважением, я встречался еще до войны: в 1940 году он вручал мне в Москве золотые именные часы за успехи в артиллерийской стрельбе.

Стреляли метко, но 6 сентября случилась беда — в стволе орудия 2-й башни произошел взрыв снаряда. Разворотило ствол, осколками повредило и другое орудие. Башня вышла из строя. Надо сказать, что во время взрыва снаряда личный состав действовал уверенно и спокойно. Немало способствовал этому К. Н. Кудзиев, находившийся в башне. Еще до войны он отлично освоил материальную часть наших 12-дюймовок, и теперь это пригодилось.

Половина орудий батареи вышла из строя — нужно срочно менять стволы, а на форту и вообще на Ораниенбаумском плацдарме их нет.

Для расследования чрезвычайного происшествия прибывает высокая комиссия: председатель — признанный авторитет в морской артиллерии контр-адмирал И. И. Грен. Вывод таков: снаряд взорвался преждевременно, вины личного состава нет, действия расчета башни правильные.

Спешно выезжаю в Ленинград на завод. Директора его Дмитрия Федоровича Устинова, ныне секретаря ЦК КПСС, я знал еще до начала Великой Отечественной войны.

Д. Ф. Устинов немедленно собрал совещание, на котором руководство завода приняло решение организовать бригаду для проведения работ на форту из 15—18 человек. В бригаду вошли опытные мастера, ветераны завода А. Н. Хмуров и Н. П. Баранов. Уже к вечеру под руководством Д. Ф. Устинова в башне начались ремонтные работы. Ленинградцам помогали также рабочие кронштадтского Морского завода, личный состав нашей батареи и артиллерийских мастерских дивизиона. Пришлось проложить рельсовые пути, привезти десятки платформ песка и гравия, возвести над башней сложное оборудование из бревен и рельсов.

Работали день и ночь, исключительно напряженно, и за шесть дней заменили стволы. 11 сентября ремонт был закончен. В мирное время на такую работу ушло бы больше месяца!

Не могу не вспомнить добрым словом тех, кто обеспечил быстрый ввод в строй башни: рабочих ленинградского завода А. Н. Хмурова и Н. П. Баранова, Ф. А. Селиверстова и Г. Н. Андрианова, старшин башен В. П. Афанасьева, Г. И. Тарана и А. Б. Чуева, командира башни лейтенанта И. Я. Макарова, краснофлотцев В. Николаева, В. С. Александрова и О. И. Дибровенко, комсорга В. Белоусова.

Еще за два дня до окончания ремонта, 9 сентября, мы получили приказание поддержать огнем наши армейские части. Во второй половине дня 9 сентября, взяв с собой разведчиков и связистов, я отправился на командные пункты 657-го и 466-го полков, размещавшиеся севернее деревни Готобужи. Этим полкам, как рассказали мне их командиры майор С. К. Георгиевский и капитан Ю. Г. Максимов, предстояло овладеть деревнями Готобужи и Слобода Фабричная, уничтожить укрепления и подразделения противника.

К исходу дня мы оборудовали себе корректировочный пункт всего лишь в полукилометре от переднего края, рядом с командным пунктом 657-го полка, установили связь по телефону и радио с дивизионом и батареей.

В 20.45 я объявил на батарее боевую тревогу.

В 21.00, точно в указанное время, недалеко от цели разорвался первый снаряд. Сразу же позвонил командир батальона капитан Н. П. Хромко и попросил перенести огонь метров на двести ближе к переднему краю. Я понимал, что в этом есть немалый риск — при недоле-

тах можно накрыть огнем готовые к атаке цепи красноармейцев. Все же ввожу корректуры, и десять залпов 12-дюймовых снарядов поднимают на воздух передний край гитлеровцев.

В ночь на 10 сентября сильно потрепанный противник отступил из обеих деревень.

Не раз громили наши орудия гитлеровцев и в последующие дни. Журнал боевых действий форта Красная Горка лаконично день за днем фиксировал артиллерийские удары: 19 ноября — прямым попаданием уничтожен штаб полка, взорван склад боеприпасов; 25 ноября — по данным разведки произведен огневой налет по расположившемуся в двух деревнях на ночлег врагу; 4 декабря — уничтожена штабная машина с гитлеровскими офицерами, штаб дивизии, до роты солдат.

Запомнился мне бой 5 декабря 1941 г. В этот день тяжелая артиллерия противника с Карельского перешейка открыла огонь по конвою наших кораблей с героическими гангутцами на борту, направлявшихся от острова Сескар к Кронштадту. Конвой шел по пробитому в ледовом поле фарватеру, маневрировать было невозможно. Еще накануне, вечером 4 декабря, нас предупредили о подходе конвоя с Ханко и поставили задачу — прикрыть артиллерией форта переход кораблей.

Как только дальномерщики старшина О. Г. Тарасов и краснофлотец А. И. Добрынин заметили на северном берегу залива вспышку орудийного залпа и определили расстояние до нее, командиры башен старший лейтенант И. Я. Макаров и лейтенант А. О. Пономарев подали команды. Секунды ожидания, и вот уже дальномерщики докладывают: «Недолет...» Быстро ввожу корректуры, и следующие снаряды рвутся в расположении батареи врага. В наш «концерт» включаются 211-я и 312-я батареи. Артиллерия противника подавлена. Конвой благополучно, без потерь, достиг Кронштадта.

О боевых делах батарей фортов в те дни знали и на кораблях Краснознаменной Балтики, и в частях Ленинградского фронта. 30 декабря 1941 г. газета «Красный Балтийский флот» поместила стихотворение поэта Александра Зиновьева:

Красная Горка
ищет работы,
Чуть намекни, укажи —
путь разметет
для красной пехоты:

к небу взлетают
фашистские доты,
танки, дома, блиндажи.
С воем и свистом
летит в просторе
смерть
для заклятых врагов.
Бьет Мустафаев,
Мельников вторит,
жару дает Башмаков.

В мае 1942 г. я получил новое назначение — командиром 318-й батареи 196-го дивизиона. Моя батарея состояла из 152-миллиметровых пушек и находилась всего лишь в трех-четыре километрах от переднего края Ораниенбаума.

Батарея стояла, что называется, на бойком месте, и противник открывал по ней огонь по нескольку раз в сутки, выпуская за налет до 100—150 снарядов. На боевом посту погибли комендоры краснофлотцы В. П. Куров и А. И. Сидякин, не раз снаряды гитлеровцев рвались у командного поста, повреждали орудийные дворники. Но как бы ни свирепствовал враг, батарея неуклонно выполняла свои задачи: поддерживала огнем сухопутные части, подавляла и уничтожала гитлеровскую артиллерию, которая обстреливала Ораниенбаум.

Одно время противник стал все чаще доставлять в Новый Петергоф боеприпасы и другие виды военного снабжения по шоссейной и железной дорогам.

10 июля 1942 г. около 16.00 с наблюдательного пункта, который находился в районе Старого Петергофа, доложили, что видят движущийся эшелон противника.

Помощник командира батареи старший лейтенант М. В. Синопальников рассчитал данные, и через минуту две орудия открыли огонь. Следующие снаряды тоже попали в цель. На станции возник большой пожар, продолжавшийся в течение нескольких часов. С огромной силой взрывались боеприпасы, были хорошо видны клубы дыма. В этом бою четко работали орудийные расчеты сержантов И. П. Голды и А. Н. Крючкова, умело действовали сержант О. Н. Кузнецов, снарядные краснофлотцы В. Д. Гребенков, К. Н. Андреев и другие.

Прошло 10 дней. 20 июля командир 196-го дивизиона капитан П. Ф. Живодер приказал нашей батарее поддерживать наступающую пехоту на одном из участков Ораниенбаумского плацдарма. К 6 часам утра 21 июля,

до начала наступления, батарея должна была взорвать минное поле противника в районе деревни Троицкое.

Время! Воздух содрогнулся от тяжелых орудийных залпов. Били орудия, которыми командовали сержанты И. П. Голда и Н. А. Парфилов. Двадцать минут вела огонь батарея — земля сотрясалась от взрывов фугасов и вражеских мин. Пехота перешла в наступление, вклинилась в оборону гитлеровцев и захватила укрепленный рубеж в районе деревни Троицкое.

Приходилось нам также вести контрбатареиную борьбу с артиллерией врага, обстреливавшей наши корабли при переходе по Морскому каналу из Кронштадта в Ленинград и обратно.

Запомнилась мне одна артиллерийская дуэль — 29 сентября 1942 г. Мне приказали обеспечить переход наших кораблей и транспортов из Кронштадта в Ленинград 1 октября. Около шести утра вражеские батареи открыли огонь по нашим кораблям. Наша батарея немедленно дала ответные залпы — в результате в районе Петергофа была подавлена фашистская батарея. Но по мере продвижения кораблей к Ленинграду начинали стрелять все новые и новые вражеские батареи. Наши наблюдатели быстро их засекли, и снова орудия сержантов Голды, Крючкова и Парфилова ударили по противнику. Орудия противника так и не успели пристреляться по нашим кораблям.

III раз открывала огонь по гитлеровским боевым объектам 318-я батарея. Точными залпами мы уничтожили 3 и подавили 54 артиллерийские батареи, уничтожили более 45 блиндажей, 75 подвод с боеприпасами, 3 наблюдательных пункта, 20 автомашин, 1 железнодорожный эшелон, автоцистерну и много других сооружений и техники противника. Около тысячи солдат и офицеров недосчитались гитлеровцы от ударов артиллеристов 318-й.

А когда настал долгожданный день разгрома гитлеровцев под Ленинградом, артиллеристы-балтийцы обрушили всю мощь огня на годами создававшуюся оборону врага. Среди громивших гитлеровцев батарея Краснознаменного Балтийского флота были и 311-я и 318-я, орудия которых стояли оставшиеся мне навсегда близкими балтийцы-артиллеристы.

М. Е. БЕЛОВ,

полковник.

Заместитель начальника политотдела Ижорского укрепленного сектора Береговой обороны КБФ в 1941 г.

БРОНЕПОЕЗД „ЗА РОДИНУ“

В день вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз, 22 июня 1941 г., на бронепоезде № 2, который в то время входил в состав 10-го отдельного артиллерийского железнодорожного дивизиона Либавского сектора Береговой обороны КБФ, заканчивался капитальный ремонт боевых площадок.

Так как командир бронепоезда был болен и находился в госпитале, командир соединения полковник К. К. Герасимов своим приказом назначил командиром бронепоезда начальника штаба 10-го артиллерийского дивизиона капитана С. Г. Белоусова.

23 июня Белоусов получил первый боевой приказ: выйти в район станции Виндава (Вентспилс) для отражения налетов фашистской авиации на аэродром.

После этого команда бронепоезда вместе с частями 8-й армии полтора месяца героически защищала от врага Советскую Прибалтику. Огнем своих орудий и пулеметов бронепоезд поддерживал части Советской Армии, оборонявшие Вентспилс, Лиенаю, Елгаву, Валгу, Ригу, Тарту, Таллин, Раквере, Нарву.

Много раз бронепоезд ходил в разведку, помогал выводить из тупиков на железнодорожных станциях застрявшие эшелоны с людьми и ценными грузами. Команда бронепоезда подрывала железнодорожные пути,

мости, склады, линии связи, чтобы задержать наступление врага.

Иногда гитлеровцам удавалось отрезать бронепоезду пути отхода, но его команда, проявив исключительное мужество, находчивость и воинскую выучку, пробивалась к своим. Примером для экипажа были коммунисты П. Н. Токарь, П. В. Шаповалов, С. Г. Исаев, М. С. Лукин и В. Золотарев.

Неоднократно бронепоезд приходил на помощь подразделениям 8-й армии, оказавшимся в окружении, и смело вступал в бой с превосходящими силами противника.

Старший машинист Петр Васильевич Шаповалов в своем письме в совет ветеранов пишет: «Примером мужества, незнания страха в бою для нас был командир Белоусов. Он в самой сложной обстановке никогда не терялся, спокойно отдавал приказания подчиненным...»

13 августа 1941 г. бронепоезд вместе с частями 8-й армии вышел к позициям 2-й бригады морской пехоты в районе станции Веймарн. В проведенных боях бронепоезд получил серьезные повреждения. Нужно было срочно их устранить, восстановить его боеспособность. Из четырех орудий в строю осталось одно, из пятнадцати станковых пулеметов — только три. Броне-паровоз и три боевые площадки требовали заводского ремонта.

Оружие и технические средства бронепоезда находились в очень плохом состоянии. Поэтому командование ИУС приняло решение расформировать его команду, а материальную часть сдать на базу железнодорожной артиллерии.

Когда об этом решении стало известно, коммунисты П. В. Шаповалов, С. Г. Исаев, П. Н. Токарь, М. С. Лукин обратились в политотдел с просьбой не расформировывать бронепоезд, а поручить команде своими силами и с помощью артиллерийских мастерских провести ремонт и установить вооружение.

Просьбу коммунистов поддержали начальник политотдела А. В. Медведков, начальник артиллерии Е. А. Проскурин и начальник артиллерийских мастерских П. И. Нерозин. Они предложили использовать для ремонта бронепоезда резервные артиллерийские орудия форта Красная Горка и тяжелые железнодорожные платформы.

Командир ИУС генерал Г. Т. Григорьев одобрил это предложение, и 16 августа бронепоезд перешел на Ижорский завод для ремонта бронеплощадок и промывки котла паровоза. Рабочие вместе с командой бронепоезда за четверо суток сделали все необходимое.

Команда бронепоезда, личный состав артиллерийских мастерских и специалисты 186-го железнодорожного батальона смонтировали на платформах железобетонные брустверы, броневые щиты и установили вооружение.

Батареей из двух 102-миллиметровых орудий командовал Н. А. Второв. Четыре 76-миллиметровых орудия составили две батареи, которыми командовали Г. И. Желтов и Н. И. Ефимов. Батареей из двух 45-миллиметровых орудий командовал В. Е. Сидоренко.

Кроме того, на бронепоезде установили 16 станковых пулеметов, значительно усилили броневую защиту. Команда его пополнилась добровольцами с фортов Кронштадта.

Так как капитан С. Г. Белоусов получил новое назначение, командиром бронепоезда назначили капитана В. Г. Кропачева, военкомом — старшего политрука А. В. Кузьмина.

В начале сентября 1941 г. бронепоезд, теперь уже под № 8, вошел в состав Ижорского укрепленного сектора. Кроме него в соединении находился бронепоезд № 7 под командованием капитана В. Д. Стукалова.

Тяжелая обстановка на фронте не давала возможности выделить даже ограниченное время для боевой подготовки. Поэтому уже 8 сентября бронепоезд получил приказ участвовать в артиллерийском обеспечении действий 5-й бригады морской пехоты в районе деревни Верхние Лужки.

Мне довелось быть в эти дни на бронепоезде. На бронеплощадках кипела работа: моряки готовились к удару по врагу.

7 сентября командир и военком собрали личный состав и разъяснили боевую задачу. Командир сказал бойцам, что утром 5-я бригада должна выбить фашистов с занятых ими позиций и бронепоезд должен помочь ей. Ночью 186-й железнодорожный батальон капитана И. П. Кваши подготовит для бронепоезда новую ветку, которая позволила бы ему подойти близко к боевому охранению противника, метров на 500, и, скрытно выйдя

на огневую позицию в полосе наступления бригады, уничтожить боевое охранение и огневые точки гитлеровцев.

Утренний туман благоприятствовал скрытному движению. Бронепоезд незамеченным прибыл на позицию и нанес мощный артиллерийский удар по врагу. При его огневой поддержке 5-я бригада моряков выполнила успешно боевую задачу и значительно улучшила свои позиции.

А бронепоезд, получив новый приказ, перешел на другую огневую позицию. Перед ним была поставлена задача разгромить скопление автомашин с войсками и грузами на окраине деревни Елизаветино. К исходу дня 8 сентября из штаба 5-й бригады была получена благодарность командира бригады полковника В. К. Зайончковского за отличное выполнение бронепоездом этого боевого задания.

13 сентября бронепоезд получил приказ выйти на позицию в Новый Петергоф и оказать огневую поддержку нашим пехотным частям, стойко обороняющимся от гитлеровцев.

Бронепоезд прибыл в назначенный район своевременно и с открытой позиции обрушил огонь своих орудий и пулеметов на гитлеровцев в деревнях Троицкое и Сашино.

Противник открыл ответный огонь. По бронепоезду стреляли артиллерийские, минометные батареи, били из винтовок снайперы, просочившиеся в Петергоф. Прямое попадание вражеского снаряда в бронеплощадку вывело из строя почти весь боевой расчет 76-миллиметрового орудия. Три краснофлотца были убиты. Командир орудия М. С. Лукин занял место комендора, но после двух выстрелов он и заряжающий краснофлотец К. Н. Бедняков получили тяжелые ранения. Остался невредимым лишь наводчик старший краснофлотец комсомолец М. С. Кориновский. Под вражеским огнем он продолжал стрелять из своего орудия, пока бронепоезд не ушел с огневой позиции.

Исключительный героизм в этот день проявили все бойцы бронепоезда. Они не только помогли пехотным частям остановить продвижение гитлеровцев в районе Нового Петергофа, но и выбили их из деревни Троицкое, уничтожили не один десяток врагов и подавили несколько минометных батарей. В этот день геройски

погибли командир орудия Н. П. Петров и четыре краснофлотца. Пять человек были ранены.

16 сентября бронепоезд выполнял новое задание: вместе с другими артиллерийскими батареями обеспечивал артиллерийским огнем разведку боем батальона 5-й бригады моряков у деревни Систопалкино. И на этот раз ему удалось выйти на огневую позицию незамеченным. По условному сигналу был открыт беглый огонь. За считанные минуты батарея Н. А. Второва послала на головы фашистов 70 снарядов. Стрелковые подразделения при поддержке четырех танков пошли в атаку. Бронепоезд, выполнив поставленную задачу, начал отходить. А тут на него обрушился шквал артиллерийского огня. В воздухе появились вражеские самолеты.

Моряки героически отражали нападение авиации, но несли и потери. Погибли сержанты Токарь, Скачков, Одинцов, политрук батареи Старосельский, воентехник Леонов. Получили ранения политрук батареи Гусаров, краснофлотцы Левин и Кузнецов, был тяжело ранен в голову командир батареи Второв.

17 сентября в поселке Лебяжье моряки похоронили погибших товарищей и поклялись отомстить за них врагу.

В этот же день партийная организация бронепоезда приняла в свои ряды шесть отличных артиллеристов и пулеметчиков. Сержант М. А. Агутин в своем заявлении в парторганизацию писал: «Прошу принять меня в ряды ленинской партии. Я обещаю отдать все свои силы, а если понадобится, то и жизнь, для полной победы над врагом».

Бронепоезд продолжал активные действия, часто совершая дерзкие артиллерийские налеты на позиции противника. Чтобы обеспечить внезапность нападения и избежать ответного удара врага, приходилось ежедневно менять огневые позиции. Для этого к началу 1942 г. для бронепоездов в районе Ораниенбаума и западнее станции Калище было вновь построено 18 огневых позиций.

Группы артиллерийских разведчиков и корректировщиков, возглавляемые офицерами Л. В. Мухиным и В. А. Ладодой, круглосуточно вели наблюдение за передним краем вражеской обороны, наносили на карты данные оборонительных сооружений, командных и наблюдательных пунктов. Точные координаты целей передавались на бронепоезд.

По делам службы мне довелось быть на бронепоезде 1 октября 1941 г. В этот день он стоял на запасной железнодорожной ветке в лесу западнее станции Калище. Командиры батарей В. Е. Сидоренко и Н. И. Ефимов проводили с бойцами политзанятия. Позвонил телефон. В. Г. Кропачев в это время находился в штабе соединения, и трубку взял военком А. В. Кузьмин.

Лейтенант Мухин доложил, что накануне вечером у опушки леса восточнее деревни Петровицы обнаружены несколько групп гитлеровцев и четыре походные кухни. Есть предположение, что противник подходил и ночью.

Военком приказал усилить наблюдение и докладывать о его результатах. Через несколько минут его снова вызвали к телефону. На этот раз звонил командир батальона морской пехоты С. И. Боковня. Он подтвердил информацию Мухина и просил военкома дать команду открыть огонь из орудий бронепоезда, когда фашисты будут обедать.

— Будет огонь, — ответил Кузьмин и дал приказ приготовиться к стрельбе.

Противник, когда ему не мешали атаки наших войск, придерживался строгого распорядка дня — обед в 12 часов. Но в этот день бронепоезд испортил гитлеровцам обед: на их головы полетели снаряды. Артразведчики доложили:

— У противника паника, походные кухни летят вверх колесами.

После десятка метких залпов бронепоезд отошел в укрытие. И так изо дня в день сражалась команда бронепоезда... Не раз враг пытался уничтожить отважный бронепоезд, не раз вражеские авиация и артиллерия разрушали железнодорожные пути, были случаи прямых попаданий бомб и снарядов в боевые площадки.

* * *

Знаменательным днем для каждого воина стало 7 июля 1942 г., когда бронепоезду было присвоено наименование «За Родину».

На митинге личного состава военком К. Н. Кудзиев, сменивший заболевшего А. В. Кузьмина, зачитал телеграмму Военного совета КБФ. В ней говорилось: «Поздравляем личный состав бронепоезда „За Родину“ и выражаем уверенность в том, что в предстоящих боях

личный состав бронепоезда приложит все силы для скорейшего разгрома врага».

После военкома на митинге выступил сержант А. Ф. Хабаров. Он сказал:

— Присвоение бронепоезду наименования «За Родину» — это великая честь и доверие, оказанное нам командованием. Теперь в самом наименовании бронепоезда выражена наша цель, наша идея, за осуществление которой в предстоящих боях мы не пожалеем ни сил, ни самой жизни.

Росло боевое мастерство балтийцев. Каждый воин бронепоезда не только отлично владел своей специальностью, но и изучил не менее двух смежных, чтобы в любое время можно было заменить выбывшего товарища.

С мая 1942 г. команда бронепоезда не только выполняла боевые задания, но и систематически выделяла людей для выполнения хозяйственных и строительных работ. В 1942—1943 гг. личный состав бронепоезда построил пять новых огневых позиций, заготовил в лесу дрова для паровоза (угля тогда не было), участвовал в строительстве аэродрома и пристани.

Чтобы пополнить скудный блокадный паек, по инициативе военкома К. Н. Кудзиева команда вскопала и засадила овощами огород и в 1942—1943 гг. собрала хороший урожай таких необходимых в то тяжелое время картофеля, капусты, огурцов, редиса.

В июле 1943 г. в соединении было сформировано подразделение опытных, закаленных в боях воинов, которое по приказу штаба Ленинградского фронта направили на пополнение сухопутных частей, сражавшихся на Синявинском направлении. В составе этого подразделения под Синявино ушли лучшие коммунисты и комсомольцы бронепоезда, награжденные правительственными наградами: Л. В. Азанов, А. Г. Казачек, С. Ф. Тарасов, В. К. Калиновский, С. Н. Ласкин, К. Н. Касаткин, Д. Н. Кондрашов и другие.

Вместо выбывших команду бронепоезда дополнили девять девушек. Они заняли должности радистов, телефонистов, баталеров, коков и вскоре не только овладели своими специальностями, но и научились стрелять из пулеметов и винтовок. Комсомолка Раиса Аристова стала лучшей радисткой в соединении.

К концу второго года войны в команде бронепоезда появились снайперы, уничтожившие на Ораниенбаум-

ском плацдарме десятки фашистов. Любимец команды отличный баянист пулеметчик Н. А. Митрофанов за весну и лето 1943 г. из винтовки с оптическим прицелом уничтожил 22 гитлеровца.

Подходил к концу 1943 год... Каждый боец чувствовал, хотя об этом и не говорилось, что в войсках идет усиленная подготовка к наступлению. Готовилась к наступлению и команда бронепоезда. Строились новые железнодорожные пути для предстоящего выхода бронепоезда за пределы Ораниенбаумского плацдарма, усиливалась разведывательная служба, день и ночь ремонтировалась материальная часть.

Утром 14 января 1944 г. орудия бронепоезда вместе с сотнями орудий и минометов кораблей и частей КБФ участвовали в разгроме гитлеровцев под Ленинградом. С огневой позиции западнее Старого Петергофа бронепоезд вел огонь по объектам в районе Петровское—Коровино, помогая войскам 2-й ударной армии, наступавшим с Ораниенбаумского плацдарма.

Записи в журнале боевых действий и паровозном журнале свидетельствуют о том, что с 23 июня 1941 г. по январь 1944 г. бронепоезд прошел 9500 километров. Его орудия 412 раз открывали огонь по фашистам. Только в районе Нового Петергофа бронепоезд совершил 12 огневых налетов, расстреливая врагов прямой наводкой.

Более 40 раз отражал бронепоезд налеты авиации. Зенитчики сбили и подбили 4 вражеских самолета. Были уничтожены 4 артиллерийских и 8 минометных батарей, 40 пулеметных точек, 2 склада боезапаса, разрушены 2 водные переправы на реках, более 40 блиндажей и дзотов.

Из-за износа паровоза и вооружения в конце января 1944 г. бронепоезд был разоружен и его сдали на базу железнодорожной артиллерии. Команда — в том числе 54 коммуниста и более 30 комсомольцев — получила новые назначения на железнодорожные артиллерийские батареи, на корабли флота и в батальоны морской пехоты.

Бывшие бойцы бронепоезда «За Родину» били врага, освобождая Советскую Прибалтику, участвовали в штурме Кенигсберга.

В. Ф. ГОРЕЛОВ,

майор.

Командир 330-й батареи 33-го и 197-го отдельных артиллерийских дивизионов Ижорского укрепленного сектора Береговой обороны КБФ в 1941—1944 гг.

НА ЗАПАДЕ ОРАНИЕНБАУМСКОГО ПЛАЦДАРМА

В сентябре 1941 г. правым крылом гитлеровские войска группы армий «Север» вышли в район Нового Петергофа. Но враг был остановлен на рубеже зоны огня нашей береговой артиллерии. Так образовался Ораниенбаумский плацдарм.

Артиллерия нашего форта не доставала до позиций противника, поэтому было принято решение установить несколько батарей корабельных орудий на переднем крае Ораниенбаумского плацдарма.

В августе 1941 г. на северной окраине деревни Устье поставили 100-миллиметровую трехорудийную батарею № 341 (командир батареи лейтенант В. И. Лачин, комиссар политрук Г. Д. Никандров), которая приняла на себя всю тяжесть борьбы с расположенной на этом участке артиллерией противника. Гитлеровцы сразу поняли, что 341-я — единственная на этом участке дальнобойная батарея, и стремились ее уничтожить. Противник обрушивал на батарею до 300 снарядов в сутки. Но она жила и продолжала громить противника.

Одной дальнобойной батарее было явно недостаточно. В начале ноября 1941 г. командование Ижорского сектора поручило мне установить 152-миллиметровую батарею № 330 в лесу между деревней Устье и станцией Калище. Она должна была поддерживать 5-ю

бригаду морской пехоты полковника В. К. Зайончковского.

На строительство батареи командование выделило семь суток. Это был очень жесткий срок, если учесть, что у нас не было заранее заготовленных деревянных оснований. Личному составу батареи пришлось готовить их из только что срубленных в лесу деревьев. Дело осложнялось еще и тем, что не оказалось бурава, чтобы просверлить отверстия в бревнах для болтов под основание. Прожигали их обыкновенным ломом, раскаленным на костре. Работу организовали в три смены — круглосуточно. Люди стремились как можно быстрее установить орудия и открыть огонь по врагу, поэтому преодолели все трудности. Самоотверженно работали помощник командира батареи капитан А. А. Пешонов, командир взвода лейтенант Ф. С. Дубодел, старшина комендоров В. М. Михайлов, командиры орудий сержанты В. И. Лаптев и В. И. Тарасов.

Батарею ввели в строй досрочно — за пять суток.

При строительстве батареи нам оказал большую помощь начальник артиллерии сектора майор Е. А. Прокурин. Пока 19 ноября 1941 г. батарея не дала первый залп по фашистам, он постоянно был с нами, словом и делом участвуя в нашей работе.

Теперь на участке фронта 5-й бригады морской пехоты стояли уже две береговые дальнобойные батареи. Они вели контрбатареиную борьбу с артиллерией противника и оказывали действенную огневую поддержку бригаде. 330-я и 341-я батареи проводили до двадцати стрельб в сутки, как правило, под огнем противника.

Блокадная зима принесла новые трудности: к вражеским обстрелам и систематическому недосыпанию добавилось постоянное чувство голода. При стрельбе снаряд к пушке должен подавать один человек, а теперь пришлось выделить для этого двух бойцов.

Как-то в декабре 1941 г. начали подвозить снаряды со стороны Калище. На перевозке работали семь человек отделения командира орудия В. И. Тарасова. Сани палетели на запорошенный снегом пень, опрокинулись, и снаряды вывалились в снег. И семь парней вместе не смогли поднять одного снаряда и уложить его в сани... Об этом рассказывал мне сам Тарасов. А ведь всего полгода назад это был здоровый и сильный 25-летний

молодой человек. Пришлось послать к ним на помощь старшин и матросов.

Огневые задачи наши батареи получали непосредственно от начальника артиллерии бригады майора А. Ф. Горобца — бывшего артиллериста Береговой обороны, грамотного офицера, отличного человека.

Расскажу о некоторых боевых эпизодах, характеризующих боевые дела 330-й батареи.

10 декабря 1941 г. 2-й батальон 5-й бригады морской пехоты под командованием капитана Н. Н. Салищева получил приказ провести разведку боем силами батальона на участке фронта в районе населенных пунктов Керново, Верхние и Нижние Лужки. Наши 330-я и 341-я батареи должны были поддержать батальоны огнем.

В 24.00 батальон вышел на рубеж атаки. Я и старший лейтенант В. И. Лачин, командир 341-й, находились в боевых порядках наступающих. В назначенное время батареи открыли огонь. Пехота пошла вперед. Удар нашей артиллерии оказался настолько неожиданным для гитлеровцев, что они выскочили из блиндажей в одном белье и, попрыгав в сугробах на 30-градусном морозе, поднимали вверх руки со стандартным «Гитлер капут». Бой принес нам успех. Захватили штабные документы, взяли в плен командира участка обороны — обер-лейтенанта.

На мысу Наволок противник соорудил дзот с крупнокалиберным пулеметом. Из этого дзота гитлеровцы просматривали все побережье залива и не давали нашим разведывательным группам возможности зимой выходить в тыл врага по льду. Мы решили уничтожить его огнем 330-й батареи. Попасть в такую малую цель на расстоянии 13 километров в условиях лесистой местности — задача сложная. Всеми средствами войсковой разведки, что у нас имелись, тщательно определили координаты дзота. Чтобы было удобнее наблюдать, я пошел на передний край, в первую линию окопов. Командую на батарею: «Залп!» — и жду падения снарядов. Взрыв — летят бревна! Для контроля даю еще один залп. Дзот уничтожен! Это подтвердили разведчики бригады.

Противник, стремясь имитировать насыщенность артиллерией своего участка фронта на линии Копорье—Керново, прибег к военной хитрости: применил «кочующие орудия». Сущность такого тактического приема

проста. Создается несколько оружейных позиций на определенном участке фронта. Орудие занимает одну из позиций, открывает беглый огонь по цели и быстро переходит на другую позицию. Пока противная сторона открывает огонь по ранее неизвестной батарее, «кочующее орудие» успевает уйти из-под огня. Вскоре мы, изучив систему огня противника, поняли, что имеем дело с «кочующим орудием». С помощью артиллерийских разведчиков засекали все три позиции гитлеровской батареи. Я рассчитал исходные данные для стрельбы по каждой позиции, оформил их в виде таблиц и выдал командирам орудий. Как только «кочующее орудие» начинало стрелять, наши орудия немедленно отвечали и успевали накрыть врага своим огнем. В течение недели мы таким образом уничтожили три 105-миллиметровых вражеских «кочующих орудия». Больше гитлеровцы эту тактику на нашем участке фронта не применяли.

Однако, если мы хоть в какой-то степени теряли бдительность, противник это немедленно использовал. Однажды январским солнечным днем 1942 г. над расположением наших войск внезапно появились два истребителя, похожие на «И-16», со звездами на фюзеляже. Все обрадовались. Самолеты перешли на бреющий полет, покрутились над 330-й батареей, развернулись курсом на запад, набрали скорость и скрылись. У меня возникло сомнение: барражирующие истребители должны летать на больших высотах. Доложил по телефону в штаб Ижорского сектора оперативному дежурному. Оказывается, о полете наших самолетов на этом направлении в штабе ничего не известно. Это были вражеские самолеты.

В тот же день мы узнали о гибели нашего матроса-почтальона П. И. Мошкина, который ходил за письмами на полевую почту в деревню Долгово. Там располагался медсанбат для выздоравливающих. Ходячие больные и бойцы других подразделений, находящиеся в деревне, тоже увлеклись полетом «наших» истребителей. Фашистские самолеты прошли вдоль деревни и на бреющем полете обстреляли бойцов — 32 человека было убито, в том числе и наш почтальон.

В поселке Глобицы у гитлеровцев стояла 220-миллиметровая трехорудийная батарея. Она часто вела огонь по району расположения штаба 5-й бригады в поселке Устье. Однажды во время артиллерийского обстрела

произошел курьезный случай. Снаряд пробил стену землянки начальника артиллерии А. Ф. Горобца и остался лежать на его топчане. К счастью, снаряд не взорвался, да и Горобца в землянке не было.

Эта батарея противника находилась от нас в 18 километрах — почти на пределе стрельбы орудий 330-й батареи. Кроме того, ее скрывала лесистая местность.

При помощи инструментальной разведки — специальных звуковых установок 519-го гаубичного артполка, который дислоцировался на нашем участке фронта, тщательно определили координаты вражеской батареи и обстреляли место, где, по нашим расчетам, она стояла. Наблюдатели зафиксировали два взрыва. После этого батарея врага молчала две недели.

В боевой деятельности моей 330-й батареи большая роль принадлежала артиллерийским разведчикам. Они неустанно круглосуточно следили за действиями противника, всеми возможными способами определяли координаты вражеских батарей. Это обеспечивало эффективность нашего огня. Артрыведчики были мужественные люди. Помню, как июльским утром 1942 г., после удачного огневого налета нашей батареи, мы подверглись сильному артиллерийскому обстрелу. Личный состав батареи по моей команде укрылся в землянке. Лишь разведчик-наблюдатель матрос М. Х. Кривцов нес свою вахту на сосне. Снаряды рвались совсем рядом, но разведчик продолжал докладывать на КП координаты батарей противника. Замолкли орудия врага. На территории батареи бойцы насчитали около 300 воронок, а вокруг вышки Кривцова — 27. Кривцов оказался счастливым: он не был даже ранен.

Много раз выходил на передний край обороны с разведчиками для корректировки огня батареи и лейтенант Ф. С. Дубодел. На лесной поляне нейтральной полосы севернее поселка Керново стояла кирпичная силосная башня. Гитлеровцы проббили в ее основании амбразуру и установили пулемет, из которого систематически обстреливали позиции боевого охранения 2-го батальона 5-й бригады морской пехоты. Надо было немедленно уничтожить эту огневую точку противника. Лейтенант Дубодел скрытно подобрался к силосной башне, доложил о готовности к корректировке огня. Залпы ложились все ближе к башне. Враг понял, что меткую стрельбу по невидимой цели наверняка обеспечивает

корректировщик и находится он где-то поблизости. Гитлеровцы открыли ураганный пулеметный и автоматный огонь по вершинам деревьев. Лейтенанта Дубодела легко ранило в ногу, но он продолжал корректировать огонь батареи до тех пор, пока силосная башня не окуталась кирпичной пылью — прямое попадание!

18 февраля 1942 г. на базе 330-й и 341-й батарей организовали 197-й ОАД. Командиром дивизиона стал капитан А. Ф. Шакуро, комиссаром — И. А. Заигров. Тогда же построили еще три батареи: 152-миллиметровую (командир лейтенант А. Н. Нарядчиков, комиссар политрук И. В. Чернышов), 120-миллиметровую (командир лейтенант Т. Никифоров) и 76-миллиметровую (командир лейтенант Б. Клементьев). 197-й отдельный артиллерийский дивизион, состоявший из пяти батарей, стал грозной силой.

Прошло много лет. Трудно восстановить в памяти все былое, забываются, к сожалению, и имена людей. Я назвал лишь некоторых своих друзей, рассказал только об отдельных эпизодах, но из них и состояла наша боевая деятельность в те далекие годы.

С. А. ПЕРМСКИЙ,

капитан.

Командир батареи бронепоезда „Балтиец“ в 1941—1944 гг.

„БАЛТИЕЦ“

С первых дней войны сражался с врагом наш бронепоезд. Более 350 боевых стрельб провели артиллеристы «Балтийца» к 1944 г. Личный состав за месяцы боев в совершенстве овладел своим оружием, умело использовал боевую технику.

С помощью совершенных для того времени приборов артиллерийской разведки мы хорошо изучили и пристреляли все огневые точки противника на нашем участке фронта — у Ораниенбаумского плацдарма. На артиллерийских планшетах с достаточной точностью была нанесена линия обороны противника, его батареи. Поэтому мы могли открыть огонь с любой из огневых позиций бронепоезда. В общем, «Балтиец» был подготовлен к выполнению задания командования, и мы с нетерпением ждали приказа обрушить на врага всю мощь огня наших пушек.

То, что такой приказ придет, и очень скоро, чувствовалось по обстановке на фронте, по переброске сил 2-й ударной армии в район Ораниенбаума.

И действительно, 12 января 1944 г. в 13.00 к нам поступил приказ командира Ижорского укрепленного сектора полковника В. Т. Румянцева: «Артогнем бронепоезда поддержать наступление 2-й ударной армии, вести огонь на подавление батарей в деревне Б. Симоногонт, быть готовыми к отражению атак танков, пехоты и авиа-

ции противника». Время начала наступления не указывалось.

Бронепоезд вышел на позицию № 1 в район Маргышкина. Начальник артиллерии Ижорского укрепленного сектора полковник Е. А. Проскурин проверил боевую готовность бронепоезда: мы произвели контрольные выстрелы по ранее пристрелянным целям. Снаряды легли точно.

В эти дни перед боем многие из бойцов подали заявления о вступлении в партию. Младший сержант Доронин, командир 130-миллиметрового орудия, снятого с крейсера «Аврора», писал в своем заявлении в партийное бюро: «Желаю громить врага, будучи коммунистом, и в боях это высокое звание оправдаю с честью». Всего перед решающим боем подали заявления в партию 14 человек: машинист Капустин, командир взвода лейтенант Никульев, молодые бойцы-отличники Грачев и Бурков, старший кондуктор Иванов и другие.

В 1941 г., когда формировался бронепоезд, в рядах партии состояло всего 7 коммунистов, а к 1944 г. на «Балтийце» была уже сильная партийная организация — 50 человек.

Ждем начала операции. Нервы напряжены, настроение приподнятое. Наконец 14 января в 9.30 прозвучала команда:

— К бою!

Зенитчики, артиллеристы и пулеметчики зорко следят за воздухом. Вокруг тишина, которая вот-вот превратится в бурю — начало артподготовки в 9.35. Часы отсчитывают минуты, затем секунды, и воздух сотрясается грохотом орудийных залпов. Стреляют все батареи 2-й ударной армии, форты, пушки «Марата» и других кораблей, железнодорожные батареи 101-й морской артиллерийской бригады. Наши залпы составляли лишь малую долю грозной канонады.

Такого дружного и могучего «артиллерийского оркестра» мы еще за войну не слышали. Артиллерийская подготовка длилась больше часа. Попытки противника открыты ответный огонь были тщетны, — батареи врага немедленно подавлялись. Линия фронта гитлеровцев дрогнула. Так начался разгром осаждавших город Ленинца войск.

Я получил приказ вести методический огонь по дорогам от деревни Б. Симоногонт на юг по отступающему

противнику. Значит — победа, значит, оборона гитлеровцев прорвана!

Ступление наших войск было настолько стремительным, что вскоре мы прекратили огонь, — враг отступил за пределы досягаемости пушек «Балтийца».

Становилось все тише и тише, раздавались лишь отдельные выстрелы да кое-где вспыхивала перестрелка — это уничтожались разрозненные группы противника.

19 января я получил приказание сфотографировать обстрелянные нами цели, составить кроки разрывов снарядов «Балтийца» и определить результаты его артиллерийского огня.

Вооружившись фотоаппаратом и планшетом, я с двумя матросами пошел к деревне Б. Симоногонт. Путь наш лежал через Петергоф. Идти предстояло недалеко. Шли осторожно — расположение минных полей было нам неизвестно. Вот Петергоф... Щемит сердце, на глазах непроизвольно выступают слезы — перед нами руины Петергофского дворца, Большого каскада, Эрмитажа, Львиного каскада, всего-всего того, что до войны восхищало и поражало каждого великолепием и неповторимостью подлинного искусства. Мне, до войны архитектору, было особенно тяжело. Разбросанные по всему парку вещи из музейного реквизита, различная мебель, архитектурно-художественные детали и скульптуры, земля, израненная снарядами и изрытая окопами, землянками и блиндажами...

По дороге через деревни Сашино и Кузнецы, от которых осталось одно пепелище, мы увидели большое количество разбитой и брошенной техники, которую гитлеровцы не успели увезти или подорвать. И вот мы подошли к тому месту в Б. Симоногонте, где находилась батарея врага. Изуродованные орудия, разбитые ящики со снарядами, множество воронок от наших снарядов, в том числе и от снарядов авроровского орудия. Таковы были результаты ратного труда командира бронепоезда майора В. Д. Стукалова, замполита капитана В. Л. Аблина, командира батареи старшего лейтенанта Синопальникова, командира взвода лейтенанта Никутьева, командиров орудий младших сержантов Доронина, Дмитриева, Муратова, матросов Белякова, Сметанина, Сидорова, Попова, Чаурова, Тупикина, Морозова, связистов Алексеева, Лациса, Ивановой, Беловой и других матросов, сержантов и офицеров.

К. К. ГРИЩИНСКИЙ,

подполковник.

*Командир оперативной части развед-
отдела штаба КБФ в 1941—1942 гг.*

„ВСЕГДА В МОИХ ГЛАЗАХ ОН БЫЛ ГЕРОЕМ...“

В сентябре 1941 г. в Кронштадте, куда перебазировался из Ленинграда наш отряд, встретились два боевых друга, два главных старшины — Семен Аленичев, медлительный, немногословный, и Владимир Плисецкий, быстрый, эмоциональный.

Володя старался чем-то заполнить наш вынужденный и в общем-то недолгий отдых. Как мне помнится, он показывал фокусы...

Один из фокусов Плисецкого был донельзя прост, но повторить его никто из нас не мог. Главстаршина развертывал газету большого формата, ставил ее вертикально на протянутую ладонь, и газетный лист твердо стоял, подчиняясь какому-то неуловимому движению руки.

Иногда Плисецкий читал нам короткие рассказы — он помнил их наизусть. Порой лежал на койке, заложив руки за голову, и по-юношески вслух мечтал о будущем...

...Стреляли оба старшины метко. Как-то, набрав пустых бутылок, мы вышли втроем за Северные казармы, на взморье. Расставили мишени. Два старшинских парабеллума, забранные у гитлеровцев, и мой тринадцатизарядный браунинг снесли вмиг все бутылки. Решили отойти подальше и стрелять поочередно. Тут результаты оказались другими. Дважды промазал Аленичев, да и мои три пули ушли «за молоком».

— Что же вы так! — усмехнулся Плисецкий и навел парабеллум на левофланговую бутылку. — Сейчас ее срежем. Жаль, что враги условные...

Треск выстрела, и «условный враг» со звоном разлетелся. Еще две пули — то же случилось и с другими бутылками.

— Вот, черт, как по нотам сыграл. Ну и артист! — не выдержал Семен Аленичев.

Почему «артист»?

Лишь позднее узнал я, что слово это было сказано не с досады: до службы во флоте Володя Плисецкий действительно был артистом...

Оба старшины получили на рукава кителей по три «узких» нашивки не зря. 19 июля их сбросили на парашютах в глубоком тылу противника. За девять суток разведчики доставили фашистам массу неприятностей. На тыловых дорогах врага одна за другой подрывались автомашины. В самых неподходящих местах, где шоссе идет под уклон, в шины вражеских грузовиков вонзались стальные шипы-колючки. Разведчики рвали телеграфную и телефонную связь, уничтожали убранный хлеб, заготовленное для интендантства сено.

Но самое важное — рация разведчиков в назначенные часы передавала центру зашифрованные донесения. Из них становилось известно о передвижении войск противника, о численности его гарнизонов, о том, как усиливается вражеская береговая оборона и где базируется фашистская авиация.

Обостренное внимание к каждой мелочи, выдержка и сверхосторожность — без этого нет разведчика. Ведь за линией фронта, на территории, занятой врагом, опасность поджидает его всюду.

Однажды, замаскировавшись на опушке леса, Плисецкий и Аленичев наблюдали за вражеским тыловым аэродромом. Потом решили разрезать проволочное ограждение, подползти к ангару и заложить под него мину. За это взялся Плисецкий. Он подобрался к проволоке там, где ближе всего был лес, нашел глубокую яму — кажется, это была воронка от бомбы — и на всякий случай накрыл ее ветками. Лежа на боку, разрезал ножницами первый ряд проволочного ограждения. И тут Плисецкий услышал невдалеке, за кустами, треск — кто-то шел к нему. Один лишь бросок — и разведчик укрылся в воронке.

«Выследили!»

Плисецкий сжался. Чувствуя, как бешено стучит сердце, он поднял пистолет. Каждая секунда казалась Плисецкому вечностью. Скорее бы развязка!.. Но тот — неизвестный — приближался очень осторожно. Наконец, тяжело дыша, он подошел вплотную к яме и... стал обнюхивать листья недавно сломанных ветвей. Это была корова, которая паслась в лесу.

Все вышло как надо: мина была заложена под ангар и, когда разведчики отошли от аэродрома на значительное расстояние, грохнул взрыв...

— В жизни не испытывал страха, какой эта скотина нагнала, — вспоминал впоследствии Плисецкий злополучную корову. — Холодный пот на лбу выступил. Думал — конец...

Надо было видеть карту, которую принесли с собой разведчики, карту, испещренную многочисленными пометками, — чтобы понять, какие препятствия они преодолели: лесные чащи и водные протоки чередовались с минными полями и проволочными заграждениями.

Последние сотни метров они двигались ползком, между огневыми точками врага. Они ползли, вжимаясь всем телом в землю. Ползли так, чтоб не скатился изпод руки камешек, не треснул сучок... Враг проворонил разведчиков. Фашисты обнаружили их только тогда, когда они были уже на нейтральной полосе.

О том, что произошло в «нейтралке», сегодня может поведать лишь архивный документ:

«27 июля 1941 г., во время возвращения группы на свою территорию, разведчикам пришлось вести ожесточенный бой... Противник, окружив моряков, начал наступление. При приближении врага Плисецкий со своим помощником бросил 14 гранат, уничтожив до 20 вражеских солдат, создал среди них панику, которую умело использовал для прорыва...»

В этом бою Володя Плисецкий был ранен в ногу. Прямо с передовой его отправили в Ленинград, в Главный военно-морской госпиталь. Это старейшее лечебное учреждение часто посещали артисты и писатели. Они несли раненым живое слово, песню, танец. Все это поддерживало силы бойцов, помогало быстрее выздоравливать.

В госпитале главстаршину Плисецкого навещали многие — и член Военного совета флота, и начальник

разведки КБФ, и собратья по мирной профессии. В палате, где он лежал, побывала Клавдия Ивановна Шульженко, а в клубе госпиталя ее ансамбль дал для раненых небольшой концерт.

Володя тоже спустился в клуб. В числе показанных ансамблем номеров был и номер, называвшийся «Трио Кастелио». В нем должны были участвовать двое мужчин и женщина, но в этот раз на сцену вышли только двое.

— Товарищи моряки, — сказала, объявляя номер, Клавдия Шульженко. — Артисты покажут вам лишь то, что можно показать без третьего партнера... Третьего нет, потому что он сейчас среди вас, в этом зале. Раненый, как и вы, в боях с фашистами.

В клубе наступила тишина. Зрители недоуменно оглядывались, смотрели по сторонам.

Плисецкий встал, держа на весу обмотанную марлей ногу и слегка поклонился...

Давно не слышал клуб госпиталя таких аплодисментов.

Однажды главный старшина Плисецкий показал мне фотографию, хранившуюся у него в бумажнике. На карточке я увидел худенькую девочку-подростка, с длинной шеей, смущенно потупившую глаза.

— Кто это? Дочь?

— Нет, товарищ лейтенант. Не женат я... Племянница... Она мне как дочь...

Девчушка, по его описанию, была очень живой, бойкой. Бегала по улице, дралась с мальчишками, играла с ними в футбол, возвращалась домой с синяками... Впрочем, было у племянницы одно увлечение, о котором она никому не говорила.

Когда ей было всего четыре года, она повесила перед своими куклами занавес из простыни и танцевала для них умирающего лебедя.

Аленичев, тоже слушавший рассказ, спросил:

— Где сейчас девчонка-то?

— На Большой земле, за Москвой... Отца нет, с матерью-вдовой... Эх, дружище, если б не война... Талант сгинуть может...

— У нас не сгинет. Не горюй! Дорогу себе пробьет!

А вечером Владимир Плисецкий приготовил всему отряду сюрприз. Днем он побывал в кронштадтском

Доме флота и, возвратясь в казарму, прямо с порога объявил:

— А ну, братишки, гладить брюки! К нам едут гости!

Вяснилось, что в крепости находится фронтовая бригада Ленгосэстрады. Она выступает в воинских частях и на кораблях. В наш отряд морских разведчиков, насчитывавший что-то около сотни краснофлотцев и старшин, бригаду, конечно же, не послали бы. Но главный старшина обратился с просьбой к своим бывшим товарищам по сцене и к начальству. И вот еще один концерт был внесен в план гастролей — концерт для нас.

Из столов соорудили «сцену». Из одеял наскоро сшили занавес. Подвели освещение.

Артисты появились в назначенный час. Были они неказисты на вид — в помятых пальто, шапках-ушанках, в простых солдатских сапогах.

Концерт начался. В полумраке нашего «зала» мы забыли в те минуты о том, что над Кронштадтом гремит канонада и в осеннем небе вспыхивают оранжевые разрывы зенитных снарядов, что на том, южном берегу Финского залива — враг...

Когда концерт окончился, зрители поднялись с мест и стоя аплодировали артистам. На импровизированную сцену поднялся Плисецкий.

— Дорогие друзья, — начал он тихо, обращаясь к участникам концерта. — Вы доставили нам большое удовольствие... Не так давно и я выступал на эстраде рядом с вами, а теперь вот слушаю вас. Но уверен, что мы еще поработаем вместе! Примите от меня и от моих боевых товарищей наше краснофлотское искреннее спасибо!..

Волновался, произнося это приветствие, главный старшина, волнением были охвачены и стоявшие на сцене артисты. Они смотрели на Плисецкого, на его синий суконный китель, украшенный орденом Красного Знамени, и на их лицах было выражение какой-то гордости за своего военного собрата, а может быть, даже и зависти к нему — доброй, нежной зависти: ведь вот какой стал наш Володя!

С ответным словом выступил руководитель бригады артист А. Д. Бениаминов. Потом гостей пригласили в кают-компанию и угостили скромным, но по блокадному времени более чем щедрым ужином...

* * *

Судьба на войне не всегда в ладах с теми, кто долго ее испытывает. Сколько раз Владимир Плисецкий ходил суровой осенью сорок первого года во вражеский тыл, чтобы выполнить очередное задание! Сколько раз попадал в острые, очень опасные положения, но рейды разведчика обычно заканчивались удачно. Однако в то декабрьское утро сорок первого года военное счастье, как видно, ему изменило.

...Ночью группа разведчиков во главе с Плисецким вышла на лыжах далеко в залив. Когда рассеялась предрассветная мгла, показался вражеский берег. Перед обрывистым, заснеженным склоном разведчики залегли, укрывшись за торосами. Лес на берегу молчал. И лишь когда с моря ударяли порывы ветра, надрывно скрипели сосны. С них на чуть заметную тропку слетали хлопья инея.

Командир подал знак, и все четверо, вытянувшись в цепочку, направились к тропе. Но в этот миг заговорила искусно замаскированная огневая точка.

Свинец скосил двоих. Двое других, в том числе и Плисецкий были ранены, но у них хватило сил уползти за торос...

Захватить их живьем не удалось. Балтийцы встретили фашистов гранатами. Последние две приберегли для себя. Взрывы прогремели почти одновременно.

Это было 15 декабря 1941 г.

* * *

Марина Левицкая, сестра Владимира Плисецкого, была артисткой фронтового ансамбля.

Как-то, уже после войны, один из знакомых Левицкой сказал, что, находясь на излечении в военном госпитале в Свердловске, видел там тяжелораненого моряка с обмороженными конечностями, в котором признал ее брата. Вернее, ему показалось, что это был он...

У Марины Эммануиловны лежал последний ответ: «Пропал без вести». Снова возникла какая-то надежда: а может, жив Володя? Она написала в тот госпиталь, где когда-то лежал знакомый, снова послала запросы в архивы. Ответ — тот же. Видно, обозначил ее знакомый. Нет, не мог попасть главный старшина Плисецкий в госпиталь. Никто из вражеского тыла тогда, декабрьским днем сорок первого года, не вышел.

— Володя был человеком романтического склада, — вспоминает Марина Левицкая. — Его влекло туда, где риск, где опасность, где на карту ставится жизнь. Он люто ненавидел фашизм. Его не хотели призывать в армию — на него была выдана броня, — но он просил, настаивал, требовал: только на фронт, только в бой! И добился своего.

Я спросил Левицкую, о какой племяннице рассказывал мне ее брат. Женщина взглянула на портрет Владимира и почти шепотом произнесла:

— Ее зовут Майей...

— Майя Плисецкая?!

— Да.

Кто видел балет «Спартак» с участием Плисецкой, тот наверняка запомнил Фригию. Запомнил ее рыдающей над телом павшего в бою с римскими legionерами вождя восставших рабов — ее возлюбленного. Руки Фригии, выражая мучительные переживания героини, движутся с такой ясно выраженной внутренней болью, с такой скорбью и отчаянием, что зритель не может не ощущать — перед ним вовсе не игра, не подражание: это сама жизнь!..

Не память ли о солдатах, павших в боях за нашу Родину, в том числе и о Владимире Плисецком, служит источником образов в трагических сценах, столь талантливо и проникновенно сыгранных Майей Плисецкой? Ведь искусство балерины — не просто проникновение в сущность образа, в музыку композитора. Это нечто большее. Плач над павшим Спартаком — это плач над любимым, это плач матери над убитым сыном, плач сестры над телом погибшего брата. Это, в сущности, плач всех, кто потерял близких в жестокой битве за Родину! Раздумывая так, я решил написать Плисецкой. Вот ее ответ.

«У меня было много дядей, — пишет Майя Михайловна, — и родных, и двоюродных, и даже троюродных. Одних любила больше, других меньше... Больше всех я любила Володю. Я и сейчас все время помню и думаю о нем... Всегда в моих глазах он был героем. У него на груди висел значок парашютиста. А когда я бывала в Ленинграде, то он ездил со мной на „американские горы“. Все дико визжали и отворачивались, у меня тоже спирало дыхание, и я закрывала глаза. А он улыбался и смотрел прямо. Он ничего не боялся, хотя мы летели нулей.

Потом мы шли с Володей в магазин, и он на все деньги, которые у него были, покупал мне всякие безделушки, пеналы и какие-то книжки. Подаренная Володей записная книжка жила у меня двадцать лет.

Я была на концерте, в котором Володя участвовал, и тут тоже он мне казался недосыгаемым героем. Номер назывался „Трио Кастелио“: два партнера, одетые в черное, — на черном фоне — кидали светлую партнершу от одной кулисы к другой; партнеров совсем не было видно: казалось, она просто сама летает по воздуху.

В последний раз, когда я была в Ленинграде, все это было, и я хорошо все помню. Было это за год до войны...»

В многотиражной газете «Музыкальные кадры», издающейся в Ленинградской консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова, мне довелось прочесть заметку о Владимире Плисецком. Ее написала артистка Алла Ким, та самая «светлая партнерша», о которой вспоминает Майя Плисецкая.

«С 1939 по 1941 год, — рассказывается в заметке, — мне выпало счастье работать с Володей — создателем и руководителем номера „Трио Кастелио“... Володя безмерно любил искусство и вне его не мыслил жизни. Но когда когти врага стали терзать нашу Родину, впились в ленинградскую землю, Володя, с которым мы находились во фронтовом ансамбле под руководством К. И. Шульженко, решительно заявил: „Я — мастер парашютного спорта и обязан идти воевать!“

Его забрасывали в тыл врага, он взрывал вражеские объекты, отважно пробирался через передовую фашистов обратно. При выполнении одного из заданий он был ранен... Когда я навестила его в госпитале, он, превозмогая боль, сказал: „Вот разобьем фашистов, прогоним их с родной земли и снова заживем на сцене еще более интересной жизнью!“

Едва встав на ноги, Володя отправился в разведку. И вскоре погиб смертью героя...»

* * *

Всякий раз, когда я думаю о людях сложной, героической судьбы, мне приходит на память образ моего флотского сослуживца — моряка Краснознаменного Балтийского флота Владимира Плисецкого.

М. Е. ПОЛЯКОВ,

подполковник.

Командир 404-й отдельной роты связи Кронштадтского укреплённого сектора Береговой обороны ИБФ в 1941—1942 гг.

СВЯЗИСТЫ

Нам, флотским связистам, не очень часто приходилось пускать в ход оружие. А вот под огнем врага приходилось бывать не раз. Ведь без связи невозможно управление боевыми действиями. Поэтому связисты-балтийцы, восстанавливая связь, работали под вражеским артиллерийским обстрелом, под бомбами.

Помню, в сентябре 1941 г., когда гитлеровцы начали массированные налеты авиации и артиллерийские обстрелы Кронштадта, стали часто выходить из строя проводные линии связи. Начальник штаба Кронштадтского укреплённого сектора (КУС) капитан И. Н. Федьков приказал срочно сделать все возможное, чтобы обеспечить надежную связь с морскими фортами и батареями. Под руководством начальника связи КУС старшего лейтенанта В. С. Кайды бойцы 404-й отдельной роты связи (в то время я был ее командиром) приступили к работе. Зачастую под артиллерийским обстрелом связисты рыли траншеи, спускали в них деревянные настилы и укладывали кабель. Пришлось вырыть многие километры таких траншей, но поставленная перед нами задача была выполнена: теперь проводная связь нарушалась только при прямом попадании снаряда или бомбы. Стало легче работать и нашим дежурным по связи, которые несли службу на командном пункте сектора.

А ведь это служба трудная и ответственная. Они не только должны были в совершенстве знать свое дело, но и хорошо разбираться в оперативной обстановке, мгновенно принимать нужные решения. Поэтому дежурство по связи несли лучшие, наиболее грамотные специалисты — лейтенант И. В. Иванов, лейтенант М. Я. Репинский и старший лейтенант К. В. Анисифоров. Они всегда обеспечивали командование сектора связью для боевого управления, даже при повреждении подводных кабелей, — выручало радио. Но конечно проводная связь при управлении артиллерией удобнее: не надо заниматься шифровкой и дешифровкой сообщений, на что нужно дополнительное время. Поэтому, если выходил из строя подводный кабель, мы сразу же старались устранить неисправность. Найти повреждение подводного кабеля было нелегко. Помню один эпизод. В январе 1942 г. разорвавшийся при ударе о дно залива вражеский снаряд перебил подводный бронированный кабель, соединяющий «северные» форты Кронштадта, находящиеся на искусственных островках, с островом Котлин. Таким образом прервалась связь между 15-м артиллерийским дивизионом, расположенным всего лишь в нескольких километрах от занятого врагом берега в районе Урицк — Петергоф, и командным пунктом нашего сектора.

До войны ремонтом подводных кабелей занимались специальные суда, на которых имелись водолазы, особая аппаратура. Но залив скован льдом, а время не ждет — связь нужна немедленно. В белых маскировочных халатах в путь вышла группа связистов под командованием младшего лейтенанта Александра Швецова. Стоял 30-градусный мороз, мела пурга, сильный ветер валил с юг. Краснофлотцы А. Рубцов, С. Козин, Г. Аленичев, П. Макаров, Е. Еремин, Я. Храпов, командир отделения сержант А. Соколов пешнями и топорами пробивали в толстом льду траншею, захватывали якорем-кошкой кабель, вытаскивали его и искали повреждение. Первый день работы не дал результатов. На следующее утро пурга стихла, установилась ясная погода. Но это меня не радовало: при хорошей видимости гитлеровцы могли увидеть работающих на льду людей. Так и получилось — как только связисты вышли на лед, вблизи начали рваться вражеские снаряды. Пришлось дать приказание немедленно прекратить работу. Лишь с наступ-

лением темноты мы смогли продолжить поиск места повреждения кабеля. Только прорубив в толстом льду почти километровую траншею, связисты наконец нашли участок кабеля, где произошел обрыв. Его быстро вырезали, вставили новый — и кабель ушел на дно. Связь в строю, задание выполнено!

Еще бóльшие трудности приходилось преодолевать связистам при ремонте подводных кабелей между Кронштадтом и островами в Финском заливе. В конце осени 1942 г. к востоку от одного из островов взрыв морской мины вывел из строя кабель связи. Меня вызвал начальник связи Кронштадтской крепости Н. Н. Пряхин и приказал немедленно начать восстановительные работы. В наше распоряжение выделили баржу и катер. Старшим этого маленького отряда я назначил мичмана И. М. Мельникова.

Вот что рассказал мне И. М. Мельников после выполнения задания.

До острова связисты добрались благополучно, хотя и маленький катер и баржа с трудом преодолевали волну. После короткого отдыха на острове принялись за работу.

За многие годы кабель занесло песком и илом. Уже несколько часов ползла «кошка» по дну залива, а кабель все никак не удавалось зацепить. Ветер усиливался, волна начала захлестывать баржу. Пришлось вернуться к острову ни с чем. К вечеру катер снова вывел баржу в залив. Опять ползет «кошка» — нет кабеля и нет! Вдруг сигнальщик А. Филиппов заметил на горизонте четыре движущиеся точки — к барже шли катера противника. Быстро выбрали на палубу «кошку», изготовили к бою винтовки и пулеметы — на барже и на катере по одному пулемету «ДШК». Радист Г. Чернопятко передал: «Четыре катера противника. Прошу помощи. Вступаем в бой».

Вражеские катера шли на сближение не открывая огня. Видимо, они не ожидали сопротивления или решили попытаться захватить баржу и катер.

— Огоны! — скомандовал Мельников, и пулеметные очереди ударили по головному вражескому катеру.

Он остановился, но остальные три открыли огонь по барже. Снаряды прошили борт, в баржу начала поступать вода. Силы были неравными — у врага многократное превосходство. Но тут, отрезая противнику путь

отхода, появились три наших бронекатера. Они уничтожили подбитый связистами катер, нанесли повреждения еще одному. Катера противника повернули и на максимальной скорости ушли к своему берегу.

Связисты заделали пробоины, откачали воду и под охраной бронекатеров продолжали работу. Наконец «кошка» зацепила кабель — вот он тяжелой гигантской змеей ложится на палубу. Теперь умелые руки связистов могут устранить повреждение. Еще несколько часов работы — и кабель восстановлен. Есть связь между островами и Кронштадтом! И маленький катер повел баржу в обратный путь, к Кронштадту.

Прошло уже шесть дней с тех пор, как баржа отошла от Петровской пристани Кронштадта. С нетерпением ждали мы возвращения И. М. Мельникова и его группы. Наконец дежурный по связи сообщил мне, что Мельников подходит.

Я поспешил на причал, чтобы встретить отважных связистов.

— Смирно! — скомандовал выстроившимся на причале связистам мичман Мельников. — Товарищ старший лейтенант, задание выполнено, связь восстановлена!

От имени командования я поблагодарил балтийцев за их мужество, отличную работу, пожал руки краснофлотцам А. Крылову, С. Заплатину, И. Бовтрюку, Г. Власову, Н. Королеву, Е. Климову, Р. Чумовицкому, В. Григорьеву.

Минул уже не один десяток лет, но я не забываю боевых друзей, тепло вспоминаю связистов Кронштадта: младшего лейтенанта А. Швецова, старшего лейтенанта И. В. Иванова, капитана В. С. Кайду, лейтенанта Ю. А. Немилова, капитана Н. Ф. Иванова, майора Н. С. Гришина, капитана С. З. Полякова, подполковника Н. Г. Скворцова, капитана Д. С. Нижника, капитана П. С. Черкасова и многих других.

Ю. П. МАЛАЕВ,

подполковник.

Командир 153-й батареи 15-го отдельного артиллерийского дивизиона Кронштадтского укрепленного сектора Береговой обороны КБФ в 1943—1944 гг.

НА ЧЕТВЕРТОМ „СЕВЕРНОМ“

В январе 1943 г. я был назначен командиром 153-й батареи. Не могу скрыть — я был безмерно обрадован тем, что командование оказало мне такую честь и доверие. Ведь это была самая активная и дальнобойная батарея нашего 15-го отдельного артиллерийского дивизиона — четыре новейшие пушки 100-миллиметрового калибра — «сотки». Шла война, поэтому смена командиров на батареях производилась быстро. На следующий день я сдал свою 158-ю батарею из четырех 45-миллиметровых орудий младшему лейтенанту Т. А. Малаге, а к вечеру уже доложил командиру дивизиона о вступлении в должность.

На батарее у меня служили три офицера: командир взвода управления лейтенант А. Г. Лысов, командир огневого взвода лейтенант В. А. Александров и старший лейтенант медслужбы Лупанова. Через два дня на третий, а иногда и через день, батарея заступала на дежурство. Это означало, что в течение суток весь личный состав должен был находиться в непосредственной близости от боевых постов, в готовности к открытию огня. В другие дни назначалось дежурное орудие.

На командном пункте, независимо от того, дежурит батарея или нет, должен был находиться офицер, имеющий право на управление огнем. Когда я принял батарею, управлять огнем мог только лейтенант А. Г. Лысов.

На следующую ночь после моего вступления в командование я дежурил на КП. На рассвете гитлеровская батарея с южного берега начала обстрел Ораниенбаума. Вахтенный дальномерщик краснофлотец Бахаровский быстро ее засек. Я объявил боевую тревогу. Изготовились к бою быстро, так как, пока личный состав занимал свои места, бойцы дежурного орудия под командованием младшего сержанта Комиссарова расчехлили и частично подготовили остальные три орудия. Не успели еще боевые посты доложить о готовности, как с командного пункта дивизиона передали координаты цели. Посмотрев на огневой планшет, я увидел, что батарея противника уже на нем обозначена — значит, артиллерийской разведкой ранее засекалась. Определяем азимут и топографическую дистанцию до цели... Вычислитель краснофлотец Козырев дает поправку к первому залпу. Телефонист Новожилов передает на огневой взвод азимут и дистанцию цели.

Докладываю на КП дивизиона о готовности и сразу же слышу:

- По цели, шестнадцать штук огневым налетом.
- Зали! — команду я.

В открытую амбразуру видна ослепительная вспышка. Командный пункт содрогается от одновременного залпа четырех орудий. С огневой позиции доносятся усиленные мегафоном команды командира огневого взвода лейтенанта В. А. Александрова и команды командиров орудий. Звонят падающие на бетон орудийных дворики гильзы.

Последующие три залпа даются с максимальной скоростью. Меньше чем за минуту в стан врага отправлено 16 снарядов. Стрельба окончена. Звоню оперативному дежурному дивизиона. Результат пока неизвестен. Выхожу и всматриваюсь в сторону южного берега, куда мы только что стреляли. Слышен только плеск воды о волнорезы форта. Тишина. Артиллерия противника молчит. Подавлена ли вражеская батарея, стрелявшая по Ораниенбауму, огнем орудий нашего форта или другим — кто знает, но мне приятно, что моя первая стрельба прошла без заминки. Через некоторое время оперативный дежурный передает, что стрельба произведена успешно и поставленная задача выполнена.

Проходил день за днем, похожие один на другой. Батарея много стреляла. Я и командир взвода управ-

ления лейтенант А. Г. Лысов по очереди дежурили на КП батареи и по команде из дивизиона немедленно открывали огонь.

153-й батарее, предназначенной прикрывать переходы наших кораблей, приходилось часто выполнять внешние стрельбы для подавления батарей и прожекторов противника, в большинстве случаев в темное время суток. Чтобы повысить точность огня, мы проделали большую кропотливую работу по созданию специального крупномасштабного планшета. По нему мы определяли данные для первого залпа. Кроме того, очень помогла нам книга, которую незадолго до начала войны я случайно приобрел. Называлась она, если не ошибаюсь, «Вспомогательные таблицы для стрельбы аналитическим способом». Я убедился, что после некоторой переработки ее данными можно пользоваться для расчетов по стрельбе. В результате первые залпы наших орудий стали ложиться точнее.

Большая работа по обеспечению точности стрельбы была проведена и в огневом взводе — на орудиях — под руководством бесменного старшины-комендора П. М. Логинова. Хочу сказать, что все мои воспоминания о боевых делах 153-й батареи связаны с именем Логинова, «профессора сотки», как уважительно называли его на форту. Удивительно спокойный, даже на первый взгляд медлительный, старшина великолепно знал материальную часть своих пушек. Каждую свободную минуту он проводил у орудий: чистил, проверял работу механизмов, ремонтировал их, учил матросов. Логинов вырастил таких мастеров артиллерийского огня, как Федор Сыров, Михаил Каливчин, Алексей Михайлов, Иван Спириин, Михаил Шенин, Павел Комиссаров и другие. Много стрельб прошло в мою бытность на батарее, и я не помню случая, чтобы не сработала материальная часть. Коммунист П. М. Логинов успевал вести и большую общественную работу, был редактором стенной газеты «Артиллерист».

На северном и южном берегах Финского залива, в непосредственной близости от переднего края, располагались наши наблюдательные посты. Они вели непрерывную артиллерийскую разведку и корректировали стрельбу флотских батарей.

На северном берегу залива длительное время пахотился наш корректировщик, участник боев за Севасто-

ночь, лейтенант Кондратенко. Он вел наблюдение с поста в районе Дибунь — Песочная. С него хорошо просматривалась железнодорожная станция Оллила (ныне Солнечное), а в хорошую видимость и платформа Куоккала (теперь Репино).

На южном берегу, в районе Петергофа, бессменным корректировщиком огня наших батарей был командир 151-й батареи лейтенант Ф. Е. Рассохацкий, замечательный артиллерист-разведчик. Основной его наблюдательный пункт размещался на дереве. Рассохацкий корректировал и стрельбу артиллерии других дивизионов, выполняя задания начальника артиллерии крепости.

В непрерывных боях совершенствовалось мастерство артиллеристов.

13 мая 1943 г. день выдался пасмурный. Густые свинцовые тучи нависли над заливом. То начинает, то перестает идти мелкий дождь. Накануне и прошедшей ночью гитлеровская артиллерия несколько раз совершила огневые налеты на Кронштадт и Ораниенбаум. 153-я батарея сегодня дежурит. В 14.20 звонок телефона: лейтенант Кондратенко сообщает, что на станцию Оллила только что прибыл товарный эшелон, видимо с боевой техникой, начинается разгрузка. Получаю от командира дивизиона «добро» на стрельбу.

Пристрелку ведет третье орудие под командованием младшего сержанта М. Румянцева. Замковый — комендор-отличник старший краснофлотец Ф. Сыров. После первого залпа все напряженно ожидают сведений о результатах. Наконец командир отделения электросвязистов младший сержант Н. И. Котов принимает по телефону доклад Кондратенко:

— По направлению хорошо, перелет три кабельтовых.

Уменьшаю прицел на четыре кабельтовых и даю второй залп. Корректировщик передает:

— Неделет!

Стрельба складывается удачно — после второго залпа вражеский эшелон взят «в вилку». Следовало бы дать еще один пристрелочный залп, но я боюсь, что состав успеют отвезти, и командую:

— Больше два, два снаряда орудие, батарея, беглый огонь!

Раздаются два дружных батарейных залпа. Хотя командиры орудий выполняют «беглый огонь» самостоятельно, все дают выстрел почти одновременно.

Проходит несколько томительных минут, и Кондратенко докладывает:

— Два прямых попадания в эшелон и одно в разгрузочную площадку. На территории станции — пожар.

Результат отличный. Десять снарядов понадобилось комендорам, чтобы накрыть цель. Вернувшись на форт, лейтенант Кондратенко рассказал, что пожар на станции Оллила продолжался около семи часов.

1 июня 1943 г. лейтенант Кондратенко сообщил мне, что обнаружен крупный автогараж противника. К гаражу непрерывно подходят машины. Одни из них, очевидно, становятся на ремонт, другие заправляются горючим. Залп, еще залп. Снаряды легли кучно, корректировщики наблюдали три прямых попадания в гараж, два снаряда попали в казармы. Возникло три очага пожара. Особенно хорошо действовали на этот раз комендоры-замковые Ф. Сыров, В. Иншаков и комендоры-наводчики И. Матвеев и А. Михайлов.

В первых числах января 1944 г. командир 15-го ОАД подполковник Г. А. Астахов приказал мне отправиться в Орашненбаум и оборудовать корректировочный пост. Я взял с собой командира отделения электросвязистов младшего сержанта Н. И. Котова, командира отделения радистов младшего сержанта А. Д. Комарову и связиста старшего краснофлотца Матвеева. Наблюдательный пункт мы устроили на чердаке четырехэтажного здания. Так началась для нас подготовка к долгожданному дню наступления. Вскоре меня сменил старший лейтенант А. Разумовский, а я вернулся на форт.

14 января 1944 г., 9 часов 35 минут... Форт вздрагивает от дружных выстрелов четырех орудий. 153-я батарея принимает участие в артиллерийской подготовке — это наш вклад в разгром гитлеровцев под Ленинградом. Во второй половине дня 15 января мы вели заградительный огонь южнее Петергофского собора. Это была наша последняя стрельба по южному берегу Финского залива, — враг отступил.

Теперь началась деятельная подготовка к предстоящему сражению на северном берегу залива, к разгрому войск противника на Карельском перешейке.

В ночь с 9 на 10 июня 1944 г. мы получили сигнал о начале артиллерийского наступления на Карельском перешейке. Ровно в 6.00 наша батарея дала первый залп. Со всех сторон сверкают вспышки залпов. Это

бьют форты Кронштадта, бьют корабли Краснознаменного Балтийского флота.

Стрельбу нашей батареи корректирует старший лейтенант М. И. Живицкий с Карельского перешейка. В 8.20 войска 21-й армии перешли в наступление. Мы ведем огонь, подавляя огневые точки противника, мешающие продвижению наших войск. Но вот дальномерщик Сухомлинов засек вспышки залпов вражеской батареи. О ней же доложил краснофлотец Коршунков с наблюдательного поста на северном берегу. Данные обоих наблюдателей совпадают.

Наши орудия дают первый залп. После разрыва первых же снарядов в районе цели произошли сильные взрывы. Но враг не добит, мы продолжаем огонь.

— Батарея поражена. В районе цели взрывы, — сообщают с берега корректировщики.

Внимательно следят за передним краем наблюдатели. Враг хитер. Не все его огневые средства действуют. Определить местонахождение новых огневых точек противника — задача трудная. Но краснофлотцы Коршунков, Третьяков, Кривопуск и младший сержант Колпаков знают свое дело, и пост успешно корректирует огонь нашей 153-й и 154-й батареи лейтенанта М. Маркова, расположенной на втором «северном» форту. Вскоре корректировщик старший лейтенант М. И. Живицкий сообщает, что подошел бронепоезд противника и обстреливает наступающие части 21-й армии.

Командир дивизиона подполковник Г. А. Астахов приказал мне подавить огонь бронепоезда. Быстро подсчитываю исходные данные и подаю команду для первого залпа. На дальномерном посту краснофлотцы Г. Куляшов и Трифонов наблюдают падение снарядов. Действуя сообща, дальномерщики достигли большой слаженности и точности работы. И вот результат — удар по бронепоезду успешен. Огонь бронепоезда подавлен, на его позиции произошел взрыв большой силы — очевидно, снаряд попал в склад боезапаса. Немалая заслуга в том комендоров Спирина, Сырова, Кириллова, номерных Кузьмина, Сорокина и других бойцов.

На третий день наступления, после очередного огневого налета по району Териок, я получил приказ о прекращении огня. 12 июня 1944 г. 153-я батарея дала свои последние залпы.

ЕВГЕНИЙ ВОЙСКУНСКИЙ,
писатель.

*Старшина 2-й статьи, секретарь
редакции газеты „Огневой щит“ в
1941—1944 гг.*

НАШ „ОГНЕВОЙ ЩИТ“

Память о тех годах не подвластна времени. Снова вижу Кронштадт, занесенный снегом первой блокадной зимы. Мы — личный состав редакции и типографии газеты «Красный Гангут» — идем из Арсенальной гавани по Июльской улице. Нелегким было возвращение с полуострова Ханко. В ночь на 3 декабря 1941 г. огромный транспорт — турбоэлектроход, увозивший последний гангутский гарнизон, подрывался на минах на траверзе Порккала-Удд. О той трагедийной ночи писали уже не раз — не стану повторяться. Нам удалось спастись. Несколько дней мы провели на острове Гогланд, а 6 декабря последний конвой кораблей вслед за ледоколом «Ермак» пробился в Кронштадт.

Мы идем по Июльской, снег скрипит под ногами. Видим вмержшие в лед корабли у Усть-Рогатки. Обшитый досками памятник Петру. Иглами, воткнутыми в низкое небо, — стволы зенитных пулеметов на вышке Морского собора. Несколько мальчишек в трухах, надвинутых на брови, подходят к нашему строю: «Дяденька, хлеба кусочек...»

Так вот она, блокада. Слухи о голоде в Ленинграде и Кронштадте доходили до Ханко. Каждый из нас вез сухой паек — консервы, галеты, масло. Но все это осталось в вещмешках и чемоданах там, на подрывавшемся

транспорте. Ничем не могли мы помочь голодным кронштадтским мальчишкам. До сих пор щемит сердце, когда вспоминаю их тоскливые глаза...

Нашу команду разместили в Школе оружия. Там, в огромной нетопленной казарме, мы прожили недели две в ожидании — как мы надеялись — отправки на фронт под Ленинград. Еще на Ханко, когда началась эвакуация базы, мы полагали, что всех гангутцев сведут в одно соединение на Ленинградском фронте.

Однако получилось по-другому. Наш художник Борис Иванович Пророков, Михаил Дудин и еще несколько литсотрудников были отправлены через Лисий Нос в Ленинград. Туда же ушли гангутские наборщики. Алексей Шалимов и я получили назначение в редакцию газеты Кронштадтской военно-морской крепости «Огневой щит».

Газета была создана недавно, в октябре, и сама война определила ее не совсем обычное название. Форты Кронштадта и корабельная артиллерия сыграли крупную роль в обороне Ленинграда тяжелой осенью 41-го. Достаточно сказать, что линкор «Марат» в середине сентября мощным огнем своих 12-дюймовок превратил в груды лома фашистскую танковую колонну на Приморском шоссе, а у завода «Пишмаш» — колонну, намеревавшуюся с ходу ворваться в Ленинград.

Кронштадт прикрыл Ленинград надежным огневым щитом. Отсюда и название газеты.

Редактором был политрук Сергей Михайлович Семенов. Литсотрудниками работали еще два политрука — С. Хесин и М. Розанов. Это были образованные, интеллигентные люди, историки по гражданской специальности. Оба они проработали в «Огневом щите» недолго: в конце зимы С. Хесин ушел в Политуправление флота, а М. Розанов был назначен редактором одной из многотиражек.

И осталось в «Огневом щите» два литсотрудника — мы с Шалимовым. Вдвоем тянули четырехполоску, выходящую два раза в неделю. И мы вспомнили об одном гангутце, который на Ханко часто присылал в редакцию стихи. Это был Николай Никитушкин. Мы с ним познакомились на Хорсене — одном из отбитых у врага островов близ Ханко. Николай там командовал взводом. Теперь он был замполитрука в лыжном батальоне. Мы с Шалимовым «наесли» на нашего редактора, и тот

через политотдел крепости добился перевода Никитушкина в редакцию.

* * *

Снова грохот фортов. Им вторят «сотки», снятые с кораблей. Ни огонька в ночном Кронштадте. Метет колючая поземка.

Работают не только артиллеристы. На добрых полпути к южному берегу, занятому прогивником, растянулись цепочки дозоров, стерегущих кронштадтский лед. На постах службы наблюдения и связи (СНис) сигнальщики вглядываются в ночь.

Идет работа и в холодных помещениях редакции и типографии «Огневого щита». Сверстапные полосы зажаты в челюстях плоскочечатной машины. Последняя сверка. Сырые оттиски подписаны к печати. Печатник хлопочет у машины. Поправил клише, осадил «марашку». Опять нет электричества. Ничего не поделаешь, придется крутить вручную. Не в первый раз. Крутим тяжелое колесо все по очереди — литсотрудники и наборщики. Зимняя ночь длинна, к утру тираж поспеет...

А с утра — на корабли, на батареи. За материалом для очередного номера. Валишься в сугроб, чтобы переждать огневой налет. Обстрелы Кронштадта скоротечны: наши артиллеристы быстро затыкают глотку гитлеровским батареям на южном берегу. Но как бы ни были скоротечны огневые палеты, бед они наделали немало. Особенно часто сыпались снаряды на территорию Морского завода и, конечно, на кронштадтские гавани. Всплывает в памяти картина: близ дока «Рех эсминцев» мастеру-судосборщику осколком снаряда оторвало руку, его стали укладывать на носилки, а он шепчет белыми губами: «Где мой противогаз?» Может, у него в противогазной сумке был сухарь или кусочек сахара...

Помню, как мы с Никитушкиным, застигнутые на улице К. Маркса бешеным артобстрелом, полуоглушенные, доползли до щели на берегу канала, ввалились туда, а в щели было воды по колено...

Помню, как лопались стекла в помещении редакции от близких разрывов, помню дымящиеся свежие воронки во дворе, где мы жили.

Больше всего я любил бывать на базовом тральщике «БТЩ-217». В ночь на 3 декабря 41-го этот корабль подставил свою шатку от штормовой волны палубу, когда

мы прыгали с транспорта, подорвавшегося на минах. Родной корабль, корабль-спаситель...

Тральщик стоял в доке на ремонте. Надо сказать, что судоремонт в ту зиму стал эпопеей мужества, изобретательности и... голода. На кораблях оставалось меньше половины личного состава — остальные ушли на сухопутье, в сводные морские бригады. Каждому приходилось работать на ремонте за троих — это относилось и к рабочим Морского завода. Голод валил их с ног. Бывало, в доке, на лесах возле корпуса корабля забывались в голодном обмороке, а в руках продолжал биться пневматический молоток. В корпусном цехе зияли огромные бреши, пробитые авиабомбами, там на обжигающем морозе судосборщики вырезали и гнули листы корабельной обшивки. В механическом цехе работали при тусклом свете коптилок. Мальчишки, недавние выпускники ремесленных училищ, тащили на худеньких неокрепших плечах тяжкий воз «взрослой» работы. Никогда не забуду одного такого паренька — Толю Боченко, судосборщика. Ему шел шестнадцатый год. Взрослые рабочие из его бригады, включая бригадира, слегли, обессиленные недоеданием. Толя принял на себя ответственность за корпусные работы на ремонтирующемся боевом корабле. Сообразительному пареньку беспрекословно подчинялись не только сверстники из его бригады, но и матросы корабля. Откуда только брались силы в этом тщедушном с виду юнце?

Часто можно было видеть в ту зиму: по завьюженной улице бредет, трудно передвигая ноги, человек и тащит за собой салазки. Может быть, это слесарь-монтажник с завода. Кажется, одна только мысль у него: добраться живым до батареи — скажем, в Купеческую гавань. Но добредет, отдышится немного, снимет с салазок инструмент — «Ну, показывайте вашу пушку...»

Есть в человеке неприкосновенный запас душевных сил — эту истину мы крепко усвоили в блокаду.

Так вот, на «БТЩ-217» я был частым гостем. Мы дружились с комиссаром корабля политруком Л. Таранущенко. Мотористы, посмеиваясь, учили меня шабрить подшипники. Бывало, усаживали обедать, наливали миску горохового супа. Это было здорово. Выданный к супу ломтик черного и липкого, как глина, хлеба целехоньким доставляли в редакцию: мы с Никитушкиным и Шалимовым все делили поровну.

Кронштадт жестоко голодал. Особенно тяжелой была весна 1942 г. Вдруг стали кровоточить десны, появилась ломота в пояснице и суставах, ноги налились чугушной тяжестью. Это была цинга. Нас поили хвойным настоем, потом каждому перед обедом стали давать паке-тик с горсточкой красного порошка — витамин «С». Но помогло нам другое. Однажды Никитушкин раздобыл в военторге миску кислой капусты. Это было не просто неслыханное лакомство — это было лекарство. Мы втроем ели капусту именно как лекарство — по столовой ложке в день. Смешно вспомнить сейчас, но, право же, я убежден, что эта капуста помогла нам одолеть цингу. Не столько капуста, конечно, сколько самоубеждение...

Летом стало легче. Перепадала иногда свежая рыба — ее глушили в заливе.

* * *

Судьбы иных кораблей не менее удивительны, чем судьбы людей. Небольшой корабль ледокольного типа «Тазуя» с первых дней войны делал будничную работу: перевозил войска, боеприпасы. Не застался у стенки. В сентябре 41-го, во время одного из массированных налетов фашистской авиации на Кронштадт, «Тазуя» подверглась бомбежке. Произошел редчайший, быть может, единственный случай: бомба попала в корабль и... не разорвалась. Кинулись искать ее. Оказалось, что бомба угодила прямо в дымовую трубу и преспокойно лежала в прогаре на колосниках, к ней уже подбирались пламя из топки. Команда покинула обреченный корабль. Тут ахнул взрыв. «Тазуя» затонула. Летом 1942 г. ее решили поднять.

Я был свидетелем поистине героической работы водолазов аварийно-спасательного отряда (он тогда размещался на «Трефолеве»). Они проявили бездну изобретательности, об их работе я написал большой очерк на полосу. Помню ночь, когда искореженная, вся в иле и водорослях, «Тазуя» всплыла на понтонах. Ее отбуксировали в док, посадили на клетки. Много раз я писал о ходе ее ремонта. Уже после войны, в 1948 г., я вдруг увидел «Тазую» в Лиепайской гавани. Будто встретился с родным человеком после долгой разлуки — такое было чувство...

Еще две судоремонтные эпопеи врезались в память: ремонт поднятого с грунта лидера «Минск» и восстановление второй башни «Марата». Как я уже говорил, «Марат» крепко насолил гитлеровцам, и фашистское командование решило ему отомстить за разгром танковой колонны. 23 сентября 1941 г. тучи «юнкерсов» повисли над линкором. Это был «звездный» налет. Десятки авиабомб обрушились на «Марат». В крошечном аду зенитчики вели неравную борьбу, погибали под бомбами. Носовая часть линкора с первой башней была разрушена и затоплена, сильные повреждения имела и вторая башня. Вторую башню маратовцы вместе с мастерами ремонтного цеха Морского завода взялись восстановить. Да, это была эпопея, иначе не назовешь. В памятном январе 1944-го в мощную канонаду Кронштадта вплелся и басовитый голос второй орудийной башни «Марата»...

* * *

Я то и дело отвлекаюсь от описания работы редакции, но, собственно, судьбы кораблей и людей составляли содержание нашей газетной работы. Конечно, по цензурным соображениям мы не могли тогда писать открыто — приходилось кое-что затуманивать, слова «корабль», «батарея», «башня» заменять безликим словом «объект».

Мы писали много. Далеко не всегда хорошо, но много. Кроме всего прочего, «Огневой щит» был для нас отличной журналистской школой. Мы писали передовые и очерки, информации и фельетоны, рецензии на кинофильмы и отзывы о концертах в Доме флота. Еще на Ханко, наблюдая за талантливой работой художника Пророкова, я немного выучился вырезать гравюры на линолеуме. Цинкографии тогда в Кронштадте не было, и мне приходилось почти в каждый номер вырезать клише на линолеуме — заставки, клишированные заголовки, плакаты, карикатуры. Я отважился рисовать и переносить на клише портреты кронштадтских героев, хотя понимал, что портреты получаются неважно.

В 1942 г. в редакции появился новый человек — Михаил Жохов. Назначенный заместителем редактора, он быстро включился в работу. Жаль, что Михаил пробыл у нас недолго: его аттестовали на младшего политука и назначили редактором газеты железнодорожной агит-

бригады, стоявшей под Ленинградом (впоследствии Красносельской). Жохов нанес нам невосполнимую брешь: перетащил к себе в газету Шалимова.

Из нас троих Шалимов лучше всех знал газетную «кухню». Так и вижу, как он, с вечным окурком, приклеенным к нижней губе, сутулился над макетом очередного номера, четким почерком набрасывает «шапку». Всегда он был уравновешен, ровно и немногочисленно юмористически настроен. Писем Леня не получал, его родной край — Красный Лиман в Донбассе — был оккупирован.

Не просто это — расставаться с другом, с которым и тонул, и под огнем лежал, и голодал в ту окаянную блокадную зиму. Не стану греха таить, мы как следует выпили на прощание. Потом, тщательно избегая патрулей, проводили Леню на Ленинградскую пристань. Рейсовый катер увез его к Лисьему Носу.

А летом 1943 г. мы проводили нашего редактора старшего лейтенанта Семенова — его перевели редактором газеты в одно из военно-морских училищ.

Мы с Никитушкиным остались вдвоем: он — и. о. редактора, я — секретарем редакции. Он был главным старшиной, я — старшиной 2-й статьи, но должности мы исполняли офицерские. Как и прежде, мы носились по Кронштадту, набивая блокноты материалами для очередного номера. Потом садились друг против друга и писали. Творческий процесс сопровождался стуком перьев по дну чернильницы и настойчивыми ударами «кресала», когда требовалось высечь огонь для наших самокруток из нашего пайкового табака. (Кто курил этот табак, тот никогда не забудет его ужасающего вкуса, его потребления при горении. Кронштадтские остряки такой табак называли «БТЩ» — «бревна, тряпки, щепки», или «ТЩ» — «только щепки», и еще по-разному, например «букет моей бабушки».)

В общем, мы управлялись и вдвоем. Нам помогал корректор Борис Раевский: он пописывал заметки, правил письма военкоров.

С Николаем Никитушкиным нас объединяло не только общее дело и общая судьба, но и, я бы сказал, тяга к литературе. Он писал стихи, пробовал силы в жанре рассказа. Меня тоже начинал мучить литературный зуд. Помню, в редакции побывал писатель Александр Зонин. Он полистал подшивку, прочел и похвалил некоторые наши очерки. Это заставило о многом за-

думаться, но до литературы было еще очень далеко. Пока что, как я сейчас понимаю, шло становление газетчиков, приходил профессионализм. Пожалуй, это сказывалось в том, что писать становилось труднее. Теперь мы больше задумывались над лепкой фразы, над стилем. Пристальнее вглядывались в характеры людей...

* * *

В редакцию приходило много народу. Круглолицый застенчивый Миша Годенко приносил свои первые стихи. Они нам нравились. Мы охотно их печатали, несколько не подозревая, что Миша впоследствии станет писателем и напишет книгу о Кронштадте — роман «Минное поле». Годенко был минером, старшиной команды. «Огневой щит» стал его первой литературной трибуной.

Приходил командир катера-дымзавесчика старшина 1-й статьи Александр Томашевич. Он был много старше нас, мы его слушали разинув рты. До войны он плавал на торговых судах Ленинградского пароходства, исходил все моря и океаны. Когда он начинал рассказывать, в редакционную комнату как бы врвался рокот атлантического прибой, шелест пальм Золотого Берега, пестрые краски Сингапура. Мы завидовали Саше жадной мальчишеской завистью. Летом 1944 г. катер Томашевича участвовал в боях в Выборгском заливе. Потом его дивизион перебросили в Таллин. Следы Саши Томашевича затерялись в потоке начавшегося наступления.

Приходил боевой комсорг «Марата» главстаршина Андрей Воронцов — плотный, неторопливый, с наголо обритой головой. Андрей был живой историей линкора. Впоследствии он стал кадровым политработником.

Приходил дерзкий, насмешливый Борис Бархатов, гангутский десантник. Шумно врвался Дима Степанов, мастер механического цеха Морского завода, коренной кронштадтец. Наведывался и другой мастер — Анатолий Дощечкин. Война помешала ему защитить диплом в Ленинградском механическом институте. Дощечкин был хорошим заводским специалистом, его хорошо знали на фортах и береговых батареях, много раз ему приходилось работать на позициях под огнем. Частым гостем был у нас инженер Иван Овчинников.

Приходил скромнейший, краснеющий, как девушка, связист Гриша Делюкин. Он писал о радистах СНИСа, безудержно расцветивая свои очерки замысловатыми и, как ему казалось, красивыми оборотами. После правки очерки становились суше и... лучше. Мы рекомендовали Гришу на газетную работу. Осенью 1944 г. его послали на новую базу — Порккала-Удд — литсотрудником базовой газеты. А вскоре и я получил назначение туда же — секретарем редакции. Так мы и работали с Гришей до конца войны. Он был отличным парнем, работающим и преданным газете. После войны Делюкин стал профессиональным журналистом.

* * *

Хочу сказать доброе слово о наборщиках и печатниках «Огневого щита». Вот они стоят у реалов с наборными кассами — Григорий Благомыслов, Василий Концур, Николай Борнев, Василий Хоменко, Александр Чечин. Взгляд прикован к оригиналу — узкой полоске газетного срыва, исписанной моим почерком, рука безошибочно выхватывает из клеток литеру за литерой, быстро наполняется свинцовыми строками верстатка. Я люблю наблюдать за умной работой наборщиков.

Надо ли говорить, как трудно приходилось им в первую блокадную зиму. Нелегко простоять целый день, а то и сутки на ногах у реала, когда отчаянно голоден и держишься, в общем, на одном только сознании, что нужно держаться. И снова обстрел, снаряды ложатся все ближе, со звоном вылетают последние стекла, и в наборный цех, и без того холодный, входит леденящий душу мороз. Правда, когда потом крутишь колесо печатной машины, согреваешься...

Старшина 2-й статьи Г. Г. Благомыслов был не молод — постарше всех нас, — но держался по-молодому. Когда его назначили начальником типографии, забота у Благомыслова прибавилось. Нас сместила его неприязнь к телефону. Вот надо ему с кем-то переговорить. — Позвони по телефону, Гриша, чего проце...

Махнет рукой:

— Да ну его... — противогаз через плечо — и пошел.

Повадка у Григория была размашистая, он обожал слушать и рассказывать всякие истории, был остер на язык. Он умел работать истоиво. Осенью 1942 г., когда в городе разбирали старые деревянные домики на дрова,

один дом выделили и нам. Мы его ломали с веселым усердием. Благомыслов «вкалывал» без передышки, как одержимый. Все спорилось в его руках, охочих до работы.

Молчаливый, невозмутимый Вася Концур, как мне казалось, не работал, а колдовал над полосой. У него был отличный вкус. В обычную верстку он вносил элемент искусства: там поставит фигурную линейку, здесь «уголок», заменит один заголовочный шрифт другим — глядишь, и заиграла полоса под искусными руками. Он любил и понимал игру шрифтов. Когда в 1944-м у нас наладили линотип, Вася с молчаливым азартом принялся учиться линотипному набору у линотиписта Дмитрия Разуваева и очень быстро научился. Мы с ним дружили. Мне нравилось его чувство юмора. Когда мы готовили в праздничный номер сатирическую подборку, Вася, бывало, сочинял маленькие смешные диалоги. После войны мне снова довелось работать с Концуrom в флотской газете «Страж Балтики» — Вася был старшиной типографии и бессменным метранпажем.

Хоменко и Чечин пришли к нам позже. Сержант Чечин в начале войны вывез типографское имущество одной из многотиражек из-под носа у гитлеровцев, под огнем. Его наградили медалью «За отвагу». Это был аккуратный, исполнительный, улыбчивый парень.

Печатник Николай Шарук вечно возился у своей машины, что-то подтягивал, смазывал, раскатывал на валиках краску. Чистоту и четкость печати «Огневого щита» отмечало начальство из Пубалта — и в этом прежде всего была заслуга Шарука.

* * *

В январе 1944 г. артиллерия Кронштадта мощным огнем поддержала начавшееся наступление под Ленинградом. Дни и ночи напролет ее тяжкий молот дробил оборону гитлеровцев на южном берегу. Потом под ударами войск Ленинградского фронта гитлеровцы начали откатываться на запад.

Лето тоже было напряженным — шли бои в Выборгском заливе, моряки Кронштадта активно действовали в шхерах. После выхода Финляндии из войны корабли Балтфлота, застоявшиеся в гаванях Кронштадта, начали движение на запад, используя в качестве промежу-

точной базы остров Лавенсари. Тральщики приступили к очистке «супа с клецками», как называли Финский залив, кишевший минами. Перебазировались бригады подводных лодок и торпедных катеров.

Кронштадт оказался в тылу. Нам, естественно, не хотелось осиживаться, мы с Никитушкиным просили отдел печати Пубалта перевести нас в другие соединения.

В октябре 1944 г. меня назначили секретарем редакции газеты одной из наших новых военно-морских баз.

Я рвался из Кронштадта, а прощание с ним было нелегким...

Неделю или больше дожидался okazji. И вот узнал: на Большом рейде стоит транспорт, отправляющийся в Хельсинки. В 1944-м мы пересекли Финский залив с запада на восток. Теперь мне предстояло снова пройти той же дорогой, но в обратном направлении. Судьбе было угодно, чтобы я закончил войну там же, где начал, — в Финляндии, только теперь на другом полуострове — Порккала-Удд.

Дождливым октябрьским днем друзья проводили меня в гавань, к катеру. Мы крепко обнялись. Катер пошел на рейд. Я смотрел на уплывающую гавань, на высокую фигуру Николая Никитушкина, на родной кронштадтский берег, затянутый дождем...

Прощай, Кронштадт, прощай, «Огневой щит»!..

Вскоре я получил письмо от Николая. На обратном адресе стоял незнакомый мне номер полевой почты. Николай тоже покинул Кронштадт. Он был назначен редактором газеты «Трал» (название ясно говорит, какому соединению принадлежала газета) и перебрался еще дальше на запад — на остров Сарема.

После войны Никитушкин демобилизовался и вернулся в Москву (он был москвичом, но любил говорить о своем рязанском происхождении), работал в «Литературной газете», в газете «Труд», а затем в АПН.

Встречаемся мы не часто. При встрече обнимаемся, как братья, и рассказываем друг другу о своих делах, о своих взрослых детях. Мирный московский день звенит за окном. Но вот примолкнем — и вновь встают перед глазами обледенелые скалы Гангута, воронки от разрывов на кронштадтских улицах, редакционные комматки нашего «Огневого щита»...

Н. И. СКОРОДУМОВ,

полковник.

*Заместитель начальника артилле-
рии крепости Кронштадт в 1941—
1942 гг.*

Артиллеристы Кронштадта

Хмурым, настороженным выглядел Кронштадт, когда мы, бывшие пассажиры транспорта «Казахстан», утром 5 сентября 1941 г. вышли на Арсенальную пристань.

В гавани и на пирсах нет обычного оживления, деловой суеты и шума. Улицы города почти пустынные, только неутомимые мальчишки с недоумением рассматривали обросших бородами, кое-как одетых людей. Сеял мелкий, нудный дождик, ухудшая и без того дурное настроение. Да и откуда ему быть хорошим, если враг подошел к Кронштадту на дальность стрельбы орудий фортов. Не утихла еще боль за оставленный Таллин, за боевых друзей, погибших при переходе в Кронштадт...

Разместили нас в одной из школ учебного отряда, зарегистрировали, выдали мыло и мочалку и сразу же — в баню. И наконец обед и долгожданный отдых. Позади тяжелые бои в Прибалтике, за Таллин, переход морем и налеты гитлеровской авиации, горящий «Казахстан» и пять суток ожидания помощи на крохотном каменистом островке Вайндло — под открытым небом, на холодных камнях, обдаваемых морскими брызгами. Все это, конечно, сказалось на физическом и душевном состоянии людей.

Прошлой ночью вместе со спутниками по «Казахстану» — писателем Александром Зониным и подполковником М. И. Залишвили — я неплохо отдохнул в каюте командира тральщика, доставившего нас с Вайндло в Кронштадт. После бани и обеда сил прибавилось, решил пойти в город.

Встретившийся за воротами школы мой знакомый — военинженер 1-го ранга А. Н. Кузьмин коротко рассказал о положении под Ленинградом, упомянул, что обо мне спрашивал генерал Г. С. Зашихин, возглавляющий оборону Кронштадта. Быстро иду в штаб крепости Кронштадт. После короткой, но содержательной беседы генерал Зашихин приказал мне работать в составе своего штаба.

С генералом Г. С. Зашихиным мне довелось служить начиная с обороны Таллина. Это был опытный военачальник.

Штаб и командный пункт крепости размещались в кирпичном здании. Особой защиты от крупнокалиберных снарядов оно не давало. Мне довелось бывать в кабинете генерала во время обстрелов. Иногда снаряды падали вблизи штаба, но доклад или обсуждение не прерывались. Комендант совершенно спокойно продолжал работу, никак не реагируя на близкие разрывы. Генерал никогда не наводился в помещении, если начинался налет авиации: надевал каску и наблюдал за развертывающимся боем в воздухе. До назначения комендантом крепости Г. С. Зашихин был начальником ПВО флота, и его интересовали действия авиации противника, организация и эффективность стрельбы зенитчиков, взаимодействие их с истребителями. Думаю, что это помогло генералу в работе по созданию действенной организации противовоздушной обороны Кронштадта.

Позже генерал Г. С. Зашихин командовал корпусом, а затем армией ПВО, защищавшей небо Ленинграда.

В состав крепости входили Ижорский и Кронштадтский укрепленные секторы с мощной морской артиллерией, предназначенной для защиты подступов к Ленинграду с моря. В Ижорском укрепленном секторе имелись два бронепоезда и стационарная артиллерия: 12 стволов калибром 203—305 миллиметров и 16 стволов — 100—152 миллиметра. В Кронштадтском секторе — на морских фортах — четырнадцать стволов ка-

либром 203—254 миллиметра. Кроме того, крепость имела Гогландский укрепленный сектор и отдельные артиллерийские дивизионы на островах Сескар и Лавенсари.

На приморских флангах Ленинградского фронта уже шли упорные бои. На южном побережье Финского залива враг приближался к фортам. 31 августа вступила в бой артиллерия форта Красная Горка. Мощными залпами 305-миллиметровых пушек батарея старшего лейтенанта В. К. Мустафаева нанесла удар по сосредоточению вражеских войск в районе Копорья. С этого дня, не утихая, гремела артиллерийская канонада на южном берегу. Батареи Ижорского укрепленного сектора береговой обороны (ИУС) совместно с корабельной артиллерией мощным огнем преграждали путь вражеским войскам.

Поддержанные огнем морской артиллерии части 8-й армии и бригады морской пехоты задержали вражеское продвижение на приморском фланге, заставили гитлеровцев перейти к обороне по реке Воронке. Гитлеровцы стремились теперь выйти к берегу залива вблизи Ленинграда. После того как наши войска оставили Красное Село, эта опасность стала реальной. С подходом вражеских войск в зону досягаемости береговой артиллерии вступили в бой батареи Кронштадтского укрепленного сектора (КУС). Трудно было на первых порах стрелять с разворотом пушек почти на 180 градусов. Бетонные орудийные дворники и погреба для боеприпасов морских фортов, построенные еще в прошлом веке, предназначались для ведения боя в западном, морском направлении. Пришлось основательно поработать, чтобы обеспечить положенную скорострельность орудий.

Героическими усилиями наших войск, при мощной поддержке флотской артиллерии враг был остановлен на западных окраинах Нового Петергофа и стал закапываться в землю.

Помнится, в начале октября на командном пункте крепости было получено донесение о том, что на одном из участков гитлеровцы что-то подвозят на лошадях, солдаты таскают бревна и занимаются какими-то работами. Посты службы наблюдения и связи (СНиС) подтвердили это. Противник занимался строительством оборонительных сооружений, сомнений не было! Работы противник вел в дневное время, без какой-либо маски-

ровки. Мы решили сбить ему спесь, обрушив на врага огонь артиллерии крепости. И в дальнейшем артиллеристы наносили удары по объектам в глубине обороны противника, как только с переднего края засекали скопления войск или строительство укреплений.

Шли жестокие бои и на северном берегу залива — на Карельском перешейке. Артиллерия фортов оказывала огневую поддержку частям 23-й армии, громила вражеские войска в районе Белоострова и на подступах к Сестрорецку. Наши войска не допустили врага к Сестрорецку, отбросили от Белоострова и заставили перейти к обороне по старой государственной границе.

Огонь морской артиллерии придавал устойчивость войскам и поднимал их боевой дух.

Четко установленного порядка вызова армейцами огня береговой артиллерии еще не было. Я да и другие участники боев за Таллин могли бы поделиться опытом взаимодействия береговой и корабельной артиллерии. Но пока что для этого не было возможности. В ожесточенных боях за Ораниенбаумский плацдарм командиры воинских частей непосредственно обращались за помощью к командованию Ижорского сектора, и форты открывали огонь по врагу. В полосе сухопутной обороны находились корректировочные посты береговой артиллерии флота, обеспечивавшие данные для управления стрельбой. Командование сектора стремилось оказать помощь измотанным в боях сухопутным войскам хотя бы ограниченным количеством выстрелов. Разумеется, начальник артиллерии майор Е. А. Проскурин при всем желании не имел возможности удовлетворить все заявки и просьбы. Однако связь с войсковыми артиллерийскими начальниками и сеть своих корректировочных постов позволяли иметь точные сведения о положении на фронте и оказывать огневую поддержку там, где это требовалось.

Надо сказать, что положение было сложное. Обстановка требовала непрерывной огневой поддержки, противник обтекал форты, фронт растягивался. Приходилось иногда использовать 305-миллиметровые батареи по целям, не имеющим большого значения, для которых достаточно было бы огня орудий среднего калибра. Поэтому мы спешно строили три батареи 130- и 152-миллиметровых калибров северо-западнее Ораниенбаума и

ряд батарей в других районах. В те дни Проскурин и я не раз вместе обдумывали, как целесообразнее и успешнее использовать имеющиеся огневые средства в создавшейся обстановке.

По долгу службы, а затем по заданиям контр-адмирала И. И. Грена, который возглавлял береговую оборону флота, я также не раз проверял в ИУС состояние боевых средств и организацию управления артиллерией. Уровень боевой готовности всегда был высоким.

После создания Приморской оперативной группы войск (ПОГ) мне неоднократно приходилось встречаться с командующим и начальником артиллерии ПОГ и согласовывать и уточнять организацию использования артиллерии крепости, действующей по южному берегу залива. Постепенно у нас выработалось единство понимания задач артиллерии, наладилась взаимная информация об обстановке.

Непосредственное руководство боевой деятельностью артиллерии на южном берегу залива осуществляло командование Ижорского укрепленного сектора. Начальник артиллерии крепости, а затем начальник Береговой обороны флота лишь контролировали его действия. Так было вплоть до разгрома врага в 1944 г.

Несколько иное положение создалось на северном побережье Финского залива. Здесь, на ограниченном и чрезвычайно важном для защиты Ленинграда приморском участке фронта на Карельском перешейке, боевой деятельностью артиллерии руководил начальник артиллерии крепости капитан 1-го ранга (впоследствии контр-адмирал) В. В. Чистосердов. Он имел связь с командованием 23-й армии и командирами войсковых соединений через офицера связи, опытного и грамотного артиллериста капитана 2-го ранга Березинского. В. В. Чистосердов организовывал мощные удары по противнику на Карельском перешейке. Достаточно сказать, что только одна 254-миллиметровая батарея форта Обручев за несколько дней выпустила по врагу более 300 снарядов. А подавать их из погреба и заряжать надо было вручную. Для выполнения огневых задач привлекалась также корабельная артиллерия. Подобная централизация руководства оправдала себя и сохранялась до весны 1942 г.

В сентябрьских боях 1941 г. основная задача артиллерии заключалась в перемалывании живой силы врага, в ослаблении его наступательного порыва.

После того как попытка взять Ленинград штурмом окончилась крахом, враг вынужден был перейти к обороне. Мы держали артиллерию крепости в готовности к постановке заградительного огня перед передним краем противника, в случае если он решится наступать. Но главной задачей стала борьба с артиллерией, обстреливавшей Ленинград, Кронштадт, Ораниенбаум. Для этого была нужна хорошо подготовленная артиллерийская разведка, способная выявить и с максимальной точностью определить, где находятся вражеские батареи, и корректировать стрельбу. Итак, срочно требовалось значительно увеличить сеть артиллерийской разведки. У нас уже были два-три поста. Но они находились в Кронштадте и на фортах, и с них плохо просматривался высокий, поросший лесом южный берег. Приходилось вести огонь по площадям, что не давало должного эффекта. Правда, пост младшего лейтенанта Л. Л. Шретера на Морском соборе в Кронштадте имел хороший обзор, но одного поста было недостаточно — для определения места батарей нужно засечь ее минимум с двух направлений. Надо было выносить корректировочные посты на южное побережье, ближе к переднему краю. Мы быстро подготовили для них артиллерийских разведчиков. Доучиваться и приобретать навыки им пришлось уже на поле боя под руководством опытных артиллеристов капитана Н. Попелухина, старшего лейтенанта В. Самойленко и других командиров, возглавлявших посты.

К декабрю 1941 г. на южном побережье Финского залива мы развернули десять корректировочно-наблюдательных постов в Старом Петергофе, Мартышкине, Б. Иликах, Томузи, Венках. Это позволило организовать наблюдение за батареями гитлеровцев.

Огонь нашей артиллерии стал более успешным. От длительных обстрелов Кронштадта и Ораниенбаума гитлеровцы вынуждены были отказаться и перешли к коротким огневым налетам. Свои батареи они оттянули от переднего края в глубину обороны. Конечно, пост на Морском соборе продолжал работу. Веселый это был пост, — под ним, прикрытый брезентом, размещался кинозал, так что наблюдатели «слушали» все фильмы... Сам я не раз приходил на этот пост, чтобы проверить данные артиллерийских разведчиков, определить направление на стреляющие батареи противника.

Однажды на пост прибыл комендант крепости генерал И. С. Мушнов. Он позвонил мне на командный пункт и сказал, что необходимо накрыть высокое здание в Петергофе, на котором у гитлеровцев был корректировочный пост. Огонь должна была вести 254-миллиметровая пушка. Мушнов сказал, что сам будет наблюдать в стереотрубу, как будут падать снаряды. Я же должен передавать на пушку (ею командовал старший лейтенант Айлоян) соответствующие корректуры.

Стрельбу провели хорошо. Здание, правда, не разрушили, но пост оттуда убрался и несколько дней не подавал признаков жизни.

Мы принимали меры к укреплению обороны Кронштадта с юго-восточного направления. Это должно было позволить более действенно поддерживать огнем войска на Ораниенбаумском плацдарме и успешнее вести контрбатарейную борьбу с настолово-беззаботнинской группировкой артиллерии гитлеровцев. В течение сентября—ноября 1941 г. в Кронштадте установили девять батарей среднего и крупного калибров. Часть их разместили за пределами города. Вошли также в строй несколько батарей в ИУС, причем среднего калибра.

В результате к началу декабря для стрельбы по южному побережью крепость могла использовать 50 орудий калибром от 100 до 305 миллиметров, а по северному побережью, кроме батарей ИУС, 36 орудий калибром от 100 до 254 миллиметров. Кроме того, к береговой артиллерии всегда была готова присоединиться артиллерия кораблей. Несколько позже закончилось оборудование 130-миллиметровой и 152-миллиметровой батарей. Из Ленинграда в Кронштадт прибыли два железнодорожных транспортера с орудиями калибром 180 миллиметров.

Надо сказать, что все установленные орудия были взяты на складах и в мастерских Кронштадта и там же отремонтированы. В проверке технического состояния пушек неоценимую помощь оказал работник Артиллерийского отдела интендант 2-го ранга К. Филиппов. Дядя Костя, как звали его артиллеристы, несколько десятков лет отдал артиллерийскому вооружению кораблей и частей Кронштадта, мог рассказать историю каждой пушки — на каком корабле или батарее и когда установлена, какие имеет дефекты. Поистине он был живой энциклопедией морской артилле-

рии. В этом мне довелось убедиться еще в 1940 г. при осмотре бывшего русского артиллерийского вооружения в районе Таллина. Не выдержал дядя Костя суровых блокадных месяцев зимы 1941/42 г. ...

С созданием сети корпостов организация контрбатареинной борьбы стала принимать стройную систему. Каждый дивизион имел ответственный сектор, номера разведанных и уточненных целей (каждая вражеская батарея была обозначена номером). В свою очередь, наши батареи также знали свои цели, а данные о них — дистанции и направление — были написаны краской на внутренней стороне щита пушек. Поэтому флотские батареи огонь открывали мгновенно. Стреляли сень точно, и, как правило, после первых залпов гитлеровские орудия замолкали.

Вражеские снаряды, конечно, рвались и на наших огневых позициях: выходили из строя средства управления, заваливало оборонительные сооружения, вспыхивали пожары, падали сраженные осколками артиллеристы. Но расчеты не уходили в укрытия, и стрельба не прекращалась до тех пор, пока не умолкали батареи противника.

Как известно, снабжение Ораниенбаумского плацдарма велось морем — от Лисьего Носа на Ораниенбаум. Гитлеровцы постоянно обстреливали наши перевалочные пункты. Огнем налетам чаще всего подвергался причал в Лисьем Носу, куда подходила железнодорожная ветка. Отсюда переправлялись грузы и для Кронштадта.

У причала в Лисьем Носу находилась 130-миллиметровая (впоследствии краснознаменная) батарея старшего лейтенанта Н. Новицкого. С началом артиллерийского обстрела врага его орудия сразу же открывали ответный огонь. Противник вынужден был переносить огонь на Новицкого, вводил в бой новые батареи. Постепенно в бой включались все новые и новые батареи с той и другой стороны, гремела канонада десятков орудий всех калибров. И всегда победителями оставались наши артиллеристы.

Гитлеровцы не раз пытались неожиданными артиллерийскими ударами уничтожить или вывести из строя наши батареи на острове Котлин. С Петергофского собора противник отлично видел дислокацию всей артиллерии крепости.

Доставалось и 152-миллиметровой батарее в Каботажной гавани, хотя она и не наблюдалась противником. Однажды зимой 1941/42 г. я возвращался в Кронштадт после проверки 100-миллиметровой батареи на одном из фортов. Ходили тогда на форты пешком, по льду. До батареи оставалось метров сто, когда в районе огневой позиции начали рваться снаряды. Пришлось минут пятнадцать лежать на льду. Однако все обошлось благополучно.

В октябре 1941 г. генерал Г. С. Зашихин убыл к новому месту службы. Комендантом крепости Кронштадт стал генерал-лейтенант Алексей Борисович Елисеев.

Приближался ледостав, и А. Б. Елисеев сразу же занялся созданием обороны острова Котлин, фортов и прилегающих участков побережья от возможного вторжения противника по льду. Наземных войск, кроме 141-го артиллерийско-пулеметного батальона, в Кронштадте не было. 260-я бригада морской пехоты (бывшая 4-я) прибыла с Невской Дубровки только ранней весной 1942 г. Поэтому основу обороны составляли огневые средства — пушки и пулеметы. Но их не хватало, и командование флота решило на период ледостава снять с катеров и вспомогательных судов 45-миллиметровые пушки и крупнокалиберные пулеметы. Места для установки пушек на острове и фортах мы наметили еще в сентябре. Но необходимо было создавать оборону на льду. История военного искусства не знала подобного прецедента. После ряда совещаний у генерала Елисеева приняли решение построить плавающие огневые точки: квадратные водонепроницаемые ящики из толстых досок. На их палубе устанавливались коробчатые башни из листовой стали, в которых размещалась 45-миллиметровая пушка или пулемет. Сокращенно такие огневые точки назывались ПООТ — плавающая огневая орудийная точка и ПОТ — плавающая огневая точка.

Начальник Морского завода инженер-капитан 1-го ранга Б. М. Волосатов взялся построить их на заводе. В помощь рабочим выделили матросов, имеющих специальности кузнецов, клепальщиков и судосборщиков. Тем временем стали поступать снятые с катеров Охраны водного района (ОВР) 45-миллиметровые пушки и пулеметы. Всего соединения и части крепости получили от ОВР 43 пушки 45-миллиметрового калибра и почти столько же пулеметов. Из запасов артиллерийского

склада доставили 16 тумбовых и колесных пушек. Несколько пушек и пулеметов установили на металлические сани. Основную же часть передали Городскому участку Кронштадтского укрепленного сектора, куда входил 141-й артиллерийско-пулеметный батальон майора А. А. Углова.

Личный состав батальона обслуживал и плавающие огневые точки. Специально выделенным для этого подразделением командовал лейтенант Барабаш. К 22 ноября изготовили шесть огневых точек и немедленно начали буксировать их на отведенные места. Работой этой руководил инженер-подполковник К. И. Корнев. В условиях начавшегося ледостава восемь плавающих точек установили на линии Мартышкино—Лисий Нос, поперек Финского залива. Они позволили создать на льду охраняемые минные поля в направлении Петергофа, обеспечивали несение дозорной службы. Личный состав батальона, располагаясь в прочно вмержших в лед плавающих огневых точках, был укрыт от ветра и находился в относительно тепле. К востоку от линии плавающих огневых точек находились дозоры фортов.

Немало усилий, инициативы и изобретательности приложили и комендант Кронштадтского укрепленного сектора полковник Д. И. Терещенко и начальник штаба майор И. Н. Федьков для создания обороны с северо-западного направления силами 11-го и 12-го отдельных дивизионов-фортов Обручев и Первомайский.

Побережье залива на участке Петергоф—Стрельна находилось под неослабным наблюдением. Штаб крепости разработал организацию сосредоточенного огня по заливу перед Кронштадтом всей артиллерии фортов, острова Котлин и 196-го артиллерийского дивизиона — всего 95 стволов 100—254-миллиметровых калибров, не считая кораблей. Кроме того, огонь могли вести 122 пушки 45-миллиметрового калибра и свыше 40 стволов 76—85-миллиметровой зенитной артиллерии фортов.

Враг так и не решился вывести войска на лед, чтобы попытаться захватить остров Котлин и форты или нанести фланговый удар по Ораниенабумскому плацдарму.

После перевода контр-адмирала В. В. Чистосердова к новому месту службы исполнение обязанностей начальника артиллерии крепости возложили на меня. В конце марта 1942 г. я был вызван на совещание артиллеристов соединений флота. Проводил его контр-ад-

мирал Иван Иванович Грен. Совещание проходило в здании Военно-морской академии на Васильевском острове, где размещался штаб и командный пункт И. И. Грена, в то время руководившего артиллерией Краснознаменного Балтийского флота. Я с интересом слушал доклады, в которых подводились первые итоги боевых действий морской артиллерии по береговым целям. Тогда же был выработан и принят ряд документов, внесших единство в организацию и методы боевого использования артиллерии. И. И. Грен в своем докладе обратил особое внимание на повышение эффективности стрельб и, как основу этого, на организацию и совершенствование артиллерийской разведки, укрепление ее опытными командными кадрами.

Мне, как начальнику артиллерии крепости, а затем начальнику отдела штаба Береговой обороны, довольно часто приходилось работать под руководством Ивана Ивановича. Немногословие, предельная лаконичность его указаний и выступлений общеизвестны. Вместе с тем приказания или разъяснения Грена всегда были предельно исчерпывающими. Отличительной чертой его был постоянный поиск новых возможностей повышения мощи артиллерии. В короткие сроки И. И. Грен организовал централизованное использование артиллерии кораблей и береговых частей флота. Ему помогали опытные артиллеристы контр-адмирал Н. Э. Фельдман, инженер-капитан 1-го ранга И. Д. Снитко и другие офицеры.

На дальнобойную морскую артиллерию возлагались задачи борьбы с батареями гитлеровцев, расположенными в глубине обороны, на значительном удалении от переднего края. Всякое изменение в тактике или составе огневых средств врага Иван Иванович немедленно анализировал и выработывал меры противодействия.

Помню, летом 1943 г. у гитлеровцев появилась новая дальнобойная батарея. Расположение ее тяжелых орудий нам никак не удавалось установить. Грен привлек к поиску этой батареи авиацию флота. Вскоре были получены данные, подтверждающие наши предположения: Ленинград обстреливала гитлеровская железнодорожная батарея, периодически меняющая позицию. Грен организовал по этой батарее несколько мощных артиллерийских ударов, и она надолго замолчала.

В процессе контрбатарейной борьбы мы постепенно выявили наиболее «вредные» вражеские батареи, ко-

торые наиболее ожесточенно и интенсивно обстреливали Ленинград, Кронштадт и корабли при переходе по Финском заливу. Батареи эти находились километрах в двадцати от передовой. Каждое их орудие размещалось в специальных фортификационных сооружениях — капонирах, причем находящихся на значительном расстоянии друг от друга. Наши одиночные батареи при ограниченном расходе боеприпасов не могли вести с ними эффективную борьбу. Для того чтобы подавить такого противника, требовалось в среднем 500—600 выстрелов. Если бы даже и выделили такое число снарядов для одной-двух батарей, то это привело бы к преждевременному износу пушек. Требовалось найти наиболее рациональное решение.

И тогда адмирал И. И. Грен разработал организацию совместных ударов авиации и артиллерии различных калибров (не ниже 130 миллиметров). Перед такими ударами мы каждый раз проводили самую тщательную подготовку: изучали по фотоснимкам расположение вражеской батареи, точно определяли координаты каждой пушки, разрабатывали план взаимодействия с летчиками, проводили пристрелку орудий и батарей.

Ряд совместных ударов морской артиллерии и авиации заставил замолчать многие батареи гитлеровцев.

На первый взгляд Иван Иванович казался сухим человеком, интересы которого не выходят за пределы служебной деятельности. Возможно, такое впечатление складывалось из-за небольшой профессиональной глухоты старого артиллериста. Мы, работавшие с И. И. Греном, знали его как душевного и заботливого начальника. Иногда, в редкие свободные вечерние часы, он заходил к офицерам штаба, интересовался, над какими вопросами работаем, какие встречаются трудности, что читаем. За деловые качества и душевность адмирал И. И. Грен пользовался на флоте непререкаемым авторитетом и глубоким уважением.

Не довелось ему принять участие в разгроме врага под Ленинградом: ранней осенью 1943 г. вице-адмирал И. И. Грен перешел на работу в Москву. Подготовленная им морская артиллерия участвовала в разгроме гитлеровцев у стен города Ленина в январе 1944 г., нанося мощные массированные огневые удары по обороне противника, подавляя огонь его батарей.

А. Н. ФИЛИППОВ,

старшина.

*Командир дальномерного поста фор-
та Первомайский в 1941—1945 гг.*

ДАЮ ДИСТАНЦИЮ

В 1941 г., 21 июня, наша 113-я батарея заступила на оперативное дежурство: материальная часть приведена в боевое положение, на каждом боевом посту определенное число номеров орудийных расчетов несет вахту. Остальные бойцы отдыхали в кубрике, не снимая верхней одежды.

Ночью, в начале третьего, вдруг сигнал боевой тревоги.

На дальномере вахту несет Вася Журавлев. Прибегаю, готовлю свой дальномер к бою. Слышу, Журавлев говорит:

— Филиппыч, это не ученье, а война, наверно. Вот только что пролетели самолеты «Ю-88», на форт Обручев сбросили бомбы. Они упали в воду. Я видел всплески метров тридцать высотой.

Я посмотрел на Журавлева и удивился. Его лицо, всегда веселое и румяное, поблекло и стало напряженным.

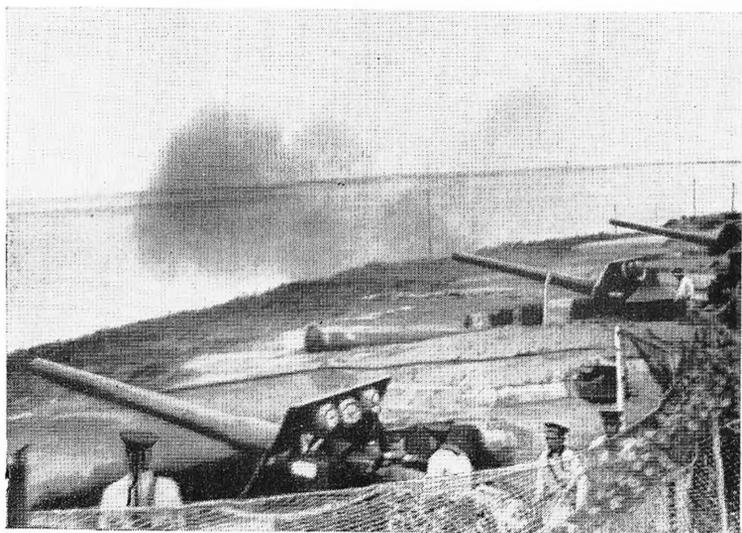
Вскоре от командира батареи мы узнали, что началась война.

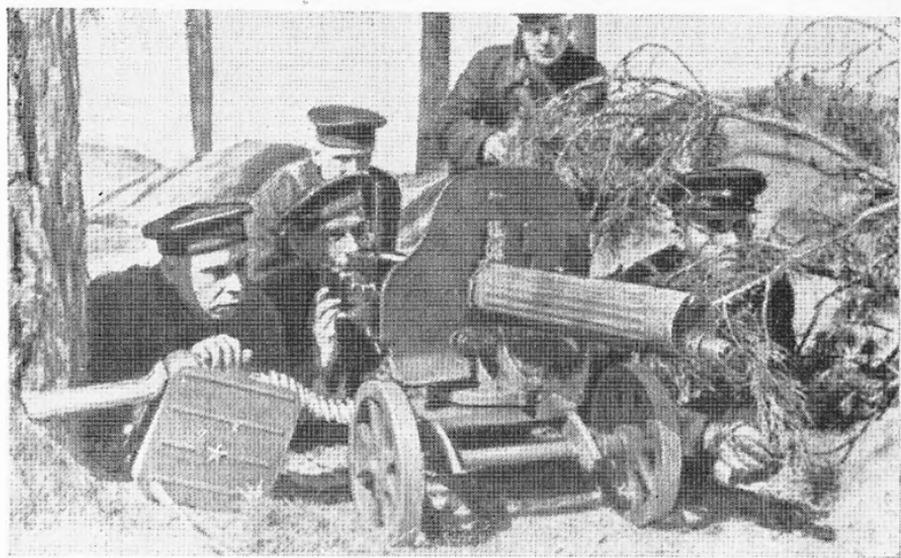
О войне я знал из рассказов родителей, которые пережили гражданскую войну, знал по книгам и кинофильмам. А теперь я сам участник войны. Меня, молодого краснофлотца, тревожила мысль: а чему я научился за семь месяцев службы, сумею ли я воевать? Подумал и

И. Н. Федьков, начальник штаба КЭС БО КБФ.

Артиллерия форта ведет огонь по врагу.

Пулеметчики базы морской железнодорожной артиллерии ИУС БО КБФ на огневой позиции. 1941 г.

В. К. Мустафаев, командир 311-й и 318-й батарей ИУС БО КБФ. 1942 г.

В. М. Москвин, офицер
штаба ЗУР БО КБФ.

С. И. Боковня, командир
батальона морской пехоты
ИУС БО КБФ.

Зенитный расчет бронепоезда «За Родину». 1942 г.

М. Е. Белов, заместитель
начальника политотдела
ИУС БО КБФ. 1941 г.

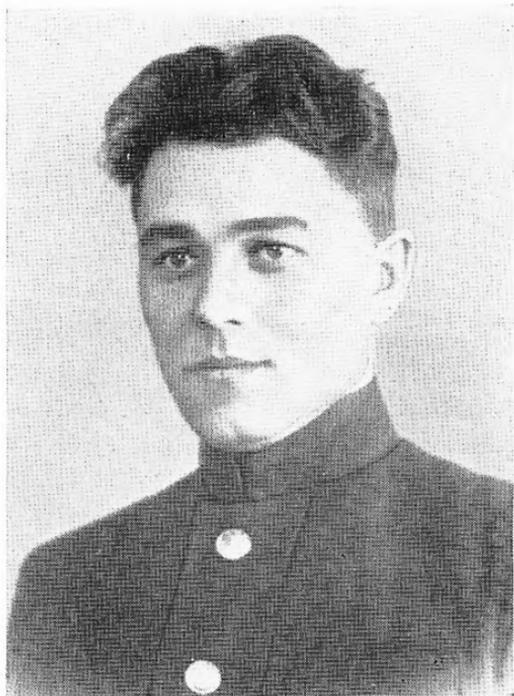

В. Ф. Горелов, командир
330-й батареи ИУС БО
КБФ. 1945 г.

К. К. Грицинский, офицер
разведотдела штаба КБФ.

М. Е. Поляков, командир
отдельной роты связи КУС
ВО КБФ. 1942 г.

В. Д. Стукалов, командир бронепоезда «Балтисец». 1942 г.

Е. С. Семенченко, командир
33-го ОАД ИУС БО КБФ.
1945 г.

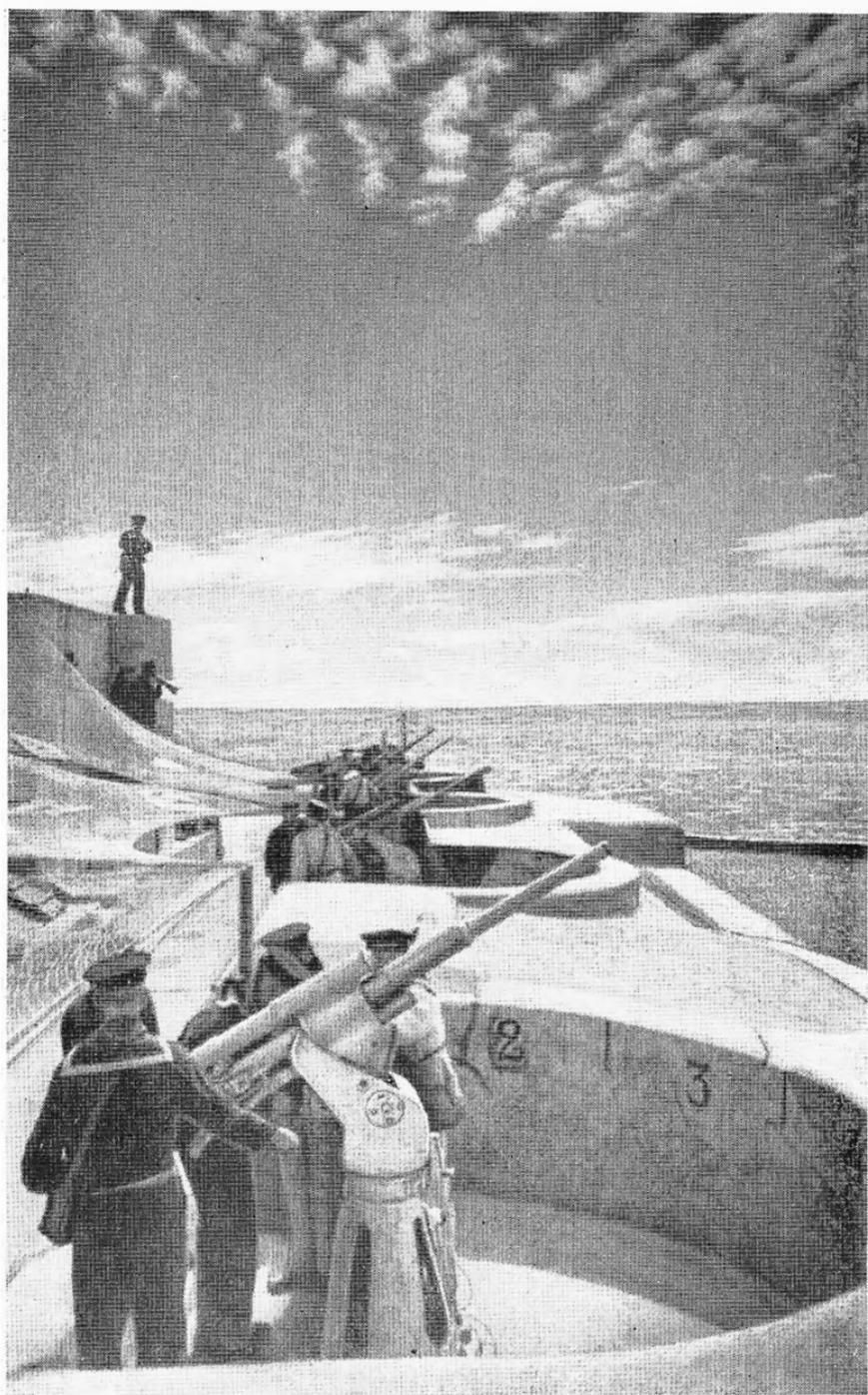
П. В. Филиппов, замести-
тель начальника штаба
33-го ОАД ИУС БО КБФ
по разведке. 1944 г.

Г. И. Барбакадзе, командир
12-й морской железнодорожной
батареи. 1944 г.

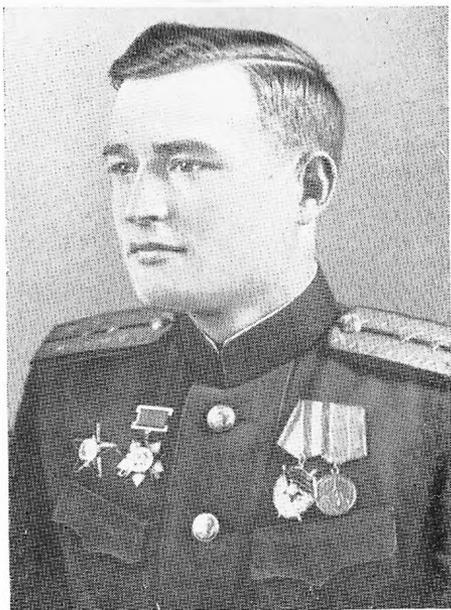

Д. З. Осипчук, командир 7-го
отдельного зенитного артилле-
рийского полка ПВО КБФ.

Зенитная батарея одного из фортов. 1941 г.

И. Е. Мельников, командир
21-й батареи форта Крас-
ная Горка. 1944 г.

Н. И. Скородумов, замести-
тель начальника артиллерии
крепости Кронштадт.

Взвод лыжников младшего лейтенанта А. К. Иваненко в босвом дозоре на льду Финского залива близ Кронштадта. 1941 г.

С. М. Федоренко, редактор газеты КУС БО КБФ. 1943 г.

Ф. В. Ниоземцев, инженер,
начальник ОТК ремонтного
цеха кронштадтского Мор-
ского завода. 1945 г.

И. Ф. Снетков, секретарь
Кронштадтского РК КПСС.
1945 г.

А. М. Михайлова, работница
Кронштадтского Морского
завода. 1944 г.

Е. В. Басс, медицинская
сестра Кронштадтского мор-
ского госпиталя. 1944 г.

Е. Н. Киселев, начальник
ремонтного цеха крон-
штадтского Морского завода.

С. И. Галабурда, старший
мастер ремонтного цеха
кронштадтского Морского
завода. 1945 г.

И. Г. Третьяков, слесарь-монтажник ремонтного цеха кронштадтского Морского завода. 1944 г.

Я. С. Кулаков, начальник отдела тыла крепости Кронштадт. 1945 г.

пришел к выводу, что работать на дальномере по сухопутным и морским целям умею.

Да, на дальномере мы научились работать хорошо, много тренировались, могли замерять дистанцию в дневное время и ночью, по целям, освещенным прожектором. Этому нас терпеливо учил командир батареи капитан Павел Семенович Резников (потом он стал командиром дивизиона). Помню, как он входил в кубрик, объявлял дальномерщикам боевую тревогу, а потом тренировал нас, приговаривая, что от качества работы дальномерщиков — от точности измерения дальности до цели — зависит успех стрельбы. Ошибется дальномерщик, неправильно измерит дистанцию — вся автоматика и отличная боевая техника сработают вхолостую.

Прошло несколько дней, и с нашей батареи на сухопутный фронт ушли многие опытные артиллеристы. На их место пришли бойцы из запаса. Приказом командира дивизиона меня и Василия Журавлева назначили командирами отделений на дальномерные посты. Свой, так побывавшийся нам дальномер мы передали только что прибывшему новичку, а сами отправились на расконсервированные и введенные в строй батареи. Журавлев ушел на 112-ю, а я на 111-ю батарею 120-миллиметровых пушек, которой командовал старший лейтенант Виктор Петрович Могучев.

На всех боевых постах батареи, как и во всем дивизионе, шла напряженная боевая учеба. Обучали прибывших из запаса людей, сами учились. На мой дальномерный пост тоже пришли бойцы из запаса П. Ерофеев, А. Козлов, А. Гапонов — толковые и дисциплинированные товарищи.

На Карельском перешейке наши войска, оказывая упорное сопротивление врагу, отходили на новые рубежи. В дальномер я хорошо видел, что дым пожаров с каждым днем приближается. Наша батарея была готова нанести удар по врагу. И вот из дивизиона сообщили, что противник занял Териоки. Еще раз тщательно замеряю дальность и докладываю командиру батареи.

Наконец слова команды — и загрохотали орудия нашего форта «П».

Мой дальномерный пост находился рядом с командным пунктом батареи. Справа — 111-я батарея, слева 112-я. По мере переноса огня стволы орудий поворачи-

вались все больше в мою сторону. Я даже почувствовал тепло от выстрелов орудия. Ствол приближался к дальномеру. Что-то кричали артиллеристы, показывая руками, чтобы я уходил. Тут подоспел старшина батареи Лядуникин с группой матросов. Они перенесли дальномер на новое место и установили в свободный орудийный дворик. Теперь воздушная волна от залпов 152-миллиметровых орудий не доставала до дальномера.

Пока шли работы по перестановке дальномера, я, вооружившись артиллерийским биноклем, продолжал наблюдать за стрельбой. Наши артиллеристы уверенно действовали у орудий, хотя бой вели матросы, которые совсем недавно еще были мирными тружениками — рабочими и крестьянами. Но дни упорной учебы не прошли даром. Большая заслуга в том командира батареи капитана В. П. Могучева. Он жестко требовал от нас соблюдения воинской дисциплины, воспитывал организованность и учил отлично владеть специальностью.

Я удивлялся — когда же он отдыхает? Комбат днем и ночью на тренировках, отрабатывает артиллерийские расчеты, учит нас, дальномерщиков. Могучев всегда был непременным участником наших комсомольских собраний, и проходили они у нас интересно, живо. Говорили о том, как комсомольцы владеют своим оружием, в порядке ли его содержат. Выступления командира батареи и заместителя по политчасти Курочкина приносили нам, комсомольцам, много пользы.

Комсомольским вожаком был у нас командир орудия младший сержант Снегирев.

Боевой выучке матросов батареи уделял много внимания и старшина огневого взвода Николай Митягов, участник событий 1939/40 г., награжденный орденом Красной Звезды.

Первый бой наша батарея провела успешно: орудия дали более 70 залпов, материальная часть их работала безотказно.

В бою проявил смелость и находчивость замковый первого орудия Курченко. Во время стрельбы лопнул штерт стреляющего приспособления, которым производится выстрел. Как дать следующий залп? Раздумывать некогда. По команде «залп» Курченко рукой дергал кольцо стреляющего приспособления, с трудом избегая удара при откате орудия.

Первый бой показал, что наш командный пост нужно переделать. Он был ориентирован на запад, в сторону моря, откуда мы до войны ждали появления врага. Противник же теперь был на северном берегу Финского залива, у Белоострова. Капитан Могучев сам руководил работой, а комсомольская организация батареи взяла шефство над строительством. Делали все своими силами, причем трудились непрерывно, днем и ночью. Кувалдой дробили булыжник, готовили раствор и заливали в опалубку. Помню, что прекрасно работал старшина Л. Ефимов, прибывший к нам из запаса. Он не был строителем по профессии, но делал все, за что ни брался, удивительно умело и ловко — я просто любился его работой. Про него можно было сказать, что он настоящий русский умелец. За что только ни возьмется — все в руках этого коренастого, с пшеничными усами на румяном лице воина играет; и все он знает и все умеет.

И вот новоселье — перебираемся в новый КП. В нем удобная боевая рубка, центральный пост, отделение планшетной группы, комната для отдыха. Позади — дальномерная площадка, на которой установлен мой дальномер. Нам, дальномерщикам, понравилось новое место, и мы подолгу здесь задерживались, изучая силуэты кораблей и самолетов. Ведь, обнаружив цель, нужно немедленно определить, чья она — своя или вражеская.

Интересными были тренировочные занятия, я их очень любил. По инициативе командира дивизиона майора П. С. Резникова между стеной форта и волнорезом, на воде, поставили большой плот с макетом побережья Финского залива: с поселками, приметными деревьями, мельницами, церквями, дорогами. Тренировки мы проводили прямо на боевых постах, привлекая одно из орудий. К стволу 120-миллиметровой пушки прикрепили трехлинейную винтовку, и наводчики по команде управляющего огнем наводили его на цели на макете по указанному направлению — азимуту, установщики устанавливали данные для стрельбы — прицел и целик. По команде «залп» производился выстрел из винтовки, и дальномерщики, наблюдая в стереотрубу, докладывали знак падения «спаряда» управляющему огнем, определяя его по всплеску от пули.

Случалось, что во время тренировки требовалось срочно открыть огонь по врагу. Занятия прерывались, и орудие с укрепленной на стволе винтовкой разворачивалось в сторону противника и вело огонь уже настоящими снарядами.

Командир нашей батареи В. П. Могучев на тренировочных занятиях стрелял, как правило, отлично. Когда я возвращался с тренировок, матросы спрашивали:

— Как там наш?

Я мог с гордостью ответить, что комбат поразил цель со второго выстрела.

С нами, командирами отделений, два дня в неделю проводились занятия в дивизионе. Бывало, идешь на занятия после того, как всю ночь простоял на боевом посту или после боевой стрельбы, уставший, тянет ко сну... Но вот приходит командир дивизиона П. С. Резников, и вся усталость и лень куда-то уходят. Занимались много: отработывали штыковой и рукопашный бой, преодолевали полосу препятствий, летом плавали с оружием и в одежде, стреляли из всех видов оружия. Даже провели несколько ствольных стрельб по «танкам» прямой наводкой.

С благодарностью вспоминаю наши занятия и их руководителей. Многому они нас научили. Так проходили дни, заполненные боевыми стрельбами, вахтами и напряженной учебой.

Запомнился мне такой случай. Однажды гитлеровцы открыли по форту огонь. Наша артиллерия ответила мощным ударом. Несколько батарей врага мы подавили, но одна продолжала стрелять. Слышу доклады на КП об убитых и раненых. В. П. Могучев со стереотрубой перебрался на крышу командного пункта и уже второй раз требует от дальномерщиков засечь стреляющую батарею противника. Но сделать это не так просто. Чтобы ее засечь, нужно очень точно навести дальномер по направлению — прямо на орудия врага. А до них чуть ли не полтора десятка километров.

Нервы напряжены. Я чувствую себя неловко перед командиром батареи. Злюсь на свою беспомощность. Излишняя нервозность мешает сосредоточиться. Ведь моих докладов ждут расчеты орудий, они не могут открыть огонь... К моему дальномеру подошел замполит Курочкин. Дотронулся рукой до моего плеча:

— Филиппов, спокойнее, все будет в порядке.

Мой дальномер замер на одном месте. Мне кажется, что вокруг меня никто не дышит. Но тут за спиной слышу знакомый голос командира дивизиона:

— Что это значит, товарищ Курочкин, сегодня самый надежный дальномер отказывает?

Это обо мне, о моем дальномере...

Как хочется именно сейчас, в присутствии комдива, засечь проклятую батарею, ведущую огонь по форту, и делом доказать, что наш дальномерный пост недаром называется отличным.

Капитан В. П. Могучев продолжает наблюдать в стереотрубу.

— На дальномере! — говорит комбат.

— Есть на дальномере! — отвечаю.

— Искать цель! Ориентир номер одиннадцать от ноль-двадцать до ноль-десять!

Повторяю команду, медленно поворачиваю дальномер и вдруг в поле зрения сквозь вершины деревьев улавливаю бледную вспышку и облачко дыма. Делаю легкий рывок дальномера чуть вправо, и измерительная марка над целью. Радостно докладываю:

— Отсчет по батарее!

Одновременно нажимаю на педаль — дистанция по синхронным линиям автоматически пошла на КП.

И вот две батареи — 112-я и 111-я — открывают огонь. Первые падения снарядов наблюдаю в районе цели, а затем все закрывает сплошной дым.

За стрельбой форта наблюдали с корректировочных постов капитан Бациев, старшина Ковалев, матросы Блинов и Степанов. Они сообщили, что видели прямые попадания в цель. И действительно, враг замолчал. Прекратила стрельбу и наша батарея. Тишина. Отрываю глаза от окуляров.

— Молодцы, — улыбается замполит и пожимает нам руки.

Отбой тревоги. Комбат докладывает майору Резникову о выполнении стрельбы. Командир дивизиона благодарит личный состав батареи и особо хвалит нас, дальномерщиков.

Конечно, это было приятно. Но я понимал, что боевой успех пришел благодаря кропотливой, повседневной работе, которую проводил с нами еще в мирное время майор П. С. Резников. А ведь не только мы, дальномер-

шки, но и некоторые офицеры долгое время считали его требовательность чрезмерной.

Окончив свои дела на дальномерном посту, я пошел в кубрик. На плацу сиротливо лежала бескозырка, рас-терзанная, пропитанная кровью.

— Чья это? — спрашиваю.

— Анашкина, убит он.

Анашкин — комендор. Никогда не унывавший мат-рос, на лице всегда улыбка. Он часто рассказывал нам о своей доброй и милой жене, о сыне...

* * *

Наши артиллеристы начали готовиться к разгрому врага на Карельском перешейке с весны 1944 г. Ору-дийные расчеты, связисты, дальномерщики осматривали материальную часть, проверяли каждый винтик, каждую деталь. Проверяли средства связи, центральные посты.

Поздно вечером заместитель командира батареи по политчасти Курочкин провел митинг. Мы с величайшей радостью встретили сообщение о приближающемся часе удара по врагу на Карельском перешейке. Выступлени-ям на митинге не было конца. Все возбуждены. Каждый матрос, командир отделения, каждый офицер клялся сделать все для победы.

И вот началось...

Земля вздрогнула от мощных залпов советской артиллерии. В 8.05 9 июня 1944 г. дали залп орудия флот-ской артиллерии. Вели огонь форты и корабли Красно-знаменного Балтийского флота. Зрелище было потря-сающее. В дальномер я видел, как от разрывов снаря-дов поднимались тучи земли, как летели в воздух деревья.

В начале стрельбы я сидел за дальномером без ка-ски. Но залпы наших орудий, расположенных выше дальномерного поста, подняли такую массу песка, мел-кого гравия и травы, что мне пришлось ее надеть. В ушах — сплошной грохот.

Час прошел, как один миг. И вдруг абсолютная ти-шина. В чем дело?

В это время в воздухе послышался нарастающий гул наших самолетов. Они шли со стороны Кронштадта. Я стал считать. Вот уже 75, а самолеты все идут и идут!

Утром 10 июня на дальномерный пост прибыл

командующий, Краснознаменным Балтийским флотом адмирал В. Ф. Трибуц. Приняв мой доклад, командующий спросил, что я вижу. Я доложил и получил приказание продолжать наблюдение. Заметил, как наши солдаты стали перебегать от дерева к дереву. Докладываю адмиралу Трибуцу. Он, как бы про себя, произнес:

— Значит, пошли.

Потом уже громко повторил:

— Наши в атаку пошли!

Вскоре по дорогам потянулись танки, за ними пехота. На головном танке находились артиллеристы с нашего форта во главе с лейтенантом Овсянниковым. Ему удалось пробраться на колокольню церкви в Териоках и оттуда передавать на наш форт данные о противнике. Артиллеристы незамедлительно открыли огонь. Это были последние залпы по врагу батарей форта «П» — враг отступил.

П. Е. МЕЛЬНИКОВ,
генерал-майор артиллерии.

*Командир 311-й батареи форта
Красная Горна Ижорского укреплен-
ного сектора Береговой обороны НБФ
в 1941—1944 гг.*

ПРОВОЖАЕМ В БОЙ КОРАБЛИ

Майским, по-балтийски светлым вечером 1942 г. меня разыскал рассыльный и передал приказание явиться на командный пункт командира дивизиона. Вскоре там собрались все командиры батарей.

— Товарищи,— сказал полковник В. Т. Румянцев, когда мы все расселись и достали блокноты.— В ближайшее время нам предстоит участвовать в операциях по обеспечению прорыва подводных лодок из Финского залива в Балтийское море, где они будут действовать на морских коммуникациях гитлеровцев.

Владимир Тимофеевич сделал паузу, давая нам возможность оценить значение его слов. Нас охватило радостное возбуждение. Ведь речь шла не просто об обычной боевой задаче. Балтийский флот, запертый в восточном углу залива и уже сброшенный противником со счетов как сила, способная к морской войне, переходил к активным боевым действиям! Значит, флот, неотрывной частью которого мы всегда себя считали, сохранил, несмотря на потери, достаточный запас боевой мощи. Значит, военное положение страны в целом было достаточно твердым, если на повестку дня могли выдвигаться такие вопросы. Словом, сообщение командира форта содержало достаточно причин для оптимизма. А он продолжал:

— Лодки будут прорываться несколькими эшелонами. Каждый эшелон совершает переходы небольшими группами, под эскортом тральщиков, сторожевых кораблей и катеров. Первый этап перехода — Морской канал, начиная от Ленинградского порта, — Восточный рейд Кронштадта. Этот отрезок пути находится под воздействием гитлеровских батарей в районе Стрельны и Нового Петергофа. Второй этап — Кронштадт — Лавенсари. Он-то нас больше всего и интересует. Здесь мы будем непосредственно прикрывать переход. Задача батарей состоит в том, чтобы в своих морских секторах подавлять те неприятельские береговые батареи на Карельском перешейке, которые попытаются воспрепятствовать своим огнем движению наших кораблей, а также уничтожать корабли противника в районе Красногорского рейда. Аналогичная задача будет решаться и при возвращении лодок в Кронштадт. Ясно?

— Ясно! — ответил за всех командир 211-й Федор Юдин.

— По данным разведки, — продолжал Румянцев, — все вражеские батареи на северном берегу, с которыми мы имели дело осенью, готовы к боевой деятельности. Зимой мы ослабили к ним внимание, как к целям второстепенным. А между тем на перешейке произошли некоторые изменения...

И Владимир Тимофеевич принялся знакомить нас с последними разведанными. Потом он рассказал о той подготовке к решению предстоящей задачи, которую уже вели на форту.

Для наблюдения за Карельским перешейком у нас имелось восемь постов. Были они оборудованы вдоль всего побережья «пяточка» в двух маячных башнях и в бетонных вышках, построенных до войны как командные пункты береговых батарей. Посты располагали мощными дальномерами, визирами и стереотрубами, имели рации и подземные телефонные кабели, соединявшие их с командными пунктами дивизиона и батарей. Теперь они срочно приспособлялись и для сопряженного наблюдения. Для этого на них увеличили число квалифицированных специалистов, провели дополнительные линии связи.

Срочно изготавливались к действию и имевшиеся на форту тепловизионные станции, которые могли в полной темноте и тумане обнаруживать инфракрасное

излучение кораблей и давать направление на них. Техника эта тогда была новой, еще не очень хорошо освоенной, но обслуживающие ее бойцы заверили, что не подведут и обеспечат достаточную точность обнаружения.

— О первом переходе командование форта своевременно оповестят,— сказал в заключение Румянцев,— и вы будете поставлены об этом в известность. С завтрашнего дня беритесь за подготовку, усильте внимание к целям на перешейке.

Зимой мы редко, лишь для поддержания навыка, практиковались на учебных приборах в управлении огнем по кораблям. Теперь и я, и командиры башен устраивали такие тренировки ежедневно. Вновь прорабатывались способы стрельбы по наблюдаемым береговым целям. А сами цели на северном берегу стали объектом тщательнейшего изучения.

Первый разведывательный выход подводной лодки из Ленинграда был совершен ночью 25 мая. Для противника он, видимо, оказался неожиданным, и его действия носили довольно беспорядочный характер. Не отличались особой организованностью и наши контрмеры. И командование тут же извлекло из этого уроки. Полковник В. Т. Румянцев вновь собрал командиров батарей. На этот раз он познакомил нас с новым, более совершенным порядком оповещения о проходе кораблей.

— Теперь,— сказал он,— каждый комбат станет получать сообщение, в котором будет указываться состав конвоя, время его выхода, курс и скорость. Вам надлежит рассчитать время входа кораблей в зону огня противника и к этому моменту быть готовыми к стрельбе по целям в своем секторе. У сигнальщиков, ведущих наблюдение в морском направлении, функции будут расчленены. Одни из них должны следить за северным побережьем и за появлением в море неприятельских кораблей. Другим вменяется в обязанность наблюдать только за своими кораблями. Ночи сейчас белые, но если появится туман или дымка, за уточнением места наших кораблей обращайтесь на тепlopеленгаторные станции.

Вечером 2 июня на батарею поступило оповещение о том, что ночью на боевое задание пройдут подводные лодки, сопровождаемые «малыми охотниками». В нем содержались все данные, о которых говорил Румянцев. Я тут же взялся за необходимые вычисления. Вскоре

последовал вызов к командиру форта. Он прочел нам боевой приказ на обеспечение перехода подводников и еще раз напомнил о самой сути предстоящей задачи.

— Главное — не дать противнику перейти на поражение!

И вот глаза мои сливаются с окулярами визира боевой рубки. До появления кораблей в зоне вражеского огня остается десять минут. Башни — в полной готовности. Снаряды покоятся в зарядниках, в подбашенных отделениях.

Визир развернут на восток. Но в жидком сумраке белой ночи пока ничего не видно, кроме серой ряби воды, вспыхивающей серебром под лезвиями прожекторов, — противник тоже ждет наши корабли и высвечивает Красногорский рейд, чтобы успеть открыть огонь на предельной дальности.

Разворачиваясь вместе с пухлым кожаным сиденьем, навожу визир на черную кромку северного берега. Там, кроме ярких голубоватых точек, из которых берут начало прожекторные лучи, — никаких признаков жизни.

В наушниках раздается голос сигнальщика Карпова:

— Два катера «МО», пеленг сорок шесть, дистанция семьдесят пять кабельтовых, следуют курсом триста десять. — И немного погода: — Подводная лодка, пеленг шестьдесят пять, дистанция шестьдесят восемь кабельтовых, идет курсом двести семьдесят!

Быстро развернув визир, всматриваюсь и вижу наконец катера, идущие строем уступа, а потом и подводные лодки. Они пробираются южным фарватером, прижимаясь поближе к своему берегу, под прикрытия батарей. Снова начинаю просматривать северный берег. И как раз вовремя! Там мелькает вспышка батарейного залпа. Через пару секунд впереди по курсу катеров вырастают белые столбы всплесков. И тут же за кормой у них возникают серые шлейфы — начинается постановка дымовых завес, прикрывающих лодки. А те строем кильватера, как ни в чем не бывало, продолжают идти прежним курсом на запад.

Вновь вспышки на противоположном берегу. Теперь их уже много. Всплески поднимаются по курсу подводных лодок. Опять вспышки. Снаряды ложатся перелетом. Но вот с командного пункта, от А. О. Пономарева, поступают обработанные данные наблюдательных постов. Теперь ясно, по каким целям бить нашей батарее. Даю

на орудия данные для стрельбы по дальности и направлению — прицел и целик.

Неприятельский берег полыхает вспышками.

— Башни зарядить! Поставить на залп...

Султаны воды вздымаются около лодок. Недолет! Враг пристрелялся. Но перейти на поражение ему не удастся.

— Залп!

Вздрагивает бетонный массив и рубка вместе с ним. Почти одновременно с нами начинают стрельбу 312-я и 211-я батареи. Теперь уже на том берегу возникают красноватые искры — разрывы наших снарядов. Один, другой... третий... пятый... И уже не появляются характерные вспышки неприятельских залпов. Вода около кораблей больше не вспучивается всплесками. Растерянно мечутся по рейду прожектора, вонзаются в стену леса перед фортом, и тогда кажется, что противнику виден каждый попавший в луч боец.

Стрельбу мы окончили, и я смотрю в визир, как уменьшаются в размерах корабли, как все дальше и дальше уходят они на запад. Вот они уже и вне досягаемости вражеского огня. И тут оживают несколько батарей на том берегу. Но что это? Они стреляют в сторону форта. Снаряды рвутся с большими недолетами. Да если б и достали, то мы получили бы лишь несколько выщербин в бетонном массиве. Понстине слепа бессильная злоба. Мы не достаиваем врага ответом.

А корабли совсем скрываются из глаз. И наши мысли с ними. Для нас бой окончен. Мы сделали свое дело. А для подводников это лишь прелюдия к еще более грозным, смертельно опасным испытаниям, из которых, может быть, не все возвратятся домой. У них бой — впереди.

* * *

С 3 июня и вплоть до самой поздней осени обеспечение переходов подводных лодок стало для нас такой же главной и часто выполняемой задачей, как подавление батарей, обстреливающих Ленинград, и уничтожение наиболее важных фронтовых целей. Нам не приходилось встречаться с подводниками, но некоторые лодки мы запоминали. Они становились как бы нашими старыми знакомыми. Мы интересовались их боевыми успехами,

знали все, что писалось или говорилось о них. И конечно, с нетерпением ждали их возвращения из похода.

Такой лодкой для нас стала, например, «Щ-406», которой командовал Евгений Яковлевич Осипов. Первый раз мы обеспечивали ее выход 14 июня. Когда спустя 50 суток она вернулась, стало известно, что, действуя в трудных условиях, она потопила четыре вражеских транспорта общим водоизмещением около 30 тысяч тонн. С теплым чувством проводили мы «406-ю» во второй боевой поход 20 октября. А через несколько дней после этого радио сообщило о награждении славной «щуки» орденом Красного Знамени и о присвоении ее командиру капитану 3-го ранга Осипову звания Героя Советского Союза.

Возвращалась «Щ-406» 9 ноября. И нам казалось, что идет она в надводном положении с каким-то особым спокойствием, с гордым чувством уверенности в том, что береговые артиллеристы не позволят упасть на нее ни одному неприятельскому снаряду...

К тому времени белые ночи давно уступили место почам «черным», обычным. А поскольку переходы лодок совершались только в ночное время, противник, не имевший такой редкой еще тогда новинки, как радиолокация, мог рассчитывать лишь на свои прожектора. Без них он был слеп. Поэтому наша задача стала сводиться не столько к подавлению самих батарей, сколько к выводу из строя прожекторов. Стоило погасить их, и противник даже не пытался открывать огонь. А мы с этим делом научились справляться совсем неплохо.

Тогда враг изменил тактику. Он сделал прожектора кочующими. А его артиллеристы стали заранее пристреливать рубежи на фарватере, чтобы с подходом к ним наших кораблей сразу переходить на поражение. Но мы и тут не остались в долгу. Посты сопряженного наблюдения, несмотря на то что дальность до некоторых батарей врага достигала 20 километров, добились одновременного определения направления на его стреляющие орудия, т. е., как говорят артиллеристы, мастерски брали засечки. Поэтому координаты неприятельских огневых позиций у нас были определены с большой точностью. А это позволяло обрушивать на врага упреждающие залпы до того, как он сам начинал стрельбу. Гасить же кочующие прожектора мы научились так же метко, как и стационарные.

Результат нашей боевой работы был таков: на Красногорском рейде ни один наш корабль не был не только потоплен, но и поврежден. И мы, узнавая о победах подводников, не без гордости думали, что в это вложена какая-то доля и нашего труда.

* * *

В июне 1942 г. 311-я батарея была объявлена снайперской. Успех этот был тем более примечателен для нас, что представляли к снайперскому званию поорудийно. И прежде чем орудие или батарея попадали в приказ коменданта сектора, скрупулезно и придирчиво рассматривались все качества претендентов. Не могло быть и речи о том, чтобы какой-то недостаток остался незамеченным. Достаточно сказать, что на одной из самых боевых и результативных батарей — на 211-й — снайперским было объявлено лишь одно, 3-е орудие.

В одном приказе с нами снайперскими объявлялись 341-я и 342-я береговые батареи, а также 102-миллиметровые батареи бронепоездов «Балтиец» и «За Родину».

По случаю торжественного события у нас был митинг. Комиссар Кирпичов, обращаясь к бойцам, сказал:

— Снайперское звание для нас не самоцель. Боролись мы за него не ради тщеславия, а чтобы наш вклад в дело победы был весомее. Мы доказали, что можем работать по самому высокому классу. И не будет нам никакого оправдания, если этот класс мы снизим, если все последующие огневые задачи не будем решать на снайперском уровне.

В резолюции, принятой на митинге, мы заверили командование флота, что будем и впредь совершенствовать свое боевое мастерство, что варварские обстрелы города Ленина будут получать сокрушительный отпор, что точность и неотразимость наших ударов по врагу будут непрестанно нарастать.

Через день мы подтвердили верность своему слову. Батарея получила приказ открыть огонь по неплановой цели. Через 5 минут 15 секунд грянул первый залп. Для не находящейся в немедленной готовности батареи совсем неплохо: огонь открыли быстрее, чем положено по нормативу. Точная корректировка позволила быстро перейти на поражение, и, как сообщили наблюдательные посты, вражеский узел обороны был начисто разгромлен.

После отбоя тревоги началось, как обычно, банение стволов. Краснофлотцы, уже узнавшие об успешных результатах стрельбы, с воодушевлением выполняли эту надоедливо-долгую, тяжелую работу.

Да, банить 12-дюймовые пушки — это не то что 6-дюймовки! Без техники здесь не обойтись. Сначала на деревянную вьюшку наматывалась ветошь. К вьюшке крепился стальной трос. Он протягивался через канал ствола и брался на барабан электролебедки. Мотор электролебедки тянул вьюшку сквозь ствол. Потом ветошь с нее снималась, заменялась свежей и смазывалась пушечным салом. Этот процесс повторялся несколько раз, пока пропущенная через ствол ветошь не оставалась чистой.

После этого в ствол наливали горячую воду с раствором щелочи. 15 бойцов брали длинную штангу с круглой щеткой на конце. Начиналось собственно банение — теперь уже труд ручной, физический. Щетку гоняли по каналу ствола взад-вперед, меняя воду до тех пор, пока она не становилась прозрачной. Затем снова возвращались к лебедке и вьюшке, протирая ствол насухо, до зеркального блеска. Затем в ход шла мягкая щетка, смоченная в жидкой пушечной смазке. Канал покрывался блестящим тонким слоем, предохранявшим его от ржавчины.

И такая операция, последовательно и неуклонно, проделывалась четырежды — с каждым из стволов.

Погода в этот раз была тихая, безветренная, припекало летнее солнышко, и я разрешил бойцам раздеться по пояс. Стоя на бетоне массива, я наблюдал, как они орудуют длиннющей штангой, весело выкрикивая в такт:

— Туда-сюда... Вперед-назад...

Вдруг все покрыл чей-то голос:

— Самолеты!

Глянув вверх, я увидел три бомбардировщика, вынырнувшие с солнечной стороны из-за облаков. Они уже переходили в пикирование, целя в нашу и 312-ю батареи. Ничего не оставалось, как крикнуть:

— Воздушная тревога!

Бросив работу, все кинулись за башни, чтобы найти прикрытие от осколков за их броней. От самолетов отделилось по бомбе. В этот момент заработали зенитные пулеметы и пушки. Но они опоздали: бомбардировщики

уже вышли из пике и уходили в сторону залива. А бомбы приближались к земле с нарастающим воем. Теперь было видно, что упадут они с недолетом, в лесу, перед массивом. И действительно, среди деревьев поднялись к небу три черных фонтана, взметнув вверх осколки и щепки. Слабое дыхание взрывной волны докатилось до нас.

Как по команде, моряки сбегали с массива и устремились в лес, к месту падения бомб.

— Посмотрим, товарищ комбат,— предложил старшина Чуев, увлекая меня за собой.

Мы подошли к дымящимся воронкам, где уже толпились наши батареи. Шел оживленный обмен мнениями:

— А что, если бы не промазали фрицы, залепили в массив или в башню?

— Скучно нам бы пришлось.

— Нам-то да. А башне? Выдержала бы?

Судя по воронкам, бомбы были 250-киллограммовые. Для башен они не могли представить угрозы. И я внес ясность в спор:

— Не шумите, товарищи! Для наших башен не страшны бомбы и потяжелее.

— А если прямое попадание в ствол?

— Такое попадание было бы чистой случайностью. Как разрыв своего снаряда в стволе. Такая точность — за пределом прицельного бомбометания. Думаете, почему гитлеровцы не бомбят форт? Потому что понимают, что потерь им не избежать, а разрушить батареи все равно не удастся.

— А эти чего ж прилетали?

— Отогнали их от Кронштадта, вот они и завернули сюда, чтобы не возвращаться домой с бомбами. Понадеялись на «авось». А зенитчики наши прошляпили. Вот и вам урок: о бдительности забывать нельзя. А теперь продолжать работу!

Моряки вернулись к пушкам. Снова зазвучало: «Туда-сюда...»

До июня 1944 г., до того дня, когда 12-дюймовые пушки Красной Горки прогремели в последний раз, посылая снаряды во врага, должны были пройти еще многие месяцы...

Е. С. СЕМЕНЧЕНКО,

полковник.

Командир 33-го отдельного артиллерийского дивизиона Ижорского укрепленного сектора Береговой обороны НБФ в 1941—1944 гг.

ЗАПАДНАЯ ГРУППА

В конце 1943 г. для участия в разгроме группировки гитлеровских войск, находящейся на правом фланге Ораниенбаумского плацдарма, была создана Западная группа артиллерии дальнего действия (ЗГАДД). Командиром ее назначили меня.

Фронт на этом фланге плацдарма проходил по реке Воронке. В течение почти 900 дней гитлеровцы непрерывно совершенствовали здесь свои позиции, создавая мощные фортификационные сооружения и инженерную оборону.

Как известно, Ижорский укрепленный сектор имел в своем составе два отдельных артиллерийских дивизиона: 31-й — форт Красная Горка и 33-й — форт Серая Лошадь.

Все время мы настойчиво отрабатывали стрельбы по морским целям. Задача наших фортов, по существу, была одна — уничтожение кораблей противника при попытке прорыва их к Кронштадту и Ленинграду. Но не выпускали из виду мы и северный берег Финского залива, отрабатывали также действия по отражению морских десантов врага.

С подходом гитлеровских войск мы развернули пушки в сторону суши и по целеуказаниям штаба ИУС проводили огневые налеты по живой силе и технике

противника. Кроме того, дальнобойные орудия вели успешную борьбу с батареями врага на Карельском перешейке.

Часть орудий в 33-м ОАД обладала недостаточной дальностью стрельбы. Так, снаряды 120-миллиметрового калибра 332-й батареи не доставали до вражеских батарей, расположенных на северном берегу Финского залива, и до переднего края гитлеровцев у реки Воронки.

В июле—августе 1943 г. на форт Серая Лошадь доставили для перевооружения 332-й батареи четыре пушки калибром 130 миллиметров. Их скорострельность составляла 8—10 выстрелов в минуту, а дальность стрельбы—25 километров. Думаю, что пушки этого типа в те годы были лучшими в мире.

На перевооружение нам отвели жесткие сроки. Работали круглые сутки.

Трудность состояла в том, что на форту, да и на всем плацдарме, отсутствовали необходимые грузоподъемные средства. Но матросы всегда умели находить выход из положения, и смекалка выручила их и на этот раз.

Работами по замене орудий руководил командир огневого взвода лейтенант И. А. Елкин. Самоотверженно трудились многие сержанты и матросы. Особенно хочу отметить старшину группы комендоров старшего сержанта Петра Комягина.

В общем, работу мы завершили в срок.

В середине августа 1943 г. оперативный дежурный 33-го артдивизиона (командовал им в то время я) доложил, что наблюдательный пост № 5 только что посетил командующий Ленинградским фронтом генерал-лейтенант Л. А. Говоров.

Я позвонил на пост, и его командир сержант И. Е. Черныш подтвердил, что командующий фронтом прибыл в сопровождении офицеров своего штаба и командования 71-й отдельной морской стрелковой бригады. Командующий тщательно ознакомился с обстановкой на участке фронта, поднялся на вышку поста, внимательно рассмотрел планшет засечек и другую имеющуюся на посту боевую документацию, понаблюдав в стереотрубу. После этого приказал ознакомить его с обстановкой на местности.

Черныш подробно доложил командующему о расположении вражеских батарей, коммуникациях и первой

линии обороны гитлеровцев, ответил на все заданные вопросы.

Я сразу подумал, что командующий Ленинградским фронтом прибыл на участок неспроста. Подробное изучение территории, занятой противником, расположения его артиллерийских позиций и первой линии обороны, наконец то, что командующий был у самой линии фронта, — все это укрепило во мне мысль о том, что и у нас начинается подготовка к большим событиям.

Наблюдательных постов на железобетонных вышках еще довоенной постройки в моем 33-м дивизионе было пять. На одном из них и побывал Л. А. Говоров. Командовали этими постами младшие командиры И. Н. Коваленко, В. В. Смирнов, В. А. Валов, И. А. Некрасов и И. Е. Черныш.

К моменту подхода гитлеровцев к реке Воронке мы развернули несколько дополнительных наблюдательных постов в непосредственной близости от переднего края.

Из всех постов наиболее ответственными были № 4 и № 5, удаленные от линии фронта всего на три километра и нередко подвергавшиеся артобстрелу.

Навсегда я сохранил добрую память об Иване Евдокимовиче Черныше — лучшем наблюдателе и корректировщике в дивизионе.

Службу свою И. Е. Черныш начал еще до войны, его объектом наблюдения было море, но по сложившейся обстановке пост развернулся лицом к сухопутному противнику. Не раз с вышки или высокой сосны, несмотря на артиллерийский, минометный и пулеметный огонь врага, Иван Черныш корректировал стрельбу наших батарей. С помощью храброго корректировщика орудия громили колонны пехоты, подавляли батареи противника, уничтожали его танки. Черныш вместе с бойцами 71-й бригады ходил в разведывательные поиски, чтобы уточнить огневые позиции противника, разведать его передний край, откорректировать карту обстановки.

С прибытием на плацдарм 2-й ударной армии мы окончательно убедились, что Ораниенбаумский плацдарм скажет свое слово в предстоящем наступлении.

10 января 1944 г. я и мой начальник штаба Ф. С. Митрофанов были вызваны полковником В. Т. Румянцевым на командный пункт Ижорского укрепленного сектора. Конечно, мы не ожидали увидеть там командующего Краснознаменным Балтийским флотом адмирала

В. Ф. Трибуца. Командующий информировал нас о сложившейся обстановке на фронте и приказал немедленно организовать специальные группы артиллерии дальнего действия для участия в предстоящей операции по разгрому гитлеровцев под Ленинградом.

Одной из основных задач артиллерии адмирал приказал считать подавление тяжелых батарей, с тем чтобы не допустить их противодействия наступающим войскам Ленинградского фронта. И конечно, артиллерии флота совместно с войсковой артиллерией и авиацией предстояло разрушить укрепления гитлеровцев.

Командующий сообщил, что операция начнется 14 января, дополнительные задачи будут уточнены в боевом приказе. Готовность групп приказал доложить к исходу дня 13 января.

Артиллерия флота была разделена на пять специальных артиллерийских групп, каждая из которых имела строго определенные задачи.

Так, Западная группа артиллерии дальнего действия предназначалась для поддержки частей Приморской оперативной группы (ПОГ) генерала А. Н. Астанина и предотвращения маневра противника с занимаемых им позиций в районе Систопалкино—Глобицы в направлении Гостилицы—Петергоф. В состав ЗГАДД входили три отдельных артиллерийских дивизиона: 190-й, 197-й и мой 33-й.

Командиром Западной группы, как я уже говорил, назначили меня, начальником штаба — капитана Ф. С. Митрофанова, начальника штаба 33-го дивизиона.

На организацию ЗГАДД и подготовку к открытию огня оставалось лишь трое суток, всего 72 часа.

Всю дорогу до штаба дивизии я находился под впечатлением совещания и сообщения комфлота. Дата «14 января» неотступно маячила перед глазами. Хотелось как можно быстрее добраться до своего КП и немедленно начать действовать. Трудностей много, время идет, и 72 часа превратились уже в 70.

Ведь нужно выбрать КП для руководства боевыми действиями трех дивизионов; договориться о взаимодействии с 71-й бригадой; проверить связь с дивизионами, с соседями и штабом ИУС; составить плановую таблицу стрельб и сделать многое другое.

13 января к 14.00 мы получили боевые приказы команданта Ижорского сектора и командира 71-й бригады.

В течение двух часов откорректировали уже сделанную вчерне плановую таблицу стрельб. Начальник штаба, отличный специалист своего дела Ф. С. Митрофанов, к 16.00 подготовил боевой приказ по Западной группе артиллерии дальнего действия с приложением плановой таблицы боя.

В тот же день нам удалось провести заключительное контрольное тактическое учение в масштабе всей Западной группы. Офицеры штаба дивизиона, великолепно знающие свое дело, — начальник связи подполковник П. В. Тимофеев, помощник начальника штаба по разведке лейтенант П. В. Филиппов — до войны преподаватель математики в одном из ленинградских институтов, начальник инженерной службы М. С. Кассациер — проверили готовность дивизионов к стрельбе и доложили, что все в полном порядке.

Незадолго до боя под непосредственным руководством моего заместителя по политической части капитана П. Н. Терентьева и других политработников во всех подразделениях провели партийные и комсомольские собрания, беседы с личным составом, митинги. Многие бойцы подавали заявления с просьбой принять их в члены Коммунистической партии и в комсомол.

С митинга, посвященного завтрашнему бою, мы уходили в приподнятом настроении, зная, что каждый командир, каждый матрос отдаст все силы для разгрома врага.

К вечеру 13 января командиры дивизионов доложили о готовности к бою на КП ЗГАДД, развернутом на наблюдательном посту № 5 в Долгове. Еще раз тщательно проверив состояние командного пункта и связи, боевую документацию и надежность сухопутной обороны, к исходу дня 13 января, я, в свою очередь, доложил в штаб Ижорского сектора, что Западная группа артиллерии дальнего действия к бою готова.

После доклада о готовности у всех как-то спало огромное напряжение, которое накопилось за последние три дня.

Короткий сон позади. Ночь наконец отступила, и настал памятный день 14 января 1944 г.

Рано утром все заняли свои места. Время открытия огня нам еще не сообщили. Прекратились запросы и донесения из подразделений. Телефоны и рация молчали...

Связались со штабом Ижорского сектора, чтобы выяснить час начала артподготовки. Начальник штаба подполковник Г. П. Забарынский попросил не беспокоиться и сказал, что все будет в порядке, сигнал получим своевременно. И в самом деле, в 8.20 пришло приказание о начале артподготовки в 9.35.

Время открытия огня немедленно сообщили в дивизионы.

В 9.20 все дивизионы доложили о готовности, оперативные дежурные сверили часы.

Ровно в 9.35, когда секундная стрелка коснулась цифры 12, орудия Западной группы дали одновременный залп более чем из сорока стволов.

Первый залп! Он всегда одинаково волнует военачальника и управляющего огнем, командира огневого взвода и рядового матроса, находящегося в составе расчета на орудийном дворике или в башне. Но этот залп был залп особенный. Долго, очень долго ждали мы его. Это был залп за «сто двадцать пять блокадных грамм, с огнем и кровью пополам», как волнующе писала Ольга Берггольц.

Так начался разгром гитлеровцев на участке Систопалкино—Глобицы — малая часть грандиозной операции Ленинградского фронта.

За первый день Западная группа провела 83 стрельбы. Снарядов не жалели.

В соответствии с планом четырехорудийная 100-миллиметровая батарея капитана В. Симакина вела стрельбу по районам Глобицы, Копорье, Керново, Мустово. Ее залпы заставили умолкнуть батареи противника, уничтожили транспортные средства и живую силу противника. 190-й дивизион А. Найденова вел огонь по переднему краю. Максимальную активность проявили артиллерийский дивизион Приморской оперативной группы (ПОГ), три батареи которого провели в этот день 26 стрельб.

Как только наша артиллерия открыла огонь, гитлеровцы немедленно ответили стрельбой по нашим батареям и в первой половине дня действовали активно. Но постепенно огневые налеты батарей врага стали ослабевать, и во второй половине дня противодействие гитлеровской артиллерии стало незначительным.

Второй день боевых действий для нас был относительно спокойным. Мы провели несколько стрельб по

дороге Глобицы—Копорье, по которой началось движение войск противника.

Враг молчал, и это настораживало. В боевых условиях тишина всегда создает неясность: неизвестно, то ли враг притаился и готовит ответный удар, то ли перегруппировывается и подтягивает резервы, или же, наоборот, готовится к отходу на другой оборонительный рубеж.

В последующие дни гитлеровская артиллерия продолжала молчать. Я приказал 190-му дивизиону А. Найденова и 197-му дивизиону майора А. Шакуры вести огонь по ранее выявленным целям, периодически постреливать и батарею В. Симакина. Этими стрельбами мы надеялись вызвать ответный огонь противника и засечь его огневые точки, с тем чтобы немедленно перенести на них огонь. Кроме того, артобстрелы держали врага в постоянном напряжении.

Но гитлеровцы упорно молчали.

20 января обстановка несколько изменилась. Наблюдательные посты доложили, что в районе Копорья обнаружен железнодорожный состав противника. Несколько минут на уточнение координат и подсчет исходных данных для стрельбы, и почти одновременно огонь батарей 33-го и 197-го дивизионов потряс воздух. Наблюдательные посты зафиксировали взрывы огромной силы в районе маневрирования эшелона — видимо, в вагонах находились снаряды. Стрельба проведена успешно!

Наконец заговорили и пушки противника. По-видимому, гитлеровцы хотели рассчитаться за разгромленный эшелон. Огонь двух своих батарей они сосредоточили по 33-му дивизиону.

Дивизиону А. Шакуры и 319-й батарее А. Кветина я приказал нанести ответные удары и заставить замолчать вражеские пушки.

Завязалась артиллерийская дуэль, и в контрбатарейной борьбе Шакуро и Кветин вышли победителями. Гитлеровские батареи замолчали. Их стрельба не причинила нам вреда.

Анализ стрельб показал, что противник вел огонь из районов Керново, Пестово и Мустово — гитлеровцы занимали еще прежние позиции.

21 января противник не произвел по нашим позициям ни одного выстрела. Батареи Найденова неоднократно обстреливали передний край обороны, а Симакину я

приказал провести мощные огневые налеты по гитлеровским батареям, дислоцирующимся в районах Глобицы, Лужки, Высоцкое. Несмотря на наши обстрелы, противник на орудийный огонь не отвечал.

Командир 71-й отдельной морской стрелковой бригады принял решение силами батальона произвести разведку боем. Разведывательный бой поручено возглавить лейтенанту Курбатову, артиллерийское обеспечение разведки командир бригады возложил на меня.

В течение полутора часов артиллерия ЗГАДД короткими огневыми налетами прижимала врага к земле. В результате разведгруппа потерь не имела и захватила трех «языков». Особенно метко стреляла батарея капитана Симакина.

Несмотря на разрушительное действие огневых налетов и большие потери, гитлеровские войска в течение всего дня 23 января оставались на своих позициях. Однако при сложившейся обстановке — к 24 января наши войска уже освободили ряд городов Ленинградской области, в том числе Пушкин и Павловск, перерезали железную дорогу Гатчина—Нарва и устремились на юго-запад — отход противника с рубежа реки Воронки должен был начаться с часу на час.

Я приказал наблюдательным и разведывательным постам усилить наблюдение и немедленно сообщать на КП о малейшем передвижении войск противника.

Утром 24 января в мое распоряжение прибыл 406-й железнодорожный артиллерийский дивизион под командованием майора Я. Д. Тупикова. Дивизион имел на вооружении 152-миллиметровые пушки с дальностью стрельбы свыше 30 километров.

Утром 24 января командир корректировочного поста № 4 сержант И. Е. Некрасов доложил, что на коммуникации Копорье—Ивановская обнаружена большая автоколонна гитлеровцев и, судя по некоторым приметам, противник начал скрытно отходить.

Я немедленно отдал приказ батарее Симакина и дивизиону Тупикова открыть огонь из всех имеющихся орудий.

Вели огонь с полной скорострельностью, снарядов не жалели — мы понимали, что это последние стрельбы фортов в войне. Гитлеровцы отходили и вскоре вышли за пределы досягаемости огня наших батарей.

На этом 24 января 1944 г. Западная группа артилле-

рии дальнего действия прекратила свою боевую деятельность.

При выполнении артиллерийских стрельб по гитлеровским оккупантам в батарее капитана В. В. Симакина отличились командиры орудий сержант Н. Егоров, сержант Ф. Куприенко, сержант В. Архипов, младший сержант Н. Истринин, старшина батареи А. Кудрявцев, командир пулеметной установки «М-4» сержант Б. Бренчанинов, наводчик установки А. Назаров и матрос С. Федоров.

В батарее старшего лейтенанта А. Ф. Кветина хочу отметить командиров орудий сержанта Николая Леуцкого, сержанта Владимира Манькова, замковых старших матросов Александра Смирнова и Бориса Новоселова, наводчика старшего матроса Павла Гармонова, командира отделения связистов сержанта Александра Курбатова, разведчика сержанта Ивана Корчагина, старшего матроса из расчета зенитной 25-миллиметровой установки Ивана Пчелкина.

Отлично стреляла в эти дни 332-я батарея старшего лейтенанта Л. Трошкина. С самой лучшей стороны показал себя командир ее огневого взвода И. А. Елкин и его командиры орудий: старшие матросы Георгий Куряионов и Владимир Сергеев, замковые матросы Лев Аронзон и Василий Никандров, подносчик снарядов матрос Ольга Смирнова и снарядный матрос Василий Ефремов.

Надо было видеть, с какой слаженностью и энтузиазмом вели стрельбы орудийные расчеты. Четкое дублирование команд управляющего огнем, быстрота и точность наведения орудия по цели, ритмичность и автоматизм движений — все это способствовало успеху стрельб. Не было ни одной осечки, ни одного пропуска.

И, конечно, меткий огонь артиллеристов был бы невозможен без четкой работы горизонтально-базового дальномера 333-й батареи.

Командиром станции горизонтально-базового дальномера был Н. Н. Фомичев. Незаменимый специалист, прекрасный организатор, он в самые тяжелые для дивизиона дни ремонтировал и держал в полной боевой готовности свою сложную технику.

Командование высоко оценило вклад артиллеристов Западной группы в разгром врага под Ленинградом —

большую группу офицеров, сержантов и матросов наградили орденами и медалями.

27 января мы перешли реку Воронку, чтобы осмотреть передний край обороны гитлеровцев.

На первой линии обороны и в ее глубине мы увидели разрушенные нашим огнем артиллерийские позиции, подбитые танки, развороченные блиндажи, сгоревшие автомашины, брошенную технику, убитых гитлеровцев — плоды боевой работы наших орудий. Надо сказать, что высокая точность огня орудий Западной группы — в немалой степени заслуга замечательных артиллерийских разведчиков. В. Фирсов, О. Любименко, И. Карпухин, Г. Башкиров, Р. Валишев, Н. Наумов и другие, имена которых я уже называл, в течение многих месяцев тщательно разведывали оборону врага. Отсюда и эффективность нашего артиллерийского удара.

Прошло уже три десятилетия, но каждый год 27 января ветераны нашего дивизиона собираются, чтобы вспомнить дни совместной службы и боевые дела 33-го дивизиона.

Ежегодно 9 мая, в День Победы над гитлеровской Германией, мы выезжаем на места бывших боев. Встречаемся с ветеранами-моряками на Красной Горке, обходим на форту Серая Лошадь места, где стояли наши батареи, на Шепелевском кладбище возлагаем венки на братскую могилу павших боевых друзей, в скорбном молчании чтим их светлую память.

Заканчиваем мы поездку на бывшем переднем крае у реки Воронки. Недалеко от того места, где стояла «сосна Черныша» и находился КП Западной группы АДД, трудящимися Смольнинского района Ленинграда и Ломоносовского района Ленинградской области в 1967 г. сооружен величественный памятник защитникам Ораниенбаумского плацдарма.

Д. З. ОСИПЧУК,
генерал-майор артиллерии.

Командир 6-го отдельного зенитного артиллерийского полка противовоздушной обороны КБФ в 1941 г.

ЗЕНИТЧИКИ-БАЛТИЙЦЫ

Славную страницу в летопись ратных подвигов Краснознаменного Балтийского флота вписали бойцы противовоздушной обороны. Зенитчики Балтики не только отражали налеты авиации противника, но и вели ожесточенные бои с наземными силами врага — пехотой, танками, уничтожали артиллерийские и минометные батареи, командные и наблюдательные пункты, автоколонны с боеприпасами и военным имуществом и другую боевую технику.

В первый же день нападения гитлеровской Германии на нашу Родину около трех десятков самолетов врага совершили налет на Кронштадт — тыловую базу Краснознаменного Балтийского флота. Противник хотел вывести из строя важные боевые объекты крепости и корабли, стоявшие в Кронштадтской военно-морской базе.

Гитлеровцы рассчитывали застать врасплох нашу противовоздушную оборону. Но они просчитались: дежурные батареи 1-го отдельного зенитного артиллерийского полка находились в повышенной боевой готовности и, своевременно открыв огонь по вражеским самолетам, не позволили сбросить бомбы по намеченным целям и заминировать гавани Кронштадта. В этот день зенитчики сбили два и подбили один вражеский самолет (он сел на нашей территории). Боевой счет был открыт.

23 июня 1941 г. гитлеровская авиация вновь попыталась бомбардировать корабли и оборонные объекты Кронштадта. Зенитчики успешно отразили налет авиации противника, отправив на дно Финского залива еще три вражеских самолета.

24 июня девять вражеских самолетов попытались со стороны Финляндии прорваться к Кронштадту. Потеряв два бомбардировщика, самолеты врага беспорядочно сбросили бомбы в районе Сестрорецка и ушли.

Обо всем этом я узнал из рассказов товарищей и командиров штаба ПВО КБФ, которые приезжали проверять, как идет подготовка к боям 6-го отдельного зенитного артиллерийского полка. Командиром этого полка меня назначили в первые дни войны. Командованию полка — мне, батальонному комиссару С. Г. Богданову и начальнику штаба капитану Д. З. Тимтишину — пришлось основательно поработать.

20 июля 1941 г. полк был готов к бою. В его состав вошли четыре отдельных зенитных артиллерийских дивизиона, три отдельные зенитные артиллерийские батареи, отдельные зенитно-прожекторные и зенитно-пулеметные батальоны.

Полк оборонял объекты флота, расположенные на южном берегу Финского залива: позиции его дивизионов протянулись от Нарвы до мыса Пейпия. А когда у Петергофа—Ораниенбаума сложилась напряженная боевая обстановка, 6-й полк был передислоцирован в этот район.

В первые месяцы войны зенитным батареям полка приходилось и отражать налеты авиации противника, и вести упорные бои с его наземными силами.

В районе Нарвы 9-й дивизион (командир старший лейтенант Б. Н. Емельяпов, военком старший политрук Н. Н. Платонов) оборонял железнодорожную станцию и мост через реку Нарову от налетов авиации врага. И мост и станция имели исключительно важное значение для наших войск, которые вели ожесточенные бои с наступавшими гитлеровцами. Кроме того, через мост шли эшелоны с эвакуированным промышленным оборудованием, беженцами из Прибалтики.

15 июля в налете на мост участвовали 12 вражеских бомбардировщиков, 17 июля—18 и 19 июля—15. Но в эти дни, как и в последующие, дружный огонь зенитных батарей расстроил боевые порядки врага. Самолеты

беспорядочно сбросили бомбы и большого вреда не причинили.

Особенно активно гитлеровцы атаковали железнодорожный мост, который прикрывала зенитная батарея старшего лейтенанта С. Н. Карпова. 15 июля 12 «юнкеров» вынырнули из-за облаков, надеясь захватить зенитчиков врасплох. Но командиры орудий Алексеев, Демичев, Шмаков и Минин быстро развернули свои орудия в сторону противника. Стереоскопист Резчиков точно определил высоту. Прибористы Поварова выработали данные для ведения огня. Трубочные Блямин, Тюрин, Букиш и Нестеркин установили взрыватели. Заряжающие по команде командира батареи зарядили пушки. Дали дружный залп, за ним второй, третий...

Боевой порядок вражеских самолетов был нарушен. «Юнкеры» перестроились и атаковали батарею с двух направлений. Бомбы падали у огневых позиций, расчеты засыпало песком. Батарею заволокло дымом. Но зенитчики продолжали вести огонь.

Один из «юнкеров» вошел в пике и ринулся на орудие сержанта Минаина. Снаряды рвались перед вражеским самолетом. И вот самолет врага задымил и врезался в землю. Вскоре орудия батареи сбили еще один «юнкерс», а к концу боя еще два бомбардировщика.

Бой длился около часа. Гитлеровцы потеряли четыре самолета. На батарее потерь не было. Этому во многом способствовало хорошее инженерное оборудование огневой позиции батареи, стойкость и мужество ее бойцов и командиров. В ходе боев у Нарвы орудия дивизиона не раз вели огонь по наземным целям и уничтожили много живой силы противника, три танка, подавили две минометные батареи.

Другая батарея полка — 88-я (командир лейтенант И. Г. Привалов, военком политрук Б. В. Кириллов) — обороняла аэродром.

Гитлеровская авиация много раз пыталась бомбардировать его, но каждый раз зенитная батарея встречала «юнкеры» огнем. Противник решил уничтожить батарею. 4 августа его самолеты прилетали трижды и атаковали зенитчиков. И. Г. Привалов разгадал замысел врага и ночью передислоцировал батарею на новую огневую позицию. На прежней позиции выставили деревянные макеты орудий — соорудили ложную зенитную батарею.

Утром 5 августа появились 18 самолетов врага (двенадцать «Ю-88» и шесть «Ме-109»). Когда первая группа из шести «юнкерсов» начала бомбить с пикирования ложную батарею, орудия И. Г. Привалова с новой огневой позиции внезапно открыли огонь по второй группе вражеских самолетов.

Гитлеровцы пришли в замешательство и стали беспорядочно сбрасывать свой бомбовый груз. Однако вражеские летчики заметили, откуда вела огонь наша зенитная батарея. Часть самолетов изменила курс и пошла на нее в атаку. Красноармеец Зорин вовремя заметил этот маневр и доложил командиру батареи. И. Г. Привалов немедленно перенес огонь на атакующие самолеты противника.

Из этого напряженного боя зенитчики вышли победителями, сбив четыре вражеских самолета и подбив два. Батарея не имела потерь в личном составе и технике.

Действия батареи лейтенанта И. Г. Привалова стали примером для командиров подразделений полка. Командиры и бойцы полка учились у 88-й батареи инициативе, умению своевременно оценить обстановку и разгадать замысел противника, грамотному решению тактических и огневых задач. Отличившийся личный состав батарей Карпова и Привалова я представил к правительственным наградам.

Гитлеровское командование стремилось нанести удары бомбардировочной авиацией по базе торпедных катеров, по аэродрому. Их прикрывал 13-й дивизион (командир дивизиона старший лейтенант А. С. Ронин, военком старший политрук С. В. Килин).

Но налеты врага не имели успеха,— батареи дивизиона не давали «юнкерсам» вести прицельное бомбометание. Особенно сильные налеты в зоне 13-го дивизиона противник совершил 22 июля 1941 г.— 24 самолета (десять «Ю-88» и четырнадцать «Хе-111»), 11 августа — 20 самолетов «Ю-88» и 13 августа — 28 самолетов (двенадцать «Ю-88», десять «Ю-87» и шесть «Ме-109»).

Расскажу о бое 13 августа, самом тяжелом в эти дни. В 9.40 разведка донесла на командный пункт дивизиона, что на высоте 3000 метров обнаружена большая группа самолетов противника. Получив донесение, командир дивизиона немедленно привел в боевую готовность № 1 все батареи, выдал целеуказание.

На подходе к нашей зоне огня гитлеровцы разделились на три группы: шесть самолетов шли на 70-ю батарею (командир лейтенант Г. П. Занько), вторая группа — тоже из шести самолетов — направлялась на 71-ю батарею (командир старший лейтенант Н. И. Розутов). Основная группа из 16 машин атаковала 956-ю батарею (командир лейтенант В. Т. Василенко).

Вести бой одной батарее против 16 самолетов врага — задача трудная и исключительно сложная. Каждая батарея вела огонь по тем самолетам, которые ее атаковали. Поэтому батарея Василенко не могла получить помощь от соседней.

Вражеские самолеты бомбили батарею с пикирования, обстреливали из пушек и пулеметов. Командир орудия сержант Осипов был ранен осколком в голову, кровь заливала глаза, но он, преодолевая боль, командовал орудийным расчетом до окончания боя. Когда самолеты ушли, Осипов потерял сознание. На другом орудии был ранен заряжающий рядовой Сергеев, но и он не отошел от орудия.

На батарее было убито два и ранено тринадцать человек, в том числе лейтенант Василенко, но ни один зенитчик не оставил поля боя!

Всего 13 августа бойцы дивизиона сбили шесть гитлеровских самолетов и два подбили. Из этого числа четыре сбитых самолета и два подбитых — на счету батареи коммуниста лейтенанта В. Т. Василенко.

59-й дивизион (командир капитан И. М. Поляков, военком старший политрук С. С. Колобов) оборонял военно-морскую базу Ручьи. Гитлеровские самолеты были здесь частыми «гостями». Но зенитчики-балтийцы не подпускали врага.

Для батареи старшего лейтенанта Иванова памятен день 25 августа 1941 г., когда девять самолетов «Ю-88» штурмовали его батарею. Самолеты были встречены дружным, метким огнем. Их строй был нарушен, один самолет сбит. Но два других, зайдя со стороны солнца, спикировали на батарею. Поймав одного пикировщика в перекрестье прицельной трубы, наводчик Красюк крикнул:

— Вот этот будет наш!

Команда «огонь!». Залп! Снаряд попал в мотор «юнкерса». Распустив черный шлейф, фашист пошел к земле. Два летчика из его экипажа успели выбраться на

парашютах и опустились в Лужской губе. Они пытались уйти на надувной лодке, но зенитчики догнали их на шлюпке и доставили в штаб полка.

Пленные летчики оказались асами, награжденными Железными крестами. Совсем недавно они бомбили города Польши, Франции, Греции, убивали мирных жителей, разрушали их жилища. Зенитчики-балтийцы положили конец их разбойничьим «подвигам».

В сентябре 1941 г. 59-й дивизион занимал такие огневые позиции: у деревни Троицкая — батарея лейтенанта Рябинского, у деревни Сашино — батарея старшего лейтенанта Иванова и у деревни Низино — батарея старшего лейтенанта Фомина. Дивизион тесно взаимодействовал с нашими армейскими частями и наносил мощные артиллерийские удары по фашистам.

Наши пехотные части под прикрытием огня зенитных батарей решительной контратакой выбили гитлеровцев из трех деревень и отбросили их на несколько километров. Батареи дивизиона уничтожили до роты гитлеровцев, минометную батарею и пулеметную точку, две автомашины с боевым имуществом.

В разгар наступления в небе появились 18 самолетов «Ю-88». Они шли на штурмовку наших войск. Лейтенант Рябинский скоординировал:

— Перенести огонь по самолетам противника!

Встретив огонь зенитной артиллерии, «юнкерсы» повернули на обратный курс. Но один «юнкерс» уже был сбит. Зенитчики снова открыли сокрушительный огонь по наземным силам врага.

Во время боя краснофлотец Иванов увидел, что загорелся ящик со снарядами. Иванов, пренебрегая опасностью, — вот-вот мог произойти взрыв — стал шинелью гасить пламя. На помощь ему прибежал краснофлотец Доценко.

28 августа 1941 г. гитлеровские войска заняли Котлы и начали продвигаться на Копорье. Прикрывавший Котлы 123-й дивизион (командир старший лейтенант Храпов, военком дивизиона Чижиков) тесно взаимодействовал с державшими здесь фронт 125-й стрелковой дивизией и 2-й бригадой морской пехоты, 18-й железнодорожной батареей и бронепоездом.

29 августа в 6.00 145-ю батарею дивизиона атаковали восемнадцать «Ю-88» и девять «Ме-110». Зенитная батарея лейтенанта Потапова отбила три налета самолетов

противника. Во время налета бомба упала в орудийный дворик. Взрывом оторвало колесо орудия, два бойца были убиты и четверо — Михайлов, Малинов, Соловьев и Цымбал — ранены. Но остальные орудия батареи продолжали вести меткий огонь. Вскоре один «юнкерс» задымил и врезался в землю в сотне метров от огневой позиции.

Когда я с военкомом полка С. Г. Богдановым приехал на батарею, там уже находился старший лейтенант Храпов и старший политрук Чижиков. После того как командир дивизиона доложил обстановку, мы собрали бойцов и провели разбор действий при отражении налета. Я приказал командованию дивизиона представить отличившихся к награде и объявил благодарность личному составу.

Мы осмотрели сбитый «юнкерс» и обгорелых летчиков. У одного из них на мундире было два Железных креста, у второго — один. Я подумал: недолго же пришлось этим асам летать в нашем небе, гитлеровцы получили то, что заслужили...

Обстановка на фронте продолжала осложняться. Наши части с трудом сдерживали врага. К вечеру 30 августа командир батальона 2-й бригады морской пехоты капитан Полозов обратился к командиру дивизиона с просьбой открыть огонь по наступающим на Копорье гитлеровцам. Конечно, батареи поддерживали огнем морских пехотинцев. На другой день дивизия народного ополчения, оборонявшаяся у деревни Широкой, начала отход на новые оборонительные рубежи. Части 2-й бригады морской пехоты под давлением численно превосходящих сил противника также были вынуждены начать отход.

147-я зенитная батарея под командованием лейтенанта Шиляева оказалась на переднем крае обороны, в полуокружении. Батарею уже обстреливали из пулеметов и минометов. Автоматчики врага просачивались к огневым позициям. Зенитчики заняли круговую оборону. Артиллерийский огонь батареи прижал гитлеровцев к земле.

Прибористы, связисты и разведчики пустили в ход гранаты. Враг не выдержал и обратился в бегство, оставив десятки убитых.

Уже в сумерках батарею удалось выйти из полуокружения и занять огневую позицию в районе деревни

Керново. Орудия сразу же открыли огонь по наступающим частям противника. По оценке командира 2-й бригады морской пехоты, зенитчики в этот день уничтожили до батальона гитлеровцев и два танка, еще один подбили, подавили минометную батарею и две пулеметные точки.

Наши войска продолжали отходить. Наш 6-й полк вынужден был к 2 сентября передислоцироваться на Ораниенбаумский и Петергофский боевые участки. Обстановка здесь сложилась очень тяжелая. Полк обеспечивал противовоздушную оборону и вел упорные бои с наземными силами врага. Пришлось выдвинуть часть батарей к переднему краю нашей обороны. Взаимодействуя с наземными частями, зенитчики наносили сокрушительные удары по врагу, уничтожая его живую силу и боевую технику.

В середине сентября зенитные батареи лейтенанта Занько и старшего лейтенанта Разутова неожиданно были окружены прорвавшимися гитлеровцами. Личный состав батарей мужественно и стойко отражал следующие одна за другой атаки фашистов, уничтожал огнем орудий гитлеровскую пехоту, пулеметные точки, минометы и артиллерию.

Особенно обострилась обстановка у Розового павильона Петергофского парка, где находилась зенитная батарея лейтенанта Занько. Гитлеровцы рвались к батарее, пытаясь захватить ее или уничтожить. Завязался кровопролитный бой. На батарею обрушился шквал артиллерийского, минометного и пулеметного огня. Просочились вражеские автоматчики. Наступил критический момент. Все бойцы, кроме орудийных расчетов, во главе с политруком батареи А. Д. Моденовым ринулись на врага. В ход пошли гранаты, винтовки, автоматы и штыки. Враг встретил дружный отпор и понес большие потери. Орудийные расчеты меткими выстрелами разили скопления пехоты противника. До рукопашных схваток дошло дело и на батарее Разутова.

Все атаки гитлеровцев были отбиты. На поле боя осталось большое количество убитых и тяжелораненых солдат врага. Батареи с боем вышли из окружения. В бою погибли политрук Моденов, командир взвода лейтенант Габелкин, секретарь партийной организации батарей Шевченко...

На Ораниенбаумском и Петергофском боевых участ-

ках шли ожесточенные бои. Для усиления переднего края обороны по приказанию начальника участка ПВО КБФ полковника Позднякова наш полк сформировал усиленный подвижной отряд. В него вошли пулеметный батальон, пулеметная рота 80-го дивизиона, две роты ВНОС (ВНОС — визуальное наблюдение, оповещение и связь) и еще одна рота, сформированная из бойцов прожекторных подразделений. Командиром отряда я назначил смелого и решительного командира — старшего лейтенанта Кудряшова, военкомом — политрука Фирсова, начальником штаба — старшего лейтенанта Григорьева. Отряд с ходу вступил в тяжелые бои с наступающими войсками гитлеровцев.

В течение 12 и 13 сентября 1941 г. противник пытался прорвать оборону у деревни Большие Кузнецы и совхоза «Беззаботное». Но отряд зенитчиков под умелым руководством А. П. Кудряшова не пропустил врага и за два дня боев уничтожил более 300 вражеских солдат и офицеров. 14 сентября отряд прикрывал отход наших стрелковых частей. Кудряшов просил поддержать отряд артиллерийским огнем. Командиры батарей старший лейтенант Разутов, лейтенант Занько и лейтенант Рябинский немедленно открыли огонь по фашистским захватчикам. Гитлеровцы были вынуждены прекратить наступление и отойти.

В следующие два дня отряд отбивал многочисленные атаки противника, истребив при этом более 300 солдат и офицеров. Командование 11-й стрелковой дивизии, которой был подчинен отряд, объявило благодарность всему личному составу.

Противник, не добившись успеха на участке, обороняемом отрядом Кудряшова, готовился нанести удар по соседним подразделениям наших войск. Командир 263-го отдельного батальона попросил командира зенитной батареи Разутова поддержать его огнем.

Гитлеровцы открыли ответный артиллерийский огонь по батарее, вступили в бой минометы. Снаряды и мины рвались на огневой позиции батареи, но зенитчики продолжали вести точный огонь по врагу.

Отряд Кудряшова неожиданно для врага перешел в контратаку и не только остановил гитлеровцев на своем участке фронта, но и заставил противника отступить. Наступление отряда поддерживали огнем зенитные батареи нашего 6-го полка.

С 20 по 22 сентября 1941 г. отряд А. П. Кудряшова, поддерживаемый зенитными батареями, вел упорные бои с наступавшими гитлеровцами. 23 сентября фашисты предприняли ряд атак на позиции зенитчиков-балтийцев, но успеха не добились. На поле боя осталось до 250 гитлеровцев.

24 сентября 1941 г. противник ударил в стык между отрядом зенитчиков Кудряшова и соседним стрелковым батальоном. Врагу удалось вклиниться в наше расположение на 300 метров. Левый фланг оказался под серьезной угрозой. Старший лейтенант Кудряшов решил бросить на участок прорыва роту во главе с комиссаром батальона политруком Фирсовым. Перед наступлением батареи 13-го и 59-го дивизионов открыли огонь и подавили минометные батареи противника. Батальон и подразделения отряда преодолели зону огня, бросились в атаку на врага и заставили его отступить.

Вспоминается еще такой эпизод. Во время боя, ночью, группа гитлеровцев зашла в тыл отряду зенитчиков и окружила блиндаж штаба отряда. Военком Фирсов с гранатой в руках первым бросился на прорыв. Следуя его примеру, бойцы ринулись в штыковую атаку. Окружение было прорвано. В бою от осколков вражеской гранаты погиб бесстрашный военком Фирсов. Подоспевшая рота Тимофеева решила успех боя. Гитлеровцы были отброшены. В этом неравном бою пали смертью храбрых также начальник штаба отряда старший лейтенант Григорьев и семь краснофлотцев, дважды был тяжело ранен командир отряда старший лейтенант Кудряшов.

За умелые боевые действия, за мужество и отвагу старший лейтенант А. П. Кудряшов был награжден орденом Красного Знамени, а личный состав отряда, отличившийся в боях с фашистскими захватчиками, — орденами и медалями.

В боях на Петергофском и Ораниенбаумском участках, наряду с отрядом Кудряшова, отличились зенитчики батареи старшего лейтенанта Разутова, лейтенанта Занько, лейтенанта Рябинского, лейтенанта Шиляева.

Воины 6-го отдельного зенитного артиллерийского полка, которым я командовал в первые месяцы войны, в боях с гитлеровскими войсками проявили замечательное мужество, стойкость и преданность Советской Родине.

С конца июля до 27 сентября 1941 г. они сбили около 60 самолетов противника и около 20 подбили, уничтожили более 2 тысяч гитлеровских солдат и офицеров, 6 командных и наблюдательных батарей, уничтожили 12 автомашин с боеприпасами и военным имуществом.

Большая группа офицеров, сержантов и краснофлотцев полка была награждена орденами и медалями Советского Союза.

19 июня 1942 г. радио принесло личному составу полка радостную весть: приказом народного комиссара Военно-Морского Флота за проявленную отвагу в боях за Отечество с фашистскими захватчиками, за стойкость и мужество, за дисциплинированность и организованность, за героизм личного состава 6-й отдельный зенитный артиллерийский полк в составе 12, 59, 80 и 123-го отдельных зенитных артиллерийских дивизионов был преобразован во 2-й гвардейский отдельный зенитный артиллерийский полк Краснознаменного Балтийского флота.

И. Ф. СNETКОВ,

секретарь Кронштадтского райкома КПСС в 1941—1945 гг.

КРОНШТАДТЦЫ ВЫСТОЯЛИ

Война застала меня в должности заведующего парткабинетом Кронштадтского РК КПСС. С первых же дней войны в парткабинете начались занятия по военному делу.

Уже в июне—начале июля мы подготовили свыше 600 сандружинниц и медсестер. Несколько позднее стали готовить телефонисток, телеграфисток и других специалистов. В двухэтажном здании райкома занимались одновременно сразу семь групп. Наплыв заявлений от кронштадтцев был настолько большой, что принять на курсы всех желающих не было возможности.

После 3 июля 1941 г. в райком партии и военкомат поступили сотни заявлений с просьбой направить на фронт.

С начала июля я стал работать заведующим военным отделом райкома партии. Наш отдел совместно с военкоматом организовал отряды добровольцев-ополченцев. Пять тысяч человек мы отправили на Ленинградский фронт. Первый отряд ушел в середине июля. Отправляли ополченцев торжественно—с оркестром. На митингах выступали ответственные работники райкома партии.

По указанию Военного совета Ленинградского фронта и партийных органов мы посылали лучших коммунистов и комсомольцев в действующую армию, а также готовили группы для борьбы в тылу врага.

Все взрослое гражданское население Кронштадта, мужчины и женщины, на своих предприятиях и в учреж-

дениях проходили всеобщее военное обучение, которое вели командиры запаса.

В августе 1941 г. по указанию Ленинградского обкома партии и Облисполкома мы эвакуировали из города детей, а затем и часть взрослого населения. Всего из Кронштадта вывезли свыше 30 тысяч человек.

21 сентября 1941 г., в воскресенье, гитлеровская авиация особенно ожесточенно бомбила Кронштадт. Были разрушены несколько жилых домов, выведена из строя городская водопроводная и электрическая станции, сгорели баки с топливом. Но кронштадтцы через трое суток восстановили городской водопровод.

Прекрасно работали команды МПВО. Начальником штаба МПВО в то время был П. Корпусенко, энергичный человек, отличный организатор.

Разрушения и аварии были ликвидированы в кратчайший срок. Так, например, центральная водопроводная магистраль, которая неоднократно выходила из строя от взрывов вражеских бомб, восстанавливалась буквально в течение двух-трех дней. До зимы 1941/42 г. Кронштадт не испытывал больших перебоев с водой.

К концу осени 1941 г. в городе кончилось топливо. Из-за отсутствия топлива и повреждений, причиненных вражескими бомбежками, единственная электростанция прекратила работу. Хлебозавод и водопроводная станция получали энергию от своих маленьких электростанций — их называли блок-станции. В городе установили десятки таких блок-станций, в том числе на Морском заводе и на других предприятиях.

В конце сентября — начале октября 1941 г. гитлеровцы начали ежедневно обстреливать Кронштадт из тяжелых орудий. Морской судоремонтный завод, доки, корабли, которые стояли у стенок в гаванях, склады, портовое хозяйство стали главными объектами ударов вражеской артиллерии.

В сентябре 1941 г. вражеские бомбардировки разрушили отдельные цеха Морского завода и некоторых других предприятий. Но руководство города и командование крепости находили новые помещения, и предприятия начали выпускать продукцию для фронта. Так, артиллерийские мастерские и отдельные цеха Морского завода перевели за город, и они продолжали работать.

Зимой из-за отсутствия электроэнергии замерзла основная водопроводная магистраль. Сразу же были при-

няты нужные меры: в городе сделали несколько ручных водоразборов, откуда кронштадтцы брали воду.

Пришел в Кронштадт и голод. Кронштадт и Ленинград находились на одних продовольственных нормах. Осенью 1941 г. в Кронштадт не поступило ни килограмма картофеля, ни килограмма овощей.

По решению руководства города группа из 50 кронштадтцев во главе с директором Кронштадтского торгового И. И. Карабасовым на Ораниенбаумском плацдарме, под носом у гитлеровцев, в течение нескольких суток, работая ночью, заготовила несколько тонн картофеля и овощей. Все это доставили в Кронштадт.

Около сотни тонн капусты заквасили и блокадной зимой выдавали по рецептам врачей как противочинготное средство.

С начала 1942 г. две бригады начали лов рыбы в Финском заливе — на западной стороне острова Котлин и между фортами. Рыбу брали любую, в том числе и колючку — в мирное время она считалась несъедобной. За 1942 г. выловили 80 тонн рыбы. Все эти «внеплановые» продукты строго контролировались и поступали в столовые, больницы и детские учреждения.

На Морском заводе и при Кронштадтском военноморском госпитале действовали стационары, где ослабевшие рабочие в течение десяти дней восстанавливали силы.

По решению райкома партии в городе было организовано обслуживание на дому ослабевших граждан.

Пришла весна 1942 года. Предприятия Кронштадта создали подсобные хозяйства. Картофель и овощи с их полей выдавались рабочим и служащим, поступали в городские столовые.

У Морского завода и у порта имелись подсобные хозяйства на Ораниенбаумском плацдарме. Остальные предприятия города организовали свои подсобные хозяйства на территории острова Котлин. Под картофель и овощи использовали каждый клочок земли — городскую свалку, пустыри, скверы. Всего тогда освоили 116 гектаров. Работники райкома вскопали футбольное поле на окраине Кронштадта. Работали с 6 часов утра, по четыре часа каждый день. Труды не пропали даром — собрали хороший урожай. На зиму 1942/43 г. кронштадтцы полностью обеспечили себя овощами и картофелем, засолили и дикорастущие травы.

Зимой 1941/42 г. стало очень трудно с топливом — на семью смогли выдать не более кубометра дров. Райком партии принял срочные меры: население города разобрало около сотни деревянных домов, разрушенных бомбежками и артобстрелами. Кроме того, была организована заготовка дров на Ораниенбаумском плацдарме. Всего заготовили и вывезли 12 тысяч кубометров древесины. Летом и осенью 1942—1943 гг. кронштадтцы восстановили канализацию и водопровод, покрытия улиц, починили крыши. В городе вновь стало чисто.

Центральная городская библиотека в течение всей войны ежедневно работала. Несмотря на скудные запасы топлива, она отапливалась. Большой книжный фонд, документы и рукописи отлично сохранились. В этом большая заслуга заведующей библиотекой В. А. Борисовой.

Трудящиеся Кронштадта поддерживали тесную связь с нашими воинами. Мы часто посылали делегации в воинские части. Представители рабочих Кронштадта рассказывали, как живут и работают трудящиеся города-крепости. На корабли и в части передавали подарки: табак, теплые вещи, носки, вышитые носовые платки, кисеты, ножи-финки, сделанные ребятами-ремесленниками. И конечно каждый подарок сопровождали теплым письмом. Предприятия Кронштадта выпускали продукцию для фронта. На Морском заводе изготавливали минометы, снаряды, ремонтировали пушки всех калибров, пулеметы, автоматические ружья и другие виды вооружения.

Половина коммунистов Кронштадта ушла на фронт добровольцами. Многие погибли от гитлеровских бомб и снарядов, умерли от голода в первую блокадную зиму. Но в самые трудные дни кронштадтцы вступали в партию Ленина, и в 1943 г. численность Кронштадтской партийной организации превысила довоенную.

Война причинила Кронштадту и его предприятиям большие разрушения. В 1943 г. кронштадтцы приступили к восстановлению родного города. Более тысячи женщин пошли в строительные бригады. И еще до конца войны Кронштадт частично залечил свои раны.

Пройдут годы, но никогда не будет забыт подвиг граждан Кронштадта, выстоявших в трудную пору Великой Отечественной войны.

ВЛАДИМИР РУДНЫЙ,
писатель.

*Член Оперативной группы писателей
при ПУ КБФ в 1941—1942 гг.*

ИЗ „КРОНШТАДТСКОЙ ТЕТРАДИ“

Не опускаться!

Зимой 1941/42 г. районный комитет Коммунистической партии в Кронштадте издал самое короткое из постановлений тех времен: «Не опускаться!» Оно было обращено к партийному активу и ко всем гражданским жителям. В те месяцы работать секретарем сложнее всего было человеку, у которого и бабка жила тут испокон веков и считалась самой старой жительницей города, и отец тут родился и всю жизнь проработал на судоремонте, и братья тут выросли и отсюда ушли воевать. У такого секретаря не только много знакомых и друзей, но много родни. А секретарь в голодную зиму должен быть человеком, свободным от личных привязанностей, хотя трудно тому отказать в папироске, тому — в куске хлеба, устоять, слыша человеческое: «Не дай умереть, Женя». Но благодетелем становиться нельзя. Секретарем райкома был Евгений Иванович Басалаев, кронштадтец, и ему тяжело было говорить старикам, знавшим его с пеленок: «Помрешь в постели — даже в морг не отвезут. Помрешь на улице, в сугробах, с лопатой в руках — похоронят в гробу».

Жизнь складывалась именно так. В дни, когда люди падают на улицах, когда в морге не просто трупы, а твои знакомые лежат, — надо не дать городу стать арктической пустыней, позаботиться, чтобы по улицам можно

нельзя ездить и ходить, не допустить загрязнения нечистотами, помочь обзавестись саночками, чтобы возить на колонок воду, — хоть одними на каждый жилой дом, сохранить, насколько возможно, от разрушения замерзшую канализацию, отопительные системы и водопровод, соорудить в детский дом ежедневно сиротеющих детей и самим не зарости волосами и грязью, когда нет нормально действующих бань и парикмахерских. Райком стал штабом борьбы за человеческий облик кронштадтцев.

Что значило не опускаться? Прежде всего, следить за собой, бриться, мыться хоть снегом и, главное, быть занятым, даже если не можешь работать на заводе. Только не слечь без дела — тут конец наверняка.

Город остался без электроэнергии. Чтобы подать в трубы воду, надо запустить хотя бы движки. Но где взять горючее, если все, что на учете, забрапо в Ленинград? Поставили трактор с компрессором и выжали скатым воздухом все осадки из нефтепровода, со дна нефтеналивных барж и цистерн кораблей. Дали ток и воду.

Всю зиму работали баня и парикмахерская. Райком занимался устройством душа для рабочих на Морском заводе и сбором рухляди для топок. В городе не было ни одного случая тифа.

Кронштадтские школы начали занятия 3 ноября. Остались только пожилые учительницы. У Ольги Константиновны Тихоновой, кронштадтской учительницы, обучалось несколько поколений моряков. После революции она преподавала в Народном университете — вечерней матросской школе. Ученики приходили на занятия строем, рогамми. Учились год за годом, с единственным перерывом на время кронштадтского мятежа. Школа закрылась после двенадцатого выпуска. Ольга Константиновна осталась в Кронштадте в год блокады.

Зимой в школе на Ленинской улице надумали устроить елку. Город — под обстрелом, часто прерывали урок, чтобы школьники помогли старшим перенести малышей из яслей в бомбоубежища. В часы бомбежек и обстрела дети занимались под землей, в темноте. Дети, конечно, считали, что никакой елки не будет. А елку устроили, как до войны, — матросы доставили в Кронштадт ель высокую, разлапистую, украсили ее игрушками и даже осветили — подвели ток от движка; но

главное — в кафе на Ленинской улице Елизавета Яковлевна Малкина, педагог, устроительница елки, и Ольга Константиновна Тихонова приготовили ребятам праздничный обед — из трех блюд. Разумеется, с помощью моряков и райкома.

У Малкиной в Севастополе погиб сын. Она была донором. В день, когда до Кронштадта добралось печальное извещение, она пошла сдавать кровь. Попросила поглядеть раненого, которому дала кровь. Сначала врачи разрешили, потом испугались, что она заплачет, — раненый был тяжелый...

Райком предложил ввести в школах необычный для города-крепости предмет — агротехнику. К весне школьники должны были дать Кронштадту выставку полезных дикорастущих растений. На уроках рисования старались так нарисовать эти растения, чтобы любой человек мог при случае найти их самостоятельно.

Есть такое добровольное общество — РОКК. Зимой ячейки Красного Креста следили за чистотой жилых квартир, ухаживали за одинокими. Таня Корзинкина, медсестра из ячейки РОКК, рассказала мне: «Отца у меня нет, мать с младшим братишкой перед войной уехала в Новосокольники, там оккупанты. Здесь старший брат, он лейтенант в роте передвижных радиостанций. Видеть его не вижу, изредка он помогает посылочками. Меня спасает донорский паек, хоть урезан, но паек. Всю зиму ходила с девушками по квартирам. Придешь, откроешь дверь — темно, лежит прикрытый покойник. Надо хоронить, а мы с места не сдвинем. В одной квартире тронули с места — живой. Старушка лежала, ну, не старушка, а лет сорока, сил у нее не было выкупить хлеб. Принесли по карточкам ее паек, воды горячей, выпросили в РЖУ три полена, позвала я с улицы матроса, он расколол и печку протопил».

Некому было рыть братские могилы, долбить мерзлую землю. Женщины из Красного Креста собирали повсюду аммонал и с помощью старых рабочих-подрывников взрывали каменную землю.

Те, кто выжил, весной очищали город от мусора. Начались походы на южный берег, в «Ижорскую республику» — на линию фронта за травами и по весенние грибы. Старые кронштадтцы налаживали рыболовную снасть и шлюпки. Кронштадт кормил себя сам. Город не опустился.

„Сто одиннадцатый“

Кронштадтские предприятия за год войны выполнили гигантскую работу: оборудовали десятки шаланд, катеров и рыбацких суденышек под минные заградители, дымзавесчики и магнитные тральщики; установили на кораблях всех классов размагничивающие устройства; восстановили многие крупные корабли, поврежденные бомбами и снарядами во время таллинского перехода, при эвакуации Ханко и на рейде; вооружили артиллерией гражданские суда, выпустили несметное число гранат, мин, минометов и, кроме того, помогали ЭПРОНу. Судоподъем — тоже элемент возрождения флота, без кронштадтских рабочих ЭПРОН справиться с этим не мог. Пробу сил начали с «Водолея», потопленного у борта линкора «Марат». Потом подняли «Тазую», потом «Минск».

Большие корабли — это для рабочих Морского завода государственнй план. Но в военное время каждому, кто не надел шинель, нужен был еще и свой, дополнительный взнос в войну.

Осенью сорокового года торпедный катер № 111 попал в шторм. Волна выкинула его на камни и разбила. Авторитетная комиссия определила, что восстанавливать катер нет смысла — дешевле построить новый. С него сняли моторы и ценное оборудование, предназначив корпус на слом. Он стоял в эллинге на кильблоках, забытый всеми, кроме мотористов, таскавших с него по болтику, по винтику.

Вспомнили про списанный катер в начале блокады. Собрались, ощупали, решили: хоть и дорого, надо восстанавливать. Требовалась «плазовая мастерская» — комната натурального чертежа, где на фанере вычерчивают весь корпус, до каждого шпангоута. Такой комнаты не было. Решили снять шаблоны корпуса с других podobных катеров и восстанавливать по ним.

Работали хорошо, отвлекаясь только на оперативный ремонт действующих катеров, поврежденных в боях.

В декабре, когда катер был восстановлен, в эллинг угодил снаряд и свел на нет весь труд рабочих. Корпус «сто одиннадцатого» бросили в эллинге. Его занесло снегом, он обветшал.

Под огнем батарей, бьющих с петергофского берега, начали зимний судоремонт. В цехах завода не было

воды, не хватало электроэнергии. Рабочие голодали. Умирали мастера — редкие специалисты корабельного дела. Есть точные специальности, известные только единичным рабочим, завод берег их, подкармливал, но и этих ломал голод. А между тем за зиму надо было ввести в строй все торпедные катера, которым предстояло идти в бой, как только сойдет лед с залива. Вместе с рабочими работали и команды этих катеров.

В Петровском парке — впервые в истории Кронштадта — работала под открытым небом мастерская, замаскированная среди заснеженных деревьев. Рабочие учили матросов клепать металл, обрабатывать дюралюминий, собирать механизмы. Катера поднимали из воды, когда залив уже покрылся льдом. Поднимали так: вдоль всего корпуса окалывали лед; кран, подтащенный на руках к берегу, выхватывал из лунки кораблик, ставил на берег, на кильблоки. Вокруг корпуса оставалось ожерелье льда. Часть ожерелья можно сколоть, но нельзя окалывать лед с кормы, легко повредить дюраль. Будь катера в теплом помещении, лед стоял бы сам. Но цеха отапливать печем, а мастерская на морозе, — в ту зиму он доходил до 35 градусов. Пришлось каждый катер окутывать брезентом, под ним ставить бензиновые бочки, превращенные в печи, и в этих очагах разводить огонь. Брезент защищал огонь от ветра и сберегал тепло. Так постепенно освобождали корпуса катеров от наростов льда.

Без электроэнергии при ремонте не обойдешься, а где ее взять, неоткуда подвести. Нашли слабенский движок, установили его в ящике от моторов, наскребли, высосали в катерах с самого донышка цистерн остатки бензина и запустили блок-станцию на три киловатта. Бригадир судосборщиков Тихон Егорович Доронин, почувствовав себя плохо, привел в эту мастерскую шестнадцатилетнего сына Петра и сказал: пусть работает — с оплатой ли, без оплаты, но надо передать сыну редкую специальность. Петр Доронин работал с отцом в Петровском парке всю зиму. Простудившись, отец каждый день присылал с сыном подробную записку матросам, что надо делать на катерах, и требовал ежедневно полного отчета. Он давал точные советы: какой шпангоут менять, какой скрепить накладкой. Он помнил, где в запасниках и тайниках и какой припрятан материал про черный день.

Набралось 60 винтов для ремонта. А винтовки все умерли. Выжил только Федор Иванович Волков, да и то его специальность — винторубщик. А тут, наоборот, не обрубать, а отливать надо, шлифовать лопасти, для этого необходима специальная техника. Волков предложил свой способ ремонта винтов. На заводском «кладбище» нашлось немало старых сломанных винтов, сваленных туда в мирное время. Волков отыскивал такие, которые можно частично использовать. Он отрезал части, приваривал, комбинировал, латал, составлял кусок с куском. За зиму с помощью четырех матросов — металлистов до призыва — он исправил все 60 винтов. За это бригадира наградили медалью.

Но винт надевается на гребной вал. Править валы с большой точностью умеют только большой руки мастера. На улице такое дело не сделаешь. В токарном цехе расставили пять жаровен-камельков, их все же легче разжечь, чем отапливать весь цех, натащили, насобирали угля и по очереди подходили к ним греться. Одни даже ногу сжег — до того замерз: сунул, сняв валенок, и не почувствовал огня. Трудно было станки раскручивать, в них застывало масло. Валы правил старый токарь Михаил Анисимович Куклин с помощниками. Однажды он пришел на завод с палочкой, весь укутанный, присел возле застывшего станка и умер. Не первый это был случай, когда старые рабочие умирали в цехе.

Весной на заводе робко заговорили и про «сто одиннадцатый». Он стоял серый, потрепанный, оплывший льдом. Только оказалось, что о нем никто и не забывал. Это была личная страсть и тайна каждого — и мастера Дорошила, и корпусника Сергеева, и механика завода Бурлакова, в прошлом механика дивизиона торпедных катеров. Каждый втайне что-то сделал для «сто одиннадцатого», подобрав для него нужную деталь на свалке и припрятав без ущерба для других кораблей, плановых. Даже токарь Куклин успел перед смертью выправить для «сто одиннадцатого» гребной вал. Когда всё сложилось вместе, не пришлось доказывать, что «сто одиннадцатый» будет жить. Флот вновь назначил на него экипаж и командира.

11 июня капитан-лейтенант Иван Становой повел катер на ходовые испытания. В сдаточную команду завод послал слесаря Уюкина и мастера Басова. Тихон

Егорович Доронин обиделся. Но слишком он был плох после пережитого зимой для выхода в море. Команда а в ней были и те, кто знал «сто одиннадцатый» до войны, уверяла, что катер стал лучше прежнего: и скоростёнка побольше, и крена нет на правый борт. «Сто одиннадцатый» ушел в море.

Возвращаясь из похода, командир обязательно звонил на Морской завод. Докладывал. Рабочие были вправе знать, как воюет этот катер, и экипаж всегда был готов ответить толково и подробно на обыкновенный будничный вопрос: «Ну как, товарищи, что у вас нового?»

А. М. МИХАЙЛОВА,

работница Морского завода в
1941—1945 гг.

ЖЕРТВЫ БЫЛИ НЕ НАПРАСНЫ...

22 июня 1941 г. в 16 часов кронштадтский Морской завод получил первое с начала войны задание — переоборудовать два катера типа «КМ» под электромагнитные тральщики.

Рабочие завода собрались в цехах на митинги. В механическом цехе слесари И. Е. Сарпов и Н. С. Игнатьев сказали:

— Мы, рабочие механического цеха, обещаем, что будем работать стойко, без паники. И тогда победа будет за нами. Фашизм будет раздавлен там, откуда он пришел.

О вере в нашу победу говорили и другие рабочие и инженеры, обещая трудиться не жалея сил.

Многие рабочие завода ушли в армию, во флот и в народное ополчение. Помню, как 10 июля 1941 г. завод провожал первый отряд добровольцев народного ополчения — 186 человек. Еще 105 рабочих и служащих ушли добровольцами на фронт 14 июля. Не хватало станочников. Многие рабочие стали совмещать несколько профессий.

Как и до войны, я работала машинисткой в заводоуправлении Морского завода. Но теперь после конца рабочего дня шла в цех на ремонт торпедных катеров и работала там слесарем-мотористом. Эту специальность я получила в школе ФЗУ в 1933 г. и работала слесарем-

мотористом до 1940 г. Профессия пригодилась, хотя кое-что пришлось вспомнить. Работы хватало: опиливала гайки, делала шабровку поршневых колес, притирку краников и многое другое — ни от чего не отказывалась.

Помню, как замечательно работали слесари ремонтно-механического цеха Михаил Латков, Константин Дворецкий, токарь Павел Дмитриев, мастер Александр Шиловский. У них я училась мастерству и добросовестности в работе.

Гитлеровцы ожесточенно бомбили и обстреливали из орудий Кронштадт. На заводе создали местную противовоздушную оборону. Организовали пожарные, санитарные, противохимические команды. Начальники цехов и отделов стали начальниками объектов МПВО и групп самозащиты. Начальником штаба МПВО завода был майор Н. Гончаров.

Меня назначили начальником медико-санитарной команды. Состояли в ней Лидия Орлова, Шура Шестопалова и другие девушки. После работы мы дежурили в штабе МПВО. Заступали на дежурство на 20 дней и все это время находились на казарменном положении. Мы подбирали раненых при налетах самолетов и обстрелах, оказывали им первую помощь и направляли в госпиталь.

Первый воздушный налет на город враг совершил 19 сентября 1941 г. В 11 часов 21 сентября снова прозвучал сигнал воздушной тревоги. Самолеты один за другим пикировали на Кронштадт и сбрасывали бомбы. Много бомб упало на территорию завода. Был разрушен механический цех. Работники цеха и команды МПВО немедленно начали откапывать людей. В убежище механического цеха засыпало и моего мужа — токаря Алексея Петровича Михайлова. Его в числе многих других удалось откопать. Раненым оказали первую помощь и отправили в госпиталь. Трое было убито.

Ходила я дежурить в военно-морской госпиталь. Помогала там, чем могла: делала перевязки, писала родным письма, скручивала папироски, читала газеты, книги. Вместе со мной дежурила работница нашего завода Александра Альфредовна Бломквист. Дежурство в госпитале начиналось в 9 часов вечера и продолжалось до 6 часов утра. А через три часа мы шли на свои рабочие места на завод. Нелегко было, но мы всегда помнили, что на фронте еще труднее.

Настала памятная первая блокадная зима. Не могу даже рассказать, как тяжело было. Скучен блокадный паек. А надо работать, стоять у станка. Многих в те дни свалила с ног дистрофия, но пережили и это. И вот наступила долгожданная весна.

В апреле 1942 г. вместе со многими другими нашими морзаводцами меня приняли в партию. Большая это была для меня честь, ко многому и обязывала. И я все силы вкладывала в работу: ремонтировала двигатели для катеров и кораблей, старалась работать не хуже наших ветеранов-морзаводцев — так же качественно и скоро.

С лета 1942 г. и работать и жить стало уже легче. А в 1943 г. мы даже организовали самодеятельность и выступали с концертами перед нашими рабочими и в воинских частях.

Много горя принесла война в каждую семью. Пали смертью храбрых оба моих брата-воина, погиб близ Лисьего Носа на барже с боеприпасами летом 1942 г. мой отец М. В. Викторов, пропала без вести в захваченном гитлеровцами Пушкине сестра...

Забыть этого нельзя. Но жертвы были не напрасны — мы победили.

Т. В. ИНОЗЕМЦЕВА,

*техник-измеритель Морского завода
в 1943—1945 гг.*

ПИСЬМА ИЗ КРОНШТАДТА

„Я вообще не годен для отступления... Я хочу работать на пределе своих сил“, — писал мне муж в декабре 1941 г. в Ленинград. Участник гражданской войны, в прошлом инженер и летчик, уже немолодой, по существу больной человек, с правом на демобилизацию по состоянию здоровья, инженер-майор К. В. Иноземцев считал, что его долг советского человека — быть в Кронштадте, продолжать самоотверженно трудиться на Морском заводе. Иногда его упрекали в том, что он бравировал своей храбростью — он не спешил в убежище при близких разрывах снарядов. А дело было в том, что больное сердце не позволяло резких движений...

В годы войны мой муж руководил отделом технического контроля. Отрывки из его писем о боевых буднях кронштадтцев, как мне кажется, могут быть интересны читателю.

2 августа 1942 г.

Кронштадт

...День был богат впечатлениями. Судя по тому, что прошло перед глазами, видимо, мы выбили гитлеровцев из каких-то пунктов побережья (на Ораниенбаумском плацдарме. — *Ред.*), и теперь они подвергают их бомбежкам с воздуха.

С большим любопытством разглядывал самолеты противника, вспоминая осень прошлого года. Не та у фашистов теперь авиация, летчики не те: совершенно очевидно, что все лучшее перебито, изношено и, главное и самое отрадное, что, попав в поле разрывов наших зениток, — отворачивают, мечутся зигзагами на курсе — первов не хватает — ясное дело!

Сегодня с помощью бинокля можно было разглядеть, как это «воронье» бомбило нами занятые пункты, пользуясь слоем облаков, скрывавшим их от наших наблюдателей. А сбоку, от нас, все было видно, как в разрезе: первый «этаж» — это населенные пункты на побережье, второй «этаж» — болтающиеся рои в «карусели» «юнкерсы», а «межэтажное перекрытие» — слой облаков. В обоих «этажах» — разрывы зениток, видимо, пугающие это «воронье». Сходство с вороньей стаей — поразительное! Смотрел и вспоминал свое летное прошлое.

Тут были у нас встречи с летчиками Ленинградского фронта, с теми, кто защищает город с воздуха. Много интересного ими рассказано. Мой учебный самолет «У-2», по существу «школьный» самолетик, нагоняет на гитлеровцев большой страх под Ленинградом. Я вспоминал, как в период учения бывало трудно иногда «выгрести» на аэродром против ветра. Сил-то мало, машина слабая, а ветер под углом дует сильный, едва-едва боком дотягивал до аэродрома.

Вот этот недостаток оказался обстоятельством, наводящим панику на фашистов: «стойг», если захочет, над головой и идеально чисто бомбит цель. Сами гитлеровцы ушли в область больших скоростей, привыкли к ним и теперь убедились, что этот уход может обернуться страшным орудием в наших руках, имеющих и то, и другое — и современные машины, и этих «чертей», бомбящих со «стойки» над целью.

И «У-2» может внушить уважение к себе, находясь в наших добрых руках!

Так вот — о встречах с летчиками. Их было две в этом году с теми, о ком пишут, чьими жизнями завоевывается счастье для тысяч, для миллионов людей, с нашими гвардейцами-летчиками, обороняющими Ленинград. Интереснейший народ, способный одной улыбкой завоевать сердце своей простотой, но особой, чистой, проникновенной простотой и непосредственностью, без «ходуль», бахвальства, ибо зачем они им?! О себе гово-

рят неохотно, о других — с восторгом. О гибели близкого, любимого товарища говорят с волнением и не стыдятся слез.

Так было при рассказах о Бринько, об Антоненко. Говорят о гибели их и роняют слезы, скупые, страшные мужские слезы. И сидит зал, слушает как зачарованный, смеется в ответ на застенчивую улыбку говорящего и просто плачет, слыша краткий рассказ о гибели человека, ставшего близким каждому из нас.

Эти встречи агитируют и убеждают жизнью своею и смертью...

Выступал комиссар тов. Сербии, истребитель-«ночник».

Скромный, сдержанный. Ушел я тогда и долго видел перед собой мысленно это лицо, жест — скупой, короткий, слышал речь простую и такую доходчивую. В чем секрет этой убедительности? В правде, в том, что говорит человек о том, что он знает, что видел своими глазами, сам пережил.

На днях прочитал в газете, что Сербии загал в залив сто третий «мессершмитт», числящийся на счету его части. Говорил он только о других, о тех, которые были с ним или действовали на его глазах; не говорил о том, что он сам сделал. И о нем я узнал уже со слов других и из газет, поняв, за что на его груди три боевых ордена.

Сентябрь 1942 г.

Кронштадт

...Как складывается наша работа? Вот, скажем, пришла подводная лодка из похода, потопив несколько транспортов противника. Встречают ее торжественно, восторженно. Может быть, долго считали ее погибшей, а она отлеживалась на грунте от глубинных бомб — двое, трое суток, а иногда и гораздо дольше!.. Ее людям дают отдых, а нам, заводу, для ремонта — очень ограниченное время: от такого-то часа до такого-то — и все! И наши люди работают. Это тот же бой, так как ведется он зачастую под снарядами.

В нем подчас может быть не меньше героики, чем в боевых действиях на фронте. Там человек использует оружие против оружия — он активен; здесь — он чинит оружие, находясь в состоянии вынужденной пассивности, подчиняясь приказу, под огнем, нередко весьма сильным. Стрелять по врагу можно и не сохраняя «спокойной головы». Работать качественно можно, только сохранив

спокойную голову на плечах, поэтому у наших людей работа трудная. Она буднична и не парадна. Кто-то что-то чинит, а в результате этой работы завтра за тридцать километров отсюда ночью взлетят в воздух вражеские блиндажи, свалятся под откос бронепоезда, транспортеры с орудиями, бьющими по Ленинграду, направятся «к праотцам» гитлеровские вояки.

Таковы наши дела и их фон!..

19 января 1943 г.

Кронштадт

...18 января 1943 года радио принесло нам весть о прорыве блокады Ленинграда!

Мы были в театре, в Базовом клубе, на пьесе «Фронт» Александра Корнейчука в исполнении артистов театра Балтфлота под руководством А. В. Пергаменты, того самого Сашы Пергаменты, которого мы знали мальчиком, бывая в их семье в школьные годы, а теперь — заслуженного артиста, орденосца.

Сам факт пребывания в театре знаменателен. Пьеса хорошая, умная, злободневная. Кончается хорошо — назначением молодого талантливого генерала командующим фронтом.

Не успели стихнуть аплодисменты, как на сцену вышел военный и, попросив внимания, объявил, что Совинформбюро только что сообщило о присвоении Жукову Г. К. звания Маршала Советского Союза и о том, что в результате успешного наступления наших войск блокада Ленинграда прорвана! Можно себе представить эффект этого сообщения, да еще в момент, когда оно как бы служило эпилогом хорошей, взволновавшей всех пьесы!.. Не верилось даже в реальность случившегося! И только когда уже на улице из репродуктора мы услышали голос диктора, повторившего это сообщение, поверили в то, чего так ждали и что наконец совершилось!

Май 1943 г.

Кронштадт

...Несмотря на то что живем мы сегодняшним днем, мы этому дню рады и пользуемся тем, что он нам предоставляет, не обижаясь на те дни, когда о личном даже и вспоминать не приходится!...

Иногда нам выдается возможность получить хороший отдых, побывав в Доме флота, где ставят спектакли, бывают концерты, кино, недавно смотрели очень хороший ансамбль «Ленинградский фронтовой цирк», с очень

хорошо построенной программой, остроумной, веселой. Какой это отдых в здешних условиях!

А дни все бегут за днями... Незаметно как-то подошла весна, делается все теплее. Появилась зелень травы вдоль тротуаров, на деревьях — почки и даже листики. Цветут березы и тополя, готовятся зазеленеть каштаны, которых здесь много. Залив чист ото льда.

Кронштадт, хоть сильно изменившийся, порою очень красив. Здесь много старых зданий, мостов, оград еще петровской эпохи.

Много каналов, а они так красят город, особенно в часы вечерних зорь. Хорош собор, загорающийся яркими бликами красок под лучами солнца. Хоть и очень пострадавший, он все так же величествен и красив.

Но наша жизнь, надо сказать прямо, полна возможных случайностей (как и у всех). Никто этим не угнетается, большинство смотрит на это философски.

Всякие «акустические явления» стали столь обычными, что они теперь даже не прерывают сна, а тем более выполнения производственных или бытовых дел...

22 июня 1943 г.

Кронштадт

...Сегодня знаменательная дата: два года войны! Вместе со всеми вспоминал прожитое и жду будущего. Впереди еще много испытаний, и никто из нас не претендует на какое-то преимущественное перед другими право надеяться на благоприятное решение своей судьбы. Каждый, как и прежде, готов, если нужно, встретить любой ее вариант...

19 января 1944 г.

Кронштадт

Вот сегодня в 21 час прозвучали и наши салюты! Только что слушали сводку Совинформбюро. Петергоф — наш! Трудно сразу представить себе значение этого события и для Ленинграда, и для нас — для Кронштадта.

Сегодня у нас первый день «тишины», хотя ее еще не было утром. А события развиваются: уже Мга — наша; все южное побережье — наше, Новгород — наш!

Для нас стало привычным держать свои нервы в «собранных» состоянии, так что обычно только первый выстрел заставлял вздрогнуть от неожиданности.

Теперь наступила какая-то необычная тишина.

Началось наше наступление у Ленинграда. Что оно будет — знали и мы и гитлеровцы: по данным разведки, они усаживали гарнизоны, подтягивали артиллерию и механизированные части. Все это не помогло!

Против фашистов шли наши части, умеющие укрывать весь этот «зоосад»: «тигров», «пантер»...

Последние ночи небо над нами гудело от наших массированных налетов на южный берег. Бесконечно много было этих «журавлиных стай». Шли они на юг, взламывая оборону немцев. Что было на земле, мы не знали, так как все сосредоточение сил шло ночами, скрытно и действительно могло быть для фашистов неожиданным. Еще за два часа до сводки 19 января строились предположения, что ударом от Ораниенбаума на Гостилицы и Ропшу и от Пулкова на Красное Село мы отрезем Петергоф и уничтожим там гитлеровцев, если не сдадутся без боя. Не пришлось. Опыт Сталинграда и судьба Паулюса научили их уходить, пока есть возможность.

Ждали мы этого наступления давно, тяжело переживали обстрелы Ленинграда, разрушения в нем, гибель людей, прямо к войне непричастных.

Доставалось и нам, в Кронштадте. Но мы — это крепость, форты, пушки, т. е. оборона и наступление огнем, — так и должно быть на войне.

В стереотрубу мы, можно сказать, видели гитлеровцев два с половиной года, знали, где они, что можно от них ждать. Гитлеровцы были от нас в 14 километрах, и мы находились дальше от Ленинграда, чем они. Систематические обстрелы заставляли жить в обстановке полной неуверенности в ближайшем будущем, работать под грохот разрывов, просыпаться ночами от грохота. Слышали свист осколков над головой при проходе по улицам, рядом нелепые смерти, увечья. Чуть ли не в последний день выстрелом из Петергофа на одной из ближайших к заводу улиц был смертельно ранен наш рабочий — вчера его хоронили; другому повредило кисть левой руки, осколок засел в бедре. Такое теперь не повторится!

За окном город, залитый лунным светом, которого мы перестали бояться; снег, лед на заливе... Над южным берегом часто появляются параболические трассы снарядов, наших и вражеских; в небе висят яркие огни осветительных ракет.

Эту кажущуюся «простоту», с которой врага погнали от Ленинграда, безусловно надо приписать нашему преемству над врагом.

28 января 1944 г.

Кронштадт

Сейчас слушали передачи, посвященные концу блокады. Вспоминается прошлое, и кажется мне, что самое существенное, не названное еще полным голосом в оценке успеха обороны и сохранения Ленинграда,— это роль женщин-ленинградонок, в самые тяжелые времена голода отстаивавших город своим трудом и поддержкой. Были времена, когда она — женщина-ленинградка — была основной моральной силой в толще населения города. Да и в труде тоже. Запомним это для нас, для будущего все должно быть сохранено в памяти...

Страшные были времена. Я поставил бы памятник женщине-ленинградке на Марсовом поле.

Вчера видели ленинградские салюты в виде вспышек зарева на горизонте...

Май 1945 г. (после Дня Победы)

Кронштадт

Узнали о капитуляции Германии несколько раньше официальных сообщений. Днем к моей Татьяне прибежали из мастерской приемников и, зная о ее знакомстве с языками, просили послушать прорвавшуюся в эфир передачу, видимо из Англии. Действительно, слышен звон колоколов, многоголосые радостные выкрики, перемежавшиеся с речью, произносимой кем-то, видимо, облеченным властью, с частым упоминанием слова «victory» — победа! Вначале сжалось сердце: неужели союзники заключили сепаратный мир?!

Позже, из передач англичан, узнали о капитуляции Германии и были поражены величием событий, свершившихся в нашей жизни, в жизни народов Европы. Было и радостно и горько! Жизней жаль, людей жаль, не доживших до этого дня. Труден был путь к Победе...

Вечером напряженно слушали радио, ждали вестей, сидели подавленные мыслями о пережитом.

Ночью в 2 часа 10 минут дождались наших сообщений! Сразу, в одно мгновение, наш дом-общезитие ожил. Мы были извлечены из комнаты сослуживцами, собравшимися в одной из квартир на торжество Победы. Это было действительно необыкновенное торжество всего лучшего в мыслях и в чувствах людей. В обыденной,

деловой обстановке многих из них мы знали не такими, а узнав в эту ночь, почувствовали, что мы, жившие здесь эти тяжелые годы, связаны между собой, как члены одной семьи, большой и прочной связью.

Было много объятий, хороших задушевных бесед, тепла и как-то по-особому приоткрывшихся душ.

Мы все без сна провели эту ночь вместе, среди своих товарищей по работе, по судьбе, ночь, сблизившую всех. Молодежь пела, танцевала.

Хоть следующий день — 9 мая — объявлен праздничным, все пришли утром на завод, включая самых молодых — учеников ремесленного училища.

В основном собравшиеся — это люди, с которыми вместе встречались и расходились со смертью, вместе своими руками укладывали в гробы ушедших навсегда.

Митинг возник в помещении токарного цеха; море лиц, особенных, взволнованных, идущих от сердца слов — отклик на личные мысли и чувства, связанные с окончанием войны.

Редкое, особое чувство отсутствия обыденного, наличие каких-то особых оттенков в отношениях людей, особого способа говорить и понимать. Тот, кто раньше не был речист, тут говорил горячо и открывался в чем-то новом. Хотелось всех видеть, всем взглянуть в глаза...

Многие выступали. Говорил и я, хотя на вопрос — настроен ли сказать несколько слов — ответил: «Скорее расстроен...»

Трудно говорить о радости, смотря в заплаканные лица женщины, в глаза, где у некоторых и радость, и горе одновременно, понятные без всяких слов. В таком общении человеческом, в такие минуты видишь с радостью, что горе личное менее остро, когда осознана осмысленность принесенных жертв, когда личному противопоставлено общечеловеческое, понятное каждому по пережитому и выстраданному.

Большая моральная сила в близости человеческих душ и в свойственной нашему народу способности встать выше своего личного ради общего, понимание необходимости этого если не умом, то душою. Удивительна моральная высота советских людей. Не будь они такими — не было бы 9 мая Днем Победы!

Днем на Якорной площади, около памятника Макарову, состоялся общегородской митинг, собравший чуть ли не все население Кропштадта, военное и невоенное...

Е. Н. КИСЕЛЕВ,
инженер-полковник.

Начальник ремонтного цеха Морского завода в 1941—1944 гг.

КРОНШТАДТСКИЕ УМЕЛЬЦЫ

С первых дней Великой Отечественной войны значительная часть наших рабочих, в том числе более половины слесарей-монтажников, выехала на корабли и береговые батареи флота, чтобы спешно закончить там ремонт артиллерийских орудий. Наши монтажники В. Т. Кузьмин, В. И. Анисимов, В. А. Аржаковский и Б. П. Галкин за трое суток закончили ранее начатый ремонт некоторых зенитных батарей кронштадтских фортов.

Около полутора десятков рабочих устанавливали на кораблях и катерах, находящихся в Кронштадте, зенитные полуавтоматы — 45-миллиметровые пушки и зенитные пулеметы. Здесь работой руководили С. А. Захаров, Н. Н. Ганичев и я.

Ветеран нашего цеха мастер С. И. Галабурда руководил установкой батарей в одной из бухт на побережье Финского залива. За месяц бригада Самсона Ивановича отлично справилась с заданием. После этого она ремонтировала орудия на кораблях эскадры и Отряда легких сил в Таллине.

Другие бригады в это же время устанавливали артиллерийские батареи на подступах к Ленинграду. За две недели под руководством опытных монтажников И. Г. Третьякова и К. И. Бутина были смонтированы две

трехорудийные 130-миллиметровые батареи близ Пулкова.

В те же июльские дни наши рабочие провели средний ремонт пушек главного калибра на лидере «Ленинград», минометах «Опытный» и «Славный». Бригада ветеранов пехоты — П. И. Монаков, С. С. Солдатов, В. А. Аржаковский и В. В. Древесников — закончила ремонт досрочно, хотя для него были установлены очень жесткие сроки.

В конце августа наши монтажники устанавливали орудия береговой артиллерии в Кронштадте и на подступах к Ленинграду. Это были исключительно напряженные дни — гитлеровцы вышли к Финскому заливу у Петергофа, Стрельны и Лигова, рвались к Ленинграду.

Установку и отстрел орудий закончили в пять—семь дней благодаря умелой и самоотверженной работе И. В. Ермолаева, С. П. Банькова, В. В. Щелкунова, С. С. Солдатова, В. А. Аржаковского, М. А. Хмелева, И. Г. Третьякова, В. П. Павлова и П. А. Ерофеева. Конечно, орудия пришлось ставить на временные деревянные основания. Но сделано было все добротнo, и пушки успешно били по врагу до последнего, 900-го дня блокады.

Запимались мы и ремонтом стрелкового оружия. К нам его привозили обгоревшим, искореженным. Сутками не отходили от верстаков оружейники, которыми руководил прекрасный мастер своего дела Я. Табояков. Каждое утро увозили на отстрел выглядевшие как новенькие винтовки, пулеметы, пистолеты. В июле Табояков предложил переделать учебные винтовки, пулеметы и автоматы на боевые. Это было сделано очень быстро, и вскоре 40 станковых пулеметов и другое стрелковое оружие поступили в батальоны уходящих на фронт морских пехотинцев.

Однако потребность в пулеметах росла. Тогда технолог В. Ф. Форнер предложил переделать пулеметы типа «Мадсен» под наши винтовочные патроны. Предложение приняло, и сразу же закипела работа. Инструментальщики Б. Т. Кутузов и П. С. Пучков изготовили необходимый инструмент. Форнер сам занялся закалкой пружин для переделываемого патронника. Всю ночь виртуозно работал сварщик Н. В. Курбаков. И к утру несколько десятков пулеметов были готовы к бою.

В эти же дни оружейники ремонтировали и модернизировали пулеметы «максим». Этой работой занимались

станочники А. А. Мелентьев, Д. Ф. Степанов, Д. И. Иванов, изготовлявшие необходимые для модернизации пулеметов детали. Сборку умело провели слесари Р. К. Пуговкин и Б. А. Горбунов.

19 сентября, около 3 часов дня, я находился вблизи цеха. Вдруг послышался гул самолетов — на большой высоте над Кронштадтом проходили три «юнкерса». С горизонтального полета гитлеровцы сбросили три бомбы, причем одна из них упала рядом с цехом Морского завода. «Похоже, что это репетиция», — подумал я.

21 сентября, в воскресенье, день был ясный, солнечный. Конечно, все мы работали.

И опять, как два дня назад, около 3 часов дня по Кронштадту объявили воздушную тревогу. Я вышел из цеха одним из последних и сразу же увидел «юнкерс» — мне показалось, что он пикирует прямо на цех. Я спрыгнул в вырытую во дворе траншею. Почти тотчас раздался сильный взрыв.

Когда облако пыли немного рассеялось, перед нами предстала страшная картина — цеха не было. Из-под груды кирпича и искореженного металла раздавались крики — обрушившиеся стены и перекрытия засыпали бомбоубежище. Вот что вспоминает ветеран завода, рабочий С. А. Маланьин:

«...Бомбоубежище находилось в подвале... Я не успел войти в бомбоубежище — стоял на пороге, когда обрушившееся после взрыва бомбы здание завалило его. Меня отбросило воздушной волной и сильно контузило. С верхних этажей вместе со стенами и перекрытиями падали станки...»

Как только перестали рваться бомбы, все бросились к развалинам и начали откапывать людей, выносить раненых. Отсюда их на автомашинах увозили в военноморской госпиталь.

В тот день погибло более 50 человек, среди них и начальник цеха С. А. Захаров.

Еще через два дня, 23 сентября, гитлеровцы нанесли бомбовый удар по кораблям в гаванях и на рейде Кронштадта. Правда, и гитлеровцы недосчитались значительного количества самолетов.

Много горя принес нам вражеский налет, но работа не ждала, нужно было ремонтировать артиллерийское и другое вооружение, приборы, средства связи. Пришлось занять другие здания, ремонтировать или доста-

вать на других предприятиях станки. Вскоре наш цех возобновил работу.

Мастера и рабочие вновь приступили к установке береговых батарей. Работу делали быстро — на установку батарей уходили считанные дни, потом — отстрел залпами по врагу и, таким образом, сдача орудий личному составу. Как правило, руководил бригадами при этом С. И. Галабурда. Вместе с ним работали И. Г. Третьяков, К. И. Бутин, М. А. Хмелев, П. И. Монаков, В. П. Павлов, В. А. Аржаковский, П. А. Ерофеев, Г. А. Феофанов, В. И. Анисимов.

Монтажом батареи 152-миллиметровых орудий на Ораниенбаумском плацдарме в феврале 1942 г. руководил я. Работать было очень трудно. Холодно, по главному не это — сказывалось истощение от постоянного недоедания. Не многим лучше чувствовали себя краснофлотцы батареи старшего лейтенанта В. Ф. Горелова, с которыми мы работали вместе... И все-таки два мощных 152-миллиметровых орудия мы предъявили к отстрелу всего через три дня. На отстрел прибыли член Военного совета КБФ дивизионный комиссар Н. К. Смирнов и комендант Ижорского укрепленного сектора генерал-майор Г. Т. Григорьев. При них пушки дали несколько залпов по позициям гитлеровцев.

За образцовое выполнение задания командования рабочих нашей бригады наградили орденами и медалями.

23 сентября 1941 г. гитлеровским «юнкерсам» удалось серьезно повредить славный линкор «Марат». Командование флота поручило нашему заводу ввести на нем в строй башню главного калибра. Задача была трудная и ответственная. Я решил руководить ремонтом сам и скомплектовал бригаду. В нее вошли С. И. Галабурда, монтажники И. Г. Третьяков, М. И. Стрельцов, В. В. Щелкунов, Н. Н. Чистяков, С. П. Баньков, С. С. Солдатов, В. А. Никифоров, Г. А. Феофанов, В. А. Аржаковский и В. И. Анисимов.

Больше года продолжалась напряженная работа. Сложнейшие детали изготовил токарь С. А. Маланьин. Удалось восстановить и приборы управления стрельбой. Никогда бы до войны не подумал, что такой сложный ремонт можно провести силами нескольких человек. Я уж не говорю, что работа на «Марате» пришлось на самое голодное время. Иногда казалось, что всё, нет

больше сил, но чувство долга заставляло преодолевать слабость.

В этот период мы выполняли одновременно и другие, более срочные задания: в ноябре сорок первого в кратчайший срок произвели монтаж двух переброшенных из Ленинграда железнодорожных транспортеров с 180-миллиметровыми пушками. Вместе со мной на монтаже работали С. И. Галабурда, С. П. Баньков, Г. А. Феофанов, Терентьев, В. А. Аржаковский, Б. П. Галкин и В. В. Древесников. Монтаж пришлось проводить под артиллерийским обстрелом врага — громадный плавучий кран был для гитлеровцев прекрасным ориентиром. 8 ноября 180-миллиметровые дальнобойные пушки — такие же, как на крейсерах «Киров» и «Максим Горький», — дали первые залпы.

В первых числах ноября 1942 г. 2-я башня «Марата» вместе с 3-й и 4-й башнями главного калибра открыла огонь по врагу — артиллерия Кронштадта пополнилась тремя 12-дюймовыми пушками. Немалая прибавка!

Мне хочется назвать имена замечательных работников другого цеха нашего завода — инженеров К. П. Сергеева, Е. И. Краснова, А. В. Гаврилова, мастеров П. Ю. Табола, В. И. Ушкалова, контрольного мастера С. С. Павлова, бригадиров В. И. Вавилова, А. П. Белинского, В. В. Кокорева, Ф. Г. Субботина, Н. А. Мелентьева, И. З. Роднова, отлично выполнявших сложные производственные задания. И конечно, нельзя не упомянуть имена женщин-прибористок В. И. Гавриловой, Т. М. Кучеровой, А. Гусаровой, Г. С. Дикаревой, техника-измерителя Т. В. Иноземцевой, нормировщицы З. Ф. Гаврилиной. Ветераны этого цеха с любовью вспоминают прекрасного человека тетю Катю — уборщицу цеха К. Морщину. В самое трудное время она была по-матерински заботлива к ослабевшим, делала все, что могла, чтобы помочь людям.

Большую, очень важную работу вели в военные годы В. А. Жаров, И. И. Большаков, С. Н. Мехов, Н. А. Кувшинов, А. А. Ткачев, Н. А. Титов, Н. И. Кузнецов, которые ремонтировали приборы управления стрельбой на кораблях, фортах, береговых и зенитных батареях флота.

Однажды в 1942 г. прибористы-механики Н. А. Зиновьев и И. И. Большаков ремонтировали приборы управления зенитным артиллерийским огнем на одном из островов в Финском заливе. Работа была закончена, и

началась приемка ее командиром батареи. Вдруг появились «юнкерсы». Орудия батареи открыли огонь. Зиновьев и Большаков работали на приборах, четко вырабатывая данные для стрельбы. Враг потерял несколько бомбардировщиков. Так, прямо в бою, прошла проверку отремонтированная техника.

Нельзя не сказать хотя бы несколько слов и об умелых мастерах, бригадирах и оптиках-механиках К. А. Виноградове, Е. В. Курмашове, Н. А. Петрове, А. К. Федорове, Н. А. Филиппове, В. Т. Крекнине, И. П. Радиохиной, А. М. Курмашеве, Л. Я. Андреевой и др. Они ремонтировали, вводили в строй сложнейшие оптические приборы — перископы подводных лодок, дальномеры и визиры на кораблях и береговых батареях.

Прошла первая, потом и вторая блокадная зима. Цех получил задание провести проверку и ремонт орудий на кораблях и в Береговой обороне — исподволь началась подготовка к прорыву блокады, а затем и окончательному разгрому гитлеровцев под Ленинградом. Работу эту мы провели быстро и с энтузиазмом — все с нетерпением ждали часа расплаты с фашистскими захватчиками. И это время настало. Невозможно описать охватившую нас радость — блокада прорвана! В этой победе была доля тружеников нашего цеха.

Трудно на нескольких страницах рассказать о пережитом, о проделанном трудящимися ремонтного цеха за четыре года войны, назвать всех его замечательных работников. Сколько смелых, интересных предложений в военные годы внесли и внедрили в производство наши рационализаторы и изобретатели под руководством возглавлявшего рационализаторскую и изобретательскую работу инженера К. В. Иноземцева, нашего начальника отдела технического контроля. Всего не перечислить...

И конечно, особо следует рассказать о трудовом подвиге Морского завода, и в том числе нашего цеха, по капитальному ремонту поднятой со дна Финского залива канонерской лодки «Красное знамя». Наверное, легче было бы построить новый корабль, чем отремонтировать канлодку. Но обстановка требовала как можно быстрее ввести корабль в строй. Наш завод отремонтировал оптические приборы (прекрасно проделали эту тонкую работу И. П. Радехин, В. Т. Крекнин и Н. А. Петров), артиллерию и приборы управления стрельбой, установил первую на Балтике корабельную радиолокационную

станцию. И летом 1944 г. пять 130-миллиметровых пушек «Красного знамени» уже били по врагу — корабль вошел в строй.

Настал сорок пятый... Значительная часть наших рабочих и инженеров уехала на запад, туда, куда ушли корабли Краснознаменной Балтики. Там, в Прибалтике, в Восточной Пруссии, Советские Вооруженные Силы добивали фашистов, там требовались умелые руки наших рабочих.

Пришла победа. Радуюсь ей, мы вспоминали и тех, кто не дожил до ее светлого дня. Их имена, записанные на мемориальной доске на здании, где в войну находился ремонтный цех Морского завода, не забыты.

Н. Е. МАЙОРОВ,

*сотрудник редакции газеты Морского
завода „Мартыновец“ в 1941 г.*

ВСЁ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЁ ДЛЯ ПОБЕДЫ

В первые же дни и недели войны кронштадтский Морской завод оказался вблизи линии фронта. Только в 1941 г. на территории завода разорвалось свыше 1200 снарядов и более 30 авиабомб. В результате непрерывных артиллерийских обстрелов в цехах были выбиты рамы, разбиты стекла. Оконные проемы закрывали фанерой, заколачивали досками. Станки освещал тусклый свет коптилок, — электроэнергии не хватало. В цехах было так же холодно, как на улице. В литейном цехе жгли костры, чтобы люди могли изредка подойти и обогреться.

А зима была суровой. Морозы доходили до 35 градусов. Надевали на себя все что только можно.

— Очень трудно нам сейчас, — говорил мне в декабре формовщик литейного цеха А. П. Степанов. — Но что же делать, работать надо для армии, для фронта. Иначе Гитлера не победить...

Постороннему человеку, попавшему на Морской завод той зимой, могло показаться, что цеха мертвы, никто не работает. Вдоль корпусов огромные сугробы снега, кое-где протоптаны дорожки. Но из забитых окон торчат железные трубы, из них тянется дым. Там, в цехах, у печурок греются рабочие, там работают станки.

Да, всем нам памятна суровая блокадная зима 1941/42 г. Морозы, скудный паек. Люди слабели, многие умирали...

Слесарь-комсомолец Алексей Громов утром, как обычно, пришел в цех и в течение всего рабочего дня, несмотря на страшную слабость, собирал мотор катера. Сдал к вечеру мотор, с трудом добрал до дома и умер, не успев открыть дверь квартиры.

Люди умирали, но работали, пока хватало сил.

В любое время суток можно было видеть на ремонтируемых кораблях мастеров Б. П. Загладинова из котельного цеха, А. М. Захарова из корпусного цеха, инженера Л. Г. Ермилова.

Захарову, человеку преклонных лет, рабочие часто говорили:

— Александр Михайлович, вы бы шли отдохнуть!

— Не могу, не имею права отдыхать. Надо сперва выполнить задание, — отвечал он.

Пришла весна... Поредели ряды морзаводцев, но оставшиеся продолжали работу. Летом 1942 г. ремонтировали несколько кораблей. Многие из них имели значительные повреждения.

В августе 1942 г. тральщик «Т-205» вернулся из похода серьезно покалеченным. Его доставили в док. Инженеры и мастера приступили к осмотру. Комиссия вынесла заключение, что при полном обеспечении рабочей силой все ремонтные работы можно выполнить не менее чем за три месяца — ведь был поврежден корпус, лопасти винтов и руль, обшивка имела разрывы и трещины, деформированы гребные валы.

Но командование флота такой срок ремонта не устраивал, и заводу поставили задачу — в месячный срок ввести тральщик в строй.

Партийный комитет и заводской комитет профсоюза организовали социалистическое соревнование между работающими на «Т-205» бригадами. Для бригады-победительницы в соревновании учредили переходящий вымпел. Механические работы возглавил мастер механического цеха Иван Лаврентьевич Лаврентьев, один из опытейших специалистов завода. Корпусными работами руководил инженер М. Т. Сирош.

В трудных условиях работал в то время коллектив Морского завода — ежедневные артиллерийские обстрелы, налеты вражеской авиации. Но, несмотря на смертельную опасность, морзаводцы не покидали рабочих мест. Случалось, что погибали у станка... В один из августовских дней 1942 г., в середине рабочего дня, на

территории завода начали рваться вражеские снаряды. Рабочие модельного участка в этот день выполняли срочное задание. Ни один не ушел в укрытие.

Молодой токарь механического цеха Сергей Евстигнеев обрабатывал деталь — ее с нетерпением ждали слесари соседнего участка, где шла сборка механизмов тральщика. Снаряды рвались около цеха, но Евстигнеев продолжал работать. Он успел закончить работу, передать деталь и был убит в цеху осколком разорвавшегося под окном снаряда.

...Стоял безоблачный, солнечный день сентября 1942 г. Погода ясная, но это никого не радовало — в такие дни фашисты по нескольку раз в день подвергали завод артиллерийскому обстрелу. Вот и сегодня рабочие в цехах слышали близкие разрывы снарядов.

В районе докового цеха снаряд повредил электрокабель. Прекратилась подача электроэнергии, остановились станки — нельзя работать. Электрик Н. И. Иванов получил задание найти повреждение. Припадая к земле при близких взрывах, Иванов прошел по трассе, нашел обрыв и восстановил кабель. Десятки станочников возобновили прерванную работу. Электрик уже подходил к цеху, когда рядом с ним разорвался снаряд. Н. И. Иванов погиб.

На заводе не хватало инструмента, материалов, но работы не останавливались. Задания выполняли в установленные сроки — выручали инициатива, бесценный опыт, умение рабочих и инженеров, самоотверженность.

Не хватало белого металла и баббита, необходимого для заливки подшипников. Тогда плавильщик литейного цеха Б. Вилалов вместе с инженерами заводской лаборатории М. Шпектор и Я. Терентьевой восстановили несколько тонн баббита из отходов.

Нашли на заводе выход из положения, когда стало не хватать режущего инструмента. Инженеры заводской лаборатории А. Касьянов и Я. Терентьева в содружестве с мастерами механического цеха наладили выпуск электродов из отходов быстрорежущей стали.

Инженер М. Т. Сирош, мастер И. Л. Лаврентьев, начальник сварочной мастерской инженер-сварщик М. Шахов почти все время находились на корабле, быстро решали все возникающие по ходу ремонта вопросы.

Работы на тральщике велись чуть ли не круглосуточно. Рабочие и инженеры, закончив рабочий день,

который длился 10—12 часов, не уходили домой, отдыхали час-другой в цеху и продолжали работать.

Даже при артиллерийских обстрелах на тральщике не прекращалась работа, хотя снаряды рвались вблизи дока.

Монтажом судовых механизмов, исправлением линии вала руководил А. П. Леонтьев, и по сей день работающий на заводе. Правой рукой его был слесарь А. П. Мордашов, который и сейчас трудится на одном из предприятий в городе Ломоносове.

Токари механического цеха М. П. Орлов и Л. И. Ангаров точили упорные валы. Работа эта требует большой точности, а следовательно, очень высокой квалификации. Токари отлично справились с порученным делом.

Успешно шли и корпусные работы. Бригада судосборщиков И. Матюшева в течение недели сменила днищевой набор корпуса.

Хорошо работали сварщики. Почти без отдыха трудился Г. Витковский. Прочный, ровный, словно по нитке, шов оставлял электрод его сварочного аппарата.

В результате вдохновенного труда всего коллектива морзаводцев ремонт тральщика завершили за 26 дней вместо положенных по нормам трех месяцев. Корабль вновь вышел в море на выполнение боевых заданий.

В сентябре 1942 г. труженики завода закончили также ремонтные работы на эсминце, канонерских лодках и торпедных катерах и сдали их флоту. Осенью 1942 г. завод капитально отремонтировал ледокол «Тазуя». Корабль был потоплен авиацией врага в 1941 г. и несколько месяцев пролежал на дне Финского залива.

На этот раз предстояло выполнить очень большой объем работ. «Тазую» поставили в док.

— Да, тут работы не на один месяц,— говорили рабочие.

Действительно, палубные надстройки ледокола были разбиты, некоторые вообще отсутствовали. В правом борту зияла огромная пробоина, сквозь которую виделись изогнутые, разорванные трубопроводы, обрывки кабельных трасс, искореженные механизмы. И все-таки ледокол «Тазуя» восстановили и сдали с высокой оценкой ремонта в необычайно короткий срок — за полтора месяца.

Отлично работали на ремонте ледокола судосборщики И. Матюшев, рубщик И. Кухарев (сейчас он на заводе

начальник отдела материально-технического обеспечения), резчик Ф. Иванов, сварщик Г. Николаев, такелажники И. Г. Орлов и В. Крамаренко. Бригада слесарей механического цеха П. Н. Уличева ежедневно выполняла две нормы, около двух норм выполняла бригада Х. Мязитова. Бригады котельщиков А. Сергеева и Р. Бучерина, получив одинаковые задания по изготовлению дымоходов, соревновались между собой и выполняли нормы почти на 200 процентов.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили труд заводского коллектива. Летом 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР за успешное выполнение боевых заданий командования по ремонту и вводу в строй кораблей Краснознаменного Балтийского флота завод был удостоен высшей правительственной награды — ордена Ленина. Орденами и медалями наградили большую группу рабочих и инженерно-технических работников. Орденом Ленина был награжден начальник завода Александр Алексеевич Бурлаков, а главный инженер завода Сергей Иванович Афанасьев, мастер Иван Лаврентьевич Лаврентьев — орденами Трудового Красного Знамени, медник А. М. Шабан, судосборщик П. Г. Гигилев, мастера С. П. Петров и Б. П. Заглядимов — орденами Красной Звезды.

Е. В. БАСС,

медицинская сестра в Кронштадтском военно-морском госпитале в 1941—1945 гг.

В КРОНШТАДТСКОМ ГОСПИТАЛЕ

Воскресенье, 21 сентября 1941 г. День выдался ясный, солнечный, на небе ни облачка. Я в то утро встала позже обычного. После дежурства полагался отдых, и можно было побыть дома. Но в Кронштадтском военно-морском госпитале, где я работала медсестрой, сложилась в те дни тяжелая обстановка. Враг начал обстрел города. Госпиталь принимал новые партии раненых. Разве можно в такую пору отсиживаться дома? И я направилась на работу.

В небе появились гитлеровские самолеты. Вместе с другими прохожими я бросилась в подвал соседнего дома, там — бомбоубежище. Раздался свистящий звук пикирующего самолета, и все задрожало. Бомба упала рядом, на Интернациональной улице. В бомбоубежище вбежала женщина и закричала:

— Кто может, скорее помогите, там раненые...

Минута — и я на улице. В небе еще кружились «юнкерсы», где-то поблизости рвались бомбы, под ногами сотрясалась земля. Впервые в жизни я попала под бомбежку. Было страшно. На несколько минут рев самолетных моторов стих.

Прямо на тротуаре я перевязала раненых.

Над головами, в небе, вновь закружили вражеские самолеты. Кто-то крикнул:

— Ложись!

Взрыв, я упала. Встала — вся в грязи, в крови, в ушах звон. Вначале ничего не могу понять. Около грузового автомобиля как вкопанный стоит милиционер. Прихожу в себя. Первая мысль — о раненых...

— Открывайте кузов! — кричу милиционеру и людям, что были поблизости.

Пострадавших погрузили в машину и повезли в госпиталь. Подъезжаем, а я не узнаю места. В госпиталь попали бомбы... Он горел. Сплошной стеной стояла кирпичная пыль, дым застилал глаза. В хирургическом отделении я увидела свою подругу операционную сестру Марию Герасимову, бледную, с дрожащими губами. Вместе с другими работниками отделения она выносила на носилках лежащих больных. Я поспешила на помощь. Позже Мария рассказала мне, как начался этот трагический день. Она дежурила на своем посту в хирургическом отделении. В палате лежали раненые матросы с линкора «Марат». Вдруг завывала сирена. Воздушная тревога... Раздался неимоверной силы взрыв. С грохотом рушилось здание, летели в стороны кирпичи, куски дерева, пыль образовала сплошную непроницаемую завесу. Марию взрывной волной отбросило из одного конца коридора в другой.

Большинство лежащих в хирургическом отделении не могли ходить, многие лежали на вытяжке с тяжелыми переломами, были совершенно беспомощны.

Вместе с сестрами, нянечками, персоналом из других отделений Мария перенесла раненых в другое помещение. В этот день фашистские бомбы разбили приемный покой и то крыло здания госпиталя, где размещались терапевтическое отделение, аптечный, вещевой и продовольственный склады, кают-компания. Почти во всех окнах громадного старинного здания вылетели стекла. Из строя вышли пищеблок, теплоцентраль, водопровод, паропровод, электрические линии, канализация. Пострадали люди. Десятки раненых, больных и сотрудников госпиталя были убиты. Погибли военврачи I-го ранга Э. Э. Коган, С. А. Багдасарьянц, медицинская сестра А. И. Львова, гигиенист Н. С. Палей и многие другие.

Разрушения сделали невозможной нормальную работу госпиталя. Поэтому многих раненых отправили в Ленинград. Некоторые отделения госпиталя разме-

стили в различных зданиях города. 29 сентября в помещении на улице Зосимова перебазировалось отделение с гражданскими больными. Старшей медицинской сестрой этого отделения назначили меня.

К осени ухудшилось положение с топливом, водоснабжением, освещением. Все эти трудности испытывал и госпиталь. На меня, как на старшую сестру, легла нелегкая обязанность обеспечивать больных питанием, чистым бельем. Они отдавали мне свои продовольственные карточки. На них я получала продукты. Но продовольственный паек становился все более и более скудным.

Непросто было и доставить в отделение готовую госпитальную пищу. Ее возили на ручной тележке через весь город, так как главное здание госпиталя и гражданское отделение оказались в противоположных его частях — восточной и западной. Обе эти части подвергались наиболее сильным артиллерийским обстрелам. Занималась доставкой пищи и медикаментов раздатчица Анастасия Александровна Архипова, иногда делала это я.

Однажды Анастасия Александровна, громыхая тележкой по булыжной мостовой, совершала свой обычный рейс. Начался вражеский обстрел. Люди побежали в укрытия, а Архипова шла и шла, будто не замечая, как то тут, то там разрывались снаряды. Больные получили обед как всегда вовремя.

Голод в это время был страшным бичом. Из-за недостатка питания главным заболеванием в осажденном Кронштадте стала дистрофия. В госпитале все голодали: и больные, и медперсонал.

Помню, произошел такой курьезный случай. После дежурства мы, несколько сестер отделения, собрались вместе у кого-то на квартире. Было холодно; как всегда, хотелось есть. Чтобы согреться, мы все разместились на кровати, тесно прижавшись друг к другу. Вдруг разорвался снаряд. Осколок угодил в нашу комнату, пролетел над кроватью, разбил шкаф и врезался в стенку. Мы бросились в бомбоубежище, но я вдруг вспомнила про конфеты, которые мы только что получили по карточкам; надо, говорю, взять с собой. Вернулась за конфетами. Сидим в подвале, слушаем взрывы и с минуты на минуту ждем, что снаряд врежется в наше укрытие и разнесет всех. Я предложила:

— Давайте все конфеты съедем. А то нас убьет, а конфеты останутся.

Все дружно согласились, и каждая съела свою норму за две недели вперед. А обстрел так же внезапно прекратился, как и начался. Все остались живы. Люди, облегченно вздохнув, друг за другом стали выходить из укрытия. Только мы медлили. Наши лица выражали недоумение и замешательство. Кто-то тихо, растерянно сказал:

— Мы-то живы. А конфет-то нет. Съели, поторопились...

Съеденные конфеты составляли норму сахара за две недели вперед. Из скудного дневного рациона у нас теперь надолго исключалось сладкое. Конечно, настроение девчат упало. Но ничего, дотянули кое-как эти две недели.

Самоотверженно, не жалея сил, которых становилось все меньше и меньше, ухаживал медицинский персонал госпиталя за больными и ранеными. Вспоминая те дни, я не могу понять — откуда брались силы у измученных голодом и холодом женщин? Ведь работали сутками. Разгружали баржи с овощами, а потом шли на дежурство. Весной 1942 г. вскопали огороды. Было трудно, но не жаловались, хотя многие страдали дистрофией. Я тоже сильно сдала от недоедания: щеки и глаза ввалились, кожа на ногах и руках обвисла. А тут еще случилась беда: потеряла продовольственные талоны. Несколькими днями не ела, ходила голодная, шаталась от слабости. Сначала не знала, что делать. Потом решила пойти в исполком. Там распорядились немедленно выдать новые карточки и отоварить. Сразу зашла в магазин и выкупила хлеб и сахар. «Что же это такое, — думала, — буду ли когда-нибудь сыта? Наемся ли вдоволь?»

Домой я заходила ненадолго, только взять что-нибудь, чаще за бельем. Холодная, нетопленная комната выглядела нежилой. Топить нечем. В окнах стекла выбиты взрывной волной. Крыша, пробитая осколками, протекала. В такую комнату идти не хотелось. И самое главное, давили одиночество и тоска.

Меня, как и многих других женщин, постигло страшное горе — я потеряла мужа. Он погиб недалеко от Кронштадта, защищая Ленинград.

Теперь моим домом стал госпиталь. Там меня ждали, там я была нужна. Сознание своей необходимости придавало силы. И я не только ухаживала за больными, но выполняла многие другие дополнительные работы. Пилила дрова, разгружала баржи, ходила с ведром за водой к колонке, которая находилась на Советской улице. Путь от госпиталя не близкий, особенно для истощенных людей. Здесь обычно выстраивалась большая очередь. Зимой к колонке было не подойти — обмерзала льдом. Кто-нибудь посильнее, покрепче забирался на образовавшуюся ледяную горку, набирал воду, и по цепочке ведро передавали хозяину.

В госпитале лежали больные: и военнослужащие, и гражданские — взрослые и дети. Помню, что однажды к нам привезли маленького мальчика, которому во время одного из палетов на Кронштадт в Петровском парке оторвало ногу. После операции он спросил:

— Мама, а ножка у меня не выросла?

До сих пор не могу без слез вспоминать о нем.

Операций в госпитале делали много и очень серьезные, притом в трудных условиях. Электроэнергию давал маленький движок, а когда он выходил из строя, выручала керосиновая лампа, а зачастую просто коптилка. И в такой обстановке врачи-хирурги совершали чудеса. Вспоминаю, что в числе большой группы пострадавших после фашистской бомбардировки был доставлен краснофлотец одного из кораблей с тяжелым ранением руки — в нескольких местах переломы. Военврач Александр Петрович Никитин, ведущий хирург госпиталя, осмотрев больного, сказал:

— Ампутировать не будем. Сосуды целые. Будем лечить.

И вылечили! Краснофлотец вернулся в строй и служил шофером.

Старались спасти жизнь каждого. Начиналась эта борьба в операционной, продолжалась в палате.

Помню, как много потребовалось усилий, чтобы вырвать у смерти, а потом здоровыми и полноценными людьми вернуть в ряды флота моряков, поступивших с сильнейшими ожогами. Их корабль погиб при переходе из Таллина в Кронштадт. На воде горел разлившийся мазут. Люди, бросившиеся в воду, оказались в огне. Их спасли и доставили в госпиталь с сильнейшими ожогами. Даже мы, сестры, привычные ко мно-

гому, не могли заходить в их палату без содрогания. Когда я вошла к ним первый раз, то растерялась. Один из них со стоном попросил:

— Сестричка, пить!

Но как дать попить, когда вместо лица сплошная гнойная корка, без глаз, без губ. Я осторожно из носика маленького чайничка напоила моряка охлажденным сладким чаем. Вместе с нянечкой всем перестелила постели, проветрила палату, выполнила все назначения врача. Долго продолжалось лечение. Мы окружили моряков заботой и вниманием. Радостным для всех нас был день, когда больным разрешили посмотретья в зеркало, и каждый увидел свое лицо, покрытое нежной и гладкой светло-розовой кожей.

Все трудности нашей жизни помогали преодолевать дружба, забота друг о друге, бескорыстное желание помочь в работе и оказать моральную поддержку. Обстановка заставляла работать без отпуска, без выходных дней. Но мы не жаловались на усталость и не делили обязанности на «твои» и «мои».

Какое отношение, например, имела к уходу за больными и ранеными телефонистка госпиталя Аня Гарусова? По служебному положению — никакого. А в терапевтическом и в других отделениях не раз в трубке раздавался ее голос:

— Я закончила дежурство. Может, прийти вам помочь?

И она приходила, чтобы покормить больных, помочь им умыться, переодеться, написать письмо. Да мало ли что нужно было сделать для больного человека.

Душой всего нашего коллектива был начальник госпиталя Шайхи Насырович Ермаков. Все уважали его за строгое, требовательное, но справедливое отношение к людям, любили как хорошего начальника и заботливого человека. Он никогда не забывал о медперсонале. Всегда вовремя скажет: «Вам нужно передохнуть» или «Вы должны идти поесть». В блокадные дни так много значило доброе, заботливое слово...

В годы войны я была председателем местного комитета. Вместе с партийной организацией члены месткома организовали самодеятельность, выпускали стенгазету, помогали своим ослабевшим сотрудникам, воинам армии и флота. Собирали теплые вещи для защитников Ленинграда. Каждый приносил, что мог: теплое белье, рука-

вицы, валенки, шерстяные носки, шапки-ушанки. И все это через Красный Крест отправляли на фронт.

А 31 декабря 1941 г., несмотря на голод, холод, жестокую блокаду, мы устроили новогодний праздник. В клубе стояла зеленая пахучая елка с разноцветными свечами. Пушистые ветки украшали елочные игрушки, сверкающие разноцветными стеклышками. Вокруг ходил хоровод, и дети слабенькими голосами пели «В лесу родилась елочка». Неподдельной радостью светились их глаза, когда Дед Мороз раздавал подарки: конфеты, галеты. Для того времени такой подарок был настоящей роскошью.

Прошли еще многие трудные месяцы, прежде чем настал долгожданный день Победы. В этот день мы пообещали хранить память о военных годах до конца своих дней.

Многих друзей военных лет уже нет среди нас. Но до сих пор трудятся в госпитале ветераны войны Евгений Николаевич Шлюс, Галина Степановна Бова, Анна Ивановна Яблочкова, Елена Евдокимовна Волкова, Мария Павловна Лапина. Несколько лет находится на пенсии Мария Семеновна Герасимова. Мы с ней часто видимся и навещаем в Ленинграде находящуюся тоже на пенсии Александру Федоровну Говорову, которая была операционной сестрой и все годы войны проработала в госпитале.

В небольшом старом домике на территории госпиталя живет бывшая старшая операционная сестра Анна Ивановна Сазонова. Ей уже под девяносто, но она сохранила жизнерадостность, бодрость и остроумие. Частенько мы, друзья военных лет, собираемся вместе и вспоминаем былое. Да, нам было трудно, но со спокойной совестью можем сказать — мы с честью выполнили свой долг.

Я. С. КУЛАКОВ,

майор.

Заместитель начальника отделения тыла Кронштадтской крепости в 1941—1944 гг.

ТРУЖЕНИКИ ТЫЛА КРОНШТАДТА

В годы войны я служил в продовольственном отделе тыла Кронштадтской крепости. Как известно, служба тыла обеспечивает корабли и береговые части боеприпасами и топливом, продовольствием и всякого рода имуществом, ремонтирует оружие и технику. Это, конечно, далеко не полный перечень всего того, что составляет работу тыла.

В начале войны Кронштадт имел большие запасы продовольствия. Однако осенью 1941 г. значительная их часть была передана Ленинграду: флот выделил 1545 тонн муки, 105 тонн сахара, 24 тонны рыбных консервов, 4 тонны сгущенного молока. Доставить этот драгоценный груз в Ленинград было нелегким делом. Буксиры, баржи и другие суда на пути из Кронштадта в Ленинград и к Лисьему Носу обстреливала вражеская артиллерия.

С сентября 1941 г. гитлеровцы чуть ли не ежедневно открывали огонь по Кронштадту. И работники тыла, наверное, подвергались не меньшей опасности, чем, например, бойцы-артиллеристы береговых батарей. От вражеских снарядов погибли заведующий продовольственным складом мичман И. К. Преображенский, старшина 2-й статьи Н. П. Корнев, был тяжело ранен краснофлотец Иван Кофанов — ему пришлось ампутировать руку.

После госпиталя он вернулся в нашу часть. И. П. Кофанов и сейчас в строю — он продолжает работать в Кронштадте. В наш продовольственный склад попали два снаряда и бомба, но, к счастью, ни люди, ни продовольствие не пострадали. Немало сделали для этого работники продовольственного склада мичманы А. Родионов, Б. Павлов, Н. Скворцов, кладовщицы К. Смирнова, Б. Подрядчикова. Все они хорошо понимали, как важно сохранить все продовольствие до крупинки, до грамма.

Не раз от взрывов снарядов и авиабомб в районе складов начинались пожары. Однако их быстро локализовывали, а затем и тушили бойцы нашей МПВО капитан Н. Царев (начальник продовольственного склада), И. И. Севрюгин, Г. Боровиков, А. Кисляков, Г. Добролюбов, З. Девочкина.

Опасным и ответственным делом была доставка грузов из Кронштадта на Ораниенбаумский плацдарм. И хотя перевозки осуществляли ночью, гитлеровские батареи из Нового Петергофа обстреливали буксиры и баржи. Зимой, когда начала работать ледовая дорога между Кронштадтом, Лисьим Носом и Ораниенбаумом — «малая дорога жизни», как называли ее кронштадтцы, — артиллерия противника совершала огневые налеты на транспортные колонны, и, случалось, люди гбли на боевом посту.

Помню, в начале марта 1942 г. шофер И. П. Рудаков повез из Кронштадта в Ленинград снаряды для линкора «Октябрьская революция». В Ленинграде на грузовик погрузили продовольствие, и И. П. Рудаков отправился в обратный путь. Между Лисьим Носом и Кронштадтом грузовик попал под артиллерийский обстрел. Шофер был ранен, но продолжал вести машину с бесценным в те блокадные дни грузом — продовольствием, пока не потерял сознание. После госпиталя Рудаков вернулся и продолжал рейсы по ледовым трассам.

Большую трудность представляли рейсы с продуктами, боезапасом, топливом и другим имуществом на Лавенсари. Ледовая дорога к острову начиналась от маяка Шепелевский на Ораниенбаумском плацдарме. За транспортом на этой дороге охотилась гитлеровская авиация. Стоило задержаться на льду до рассвета, как появлялись самолеты со свастикой. Шоферу П. Ф. Дорошу однажды пришлось несколько часов пролежать под

своим грузовиком, укрываясь от пулеметных очередей «мессершмиттов».

Отважные люди ходили на буксирах и баржах нашего кронштадтского отдела тыла. Особенно запомнились мне капитан буксира «КП-77» П. А. Тарасов и капитан буксира «КП-13» П. Н. Михейко. Их безоружные суда смело выполняли любые задания. А ведь вся экватория Финского залива от Кронштадта до Ленинграда и от Лисьего Носа до Ораниенбаума простреливалась артиллерией гитлеровцев, охотилась здесь за каждым судном и их авиация.

Помню, 21 сентября 1941 г. «КП-66» шел с баржей, нагруженной боезапасом, к форту Первомайский. Не успел буксир выйти на Малый рейд, как начался палет авиации противника. Бомбы поднимали многометровые фонтаны воды, десятки «юнкерсов» атаковали наши корабли на рейдах и в гаванях Кронштадта. Но маленький буксир продолжал свой путь и доставил боезапас на форт. А ведь достаточно было одного попадания снаряда, чтобы и баржа и буксир взлетели на воздух.

Капитан П. А. Тарасов, матросы буксира Валя Шилина, Вера Сумина, Лена Петрова, Николай Мишин не терялись в самой трудной обстановке и работали под вражеским обстрелом в гаванях и на рейдах Кронштадта и Ораниенбаума. Так же самоотверженно трудились команды и других буксиров, барж и тендеров. А поздней осенью и в начале зимы 1943/44 г., пробиваясь через крепнущий лед, буксиры тыла Кронштадтской крепости перевезли из Лисьего Носа на Ораниенбаумский плацдарм немало войск и боевой техники 2-й ударной армии.

Зимой, когда залив замерзал, команды буксиров и барж ремонтировали свои суда и выполняли различные другие работы. Например, зимой и весной 1942 г. команда буксира «КП-13» под командованием капитана П. А. Тарасова ловила рыбу. За три месяца из-под льда добыли 34 тонны рыбы, которая послужила существенной добавкой к скудному пайку воинов-кронштадтцев.

Так выполняли свой долг перед Родиной труженики тыла Кронштадта.

Т. Д. ТАРАСОВА,

балетмейстер, работник ленинградского Дома Военно-Морского Флота в 1941—1945 гг.

МЕСЯЦ НА ЛАВЕНСАРИ

В июле 1944 г. руководство ленинградского Дома Военно-Морского Флота командировало меня на остров Лавенсари.

Отправлялась я с большим интересом — все мы слышали о героическом острове, западном форпосте Кронштадта, о его гарнизоне, успешно отражавшем атаки врага, о смелых действиях базировавшихся на Лавенсари катеров и самолетов.

Меня и А. А. Дудина — методистов Дома Военно-Морского Флота — направили помочь подготовить концерт художественной самодеятельности. Концерт должен был состояться в День Военно-Морского Флота. А. А. Дудин — музыкант, специалист по народным инструментам, я — балетмейстер.

Наш путь на Лавенсари лежал через Кронштадт. Поздно ночью от набережной Невы у площади Труда отошел катер.

Вместе с нами на остров ехала только что прибывшая в Ленинград бригада артистов Театра оперы и балета имени С. М. Кирова. Насколько помню, это были заслуженные артисты республики Е. В. Вольф-Израэль, Н. Ф. Вдовина и М. М. Михайлов, артисты В. А. Соболева и М. С. Георгиевский.

В Кронштадте мы задержались до наступления темноты, так как гитлеровские самолеты и катера еще

пиратствовали в Нарвском заливе — линия фронта проходила у Нарвы.

До отхода катера оставалось время, и мы пошли походить по Кронштадту. Я помнила его до войны — тихие, какие-то особенно чистые улицы, парочки в Петровском парке, краснофлотский духовой оркестр... Теперь облик города был иным: матросские патрули, малолетние улицы, орудия в парке и на площадях.

Ночью мы вышли из Кронштадта в охранении сторожевых катеров. По крутому трапу я поднялась из кубрика на палубу. Вода, вода... Берегов не видно. К утру вдаль показался Лавенсари. На пирсе нас встретили работники политического отдела, знакомые по Ленинграду, — пропагандисты Б. В. Галинский, Н. И. Усов и комсорг Б. П. Вишняков.

Мы сразу же включились в работу. Нужно сказать, что культурно-массовая работа в этом отдаленном гарнизоне была поставлена хорошо: проводились лекции, литературные вечера, концерты. События культурной жизни непременно освещались в местной газете (ее редактировал Н. Ф. Нарядчиков), в передачах местного радио. Начальник политотдела Г. Н. Бороденко, пропагандисты Н. И. Усов, Б. В. Галинский и другие политработники и командиры делали все, чтобы, несмотря на оторванность от Большой земли, гарнизон Лавенсари мог культурно отдыхать.

Работала я в Базовом клубе. Удалось поставить много народных танцев и любимое моряками флотское «Яблочко». При клубе был и свой балетмейстер — матрос Островский. Занятия с танцевальной группой мы проводили вместе. Островский был мастер на все руки — он же писал декорации, плакаты.

Помогала я также коллективам художественной самодеятельности частей, читала лекции о хореографическом искусстве. Была у меня в те дни очень радостная встреча. В Ленинграде в 1943 г. я готовила большую концертную программу в зенитной части (заместителем по политической части в ней был В. В. Шельпуг). Но накануне концерта часть получила приказ о перебазировании — больше своих учеников я не видела. Каковы же были мое изумление и радость, когда они оказались здесь, на Лавенсари. Все были живы, здоровы, и мы в несколько репетиций возобновили концертную программу. Танцоры Полина Пошлякова и Иосиф Портнов,

с которыми я много занималась в Ленинграде, отлично исполняли свои номера, и я смело включила их в программу концерта.

Репетиции в Базовом клубе проходили ежедневно. Приятно вспомнить дни моей работы на Лавенсари — необыкновенно тяготели моряки к искусству. А ведь занимались они в перерывах между несением службы, между выходами в море. Все мы тогда с восторгом слушали рассказы о замечательных делах Героев Советского Союза В. П. Гуманенко и С. А. Осипова, катера которых в эти дни не раз уходили в бой от причалов Лавенсари.

Были победы, но были и утраты. Не раз я видела, как в скорбной тишине матросы несли гроб — на крышке его лежала бескозырка.

В День Военно-Морского Флота, 24 июля, в Базовом клубе состоялся большой концерт. Дудин подготовил для него большую программу с оркестром народных инструментов и разучил с хором новые произведения советских композиторов.

В первом отделении выступали артисты художественной самодеятельности гарнизона, во втором — артисты Театра оперы и балета имени С. М. Кирова. Каждый номер зрители встречали восторженно, гремели аплодисменты.

Потом все вышли из клуба, и началось перетягивание каната, бег в мешках и прочие игры. Я, конечно, вместе со всеми принимала в них участие.

Помню, что в это время на острове находилась художница С. К. Вишневецкая — жена любимого нами флотского писателя Всеволода Витальевича Вишневецкого. Она писала портреты отличившихся в боях моряков и летчиков. Праздничный день прошел весело и интересно, все были довольны.

Я и Дудин оставались на Лавенсари и после праздника, работали с художественной самодеятельностью в разных подразделениях. Приходилось много ходить. Это было очень приятно, — природа острова хороша. Море, сосны, песок... Среди зелени то и дело попадались огромные кусты белого шиповника.

Через месяц с лишним, тепло попрощавшись со всеми товарищами, мы вылетели в Ленинград.

А. Б. МЕЖЕРИЦКИЙ,

старший инструктор-методист по художественной самодеятельности ленинградского Дома Военно-Морского Флота в 1941—1945 гг.

ВМЕСТЕ С ЗАЩИТНИКАМИ КРЕПОСТИ

В военные годы я работал художественным руководителем хора и инструктором-методистом художественной самодеятельности в Доме Военно-Морского Флота, переведенном в начале войны из Таллина в Ленинград. Но в Ленинграде почти не бывал — большую часть времени организовывал художественную самодеятельность на кораблях и в частях, в основном в Кронштадте и на Ораниенбаумском плацдарме.

Многие рабочие Кронштадта, матросы, солдаты и офицеры отдавали художественной самодеятельности часы короткого отдыха и силы, которых в блокадную зиму было так мало...

Конечно, я хорошо знал руководителей самодеятельных коллективов и их энтузиастов — артистов. Отличная самодеятельность была в военно-морском госпитале. Активное участие в ней принимали главный хирург госпиталя А. П. Никитин, отличным басом исполнявший классические произведения русских композиторов. Virtuозно играл на фортепиано свои импровизации и аккомпанировал солистам подполковник медицинской службы Н. М. Тамбовцев. Старшина роты Е. Бершадский и методист лечебной физкультуры Г. С. Бова организовали эстрадную концертную группу, выступавшую в отделениях тяжелораненых и в воин-

ских частях гарнизона. Аккомпанировала в ней Н. М. Полянская. Был в госпитале и танцевальный ансамбль — Г. Бова, В. Коровицина, Н. Авдеева и Е. Белокурова под руководством балетмейстера Л. Г. Ефремовой подготовили интересные номера. А. Соколова руководила хором народной песни, который исполнял и песни на музыку самодеятельного композитора Г. Постникова — служащего госпиталя.

Начальник клуба учебного отряда А. Волконский был не только хорошим организатором самодеятельности, но и великолепным танцором. Там же служил В. Киселев, отличный эквилибрист, впоследствии артист Госцирка.

Состоящий при учебном отряде гарнизонный духовой оркестр — им руководил дирижер П. Сергеев — превращался на концертах то в джаз-оркестр, то, сменив трубы на домры и балалайки, в оркестр русских инструментов. Разумеется, кроме игры в оркестре музыканты несли и боевую службу: с оружием в руках дежурили по ночам на льду залива, охраняя северные подступы к Кронштадту. И радости и печали гарнизона не обходились без участия духового оркестра: с музыкой встречали возвращающихся с победой из боевого похода подводников и катерников, с музыкой хоронили погибших героев-матросов и командиров, провожали моряков, уходивших с кораблей в морскую пехоту.

Помню участника самодеятельности матроса С. Маркитанова. Он играл и на баяне и на аккордеоне, руководил хором и ансамблем баянистов.

Славился в Кронштадте эстрадный ансамбль соединения торпедных катеров: П. Положенцев играл на фортепиано, Н. Васильев — на саксофоне, М. Купатали — на тромбоне, хорошо танцевал А. Жданов...

В 42-м отдельном стрелковом батальоне самодеятельность организовал красноармеец И. И. Смирнов. В батальоне имелся вокальный ансамбль, смешанный струнный оркестр, группа танцоров и солистов. Особенно запомнились мне выступления на сцене Анатолия Гаденова — чтеца и драматического актера, его брата Аркадия Гаденова — танцора, певцов И. Прогар и В. Мухина. Лейтенант Н. Герастовский написал пьесу «В тылу врага», поставленную самодеятельными артистами батальона. 23 февраля 1942 г. в концерте, посвященном Дню Красной Армии, этот самодеятельный

художественный коллектив занял первое место. Напомню, что это происходило блокадной зимой, когда даже военнотружущие получали по 300 граммов хлеба...

Широкую популярность завоевал струнный оркестр зенитчиков, которым руководил матрос В. Никитенко. Вместе с ним пела народные песни боец Вера Сергеева.

Владимир Никитенко показал себя и как неплохой композитор, написав мелодию песни «Огонек» на слова М. Исаковского. Она была опубликована в репертуарных сборниках Политуправления КБФ.

Из Кронштадта песня пришла на фронт и в тыл, и через линию фронта — к партизанам. Она полюбилась всем. В некоторых изданиях о песне «Огонек» теперь пишут: «Стихи М. Исаковского, музыка народная» или «автор неизвестен». Но автор — Владимир Никитенко — жив, работает в Харькове преподавателем пения в школе.

На кораблях эскадры и ОВРа, в бригаде подплава тоже постоянно действовала матросская художественная самодеятельность.

С радостью встречали самодеятельных артистов на предприятиях и в учреждениях города. Музыкальное искусство в то тяжелое время доставляло людям большую радость, помогало переносить трудные дни первой блокадной зимы.

Помню, как в цехах Морского завода в обеденное время или после работы собирались любители игры на гитаре, мандолине и других инструментах. В заводском рабочем клубе по вечерам наши артисты играли, пели, доставляя радость и себе и слушающим товарищам. Многие рабочие оставались спать тут же на заводе, чтобы рано утром начать трудовой день. Надо было сберечь силы, не тратить остаток их на долгий путь домой, в нетопленные, холодные квартиры.

Активное участие в самодеятельном оркестре Морского завода принимал начальник 1-го цеха инженер М. Т. Сирош, хороший мандолинист. На мандолине виртуозно играл и начальник мастерской инженер А. М. Бельченко, и известный на заводе кузнец Петр Александрович Семенов, а на гитаре — судосборщик Павел Михайлович Иванов. Много, очень много знал я в те дни кронштадтцев — любителей искусства...

При клубе завода существовала самодеятельная концертная бригада: токарь С. Маланин исполнял

романсы и арии из оперетт, служащая Е. Краснова пела песни советских композиторов, В. Сарфинович выступала с художественным чтением. Н. Панкова исполняла эстрадные песни. И все это — при музыкальном сопровождении В. Моисеева. Были в бригаде и акробаты В. Шишкова и И. Птицын, и завоевавший после войны большую популярность конферансье Герман Орлов. Концертная бригада Морского завода выступала на предприятиях и в учреждениях Кронштадта, в воинских частях и на кораблях Балтийского флота. Морзаводцы бывали на «северных» и «южных» фортах, на Ораниенбаумском плацдарме.

Большую помощь художественной самодеятельности оказывали руководители кружков при кронштадтском Матросском клубе — балетмейстер Лидия Георгиевна Ефремова, пианист Сергей Воскресенский, специалист по инструментовке для всех видов оркестров, особенно для джаза, баянист матрос Владимир Моисеев и другие.

Особенно памятна мне поездка с концертной бригадой в Кронштадт осенью 1941 г.

Вечером 4 ноября 1941 г. концертная бригада Дома Военно-Морского Флота разместилась на маленьком буксире, стоявшем у набережной Лейтенанта Шмидта. Застучала машина, и буксир пошел вниз по Неве. Уже несколько дней стояли морозы, и Нева покрылась тонкой коркой льда. В закрытой части Морского канала где-то над нами загудел вражеский самолет. Несколько залпов зениток, и гитлеровец скрылся. Вышли в залив. Слева по борту — занятый гитлеровцами берег, Петергоф... Я задремал, положив голову на футляр моей неизменной спутницы — скрипки.

Ночью буксир благополучно прибыл в Кронштадт, и мы разместились в Матросском клубе. Начальник клуба батальонный комиссар И. Эпштейн постарался дать нам отдохнуть.

С 5 ноября начались концерты. Давали в день по два, по три концерта. Я занимался организацией на кораблях художественной самодеятельности. Бойцы и моряки встречали нас тепло: горячо аплодировали, а после концерта угощали обедом или ужином — в те дни это так много значило...

7 ноября состоялся праздничный концерт в бригаде подводных лодок. Приятно было увидеть живым и невредимым начальника штаба бригады капитана 2-го

ранга Л. А. Курникова, с которым я познакомился еще до войны. Концерт прошел с большим успехом.

8 ноября мы дали еще несколько концертов, а 9-го, вечером, нас проводили по темным улицам города к причалу. В темноте вырисовывался силуэт транспорта. По обледенелым сходням прошли на судно. Расположились на сложенных штабелем досках в помещении, переполненном бойцами. Темно, холодно... Пока мы были в Кронштадте, сильный мороз сковал залив толстым слоем льда. Ждали ледокола, который проведет наш транспорт в Ленинград. Взошла полная луна и ярко осветила все вокруг. Наконец подошел ледокол, и в первом часу ночи мы тронулись в путь. То тут, то там возникали разговоры, почему-то полупшепотом. Кто-то вполголоса затянул песню, ее подхватили. Кончили одну, начали другую...

Но вот судно тряхнуло — снаряд взорвался у самого борта. Мы подходили к закрытой части Морского канала — этот участок был хорошо пристрелян вражескими багареями из Стрельны и Петергофа. Снаряды рвались у бортов, по носу судна. Я сидел на краю штабеля досок, рядом — аккордеонист джаза Петр Волков. Он поднялся, и тут же в носовой части раздался взрыв — попадание снаряда. Волков упал, я подскочил к нему, но он уже не дышал. Секунда, другая, еще один снаряд разорвался в нашем помещении. Возник пожар. Многие были ранены и убиты. Пламя мы забрасывали шинелями, топтали ногами. С трудом удалось потушить пожар. А обстрел все продолжался. Осколки снаряда изрешетили наши музыкальные инструменты. Но мой футляр со скрипкой каким-то образом уцелел.

Горящий транспорт вошел в закрытую часть Морского канала, и обстрел прекратился. Подошли буксиры и начали поливать палубу и надстройки водой, сбивая пламя. Ледяная вода проникала в помещения и тут же замерзала.

Транспорт подошел к причалу. Санитарные машины увезли убитых и раненых. А наша концертная бригада, разобрав инструменты, направилась к Дому Военно-Морского Флота: надо было привести себя в порядок, узнать, где и когда нам предстоит давать очередные концерты...

Не раз приходилось артистам и в последующие месяцы добираться до своих зрителей-воинов под артилле-

рийскими обстрелами и бомбежками, пешком по еще не окрепшему льду залива. Помню, как по дороге в Кронштадт был контужен артист А. Д. Бениаминов. Его доставили в госпиталь, оказали помощь. Александр Давидович лежал часа два, поднялся и под аплодисменты прочитал несколько рассказов раненым и персоналу госпиталя. Ленинградские артисты, в том числе народная артистка С. П. Преображенская, Н. Л. Вельтер, А. С. Егорова, Н. А. Персианинов, Н. С. Орешков, Л. А. Пасынкова, Н. Бах, Т. И. Горская, А. Белова, П. Панина и многие другие, несмотря на трудности и опасности, выступали в самых отдаленных гарнизонах. Много дней провел и я на фортах Красная Горка и Серая Лошадь, на аэродромах и на кораблях.

На второй год войны Политическое управление начало регулярно издавать сборники «Песни Краснознаменной Балтики». За время войны вышло 15 выпусков. В них печатались известные ленинградские флотские поэты Всеволод Азаров, Н. Браун, В. Крахт, А. Фидровский, С. Фогельсон, А. Чуркин и другие. Музыку писали композиторы Н. Будашкин, В. Витлин, Б. Гольц, Л. Круп, В. Соловьев-Седой, В. Сорокин, Н. Минх, Д. Прицкер.

Издавался также эстрадный сборник «Боевая краснофлотская эстрада», из которого мы черпали материалы для художественного чтения. Флотская аудитория хорошо встречала напечатанные там произведения В. Вишневского, Н. Тихонова, А. Штейна, А. Крона, А. Зонина. В нем же публиковались миниатюры, сатирические куплеты, частушки и т. п. Мы использовали эти сборники в работе с воинами и рабочими — участниками художественной самодеятельности. Стихи, песни и рассказы исполняли артисты наших концертных бригад, выступая на кораблях и в воинских частях.

И в послевоенные годы, по сей день, я не порываю связи с моряками-балтийцами, стараюсь знакомить их с музыкой, помогать коллективам художественной самодеятельности. Горжусь, что в трудные дни Великой Отечественной войны был рядом с замечательными людьми Краснознаменной Балтики — смелыми и самоотверженными воинами.

ЛИТЕРАТУРА

О КРОНШТАДТЕ И КРОНШТАДТЦАХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941—1945) *

Историческая и мемуарная литература

- Азаров В. Б., Соловьев Г. И. В боевых походах (Герой Советского Союза С. П. Лисин). Саратов, 1963.
- Ананьин И. А. Корабли нашей юности. Лениздат, 1975.
- Ачкасов В., Вайнер Б. Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне. М., Воениздат, 1957.
- Ачкасов В. И., Павлович Н. Б. Советское военно-морское искусство в Великой Отечественной войне. М., Воениздат, 1973.
- Балтийская слава. Рассказы. Очерки. Воспоминания. Калининград, 1959.
- Балтийский флот. Исторический очерк. М., Воениздат, 1960.
- Битва за Ленинград. 1941—1944. М., Воениздат, 1960.
- Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. М., Воениздат, 1974.
- Буров А. В. Твой герой, Ленинград. Лениздат, 1970.
- В небе — летчики Балтики. Таллин, «Ээсти раамат», 1974.
- Винокуров И. П. и др. Кронштадт. Краткий путеводитель. Лениздат, 1963.
- Воюет Балтика. Воспоминания военных моряков. Лениздат, 1964.
- Гангут. 1941. Сборник воспоминаний. Лениздат, 1974.
- Герои седой Балтики. Сборник. Лениздат, 1965.
- Грищенко П. Д. Мои друзья — подводники. Лениздат, 1965.
- Девятьсот дней. Литературно-художественный и документальный сборник, посвященный героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, 1941—1944. Лениздат, 1962.
- Дмитриев В. И. Атакуют подводники. М., Воениздат, 1970.
- Дмитриев В. И. Салют Ленинграда. М., Воениздат, 1959.
- Ермолаев В. К., Коновалов А. В. Герои «Оки». Боевой путь минного заградителя. М., Воениздат, 1960.

* Указатель литературы составлен А. Н. Ганичевым, библиографом Центральной военно-морской библиотеки.

- Зонин А. И. Две тысячи миль под водой. В походе с экипажем гвардейской подводной лодки «Л-3». М.—Л., Воениздат, 1944.
- Зонин А. И. Гвардейский корабль «Стойкий». М.—Л., Воениздат, 1942.
- История Кронштадтского госпиталя. К 250-летию со дня основания. Л., 1967.
- Кабанов С. И. На дальних подступах. М., Воениздат, 1971.
- Кабо И. С. На гвардейской «Щ-309». М., Воениздат, 1964.
- К истории Кронштадтского ордена Ленина Морского завода. 1859—1958. Л., 1958.
- Каберов И. А. В прицеле свастика. Лениздат, 1975.
- Корабли-герои. М., изд-во ДОСААФ, 1970.
- Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград. 1941—1944. Сборник. М., «Наука», 1973.
- Красноперов Г. Е. Слава Балтийская. Краткая летопись боевых и революционных свершений моряков Краснознаменного Балтийского флота. Таллин, «Ээсти раамат», 1971.
- Корж В. Е. Запас прочности. М., Воениздат, 1966.
- Кузнецов Н. Г. На флотах боевая тревога. М., Воениздат, 1971.
- Ладинский Ю. В. На фарватерах Балтики. М., Воениздат, 1973.
- Легендами овеванная Морская пехота в боях за Ленинград. Лениздат, 1975.
- Литературный Ленинград в дни блокады. Л., «Наука», 1973.
- Мельников П. Е. Залпы с берега. М., Воениздат, 1971.
- Мирошниченко Н. Г. Ветер с Балтики. М., изд-во ДОСААФ, 1972.
- Михайловский Н. Г. Бессменная вахта. М., изд-во ДОСААФ, 1971.
- Михайловский Н. Г. Линейный корабль «Марат». М.—Л., Военмориздат, 1942.
- Михайловский Н. Г. С тобой, Балтика! М., Воениздат, 1964.
- Михайловский Н. Г. Таллинский дневник. Лениздат, 1958.
- Михайловский Н. Г. Штормовая пора. М., «Советская Россия», 1970.
- Мушников А. Н. Балтийцы в боях за Ленинград (1941—1944). М., Воениздат, 1955.
- На боевой вахте. Водники Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны. Лениздат, 1972.
- Недаев В. А. Комсомольцы-моряки в боях за Родину. М., «Просвещение», 1973.
- Новиков А. А. В небе Ленинграда. Записки командующего авиацией. М., «Наука», 1970.
- Оборона Ленинграда, 1941—1944. Воспоминания и дневники участников. Л., «Наука», 1968.
- Они сражались на Балтике. Сборник очерков. Лениздат, 1968.
- Ораниенбаумский плацдарм. Воспоминания участников обороны Ораниенбаумского плацдарма. 1941—1944. Лениздат, 1971.
- Ордена Ленина Ленинградский военный округ. Исторический очерк. Лениздат, 1968.
- Пянтелеев Ю. А. Морской фронт. М., Воениздат, 1965.
- Пянтелеев Ю. А. Полвека на флоте. М., Воениздат, 1974.
- Перечнев Ю. Г., Виноградов Ю. А. На страже морских горизонтов. М., Воениздат, 1967.
- Петров Г. Ф. Кронштадт. Рассказ об истории города от его основания и до наших дней. Лениздат, 1971.
- Правиленко Г. Т. Повесть о «Гордом». Калининград, 1972.
- Раков В. И. Крылья над морем. Лениздат, 1974.
- Селяничев А. К. Великий подвиг Балтики. М., «Просвещение», 1968.

- Селяничев А. К. Кронштадт — крепость русской морской славы. М., Воениздат, 1954.
- Смирнов Н. К. Заметки члена Военного совета. М., Политиздат, 1973.
- Смирнов Н. К. Матросские были. Лениздат, 1971.
- Смирнов Н. К. Матросы защищают Родину. Воспоминания. М., Политиздат, 1968.
- Смольников А. В. Врач на войне. Лениздат, 1972.
- Таллин в огне. Сборник статей и воспоминаний. Таллин, «Ээсти раамат», 1971.
- Травкин И. В. В водах седой Балтики. М., Воениздат, 1959.
- Травкин И. В. Всем смертям назло. М., Воениздат, 1964.
- Трибуц В. Ф. Балтийцы вступают в бой. Калининград, 1972.
- Трибуц В. Ф. Балтийцы наступают. Калининград, 1968.
- Трибуц В. Ф. Подводники Балтики атакуют. Лениздат, 1963.
- Трусов Г. М. Подводные лодки в русском и советском флоте. Л., «Судостроение», 1963.
- Чернышев И. П. На «морском охотнике». Записки офицера. М., Воениздат, 1961.

Художественная литература

Проза

- Вишневский В. В. Впередсмотрящий. Статья, очерки, выступления. М., «Молодая гвардия», 1971.
- Вишневский В. В. Всегда на марше. Сборник. М., изд-во ДОСААФ, 1973.
- Вишневский В. В. Избранное. М., Воениздат, 1966.
- Гордиенко М. М. Минное поле. Роман. М., Воениздат, 1967.
- Зонин А. И. Жизнь продолжается. Рассказы о моряках. Л., «Советский писатель», 1947.
- Зонин А. И. Просоленные годы. Дневник и рассказы. М., Воениздат, 1967.
- Зонин А. И. Свет на борту. Роман. М., Воениздат, 1949.
- Капица П. И. В дни разлуки. Повесть. М., Воениздат, 1959.
- Капица П. И. В море погасли огни. Блокадные дневники. Л., «Советский писатель», 1972.
- Капица П. И. Мужество. Рассказы и очерки. М., Военмориздат, 1942.
- Кратт И. Закон жизни. Рассказы. М., Военмориздат, 1942.
- Крон А. А. Избранное. М., «Художественная литература», 1972.
- Крон А. А. Дом и корабль. «Роман-газета». М., Гослитиздат, 1971.
- Рудный В. А. Действующий флот. Рассказы, очерки, дневники. М., Воениздат, 1965.
- Рудный В. А. Долгое, долгое плавание. М., Политиздат, 1974.
- Чуковский Н. К. Балтийское небо. Роман. Лениздат, 1974.

Поэзия

- Азаров В. Б. Голоса моря. М., Воениздат, 1959.
- Азаров В. Б. У двух морей. Стихи. Л., «Советский писатель», 1947.
- Азаров В. Б. Свет маяка. Стихи. Лениздат, 1956.
- Азаров В. Б. Океанский проспект. Стихи. М., Воениздат, 1970.

- Берггольц О. Ф. Стихотворения и поэмы, тт. 1, 2. Л., «Советский писатель», 1973.
- Браун Н. Л. Избранное. Стихотворения и поэмы, тт. 1, 2. Л., «Советский писатель», 1972.
- Браун Н. Л. Морская слава. Стихи. 1941—1944. М.—Л., Военмориздат, 1945.
- Инге Ю. А. Вахтенный журнал. Избранные стихи. М., «Советский писатель», 1944.
- Инге Ю. А. Корабельная сторона. Стихи. М., Воениздат, 1957.
- Лебедев А. А. Балтийская слава. Стихи. М., «Молодая гвардия», 1970.
- Лебедев А. А. Огненный вымпел. Стихотворения. Калининград, 1972.
- Лебедев А. А. Путь на моря. Стихотворения. М., Воениздат, 1956.
- Флеров Н. Г. Огненная страда. Поэмы и стихи. М., Воениздат, 1973.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-----------------------	---

ФЛОТ

Ю. В. Ладинский. Восточная позиция	15
И. П. Чернышев. Хоть нет брони на катере сосновом... .	24
В. С. Камаев. Из записок моториста торпедного катера .	42
И. С. Кабо. На просторах Балтики	58
А. М. Матиясевич. «Лембит» в осенних походах сорок первого	66
Александр Зонин. Два боевых дня линкора «Октябрь- ская революция»	72
А. Ф. Александровский. Это было в сентябре сорок первого	79
Б. П. Левченко. И шли они в кильватер без огней... .	92
Л. Е. Родичев. За гангутцами	111
П. А. Окуньков. Я был комендором	126
Г. Н. Слизкой. «Петропавловск» ведет огонь	132
Г. К. Постолатий. Наш славный «Марат»	144
Н. М. Уланов. Юнги, боевые друзья мои...	153
А. В. Алексеев. Истребители Краснознаменной Балтики .	159
Н. А. Губанов. На «чайке» в бой	172
Николай Чуковский. Наши бои	191
Михаил Львов. Коронец и его ученики	204
Г. Г. Чернух. Над Финским заливом	224

КРЕПОСТЬ И ГОРОД

И. Н. Федьков. Залпы фортов Кронштадта	243
Г. М. Яичников. Враг не прошел	261
В. М. Москвин. Балтийцы выстояли	272
С. И. Боковня. Морские пехотинцы	279
В. К. Мустафаев. Красная Горка ищет работы	287
М. Е. Белов. Бронепоезд «За Родину».	294
В. Ф. Горелов. На западе Ораниенбаумского плацдарма .	302
С. А. Пермский. «Балтиец»	308
К. К. Гришинский. «Всегда в моих глазах он был ге- роем...»	311

	М. Е. Поляков. Связисты	319
Берг	Ю. П. Малаев. На четвертом «северном»	327
Бра	Евгений Войскунский. Наш «Огневой щит»	329
	Н. И. Скородумов. Артиллеристы Кронштадта.	340
Бра	А. Н. Филиппов. Даю дистанцию	352
	П. Е. Мельяников. Провожаем в бой корабли	360
Инг	Е. С. Семенченко. Западная группа	369
Инг	Д. З. Осипчук. Зенитчики-балтийцы	379
Лет	И. Ф. Снетков. Кронштадтцы выстояли	390
Лет	Владимир Рудный. Из «кронштадтской тетради»	394
Фл	А. М. Михайлова. Жертвы были не напрасны...	401
	Т. В. Иноземцева. Письма из Кронштадта	404
	Е. Н. Киселев. Кронштадтские умельцы	412
	Н. Е. Майоров. Всё для фронта, всё для победы	419
	Е. В. Басс. В Кронштадтском госпитале	424
	Я. С. Кулаков. Труженики тыла Кронштадта	431
	Т. Д. Тарасова. Месяц на Лавенсари	434
	А. Б. Межеричкий. Вместе с защитниками крепости	437
	Литература о Кронштадте и кронштадтцах в годы Великой Отечественной войны (1941—1945)	443

**Мы
ИЗ КРОНШТАДТА
Сборник**

Составители: Сергей Александрович Зонин, Михаил Евстигнеевич Белов, Максим Евдокимович Поляков

Редактор Г. П. Тихонова. Художник А. К. Тимошевский. Художественный редактор О. И. Масляков. Технический редактор Л. П. Никитина. Корректор Э. Г. Поварская.

Сдано в набор 15/IV 1975 г. Подписано к печати 25/VIII 1975 г. М-26286. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 3. Усл. печ. л. 23,52 + вкл. Уч.-изд. л. 23,32 + 1,90 = 25,22. Тираж 50 000 экз. Заказ № 134. Цена 1 р. 01 к.

Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

